~~H.24~~
~~H.24.A6~~
K78
K7878

gr. fas 2016
74.24(2Рос-Коми)
74.200.62
К 29

АЛЕКСАНДР КАТОЛИКОВ

ДОМ МОИХ ДЕТЕЙ

124898

Москва
Издательство Российского детского фонда
«ДОМ»
1997

2 НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИСТЕКА Республики Коми

УДК 376.6
ББК 74.200.6
К 29

Издание второе, дополненное.

Составитель *Л. В. Плаксина.*

Под общей редакцией члена-корреспондента Российской академии образования, директора Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда
А. А. Лиханова
и исполнительного директора института детства,
кандидата педагогических наук
Е. М. Рыбинского.

Ответственный за выпуск:
первый заместитель Председателя Российского детского фонда
И. Л. Ручина

Католиков А. А.
К 29 Дом моих детей. Сборник/Сост. Л. В. Плаксиной. Предисл. А. А. Лиханова. — М.: Издательство Российского детского фонда «ДОМ», 1997. — 336 с.

Обращение к опыту человека, который сжег свою жизнь, чтобы дать тепло другим. Жизнь была и остается непрерывной только потому, что есть такие люди, как Александр Алескандрович Католиков, необыкновенный педагог и удивительный человек. Его больше нет с нами, но прошедшее время педагога Католикова — это настоящее время его учеников.

ISBN 5—85201—331—5

© Издательство
Российского детского фонда «ДОМ», 1997
© Составление. Плаксина Л. В., 1997

Альберт Лиханов

Спасатель

В предвыборный канун, в буре страстей политических и около, остался незамеченным уход из жизни Александра Александровича Католикова, и по дороге в Сыктывкар, на его похороны, и потом, возвращаясь, и далее — опять и опять вспоминая этого необыкновенного человека, — я думаю о том, что новой печальной данностью становится не только мгновенное забытье почти всякой жизни и судьбы, но незамечание последнего ухода, быстрое, несвойственное нашему укладу, свыкание с нормой, когда выдающийся, яркий человек — вчера или сегодня — уходит без особых спотыканий, раздумий или печалей других, если даже с ним вместе обваливается огромный пласт жизни, может быть, даже — целое явление.

* * *

Александр Александрович Католиков множество лет был директором Сыктывкарской школы-интерната для детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, не так давно преобразованной им же самим в агрошколу-интернат по той простой причине, что сельское хозяйство этой школы со временем стало носить, в сущности, профессиональный характер и обрело масштабы производственного свойства. Ребята стали получать сельские профессии (хотя интернат находится в городе) и десятки других — слесаря, механика, столяра, — которые, как известно, сопровождают любое серьезное хозяйствование. Я бывал в Межадоре — деревенской гордости Католикова, восхищался линейкой весенней готовности сельской техники — десятки тракторов, всякого рода прицепных орудий, разнообразных, сияющих чистотой машин от мала до велика, и нутром чуял, как мое не шибко-то про-

фессиональное восхищение елеем разливается в сердце Сан Саныча. Ведь это было для детей, детьми развиваемое, обихаживаемое, но и детей поднимающее.

* * *

Каких детей? В том-то и суть.

Когда я писал о короткой памяти, то имел в виду выступление Сан Саныча по ТВ в горбачевские времена, когда телевидение устроило серию вечеров педагогов-новаторов в Останкино. Люди должны бы помнить, с каким волнением, потрясающим интересом смотрели мы все на почти неизвестных дотоле людей, которые живут вроде рядом, но творят дела совершенно необыкновенные, и сами по себе ужасно интересны — своими мыслями, умением говорить не по стандартам политических трясогузок.

Если хотите, обществу предстала новая элита (вовсе не та, что утверждает себя сейчас), перед нацией, может быть, в первый раз так широко предстало учительство — не новое, вовсе не молоденькое, но зрелое, сложившее свой собственный, личный опыт в убежденность, концепцию, присутствие которых вселяло надежду на мощный потенциал Отечества.

Католиков говорил о сиротстве. Не очень-то он обобщал тогда, в тон своей передаче, и не очень выходил за стены школы-интерната, лишь слегка задев печально-убогую часть всеобщего родительства, бросающего своих детей. Но от того, как он рассказывал о своих детях, об их несовершенстве, которое одолевал он и его коллеги по тяжкому делу спасения детства, приведению их в Божеское, то есть естественное, состояние, всякому советскому человеку становилось не по себе.

Чеховские слова, что доброму человеку и перед собакой стыдно, или поговорка, что доброе слово и кошке приятно, согласимся, очень часто живут как бы сами по себе, не очень присутствуя в каждочасных поступках человека, витают в пространстве, хоть и укором, да не всегда востребованным, а тут, подчеркну — в ту эпоху всеобщего подъема, надежд, обращения к лучшим своим, самым глубинным чувствам — общество как бы очищалось, скорбя, и уж по крайней мере подспудно созревало к обновлению, узнавая от этого высокого человека с палочкой, от Александра Александровича Католикова, сколько доброго, не вызванного к жизни в этих его трех сотнях покинутых родителями детей, и какой это крайний

грех, какое непростительное отступничество — сиротство при живых родителях.

В те годы возник детский фонд, и, ясное дело, Католиков был одним из его основателей, за всю долгую историю сиротства фонд, может быть, впервой купил и раздал детским домам полторы тысячи автобусов, не миновало это и католиковский интернат, но главное было в другом, более существенном: всего за три года, с 1987 по 1991-й, количество сирот в таких заведениях сократилось, закрылись четыре-пять детских домов, и пусть это было очень мало — на мгновение мелькнула надежда — и у него, и у меня: происходит какой-то медленный, но поворот, и не иначе, как в национальном самосознании: ребенка бросать — свое кровное дитя — становится стыдно.

Католиков и раньше формулировал, и на той встрече в Останкино повторял: мечтаю остаться без работы, мечтаю, чтобы матери совсем перестали бросать детей.

* * *

Увы... Этот подъем, который ничем ведь насильственно не организуешь, эта вспышка надежды оказалась лишь мгновением, о котором мало кто осведомлен и помнит — лишь профессионалы, — но которая была возможной и могла быть — уверен в этом! — продлена во времени и пространстве при условии стабильности социальной обстановки.

Сиротские приюты всегда были на Руси, с самых стародавних времен — и не только, впрочем, на Руси, — но они предназначались для сирот и подкидышей, ныне же стало вовсе не в тягость для обезумевшей души отказаться от собственного ребенка. Впрочем, это другая тема, и сейчас, наверное, нет смысла углубляться в ее тягостный анализ. Скажу лишь, что после того — короткого по времени — изменения ситуации в лучшую сторону все обрушилось — и именно с того 1991 г.

К тому времени, к моменту икс, сиротская система в России — опять же не на долгое время — хотя бы в материальном смысле сильно окрепла. Два постановления Правительства, последовавшие одно за другим в 1985 и 1987 годах, основательно поддержали дома ребенка, детские дома, интернаты всякого рода. Выросли нормы на питание, на одежду, детским заведениям сиротского и инвалидного свойства ни в чем не отказывали. Появился транспорт, пополнились библиотеки. Выпускники получили льготы, если поступали в вузы (осо-

бые стипендии), появились наконец семейные детские дома, которые оказались просто семьями, спасающими детей. Многочисленные шефы боролись за право выложить именно свои денежки, чтобы починить крышу детскому дому, поставить новый забор, установить качели... Доходило до смешного: у каждого детдома по двадцать шефов. Строили новые корпуса, спортзалы, спальни перестраивались так, чтобы в них жило не по классу, а по три-четыре ребенка. И вдруг все это рухнуло. Рушится и сейчас.

Приведу, на мой взгляд, страшные цифры: брошенных детей в 1994 году оказалось невиданно много — 115 тысяч. Если в католиковском интернате 250—280 ребятишек можно разместить, и это поистине огромное хозяйство, то посчитайте, сколько же надо таких интернатов для этих многих-многих тысяч.

Но и это не все. В 1995 году таких ребят — в сравнении с годом предыдущим — стало в полтора раза больше. Имя этой статистике — катастрофа.

* * *

И здесь я хочу рассказать об одном непростом решении Александра Александровича Католикова, принятом им за несколько месяцев до смерти.

Некоторое время назад Министерство образования — честь ему и хвала за это — провело в Колонном зале всероссийское совещание директоров детдомов и школ-интернатов, и к этому событию добилось награждения лучших из этих самоотверженных людей орденами. Как признанный лидер сиротского дела Александр Католиков был — единственный из всех — награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (никак не могу понять в таком случае, что же есть заслуга степени первой).

На совещании он не был по болезни, поэтому орден не получил, чуть позже его пригласили в Кремль, но он поехать отказался, и тут я совершенно случайно узнаю, что не поехал он не просто так и не по причине нездоровья.

Орден он получить отказался официально. Причины — бюджет задолжал его интернату три миллиарда (!) рублей, эту цифру он назвал мне сам в телефонном разговоре незадолго до ухода. Но и это, я полагаю, не все.

Александр Александрович Католиков не был политиком, и этот его поступок — я глубоко убежден — не носит политического характера. Его политика и, больше того, его рели-

гия — покинутые дети, которым он служил беззаветно и рыцарски. Так или иначе, в отношениях с детьми он представлял государство и даже больше — ведь по закону до совершеннолетия всех своих двух с половиной сотен детей он выступал их опекуном и попечителем в личном качестве. Таковы обязательства директора детдома и школы-интерната. Он защищает их интересы во всем и вся, за каждого отвечает.

Он отвечал блестяще. На его столе под стеклом — десятки фотографий: его дети-студенты, свадебные снимки вчерашних брошенных, которые никогда не бросят своих детей, потому что этому их не просто обучал, но к этому возвел Католиков.

Итак, он представлял государство в судьбах детей. Он и внешне не был заурядной личностью, а большим, сильным, духовно обозначенным человеком. И государство, как я понимаю, не было для него пустым звуком. Он понимал, сознавал, физически ощущал это поручение власти и общества — от их имени защищать и спасать детей.

И вот эта власть покинула его — представителя и спасателя покинутых.

Мне могут сказать, я фантазирую, он просто был сильно больным человеком, надорвал сердце на своей изнурительной, требующей большой сердечной амортизации работе. Это правда, это так, ведь только давно знающие его помнили, что перед интернатом он работал директором Дворца пионеров, и однажды автобус с его детьми застрял на переезде. На автобус надвигался поезд, и Католиков — большой и сильный — повыкидывал всех ребятишек до одного, да сам не уберегся. Его смяло, сломало, и годы ушли, прежде чем он воспрял, выжил и уже после этого пошел директором интерната.

* * *

Наверное, за неделю до смерти он позвонил мне. Надо хорошо знать Александра Александровича — он никогда не звонил просто так, без дела. А тут позвонил. Мы сказали друг другу какие-то необязательные слова, пошутили, пожелали удач. Поди знай, что мы, оказывается, прощались.

* * *

О похоронах. Надо об этом обязательно написать, хоть немного. Такого множества людей Сыктывкар, может, вообще никогда не видел. Прощались с учителем в его интерна-

те, а хоронили на сельском кладбище, езды до которого не меньше часа. Но и туда, на кладбище, добрались сотни.

Он был частью города, и не только тогда, когда речь шла о детях. Нередко такие люди как-бы становятся знаком. Он был знаком совести и, говорят, власти здешние — во все времена — как бы чуточку стыдились его суждений. Побаивались.

Поэтому не надо политизировать его предсмертное решение отказаться от ордена — ни в ту, ни в другую сторону. Это было решение совести. Стыдно принимать награду, когда сиротство снова оказалось на обочине государственных интересов, а мораль, не позволяющая предать дитя, отступает перед поступью бедности, пьянства, опустошения души.

Не стало Католикова. Еще одна совестная звезда закатилась в России. Ушел символ защиты детства. Знак народной чести.

Увы, мир оказался не встревожен. Надо что-то сделать, чтобы не забыть Католикова.

Школа-интернат, где он был директором, названа его именем.

Но этого мало, мало...

«Независимая газета», 17 июля 1996 г.

АЛЕКСАНДР
КАТОЛИКОВ

ДОМ МОИХ ДЕТЕЙ

ПЕРЕД КНИГОЙ...

Дети-сироты. Моя боль и моя радость. Мне уже невозможно жить без них. Я прихожу в интернат, и здесь успокаивается мое сердце, тут я нужен каждому — и малышу-несмышленышу, и юноше-выпускнику. Они всегда ждут меня. И я рад этому ожиданию. Я должен им помочь. Им нелегко живется на свете. Они потеряли невосполнимое — отца и мать. Они не могут вырваться из чувства неполноценности. Они тоскуют по жизни за пределами интерната. Мне больно от их боли, но я знаю, что их не надо жалеть. Мое лицо, настроение, дела должны быть воплощением их надежд. Мы не имеем права их разочаровывать. Дети хотят верить нам, потому что человеку нельзя без веры. Нам, их воспитателям, нужно так организовать жизнь интерната, чтобы защитить слабого, успокоить нервного, вылечить больного и каждому дать веру в человеческую справедливость и милосердие. Где взять силы на это? Только в детях, которые тянутся к нам, открытые и доверчивые. В их глазах столько чистоты и надежды, что нельзя не распахнуться им навстречу. И огорчения, и радости, новые силы и новая борьба за них, за их благополучие. За него приходится драться с самим собой, и с тем, что мешает ему состояться. Поэтому так дорого оно, детское счастье.

Маленькая девочка перестала плакать над своим сиротством. У мальчишки загорелся веселый огонек в глазах. Метавшийся подросток нашел свое место в жизни. Вот оно — наше счастье.

Мне ничего не удалось бы без воспитательниц, ставших мамами для чужих детей. Без учителей, совершающих почти невозможное, чтобы научить интеллектуально ослабленных ребятишек. Без поваров, которым так радостно вкусно накормить своих названых сынков и дочек. Без тех-

---

* Первое издание книги («Записки директора») вышло в 1990 году. Все цены и реалии соответствуют тому времени.

ничек, которые хоть и любят поворчать, но делают все, чтобы в интернате было чисто и опрятно.

Есть люди, давно ушедшие от нас, но их, живых и горячих, и сегодня ощущаешь рядом; как свои принимаешь их заботы и тревоги, размышляешь и мучаешься вместе с ними. Таким остается для нас Антон Семенович Макаренко.

Я начал познавать его педагогические принципы на практике в послевоенные годы, в школе № 10 Новосибирска, директором которой был тогда В. Н. Михайлин. В то тяжелое для всей страны время он сумел создать в школе завод, и мы, школьники, выпускали не что-нибудь, а сверлильные станки. На заводе практиковался тот самый хозрасчет, к которому до сих пор не может прийти наша экономика.

В студенческие годы мне посчастливилось познакомиться с друзьями и соратниками А. С. Макаренко. Учась в Московском государственном пединституте им. В. И. Ленина, мы посещали Егорьевский детский дом, которым заведовал С. А. Калабалин (в «Педагогической поэме» он выведен под фамилией Карабанов). Позже он приезжал к нам в Сыктывкар. Теперь дружу с его сыном — А. С. Калабалиным.

С В. Н. Терским, заведующим клубом в колонии им. М. Горького, я познакомился тоже студентом. Встречался и с Э. Н. Фере, работавшим агрономом в колонии и трудовой коммуне А. С. Макаренко. Бывал я и на многих встречах воспитанников Учителя.

Антон Семенович писал свои произведения под гомон ребячьих голосов. Он любил детей неиссякаемой любовью, от которой медленно сгорал, ибо никогда не щадил своего сердца. Это был неугасимый огонь действенной любви, выражавшейся в неукоснительной требовательности к детям, которые воспринимали ее как огромное доверие и уважение к себе.

Поистине велик был Макаренко, если доныне не утихают споры вокруг него. Его ниспровергатели уверяют: «Время Макаренко прошло! Он воспитывал беспризорников, а у нас таких нет»; «Он бил своих воспитанников, он эксплуатировал их труд!»; «Нам не нужны его методы, у нас есть свои!»

Да, он из беспризорников и воров делал честных людей, тружеников. А не делаем ли мы порой из наших детей, живущих в довольстве и сытости, наркоманов и хулиганов?

Он действительно ударил воспитанника Задорова, не желавшего трудиться. Но это было отчаяние человека, захлебнувшегося гневом и всю жизнь каявшегося в своем педагогическом грехопадении. А разве мы порой не убиваем душу ребенка без малейших угрызений совести?

Много рассуждая о пользе труда, мы до сих пор не создали в наших школах действенную систему производительного и общественно полезного труда, равную той, которая была в воспитательных учреждениях А. С. Макаренко и служила средством развития личности ребенка, успешно прививая ему «эту привычку к труду благородную» (Н. А. Некрасов).

Мы виноваты перед Антоном Семеновичем, потому что слабо изучаем и еще хуже внедряем его творческие открытия в практику наших школ. Сейчас, когда идет борьба за демократизацию школьных отношений, мы не вправе забывать педагогическое наследие великого гуманиста.

Нельзя изымать из педагогики А. С. Макаренко отдельные приемы и уповать на их спасительное действие. Только целостная воспитательная система выдающегося педагога, практика и мыслителя, соединенная с нашей действительностью, может стать преобразующей силой перестройки всего дела воспитания подрастающих поколений.

А. С. Макаренко писал, что труд сам по себе нейтрален. Ребенок может сколько угодно копать погреб и от этого не станет лучше и воспитаннее. Наши школы упорно продолжают копать этот злополучный погреб, закапывая в нем бесценные идеи Антона Семеновича о трудовом воспитании детей. Он утверждал, что преобразует человека не сам труд, а его организация и отношение к нему. Живущий по законам товарищества воспитывающий коллектив, творческий, развивающий характер труда, ощущение каждым ребенком пользы и значимости его работы, сочетание труда «для себя» с бескорыстным трудом для общества — вот что создает нравственную личность, пробуждает самосознание и достоинство человека и гражданина.

НАШ ОБЩИЙ ДОМ

Сыктывкарская школа-интернат № 1 открыта в 1956 г., после постановления правительства о создании особых детских учреждений — школ-интернатов, совмещающих функции семейного, общественного и государственного воспитания. Наш интернат был одним из первых в Коми АССР учреждения подобного рода для детей инвалидов войны, детей из малообеспеченных и многодетных семей, детей матерей-одиночек. Короче, для тех, которые не могли получить полноценное воспитание в семье. Интернату передали здание школы-новостройки на 320 мест, а расположенную рядом старую деревянную переоборудовали под спальный корпус. Конечно, условия для жизни и учебы ребят были не лучшими, но благодаря энергии первого директора интерната Р. И. Молодцовой было создано самое главное — дееспособный педагогический коллектив, и дела в новом детском учреждении пошли на лад. Вскоре, однако, Раиса Пантелеймоновна была назначена директором другого интерната, чтобы помочь ему встать на ноги. Вместе с ней туда перешли многие наши ребята, окончившие восемь классов, так как там была школа-десятилетка.

Преемником Р. П. Молодцовой стал Ф. Ф. Тукоев, бывший до того завучем нашей восьмилетней школы.

В 60-е годы интернат возглавлял В. В. Шехонин. При нем был построен новый спальный корпус, который теперь соединен со школой крытым переходом-галереей. Идея создания интернатского загородного лагеря Межа́дор тоже принадлежит Василию Вениаминовичу. По распоряжению Совета Министров Коми АССР для лагеря был выделен участок тайги недалеко от села Межадор, на реке Малая Визинга, в том месте, где раньше была небольшая ГЭС. Детей там отдыхало мало, человек 50—70 у кого было совсем плохо в семье. Жили в одном доме, готовили на улице, на самодельных печах под навесом. Все хозяйство состояло из

одной лошади, на которой ежедневно возили из села Межадор хлеб и молоко. Жили небогато, но очень дружно.

О тех почти двух десятилетиях жизни интерната напоминают фотографии. Вот первые интернатские здания за дощатым забором на пустыре; вот дети сажают картошку; вот воспитанники, побывавшие на отдыхе в «Артеке»; вот группа ребят на Красной площади в Москве... Просто, даже бедновато одетые, улыбаются смущенно. С каким волнением и вниманием смотрим мы сегодня на первооснователей нашей семьи, своими делами начинавших ее историю!

Директором школы-интерната я стал в 1973 г., сменив на этом посту Р. В. Карелину. Римма Васильевна была умным, хорошим воспитателем, но вот поднять интернатское хозяйство на новый качественный уровень ей оказалось не по силам. Когда я принял интернат, в нем не было ни одной целой двери, не говоря уже о канализации и водопроводе. Половина детей болела менингитом, другая половина — дизентерией. Помню, впервые вошел вечером в интернат, так даже отпрянул: мутные сумерки в вестибюле (лампочки перебиты), в темном коридоре двигаются какие-то тени, а при входе, как памятник, бак с водой, а к нему кружка цепью привязана. Вот такая ситуация была. Растеряться, руки опустить ничего не стоило. Через четыре месяца в горисполкоме ультиматум: не справляешься — подавай заявление. Сперва расстроился, но отошел, понял: надо вместе с детьми обустраивать наш дом, а у местных руководителей менять отношение к сиротам. Помогло то, что был я членом бюро горкома комсомола, потом стал депутатом Сыктывкарского городского совета. И надо сказать, что мои директорские заботы везде нашли отклик и понимание.

«Педагогические университеты» начались с ремонта главного здания интерната. Трудное было время. Я еще расскажу о нем подробнее: как совмещали учебу с ремонтом, как сдружились с ребятами, как макаренковская бригадная форма труда у нас сложилась... Но, повторю, без помощи традиционных руководителей города и республики никакого обновления интерната не произошло бы.

Когда мы затеяли ремонт, то прежде всего решили ликвидировать деление этажей для мальчиков и для девочек. При такой искусственной изоляции они или враждуют между собой, или проявляют нездоровое любопытство к противоположному полу. Ведь в семьях сестры и братья живут

вместе и потому их взаимоотношения естественны и понятны.

Думаю, типовой спальный корпус в каждом интернате надо перестроить так, чтобы мальчишки и девчонки жили как в квартирах. А в принципе уже в самом проекте интернатов надо предусматривать такие семейные общежития.

Теперь у нас и девочки и мальчики постоянно общаются. Малыши играют в уютных групповых, подростки собираются в гостиных на чаепития, смотрят телевизор, проводят вечерний досуг. Между девочками и мальчиками, юношами и девушками возникают чистые нравственные отношения братьев и сестер, отношения заботы, взаимопомощи, внимания и понимания, чуткости и поддержки. А взрослых и детей сблизили совместный труд, общие дела и трудности. Помню, как строили гараж. Особенно трудно было с крышей. Надо делать перекрытия, а плит нет. Наконец гараж был готов, и машины теперь не ржавеют на улице. Потом также сообща отремонтировали учебный корпус, построили вещевой склад (все вещи и одежда аккуратно разложены по своим полкам), животноводческую ферму, теплицу над переходом и основные силы бросили на развитие нашей летней базы.

К этому времени мы приобрели опыт не только строителей, но и организаторов. Работа велась на принципах бригадного подряда: общая ответственность, взаимоотчетность, план-задания, план-наряды. Собрали мастеровитых мужиков из окрестных сел, которые помогали нам ставить в загородном лагере добротные дома из сосновых бревен. Все строительство велось хозяйственным способом, что позволило значительно сократить расходы. Сэкономленные средства потратили на такую роскошь, как свой «зоопарк». Стали выращивать картофель, потребовалось овощехранилище. Построили. Затем переоборудовали и расширили столовую, ко всем домам пристроили просторные веранды, провели отопление. За 16 лет наша маленькая дача превратилась в целый детский городок. Зимой в теплых корпусах размещаются 249 ребят, а летом — 400. Тут и просторный клуб, баня с сауной, столовая (теперь едим в одну смену), гаражи, велокласс, мотокласс. Уже в третий раз перестроили «зоопарк», так как животных становится все больше. Мы завели лошадей, телят, хотим купить поросят.

Надо сказать, что и городские, и республиканские руководящие организации во всем идут нам навстречу. Гос-

план республики помог в выделении кирпича, строительного материала. Сысольский райсовет, на территории которого находится наш лагерь, постоянно нас поддерживает. Есть там мехлесхоз, который выпускает срубы 6х9 м. Из этих срубов мы, как из кубиков, собрали немало лагерных зданий.

Приехал к нам однажды наш большой друг, управляющий трестом сельского строительства Станислав Назарович Кобыляцкий. Внимательно оглядел новостройки, а потом спросил: «Кто это вам все строит? В сметах я вашего лагеря не видел, никто за вас не отчитывался...» А мы отвечаем: «На нас работает Комисамтрест». Посмотрел он на нас подозрительно: «А что это за организация такая — Комисамтрест?» Ребята рассмеялись и объяснили: «Это значит, сами строим». И он засмеялся вместе с нами.

Конечно, повезло нам с шефами. По-отечески заботились об интернате работники объединения сельхозтехники (председателем тогда был Иван Александрович Триандофилов) и производственно-технического управления связи (директор Владимир Александрович Клаузер). Без шефов не было бы у нас ни транспорта, ни кранов, ни погрузчиков, ни телефонной станции, ни радиоузла. Мы не смогли бы содержать лагерь, оборудовать школу, учебные кабинеты так, чтобы вести учебно-воспитательный процесс на уровне современных требований.

Однако дом наш крепок прежде всего теми, кто, не жалея сил и времени, воспитывает, учит детей, любит их как родных. Но коллектив — это не только педагоги-профессионалы, но и повара, ночные нянечки, уборщицы, шоферы, все взрослые, кто в ежедневном общении с детьми своей участливостью, честностью, вниманием, сердечностью взращивает в них добро и человечность, т. е. воспитывает.

Свыше 20 лет служила у нас кладовщиком Антонина Васильевна Забоева. Сведущие люди представляют, какая это хлопотная, ответственная должность. Надо одеть, накормить не одного ребенка, а сотни детей и никого не обделить при этом. Антонина Васильевна добивалась, чтобы наши воспитанники ни в чем не испытывали нужды. А это, поверьте, в те времена было совсем не просто. Сейчас она на пенсии, но интернат не оставила. Привязавшись к детям, перешла в «службу доверия» — стала работать ночной нянней. А как благодарны мы нашей главной кормилице — бессменному повару интерната Евдокии Михайловне Бо-

сас! Более 25 лет стоит она у плиты, знает все вкусы ребят, наверное, поэтому и не страдают они у нас отсутствием аппетита. Много лет работает в интернате дежурной Полина Ивановна Иванова. Это моя правая рука, надежный помощник, на которого во всем можно положиться. Когда я болею или уезжаю в отпуск, то говорю: «Полина Ивановна, оставляю интернат на вас», и можно быть уверенным: никаких ЧП не случится, все поручения будут выполнены. Хорошие специалисты и надежные люди интернатские шоферы. Саша Макаров и Коля Гуляев — свои, «кровные», недавние выпускники; отношения у них с ребятами, можно сказать, родственные. Мальчишки наши «из первых рук» перенимают любовь к машинам, технике. Пришелся ко двору и новый водитель Анатолий Николаевич Петерсон. В любую поездку с детьми его можно отправлять безбоязненно. Он и рассадит ребятишек с удобствами, и накормит, и остановится, когда надо.

С 1978 г. в интернате воспитываются дети, оставшиеся без попечения родителей, хотя большинство — это сироты при живых матерях и отцах, которые лишены родительских прав или отбывают наказания за уголовные преступления. Немало ребятишек «отказных», брошенных. Находится много хороших людей, которые хотели бы удочерить или усыновить ребенка. Однако сделать это не всегда удается из-за несовершенства наших законов. Мы не можем отдать мальчика или девочку из интерната, если у них живы родители или есть родственники.

Недавно мы все же отдали девочку на воспитание в прекрасную семью. Радостно было видеть, как оттаивает ребенок, обретший мать и отца. И вдруг... объявилась «родительница». Она отказалась от дочери, когда та была еще в дошкольном детском доме, много лет не давала о себе знать. А тут — пожалуйста: «Верните дочь!» Подала на нас в суд. Не знаем, что он решит, но хотелось бы, чтобы не в пользу «матери»-алкоголички, которая пятерых детей разбросала по разным интернатам, детским домам, вспомогательным школам республики.

Дети у нас живут с трех до восемнадцати лет. Самые маленькие поступили в 1988 году, для них было подготовлено жилье — большая пристройка к школе-интернату. Строители треста «Сыктывкарстрой», зная о том, что здесь будут жить малыши, постарались на совесть: подобрали красивые обои, настелили утепленный паркет, оборудовали уютные

12484 98

2 НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Республики Коми

игровые и спальни, в санитарных узлах повесили зеркала, смонтировали специальные светильники. За качеством работ с особым пристрастием следила мастер СУ-4 Антонина Стрекалова.

Постоянная наша забота — расходы на питание. Долго мы жили на 98 копеек в день на каждого ребенка. С невероятным трудом Совмину Коми АССР удалось «выбить» еще по 9 копеек дополнительно на молоко в связи с ослабленным здоровьем детей. Потом нам добавили еще по 20 копеек. Ну, думаем, вот теперь жить можно. Между тем цены росли, норму расходов на питание нам увеличили до 1 рубля 47 копеек, но все равно и этих денег не хватало. Поэтому и стали мы развивать свое подсобное хозяйство в Межадоре. Первый участок под картофель копали лопатами, потом сажали под плуг, который тянула лошадь, наконец приобрели маленький трактор и картофелесажалки. Ребята, отправляясь на поле, шутили: «Идем на подвиг ради своего живота!» И действительно, благодаря Межадору мы получили существенную прибавку на питание — 40 копеек на каждого ребенка. Теперь могли позволить себе покупать пирожные, соки, фрукты.

Хозяйство наше росло, управляться с ним становилось все труднее, но зато и гордиться было чем. Приедут гости, а они часто приезжают, дети говорят: «Ешьте на здоровье, грибы наши: сами собирали. Капуста тоже наша. Все, кроме сметаны, наше, угощайтесь!» И верно, картошка своя, сушеные грибы свои, квашеная и свежая капуста своя, свекла, морковь, репа, укроп — все свое. А теперь еще и помидоры, и огурцы, и даже иногда небольшие арбузы в теплицах вызревают.

Словом, жили мы не в праздности, а в постоянном напряжении, это было то самое необходимое напряжение, без которого нет воспитания — ни личного, ни общественного. В 1987 г. нам выделили на питание по 2 рубля 46 копеек на день. Жить стало легче, а воспитывать труднее. Едим шпроты, семгу, консервы из лосося, и нет-нет да услышишь: «Фу, опять эти шпроты!»

Расскажу такой случай. Мы приехали со старшими детьми встречать Новый, 1989 год в Межадор. К двенадцати ночи накрыли праздничные столы. Бутерброды наготовили с окороком, с ветчиной, с черной икрой. Ребята за стол сели, черную икру ложками соскребли, а хлеб съели. На следующее утро до завтрака собрал всех, объяснил, чем

полезна черная икра, дети проголосовали за то, что ее нужно есть, и опять ни один к ней не притронулся. В чем тут дело? Наверное, и в том, что детям нужно не столько дорогое, сколько сбалансированное, научно обоснованное питание. Поскольку каких-либо рекомендаций, разработанных специально для воспитанников детских домов, мы не имеем, вот и приобретаем продукты «поэкзотичнее». Но вообще-то это хорошо, что мы теперь получили возможность не экономить на питании и кормить наших ребят по повышенной норме. Ведь они у нас ослабленные, худенькие, а некоторые прямо-таки дохленькие, и полноценная еда им необходима. Особенно хороший аппетит у них в Межадоре, кормим мы их там шесть раз в день. А когда вечером привозят молоко и теплый хлеб, все как один наперегонки бегут в столовую. Тут действует, по-видимому, и эффект подражания. Но вот культуре питания детей еще нужно учить. Прежде всего брать столько, сколько можешь съесть. И тогда не будет на тарелках остатков пищи, надкусанных ломтей хлеба. Конечно, с компотом и киселем проблем не бывает — съедается подчистую, а первое остается. Мы стараемся разнообразить меню, непременно включаем в рацион овощи, фрукты, ягоды, зелень. Зимой у нас постоянно есть мандарины, апельсины, яблоки, брусника, клюква. А летом, как только в городе появляются первые с юга земляника, черешня, вишня, слива, они немедленно доставляются в Межадор. Продуктовые базы о нас заботятся в первую очередь.

Такое внимание к интернату, как я уже отмечал, не исключение, а правило. Подтверждение этому и наша столовая. Когда мы ее реконструировали последний раз 5 лет назад, к нам заехал тогдашний заместитель председателя Совета Министров Коми АССР Александр Иванович Зерюнов, посмотрел, как движется дело, и очень возмутился убогой отделкой обеденных залов. Собрал строителей, снабженцев и не пожалел времени на серьезный разговор о том, для кого они делают ремонт. Его поняли. Нашлись все необходимые материалы, и теперь столовая — одно из самых красивых мест в школе. Замечательные четыре картины подарил нам художник Николай Александрович Лемзаков. Они придали особую праздничность интерьеру нашей столовой-гостиной. Тут мы проводим выпускные торжества, отмечаем дни рождения. А Александр Иванович стал нашим большим другом и попечителем. Ныне он директор

Коми республиканского центра «Интерагро» и на новой должности продолжает заботиться о детях-сиротах.

После принятия по инициативе общественности в 1985 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о детских домах мы фактически решили все наши финансовые проблемы. На каждого ребенка в условиях Севера с круглогодичным пионерским лагерем нам отпускается около 450 рублей в месяц. Сейчас материальная обеспеченность интерната позволяет приблизить жизнь детей к условиям семьи. И все же мы по-прежнему продолжаем активно заниматься сельскохозяйственным трудом в нашем лагере. Но деньги, получаемые от своего хозяйства, теперь тратим на путешествия. Ребята побывали в Москве, Киеве, Ленинграде, Севастополе... Трудно сказать, где они не были. Наверное, только Дальний Восток и Средняя Азия остались неосвоенными. В последние годы мы увлеклись автопоходами. Есть у нас комфортабельный «Икарус». На нем мы уже съездили в Киров и Горький, посмотрели Крым, а потом поклонились родине А.С.Макаренко.

Часто спрашивают, как мы одеваем воспитанников. Одеваем. Помню, раньше только и думали, как бы купить что-нибудь подешевле, а подешевле значит похуже. Покупали старую одежду в комиссионных магазинах, на базах нам сбывали то, что не имело спроса. Ходили дети в грубых негнущихся башмаках. Теперь же на наших ребят любо посмотреть. Купили всем кроссовки, костюмы из модной джинсовой ткани. Стараемся, чтобы у каждого был индивидуальный гардероб, поэтому более 2—3 одинаковых вещей не приобретаем. Заказываем одежду в ателье: шьем, вяжем, обновляем. Есть у нас теперь чековая книжка, и мы имеем возможность делать покупки прямо в магазине. Купим обновки, глядишь, через полчаса в них уже щеголяют ребятишки. А одежда требуется на все случаи жизни: и школьная форма, и парадная, и рабочая, и домашняя, и спортивная, да еще на каждый сезон! А если учесть, что на ребятах все горит, да и растут они не по дням, а по часам, новых вещей не напасешься, нужно беречь старые, содержать их в таком виде, чтобы можно было передать младшим братишкам и сестренкам.

Но привить такое отношение к своему гардеробу нелегко: привыкли наши воспитанники жить на всем готовом. Знают: разорвали, испачкали, потеряли — получат новое, не выдержит директорское сердце. И действительно, не мо-

жет же парень зимой ходить без шапки. Дашь новую, а потом малыши где-нибудь за сараем найдут его старую, которую он загнал туда, играя ею в футбол.

Чтобы наши дети не выросли потребителями и транжирами, нужно, очень нужно им знать цену вещам и в прямом и в переносном смысле.

Приходит девочка в день рождения: «Хочу кофточку». — «Иди на склад, посмотри, сколько стоит». Приходит снова: «Тридцать пять рублей!» — «Не дороговато ли?..»

Заходит шестиклассник: «Хочу костюм». — «Узнай, сколько стоит». — «Узнал: семьдесят рублей». — «Не пойдет, дорого для шестиклассника».

Мы никогда не снимаем этикеток с одежды, чтобы дети знали, что сколько стоит. Сейчас они получают деньги за работу в Агрокомплексе и стали лучше понимать цену вещей. Строжайшая экономия во всем остается нашим главным законом. Как правило, ребята носят одежду дольше положенного срока. К малышам переходят вещи, из которых выросли старшие. Вот благодаря этой бережливости мы прекрасно одеваем наших выпускников. Мне не бывает стыдно перед ними, когда они идут по городу.

Отдельная тема — здоровье детей и борьба за него.

Как-то приехала к нам корреспондент «Учительской газеты» и очень удивилась: «Чего это вы у себя целую поликлинику открыли?» А у нас действительно в штате 3 врача и 12 медсестер (раньше 1 врач был и 1,5 ставки медсестры). Вот и стал я ей разъяснять, сколько у нас больных детей: 95% — с хроническими заболеваниями, из них 80% — с поражением центральной нервной системы. Результат патологических родов, алкоголизма, наркомании родителей, тяжелой наследственности — вспыльчивость, раздражительность, немотивированная жестокость, непредсказуемость поведения. Все это надо лечить. Потому и завели мы у себя физиотерапевтический кабинет (только для него оборудования приобретено на 20 тысяч рублей), ингалятор рий, зубной кабинет и даже 10 лечебных ванн: радоновых, хвойных, гидромассажа. 10 ребятишек сразу могут принять ванны. 10 минут полежат и уходят успокоенные, за ними — черед следующих групп: времени хватит на всех. Прекрасное средство оздоровления психики! Новый изолятор оборудован как мини-больница. Есть комната для игр, небольшая столовая, процедурная, пост дежурной медсестры, в каждой палате ванна, туалет, умывальник... Поэтому прак-

тически, кроме как на рентген, мы в городскую поликлинику не ходим. Физиомедсестра Галина Ивановна Фоминых — специалист высококвалифицированный, просто клад для нас. Общеукрепляющие физиопроцедуры помогли ребятам избавиться от ночного энуреза. Правда, летом, как только начинают на рыбалку ходить, ноги где-то застудят — опять пошло. Поэтому мы и строим теплые корпуса на даче. Ведь, иногда и в июне снег выпадает. Север диктует свои условия.

Для лагеря мы тоже обзавелись необходимыми медицинскими приборами, достали даже диффузорный распылитель. Может, кто-нибудь видел медовые ингаляции? Небольшая комната метров девять, в центре медовый распылитель, вокруг него садятся до 20 детей и дышат целительным туманом. Дважды в год все воспитанники проходят диспансеризацию, всесторонний врачебный осмотр. Это тоже заслуга Галины Ивановны. К сожалению, всех ребят с поражением центральной нервной системы мы не можем обеспечить санаторным лечением и отдыхом. Как член правления Советского детского фонда, я выступил с предложением построить специальный санаторный лагерь для детей-сирот с поражением центральной нервной системы. Их можно направлять туда целыми классами вместе с учителями хотя бы на месяц. Можно использовать и существующие южные лагеря, которые не функционируют в зимнее время. Ведь нельзя учить больного ребенка, когда он сидит в классе, но мало что воспринимает, а то и под парту падает. Главное — вылечить его, тогда он и об учебе будет думать. Считаю заботу о здоровье ребятишек наиважнейшей.

«Нужны ли в школе карцеры?» — вот о чем мне приходится спорить с некоторыми теоретиками и практиками на различных совещаниях в Москве. Знающие о школах-интернатах лишь понаслышке, они тем не менее твердят, что от наших ребят одно социальное зло: у вас, дескать, сплошные наркоманы, а старшеклассницы одни проститутки, и без карцера в детдоме не обойтись. Пришел пьяный — в карцер, накурился наркотиков — в карцер, распутничает — в карцер! Жуть берет от таких рассуждений в конце XX века. Если мы хотим жить в цивилизованном, свободном, гуманном обществе, карцеры нам не нужны, а вот специальную комнату отдыха при изоляторе иметь нужно. Каждому понятно, что в доме, где живут 300 детей, дефицит тишины. Играют — спорят, гуляют — кричат, с воспитатель-

ницей беседуют — просто галдят. Некоторым детям такой шум невыносим, у них нервы не выдерживают. Поэтому мы в своем интернате сделали много тихих уголков, где можно уединиться в тишине. Яркий свет приглушен, кто хочет, включает бра, настольную лампу для себя и вяжет, или читает книжку, или играет в шашки, шахматы. И если у ребенка случается нервный срыв, а это часто бывает, то он успокаивается в комнате отдыха. У нас там ковер на полу, телевизор можно включить, книги, журналы почитать, любые соки можно попить. А кровать там просто шикарная. Да еще медицинская сестра поблизости. Два-три дня побудет парень в одиночестве, полакомится всласть яблоками, медом, вареньем и выходит совсем другим человеком — доброжелательным, покладистым. Мы на педсовете решили даже составить график отправки детей в комнату отдыха, как в профилакторий. Особенно полезно такой курс психотерапии пройти осенью и весной, когда у многих ребят наблюдается или слишком возбудимое состояние, или, напротив, депрессия, апатия.

В последнее время я замечаю, что у некоторых ребят, особенно у старшеклассников, появляется потребность побыть некоторое время в одиночестве, в тишине, подумать спокойно, принять какое-то решение.

Приходит ко мне восьмиклассник:

— Я опять не сдержался. Нагрубил воспитательнице.

— Ты признался ей, что был не прав?

— Сказал. А она говорит: «Как дальше жить будешь?» Теперь я не знаю, что ей говорить. Пойду в изолятор — подумаю...

Большое значение мы придаем летнему оздоровлению, закаливанию. Помню, в начале моего директорства главный врач детской поликлиники, побывав у нас в лагере, прямо оттуда позвонила главному врачу СЭС: «Это — безобразие! У него тут все дети босые, на улице всего 17 градусов, а они без обуви бегают! Кто будет отвечать, если что случится?..» Но мы считаем, на то и лето, чтобы побегать босиком — и для радости, и для пользы. Иногда прохладно, а ребята привыкли — носятся босиком. Зато зимой они у нас меньше простужаются, реже болеют ангиной, гриппом, ОРЗ. Почти каждый год в городе закрываются школы из-за эпидемии гриппа, а мы ни разу не прекращали занятий.

Как только позволяет погода, мы разрешаем массовое купание. Прошлым летом в июне всего 14 градусов было в

реке, но некоторые храбрецы просили: «Разрешите искупаться». Я разрешил: ребята крепкие, всю зиму голышом из бани в сугробы ныряли. И не заболели, даже чиханья не слышал. А вот когда жаркие дни наступают, бывает, больше 30 градусов, то отменяем все работы, кроме поливочных, и весь день купаемся. Выкупались — убежали. В волейбол поиграли — опять искупались. Вот почему мы и не настаиваем, чтобы нашим детям давали санаторные путевки на летний сезон. Северяне, они долго акклиматизируются на юге. Летом, даже если погода холодная, ребята лучше себя чувствуют в нашем лагере. Столовая здесь теплая, бани теплые, клуб тоже, в теплицах даже жарко. Вполне комфортная обстановка. Зато воздух у нас— не надышишься: можжевельника много, сосны кругом. И река, и лес, и поле — все родное, знакомое. Любят дети свой Межадор, радуются, когда туда едут. А мы, взрослые, радуемся их радости.

ДЕНЬ КАК ДЕНЬ

Немало директоров интернатов побывало у нас в Сыктывкаре. И всякий раз я с интересом наблюдал смену их настроения. Сначала: «Ах, ах, как прекрасно! Это сказка!» А потом посмотрят на мой рабочий день, и звучат совсем другие интонации: «Нет, это невозможно...»

И все-таки я постараюсь показать рабочий день директора таким, каков он есть. Чтобы была сказка, да и просто нормальная жизнь, надо много сделать совсем обычного и несказочного. Конечно, один день не похож на другой, каждый день новые дела, заботы, проблемы, происшествия, неожиданные разговоры с детьми и взрослыми, новые идеи, задачи, мучительные вопросы, над которыми приходится ломать голову.

Люблю приезжать в интернат рано утром, особенно весной. Светло, но дети еще не проснулись, и везде умиротворенная и теплая тишина. Обхожу спальни, смотрю на чистые, розовые лица посапывающих ребятишек. Часто иронически говорят, что дети хороши, когда спят. А по-моему, они во сне на самом деле удивительно хороши и красивы. Есть какое-то неизъяснимое очарование в спящем ребенке. Солнечные лучи пронизывают уютные, просторные спальни и встречают просыпающихся детей, и ты первым говоришь им добрые слова приветствия: «Здравствуйте! Доброе утро!..»

После подъема — зарядка. Старших ребят приходится заставлять выходить на зарядку. Нет, они не против самой зарядки, но, очевидно, проявляется какая-то возрастная инертность организма. Ну, а что делать, если их триста и каждому захочется минутку под теплым одеялом полежать и потянуться? Ничего не получается. Жизнь интерната должна подчиняться режиму. Уж очень большой наш дом, был бы поменьше, тогда и поблажку кому-то можно было дать. А тут надвигается завтрак, задерживаться нельзя —

остывает все. Да и уроки начинаются по звонку. Такой темп жизни одними принимается легко, а другими — болезненно. Все зависит от склада характера, темперамента ребенка. Мы это понимаем, но и индивидуализировать наш режим не можем — таковы особенности жизни ребят в большом коллективе.

Но когда приезжают на побывку из армии наши выпускники и вместе со всеми выходят на зарядку, я не узнаю своих старших мальчишек. Тут уж никого подгонять не надо. В шесть утра съездят в городской плавательный бассейн, а оттуда — строем прямо на зарядку. Любо-дорого на них посмотреть.

А вот малыши всегда несутся на зарядку с радостью, наперегонки. Они вообще выполняют свои обязанности с какой-то истовостью. У них есть физорги, и ребятишки старательно повторяют вслед за ними все упражнения. Умилительно наблюдать, как они с воодушевлением бегают вокруг интерната: каждый старается прибежать первым и вообще понравиться директору. Я их в этот момент очень люблю, потому что все это так искренне, открыто.

Дети возвращаются с улицы, а я сажусь на скамейку в галерее. Они снова бегут мимо меня, но уже окончательно проснувшиеся после зарядки, бодрые, жизнерадостные, толкаются, смеются. С одним переговоришь, другого подернешь слегка, с третьим пошутишь, четвертого спросишь, как настроение. Ребята радуются вступлению в новый день своей жизни, и ты чувствуешь себя влившимся в эту их жизнь, захваченным ею. Вроде бы только приехал, а будто и не уходил никуда.

Но вот все в столовой. Тут непременно надо посмотреть, как они едят, что нравится, что нет. Всегда находятся привереды, которые не хотят пить кофе или какао. Малыши все-таки пьют, а старшие категорически: «Давайте чай!» Но в конце концов все недоразумения улаживаются. После завтрака ученики отправляются в школу, а я опять сажусь на свою скамейку в галерее и смотрю, кто как причесан, одет, в порядке ли форма. Снова мимоходом решаются всякие дела: что-то напомнишь, договоришься о встрече, пожелаешь успеха на контрольной или в соревновании, о чем-то предупредишь — каждому находится что сказать. Младшие опять стараются понравиться. Идут в класс парами, взявшись за руки, хором здороваются. Они у нас с удовольствием здороваются и десять, и двадцать раз в день, хо-

тя мы им и объясняем, что здороваться надо один раз, а потом при встрече можно и другие слова приветствия произнести — «доброе утро», «добрый день». Вроде бы поняли, а потом идут мимо, головенки дружно повернут и хором скандируют: «Здравствуй-те!»

Пока идут уроки, в интернате тишина, зато начинается круговорот дел со взрослыми. Большие проблемы всегда со снабжением. Поэтому одна из первых бесед — с заместителем директора по хозяйству и кладовщицами. Иная мать купила своему ребенку к примеру колготки. Купила две-три пары и успокоилась: месяца на 2—3 хватит. А нам ведь нужно в 300 раз больше! И это «в 300 раз больше» постоянно мучает нас и тревожит торговые предприятия. В магазине «в 300 раз больше» не купишь, на базе не получишь, и поэтому приходится всячески изворачиваться: что-то в одном магазине брать, что-то в другом, что-то на базах, в район ехать, там искать и выбирать. Две наши кладовщицы — Марина Сажина и Зоя Макарова — обе молодые современные женщины, мои главные добытчицы и законодательницы моды. Я очень рад, что у нас сейчас молодые кладовщицы. Они лучше понимают, что сейчас модно. Я иногда выберу на базе одежду для старших девочек, красивую, как мне кажется, а они говорят: «Что вы, Александр Александрович, это уже давно устарело!»

А еще нужно позаботиться о продуктах питания. Например, сегодня в столовой только три наименования соков. Звоню на базу, спрашиваю: «Что с соками?» Отвечают: «Трудно, но приезжайте, постараемся вам дать». Вот это уже хорошо. Скорее посылаем машину, и к полднику у нас соки шести видов. День идет, и надо решать новые дела — запланированные и неожиданно возникшие. Например, побывать на уроках учителей перед их предстоящей аттестацией. Сегодня иду к Елизавете Яковлевне Лукиной. Невозмутимая внешне, она глубоко переживает и осмысливает весь процесс обучения своих учеников. Ребятишки в моем присутствии особенно активны. Все до одного стараются изо всех сил, порой отвечают невпопад, но надо же помочь своей учительнице, когда к ней на урок директор пришел. Елизавета Яковлевна успевает всех спросить, не забывает похвалить; подойдет, руки на тетрадях поправит, спины малышам распрямит, разъяснит, покажет. Много работает индивидуально, доходчиво беседует с ребятами, всегда ровна и доброжелательна.

35 минут урока, потом 20 минут самоподготовки пролетают почти молниеносно. А я не только оцениваю дидактико-методические аспекты работы учителя с учениками, но и помечаю для себя, так сказать, организационно-хозяйственные проблемы.

Форма у второклассников неважная, особенно у девочек: им в ней жарко. Надо бы новую сшить. Доска плохо висит, не всем ребятам хорошо видно. Может, ее повыше повесить и пристроить к ней ступеньки? И видно будет лучше, и детям к доске интереснее выходить. Шторы не мешало бы поменять. Будь моя воля, я бы в каждый класс поставил кондиционер. Школа построена давно, по старому проекту, и чувствуется, что не хватает ребятам кислорода, потому и устают они к концу урока. Вот и еще одна директорская забота — создать хорошие санитарно-гигиенические условия для обучения, достать необходимые наглядные пособия, технические средства, чтобы учителю и детям было комфортно на уроке.

Вдруг зазвучала веселая музыка. Я даже не заметил, как Елизавета Яковлевна включила магнитофон. Ребятишки вскочили и начали выполнять гимнастические упражнения, похожие на танцевальные па. Физкультминутка. Хорошо бы в это время окна открыть. Но оконные рамы старые, задвижки высоко. Не полезет же учитель на подоконник, чтобы провести одну минуту физической подготовки! Значит, надо усилить вентиляцию, срочно добавить форточки. Это мое дело, директорское.

Прихожу с урока, а у кабинета меня уже дожидаются люди, звонит телефон. Нужно решать не только школьные, но и общественные, депутатские дела. Приходят родители за советом, как воспитывать детей, как преодолеть разлад в семье. Сейчас, когда стал народным депутатом СССР, ко мне не только идут, но и пишут. Каждый день в 11 часов почтальон приносит в интернат огромную пачку писем. На конвертах чаще всего: «Сыктывкар. Католикову», а в них — просьбы, жалобы, обращения за помощью. Тут и неустроенность с работой, с жильем, сетования на внука, обижающего деда — ветерана войны, на сына, ушедшего из дома, и многочисленные просьбы взять ребенка в интернат на перевоспитание. Вот об этих письмах я буду говорить особо. Тут только скажу, что меня поражает обилие таких писем. Происходит какая-то педагогическая патология: ученику плохо в школе, он там не нужен учителям; ребенку плохо в

семье, родители просят взять его в интернат. Что же это за жизнь, при которой ребенку везде плохо, а родители жаждут сдать его на воспитание государству? Неужели они надеются получить назад своего ребенка в виде благообразного ангелочка? Нет, этого не случится. Они потеряют своего ребенка навсегда. Он забудет тех, кто его предал, они станут ему ненужными.

В течение дня приходится решать много вопросов, связанных с нашим строительством. В 1988 году, как я уже говорил, строители сдали нам большую пристройку, где кроме дошкольников поселили и старших ребят: они живут в уютных комнатах по 2—3 человека. Но вот теплотрасса была сдана с недоделками, и нам стоило немалых сил наладить нормальное теплоснабжение в новом корпусе. Продолжаем оборудовать и изолятор, и кабинеты медицинского блока. Словом, хлопот предостаточно. Недавно приняли в эксплуатацию спортивный блок и плавательный бассейн, в котором ребята теперь плещутся целыми днями. Не знаю, как в других местах, а для наших детей-северян вода обладает каким-то магическим притяжением. Вытащить их из воды — работа не из легких.

Пока ученики не вернулись с уроков, я должен заглянуть к дошколятам. Общение с малышами для меня всегда радость и удовольствие. С ними отдыхаю душой. Их непосредственность, открытость, готовность поделиться своими радостями, огорчениями, поднимают настроение, успокаивают, и словно дают второе дыхание.

Захожу к трехлеткам. Сразу счастливый крик: «Директор пришел! Мама пришел!» Зовут они меня мамой, потому что в дошкольном детском доме, откуда они поступили, работали одни женщины, и мужчина для них нечто непонятное и невосприимаемое. И если ты ласкаешь их, на колени сажаешь, на руках держишь, значит, мама, хоть и несколько иного вида. Как накричатся «Мама!», каждый старается свои новости рассказать, каждый должен в карман залезть, а если найдет что-нибудь, всем покажет, потом назад положит. И каждый обязательно посидит на коленях, и каждого погладить надо. А главное — «касетка» (конфетка). Ее непременно надо вручить каждому. И что меня удивляет, всегда скажут: «И маме-воспитательнице дай касетку». Вот где сама непосредственность и доброта! Поэтому я и люблю к ним ходить. Вот мальчишка забрался на колени, ручонками обнял за шею и шепчет: «Я так тебя люблю! Я тебя больше

всех люблю...» А почему он больше всех меня любит, непонятно. Просто ему нужно произнести это и хочется, чтобы я тоже ему это сказал. Но нельзя мне его больше всех любить. Ведь десять человек в группе, и каждому надо дать ровно одну десятую любви. Если чуть-чуть больше дать одному, остальные обидятся.

Как-то у нас случай был после того, как я вместе с детьми выступал по Центральному телевидению. Тогда речь шла об армяно-азербайджанском национальном конфликте. Рядом со мной сидела Женечка, девочка трех лет. В своей группе она сказала про меня: «Он теперь мой главный мама. Он будет меня возить на машине». Как ребятишки на нее обиделись! «Нет, он наш мама. Мы тоже с ним поедем на машине». Прихожу в группу, а Женя спрашивает, правда ли, что я ее больше всех люблю. Детишки насторожились. Отвечаю: «Я всех люблю одинаково, и тебя, и их. В следующий раз мы поедем на машине все вместе».

И однажды, когда малыши гуляли на улице, а я уезжал по делам в горисполком, они окружили меня: «Ты нас повезешь?!» — «Ну конечно, повезу». Как вся эта мелочь бросилась на заднее сиденье, все десять там разместились, и мы поехали. Сколько было восторга, что они едут на машине! Сколько было радости от увиденного в городе! Ведь дети из Дома ребенка словно маленькие узники, почти никуда не ходят. А тут они ехали по городу, видели машины, дома, людей. Крик стоял: «Смотри! Смотри!» Казалось бы, пустяк, 15-минутная поездка по городу, а для них это величайшее событие. Зашел я в горисполком, а им позволил выйти и погулять, пока я дела решу, потом вместе домой поедем. Ни один из машины не вылез, терпеливо дожидались меня: боялись, как бы машина без них не уехала.

С приходом малышей в интернат вся наша жизнь стала добрее и чище. Старшие девочки теперь даже к мальчикам лучше относятся, потому что дошколята отучили их от резкости, грубости. До прихода малышей мне казалось, что труднее всего работать со старшими — столько с ними всяких проблем! А сейчас я твердо убежден, что самая кропотливая, тяжелая работа — воспитание маленьких. Кажется, всего-то их десять человек в группе. Но все им надо показать, все объяснить, всему научить. Если в семье это происходит естественно и ребенок просто подражает родителям, то здесь приходится учить специально. Пошли гулять. В семье, отправляясь на прогулку, родители не составляют ее

познавательную программу, а мы составляем. Заранее решается, чему научить, что показать, что рассказать. Нужно научить качаться на качелях, правильно идти по улице, лепить снежную бабу, кататься на санках с горки... Смотришь, приходят воспитательницы с гулянья совершенно выдохшимися, но как они счастливы от общения с детьми! Хорошо еще, что воспитательницы нашего дошкольного отделения очень молоды. Такая физическая перегрузка ветеранам была бы не по силам. Молодежь внесла свежую, бодрую струю в жизнь нашего коллектива. Некоторые из молодых воспитателей преемственно избрали педагогическое поприще. Вот, например, Оля Шеина. Ее дедушка — известный психолог, всю жизнь в нашем педагогическом институте проработал, хорошую смену себе оставил. Видно, он и в Олю «педагогические гены» заложил.

Великолепно идет работа с малышами и у нашего «ветерана» Марины Усовой. Была она у нас три года старшей пионервожатой, а теперь четвертый год ведет подготовительную группу. Замечательно работает. Зовут ее мамой, и заслуженно: столько добра и любви несет она детям! Каждого ребенка готова обогреть, защитить, приласкать — нежности хватает на всех! И чего только она не придумывает, заботясь о развитии своих ребятишек! Постоянно куда-то ведет, что-то рассказывает, устраивает встречи. Даже наши старшие парни, которые в ее малышовую группу приходят, активно включились в воспитание дошколят. Прямо какое-то «единосчастие» (если бы было такое слово!) взрослых и детей.

Между тем день, о котором я рассказываю, продолжается. Приближается время обеда, а вместе с ним — новые заботы. Приходят в столовую по два дежурных от класса. Обычно у нас в столовой дежурят мальчики. Только к самому обеду приглашаем дополнительные силы из девочек, так как сервировка стола — дело более тонкое. Я вижу, что они стараются накрыть столы красиво. Вокруг хлебницы ровно расставили маленькие тарелочки с салатом, стаканы с компотом отодвинули на край стола.

А вот сам обед приносит мне много огорчений. Никак не приучим мы ребят, особенно старших, есть не торопясь. Вот и сегодня — только сели за столы, тут же схватили компот. Первое совсем есть не стали, схватили второе, проглотили котлету без гарнира и побежали. Все! Обед окончен. Если бы им хватило этого до полдника, я бы, может быть,

ничего против не имел. Но не проходит и часу, как один за другим бегут в столовую и «кусочничают».

Поэтому, когда бываю в столовой (а я стараюсь находиться в крыле, где обедают старшие), начинаю войну. Командую: сначала всем есть суп! Пока не съедят, второе не подавать и к компоту не прикасаться. «Почему ты второе не ешь? Ведь рыба — это фосфор, кости укрепляет, а тебе в армии служить... А ты будущая мать, тебе надо крепкой быть, чтоб детей рожать...» Вот так хожу по рядам и уговариваю, а если уговоры не помогают, сажусь к ним за стол, наливаю себе суп, кладу второе и ем с удвоенным аппетитом, демонстрируя потом тарелку: съел дочиста! Глядишь, живой пример заражает, хоть через силу, но все съедят. А когда пообедают нормально, до полдника не хлопают двери столовой — никто не бегает за хлебом.

Самое удивительное, что малыши съедают все, что им подают, борются за членство в «обществе чистых тарелок». Средние тоже едят все, что положено. А вот у старших возмутительное неуважение к пище. И все как один не любят рыбных блюд. Это у наших-то поваров! Татьяна Викторовна Шолохова чего только из рыбы не делает: и беляши, и тефтели, и по-коми запекает с молоком и яйцами. Все равно плохо едят. Ведрами выносим, кормим собак, других животных, отдаем в подсобное хозяйство управления связи. Договорились с учителями: пусть за обедом зорко следят за детьми, чтобы с супа начинали обедать. Ничего не помогает. Но зато в лагере, как я уже говорил, все съедают подчистую! Может быть, нормы питания надо связывать с режимом жизни, двигательной активностью? Есть над чем подумать здесь гигиенистам и физиологам.

К концу обеда подсаживаюсь к столу учителей и воспитателей. Именно к концу, так как иначе я отобедаю раньше их. Видно, еще комсомольская закваска действует. Привык всюду спешить и есть очень быстро (может, и старшие ребята мне в этом подражают, к моей беде). Здесь, за столом, мы и обсуждаем накопившиеся проблемы, а в кабинете, в классах обстановка не для бесед. В нашей уютной столовой разговор получается домашний, доверительный.

После обеда начинается вторая половина дня, отданная занятиям искусством, спортом, рисованием и труду. Мы старшеклассников резко не разделяем: мальчиков — в столярные и слесарные мастерские, а девочек — в швейный и кулинарный цеха. Каждый идет, куда хочет. Многие маль-

чишки работают в швейном цехе и могут сшить себе не только трусы, но и брюки. Не чураются они и кулинарного дела. Наоборот, именно они, мальчишки, слывут у нас в интернате асами поварского искусства. Такие фантастические бутерброды и салаты изобретают, что от одного вида аппетит разыгрывается. А еще разыскивают рецепты необычных соусов и часто угощают нас в лагере диковинными восточными приправами к различным блюдам. Даже нелюбимый рыбный суп, если положить туда кусочек лимона или веточку зелени, все едят и нахваливают. Может, тут и скрывается секрет аппетита, разгаданный самими детьми?

Для младших обязателен послеобеденный сон. Спят не только дошколята, но и ученики 1—3 классов — без дневного отдыха они очень устают. Тихо, спокойно в их спальнях, да и под окнами в это время старшие стараются не шуметь.

А мне тем временем надо решить массу вопросов с Александром Федоровичем Ануфриевым. Это наш друг и помощник во всех строительных и ремонтных делах. Я им восхищаюсь. Человеку 80 лет, давно на пенсии, но без дела сидеть не может. Не дожидаясь просьб придет к нам, обойдет территорию, что-то измерит, рассчитает, и, глядишь, готов проект новой стройки.

Нынче мы задумали соорудить тир. С Александром Федоровичем подобрали подходящее помещение в подвале и вместе с ребятами начали его оборудовать под тир. Конечно, основную работу выполняют наши шефы — строители СУ-5, но руководит всем неугомонный Александр Федорович. Надо сказать, что во всех наших делах, хозяйственных и строительных, а строим мы постоянно, непременные участники — дети. Дело находится всегда: надо разгрузить кирпич, убрать мусор, натаскать песок, приготовить доски для пола... Каждый своим трудом зарабатывает право сказать: «Мы построили тир», «Я строил тир». Эта общая работа с реальным результатом воспитывает лучше всяких слов и оставляет добрый след в душе навсегда. Недаром во многих письмах наши выпускники вспоминают о тех делах, в которых они принимали участие и которые содействовали их самоутверждению, осознанию своих возможностей, испытанию как личности.

В 16 часов воспитанники отправляются в город в кружки, секции, в музыкальную школу, школу изобразительно-

го искусства. Много кружков по интересам и в самом интернате. О начале занятий в них говорит особое оживление в директорском кабинете: приходят за гитарой; для драмкружка надо сшить костюмы — приходят с заявками; кому-то потребовался транспорт, другим — спортивный инвентарь. Но вот все занялись делом, а у меня в кабинете собирается планерка. Приходят мои заместители: Лидия Ивановна Камелина — по воспитательной работе, Людмила Александровна Колегова — по учебной работе, Наталья Ивановна Миронова — по дошкольному отделению. Тут мы определяем стратегию и тактику решения насущных интернатских проблем: о питании, одежде, оздоровлении детей, подводим итоги сделанного за неделю, намечаем главные задачи следующей. Эти еженедельные планерки — своеобразный штаб управления всей жизнью интерната, здесь вырабатывается единство действий по различным вопросам, что помогает нам двигаться вперед. Двери в кабинет открыты, и на планерки приходят все, кто хочет: воспитатели, учителя, дети. Все вместе решаем, как выйти из положения.

Периодически проводим смотры одежды — в начале каждого сезона, а также перед лыжными соревнованиями зимой и большими туристскими походами летом. Составляем график и идем по классам. Администрация, кладовщики, кастелянши, воспитатели выясняют, кто как одет к предстоящему сезону. Тут же вместе решаем, что надо подкупить, а с чем подождать. Кроме того, эти смотры позволяют наглядно убедиться, умеют ли дети беречь одежду, заботятся ли кладовщицы о своевременной покупке платьев, пальто и достаточно ли модны эти вещи, удобны ли. Такой совместный контроль в одинаковой степени нужен и взрослым, и детям. А вечера я больше всего люблю накануне субботы. И хотя пятница — тяжелый день, дежурство продолжается до отбоя, работать приходится не менее 14 часов, я радуюсь, предвкушая наступление вечера. В позапрошлом году мы купили несколько видеомагнитофонов, кассеты с записями. И вот после ужина, безо всякого объявления, дети собираются в моем кабинете: будем смотреть фильм. Рассаживаются кто где может — на стульях, креслах, а большей частью на полу. Я тоже сижу за столом, весь облепленный ребятней. Хотели оборудовать отдельный видеосалон, но свободный класс потребовался для математического кабинета. А поскольку у меня теперь новый кабинет с

ковром на полу, то решили проводить видеосеансы здесь. Как дороги для меня эти пятничные посиделки, в окружении моих дорогих мальчишек и девчонок. Вот они с нетерпением ждут начала фильма. А я сижу у края стола и разбираюсь в ворохе бумаг и документов, накопившихся за неделю. Я не смотрю фильм, только краем глаза улавливаю, что там происходит. Но я кожей чувствую, как они воспринимают происходящее на экране, что им нравится, что нет, как реагируют на кульминационные сцены. И при этом мы — одно целое.

По субботам, тоже вечерами, проходят советы бригадиров. Мы до сих пор вспоминаем прекрасного председателя совета бригадиров Колю Бабенко. Стараемся, как и он, оперативно, по-деловому решать все бытовые вопросы. Теперь ведет совет бригадиров Миша Ромашин, ученик IX класса. Человек рассудительный, жизнелюбивый, малышей любит и очень великодушен ко всем взрослым. Собираются бригадиры опять же в моем кабинете. Это ребята с IV по X класс. Но прибегают все желающие и «заинтересованные лица». Конечно, и малыши тут как тут. Залезут на диван, сидят, слушают разговоры старших.

Отчитываются бригады: что в оранжерее делали, как снег чистили, как за животными ухаживали, как инвентарь ремонтировали. Обязательно спрашиваем малышей, не обижал ли их кто. Они рады, что и о них вспомнили. Головенками крутят: значит, никто их не обижал. Решаем, какая бригада за неделю лучшая. Это для нас крайне важно. Ведь бригада, стойко удерживающая первенство, награждается в конце месяца, года. Распределяем дела на следующую неделю, напоминаем, как вести трудовые паспорта (это у нас форма точного учета трудового участия каждого). Совет бригадиров уже давно стал действенным органом управления нашим интернатским хозяйством. Для поддержания престижа бригадиров мы выдаем им солдатские звездочки, а старшему бригадиру — две. Они с удовольствием носят их на школьной форме. Сразу видно, что это люди ответственные и уважаемые в интернате. Совет бригадиров (а я стараюсь на нем поменьше проявлять свою волю) служит для меня еще и школой сотрудничества с детьми.

Иногда в течение дня приходится разбирать ребячьи конфликты, однако случается это все реже. Ведь три года назад мы создали специальный выборный орган — совет чести (из трех воспитателей и четырех школьников), ко-

торый все больше воспитательных функций берет на себя. Я стараюсь ему передавать свои «карательные» права, хотя все-таки некоторые проступки детей выходят и на директора.

Когда возникает конфликт, я прежде всего даю себе самому команду: «Не старайся разобрать его сразу». В педагогическом воздействии всегда нужна какая-то нравственная пауза, предопределяющая справедливое решение. Знаю, что не всегда бываю терпим но отношению к взрослым и детям, особенно когда попадутся под горячую руку. Сделаешь, скажешь что-нибудь под влиянием минуты, а потом одумаешься, и оказывается, что можно было принять куда более разумные меры. Особенно недопустимы несдержанность и нетерпимость по отношению к детям. Вот и приходится или извиняться, или что-то предпринимать, чтобы человек не обижался. Так, я не мог добиться, чтобы при входе в галерею, ведущую в спальный корпус, дети снимали обувь. Распорядился постелить на полу новый красивый ковер. И что же? Безо всяких указаний и приказов дети стали снимать обувь. Но однажды здоровенный девятиклассник после работы в грязных сапожищах потопал по ковру. Дежурная за ним: «Ты куда?! Остановись! Директор не велел!» — «Скажите своему любимому директору, что я прошел по его ковру!» Когда мне об этом сказали, я вспылил и отправил ему записку, чтоб немедленно уходил из интерната. Знал, что у него в пригороде живет мать. Через час посылаю гонца. «Ушел?» — «Нет!»

Вечером парень пришел ко мне в кабинет. Встал у самых дверей, голову повесил. Долго молчал, потом выдавил: «Вычистил я ковер». — «А что случилось с тобой?» — «Ребята головастиком дразнят...» Надо же ведь, как бывает! Думал, хулиганит, а оказывается, он в ярости был, сам себя не помнил. Вот что значит выяснить мотив поступка.

Из чего еще состоит рабочий день директора? Много времени отнимают всякого рода совещания. Правда я их теперь реже посещаю, так как ни для кого не секрет, что пользы от них не бывает. Приходится выслушивать массу вопросов, не имеющих к тебе никакого отношения. Сидишь на подобном совещании и думаешь: туда не успел, сюда не попал, здесь не побывал.

Часто приходится ездить в Межадор. Вдруг нам предлагают строительный материал, надо срочно вывезти в лагерь. Может сделать это в субботу или в воскресенье? Ведь

на эти дни мы всегда выезжаем в лагерь. Нет, нельзя, в эти дни базы закрыты. Значит, едем вместе с ребятами среди недели, с самого раннего утра. Учителя ворчат: «Опять детей с уроков снимаете!» Завуч недовольна. Приходится их убеждать: «Ведь к вам приходит газовщик, телевизионный мастер, слесарь, холодильщик. Что вы тогда делаете? Отпрашиваетесь с работы, сидите дома и ждете их. Так же и у нас. Ничего не поделаешь — ведь это нам надо».

Берем с собой сухой паек и едем. В селе Визинга, в 100 километрах от города, грузим лес, одну машину, вторую, третью. Везем в лагерь, там разгружаем, аккуратно складываем. После уже на ногах не стоим. Сил нет, скорей бы в город возвратиться. Но как же без бани? Это у нас любимое место: баня сауна, камин, гостиная, где можно чайку попить. Здесь нет ни кабинета, ни класса, ни пиджака на директоре. Сидим все одинаково распаренные, укутанные полотенцами, полуголые, чай пьем из одинаковых чашек. Вот тут и наступает между нами полное понимание и разговор о жизни получается замечательный. Тут же и телевизор смотрим, никто не боится меня поправить, если я что-нибудь про хоккей скажу невпопад. Я не возражаю, ведь на самом деле мало в нем разбираюсь. А у них великая радость, что они в споре правы оказались и я признался: «Сдаюсь! Не прав!»

Кто-то может сказать, что слишком много времени уходит у директора на такие неглавные дела, как хозяйственные. А я так не считаю.

Во-первых, хозяйственная деятельность — основа нормальной жизни. Если в школе все есть, то на этом фундаменте выстраивается правильное обучение и воспитание, здоровая жизнь детей.

Во-вторых, без постоянной заботы о состоянии интернатского хозяйства нельзя обеспечить детей всем необходимым для жизни, отдыха и учебы. Здесь уровень «бытия» во многом определяет реальность осуществления наших планов развития.

В-третьих, и это главное, включая детей в разнообразную хозяйственную деятельность, мы учим их быть хозяевами своего дома.

Однажды летом во время поездки в Горький зашел с детьми на базар. Сколько там было овощей, груш, яблок, персиков! Решил их побаловать, персиков купить, прицепился — 7 рублей за килограмм! Смотрю, ребята меня к

другому продавцу зовут, объясняют: «Оптом обещал по 5 рублей продать!» Где только они такое слово — «оптом»— узнали? Но тут же смекнули, что выгоднее для нашего семейного «кошелька», — наглядный урок экономики.

В хозяйственных делах я не могу обойтись без нашего биолога Людмилы Михайловны Дымовой, особенно когда начинается подготовка к летнему сезону. Надо составить график выезда ребят в Межадор, обеспечения их продуктами, организации трудовых дел. Масса проблем возникает с транспортом, вывозом удобрений. Поэтому, когда Людмила Михайловна приходит ко мне в кабинет, я знаю, что возникла еще одна хозяйственная проблема, которую нам предстоит решить.

Скоро, возможно, нам с ней будет легче. У нас появилась помощница — Октябрина Михайловна Вежова. Она уже пенсионерка, Герой Социалистического Труда, знаменитый в Коми овощевод. У нас будет инструктором по трудовому обучению.

Октябрина Михайловна уже несколько раз побывала с нами в Межадоре. При ней любое дело спорится, и к детям она подойти умеет. Как-то девочки делали торфоперегнойные горшочки, но не получались они у них: навоз шел комками. Октябрина Михайловна начала руками навоз разминать, а за ней и девочки. Слышу, говорят между собой: «Ну, ясно, чтоб героем стать, надо навоза не бояться...»

Хозяйственная работа — основа жизни. Не понимаю почему хозяйственную деятельность относят к общественно полезному труду. Это самый настоящий производительный труд. Труд, производящий основы нашего общего счастья.

Мой недостаток — неумение рационально организовать свой рабочий день: не могу выбрать время, чтобы передохнуть, побыть на свежем воздухе. Не успеваю за 11 часов сделать все намеченное. А на завтра приходится еще больше дел, и все неотложные. Приходишь домой, прочитаешь газеты, телевизор сядешь смотреть, а сам машинально берешь карандаш и опять в блокнот дела на завтра записываешь. Глядишь, уже двадцать пунктов написал.

Общественная работа тоже требует времени, на письма, как я уже говорил, надо непременно откликнуться. Ко мне ведь обращаются за помощью и как к народному учителю СССР, и как к члену-корреспонденту, и как к народному депутату. Проблемы, проблемы... Пишут о неудовлетвори-

тельном отношении к своим обязанностям завгороно, «приезжайте, только вы можете нам помочь». Чувствую свою огромную ответственность и поэтому советуюсь с коллегами, вместе думаем, обсуждаем, как и в чем можно помочь людям.

Ни одного дня не обходится без встреч с воспитателями. Мне всегда интересно беседовать с Зоей Николаевной Мальцевой. Как она понимает детей, как чувствует их души! В каждом проступке ребенка всегда найдет мотив, снимающий его вину.

Всю жизнь посвятила воспитанию детей-сирот Ия Алексеевна Денисова. Нынче ей опять достался неблагополучный класс, но мы знаем, что своей материнской мудростью, она повернет детей к добру.

Повезло нам и с двумя новыми воспитательницами: Капитолиной Вениаминовной Винц и Ольгой Елиферовной Фиминой. Они глубоко вникают в психологию детей, умеют предвидеть развитие каждого ребенка. Их суждения отличаются продуманностью и заботой о детях. Главное, что мы прекрасно друг друга понимаем и наши беседы мобилизуют нас на организацию новых интересных и полезных дел в интернате. Вообще, можно сказать, что весь день — это непрерывное общение.

Но вот наконец отбой. Малыши сразу ложатся в кровати, а потом присматриваются, какая нянечка сегодня дежурит. При некоторых можно и на шкаф влезть, и неспортивную борьбу подушками устроить, но тут директор идет. Пулей в постель, на правый бок — и засопели.

Дошколята, умытые, чистенькие, послушно лежат в постелях, а спать, ну, никак не хотят. Захожу к ним, их старшие ребята укладывают. Конечно, сразу выскочили из кроватей, опять каждого нужно погладить, да еще у каждого новость для меня есть секретная. Гвалт стоит сплошной. Ушел, успокоились.

А старшие дети? Не знаю, правильно ли мы их воспитываем. Прихожу домой в одиннадцатом часу, звонят: «Александр Александрович, можно кино посмотреть?» Отвечаю спокойно «можно» или «нельзя» — в зависимости от качества фильма. Жена смеется: «До чего же у тебя наивные дети! Зачем разрешения спрашивать, когда ты все равно не узнаешь?» А вот узнаю! Какое-то сверхчувство во мне развито на всякие нарушения, неправду, уловки. По растерянности в глазах, по сдержанности в дыхании угадываю, что в

чем-то провинились. Я иногда сам себя боюсь. Иду по интернату и то, что за углом происходит, издалека чую. Угомонились мои девчонки и мальчишки. Целый день я был с ними. Выслушивал их секреты, вел мужские разговоры. Они тихо сидели на диване в моем кабинете и следили за тем, как я работаю. Заходили в кабинет взрослые: кому-то из ребят не хватило пальто, девочка не хочет носить немодные сапоги, неизвестно, как лечить Петю, если он не хочет лечиться. Учитель физкультуры просил обратить внимание на оборудование спортзала. Главный повар утверждала меню на завтра...

Теперь все спят. Клубочками свернулись малыши. Притворяются спящими мальчишки-подростки. Старшие выронили книжки, которые читали на ночь. Все спокойные, умиротворенные. Не поверишь, что вот этот сегодня буянил целый день. А эта девочка долго плакала, напрасно прождав маму, вышедшую из мест заключения. Дети действительно хороши, когда спят. Они удивительно хороши. Спокойной ночи, дети! До завтра...

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Ежегодно в первый день осени ребячьи ручейки стекаются к школе. Взволнованные и торжественные первоклассники, суетливые подростки, горделиво-снисходительные старшеклассники... Каждое первое сентября я встречаю с новым волнением. Что ждет нынче этих ребят и девчонок, таких красивых в белых бантах и красных галстуках, с охапками ярких осенних цветов? Хотелось бы верить, что ждет их обновленная школа воспитания и обучения. Ведь сейчас школа «призвана удовлетворять потребность учащихся в знаниях». И это звучит весомо и справедливо — «потребность учащихся в знаниях». Но есть ли она, эта потребность, и как ее вызвать, как развить истинное желание детей учиться, приобретать знания?

Нежелание многих детей учиться — беда нашей школы, тяжкое испытание для учителей. И меня поражает, что многие из них привыкли учить детей, не желающих получать знания по их предмету, будто бы и не представляют, что может быть иначе, не понимают, каким безнадежным делом занимаются и как это трагично — вбивать знания в головы детей, не воспринимающих эти знания, не сопереживающих учителю.

Мне необычайно повезло, что вместе со мной в интернате начала работать завучем словесник Зинаида Викторовна Егорова. Органически сочетая требовательность и чуткость к людям, она сумела включить учителей в такую продуманную систему самообразовательной работы, которая за считанные годы сделала их мастерами педагогического дела. В своей жизни я не видел завуча, который бы работал столь целенаправленно и продуктивно.

Зинаида Викторовна поставила перед собой цель «очеловечить» те знания по педагогике и психологии, которые когда-то были получены учителями в пединститутах, но, неосознаваемые, не входили в плоть их педагогической деятельности. Нужно было одушевить эти чуть тлеющие

знания, окропить их свежей водой практики и дать им новую жизнь.

Зинаида Викторовна и доцент кафедры педагогики и психологии Коми государственного педагогического института Лия Васильевна Плаксина составили перспективный план самообразовательной работы учителей на семь лет. Он предусматривал ряд тем, объединенных насущной потребностью модернизировать учебный процесс. По годам, начиная с 1974/75 учебного года, темы распределились следующим образом: — многообразие методов обучения на уроке; — приемы активизации мыслительной деятельности учащихся; — проблемное обучение, его приемы; — принципы обучения, их творческое воплощение; — индивидуальный подход в обучении, пути его осуществления; — трудные дети и учебный процесс; — педагогический такт и авторитет учителя на уроке.

Учителя активно включились в изучение этих тем. Заслушивались доклады и сообщения ведущих преподавателей кафедры педагогики и психологии КГПИ. Шло обсуждение на педсоветах и методобъединениях. Учителя изучали литературу, писали рефераты, давали открытые уроки. При этом Зинаида Викторовна придавала огромное значение систематическому контролю, осуществляя его планово и регулярно. Подобно В. А. Сухомлинскому, она тщательно изучала возможности каждого учителя, отмечая на первых порах лишь его сильные стороны. Исподволь, тактично подступала к недостаткам преподавания, показывала пути их преодоления на примере собственных уроков. Никаких конфликтов с учителями, требовательность и доброжелательность сопровождали административное руководство Зинаиды Викторовны.

В результате к началу 80-х годов в интернате не стало плохих учителей, не стало посредственных уроков. Многочисленные гости, посещавшие интернат, удивлялись, что все, без исключения, наши учителя — мастера своего дела. Только мы с Зинаидой Викторовной знали, как беспомощны и неумелы были семь лет назад некоторые из тех учителей, которые теперь стали общепризнанными мастерами.

И еще одно педагогическое явление подтвердило эффективность осуществленной в интернате самообразовательной работы учителей. В начале 80-х годов в сознание учителей внедрялись идеи оптимизации обучения, разра-

ботанные академиком АПН СССР Ю. К. Бабанским. Проводились республиканские и городские конференции, читались лекции в институте усовершенствования учителей, директора школ требовали оптимизации обучения от преподавателей всех предметов, но — увы... учителя оставались глухи к этой педагогической новации. Вот тогда-то мы с удивлением заметили, что наши учителя с интересом восприняли идеи оптимизации содержания образования, выбора методов, форм обучения. Вся предварительная работа по самообразованию сделала доступной и интересной для них проблему оптимизации учебного процесса. Ведь эта проблема настолько сложна, что сама по себе требует немалой теоретической подготовки учителей. Потому-то ее и не приняли многие педагоги, что у них не было соответствующей теоретической базы. Ведь не случайно, создавая теорию оптимизации учебного процесса, Ю. К. Бабанский не менее десяти лет вел общепедагогическую подготовку учителей Ростовской области.

Помню, организовала Зинаида Викторовна день открытых проблемных уроков в школе-интернате. Хоть и предназначался он для директоров сыктывкарских школ, но сбежались в интернат и учителя, которым было тоже интересно посмотреть приемы, активизирующие мысль ученика. Ведь большинство преподавателей не устают понукать на уроках: «Думай! Думай!», но призывы эти — словно глас вопиющего в пустыне. А тут никто не призывал думать, тут так вели уроки, что дети невольно втягивались в мыслительный процесс.

Сама Зинаида Викторовна давала тогда урок по повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Почему Остап и Андрий, сыновья одного отца, жившие в одной хате, оказались столь разными в годину тяжких испытаний? Почему так несхожи оказались их судьбы? И наконец, апогей размышлений: «Имел ли право Тарас убить Андрия? Может, сын мог искупить вину в боях?» Тут уж мальчишки не утерпели, заволновались, стали доказывать, что ничем нельзя искупить предательство, нет ему никакого оправдания и нет прощения. Более сердобольные девочки пытались найти доводы в защиту Андрия... А Зинаида Викторовна, как умелый дирижер, лишь слегка правила накалом страстей, усиливая или ослабляя их звучание. В конце урока огорошила совершенно неожиданным вопросом: «Действительно ли совсем разные Остап и Андрий? Ведь Тарас сам говорил о младшем

сыне, что он добрый воин...» Ответить на этот вопрос она предложила ребятам на следующем уроке. И можно не сомневаться, сколь интересен будет детям поиск ответа.

Испытываешь подлинное педагогическое счастье на любом уроке Зинаиды Викторовны. Вот она ведет двадцатиминутную самоподготовку в V классе. Спокойный учитель, спокойные дети. Без напряжения каждый делает свое дело. В классе дух взаимопонимания и человеческой теплоты. Рядом со мной мальчишка старательно выполняет упражнение. Подходит Зинаида Викторовна: «Вы знаете, у Вовы прекрасные организаторские способности, из него выйдет замечательный руководитель. Вот только с русским языком ему нужно подтянуться!» Парень еще пуще старается. Зинаида Викторовна подходит то к одному, то к другому ученику. Стоит ей только заметить, что ребенок справился с заданием, как тут же у него на парте появляется карточка с новым упражнением, более трудным. К сожалению, не каждого поднимешь до уровня сильного. «Машенька! Матушка моя! — удивляется Зинаида Викторовна. — Если ты устала, лучше посиди, отдохни. Это честнее, чем работать плохо. Если тебе платье сошьют с одним рукавом, ты его будешь носить? Вот и отдохни, а потом сделай упражнение хорошо...»

Всех, кто встречается с Зинаидой Викторовной, пленяют ее обаяние и доброжелательность. Даже представить невозможно, чтобы она кричала на детей. Я люблю стоять возле Зинаиды Викторовны, когда она говорит с детьми. Она не поучает, она их вразумляет. Именно вразумляет, по-другому не назовешь стиль ее общения с детьми. Ни одной стандартной фразы типа : «Как тебе не стыдно! Сколько раз тебе говорить?!» В ее спокойном тоне — внимание, участливость, искренняя убежденность в стремлении ребенка быть лучше. И дети ее прекрасно понимают. Когда в учебно-производственном комбинате ребята заполняют анкеты, в графе «мать» все пишут одно — Егорова Зинаида Викторовна.

К большому сожалению, по состоянию здоровья Зинаида Викторовна в 1987 г. ушла с должности завуча, но мы до сих пор чувствуем, какую важную роль сыграла та теоретическая основа, которую она заложила системой самообразовательной работы учителей. На фундаменте этой подготовки мы продолжаем изучение новых тем, широко внедряем идею коллективных форм обучения на уроке, преврати-

ли старшеклассников в активных соучастников учебного процесса. Как праздник восприняли мы весть о том, что Зинаиде Викторовне присуждена премия им. А.В. Луначарского.

В последние два-три года все учителя проявляют особый интерес к творчеству учителей-новаторов. Наш подход прост: если в дидактических системах новаторов есть методические находки, приемлемые для обучения наших детей, мы с благодарностью берем их на вооружение. Внимательно изучали книги Е.Н. Ильина, В.Ф. Шаталова, С.Н. Лысенковой, Н.П. Гузика, М.П. Щетинина, И.П. Волкова, И.П. Иванова. Эти книги нарасхват разбирались в библиотеках, передавались из рук в руки, их читали, конспектировали, обсуждали на методобъединениях. Но никогда прочитанное не заменит увиденного. Один за другим учителя отправлялись в «поход за знаниями» к самим новаторам.

Прежде чем обратиться к опыту новаторов, я расскажу более подробно о нашем собственном изобретении — интегрированных уроках, которые стали коллективным экспериментом в нашем интернате. На заседании Всесоюзного совета по народному образованию я познакомился с Надеждой Алексеевной Новиковой, которая заинтересовала меня идеей интегрированных уроков. В тихвинской школе № 7, где она работает, побывали наш новый завуч Л.А. Колегова и биолог Л.М. Дымова. Казалось бы, это обычная школа, но в ней действует творческая группа учителей во главе с завучем Аллой Александровной Трошевой, внедряющая в учебный процесс идеи интегрированных уроков. Четыре-пять преподавателей разных предметов проводят совместные уроки по сходным темам, и это объединяет их в общем творческом поиске. Об интегрированных уроках мы знали лишь из педагогической литературы, а тихвинские учителя убедили наших педагогов в доступности и огромной педагогической целесообразности уроков межпредметных связей, направленных на формирование убеждений и мировоззрения учащихся. Кроме того, интеграция близких тем на общих уроках дает огромный выигрыш во времени. Тихвинские учащиеся кончают курс изучаемых предметов к концу третьей четверти. В четвертой идут повторение, практикумы, лабораторные занятия, творческие зачеты, консультации. А как это важно для наших детей, которые к весне начинают болезненно ощущать усталость, вялость!

Интегрированным обучением мы называем синтез отдельных предметов, блоков или тем, объединенных органическим единством понятий, законов, мировоззренческих идей. Этот процесс обучения принципиально отличен от так называемого туннельного обучения, когда каждый предмет изучается сам по себе, будучи отгорожен «бетонной стеной» от параллельных учебных дисциплин.

Идея быстро захватила весь коллектив наших учителей. Завуч Л.А. Колегова и учителя часами просиживали над программами различных предметов, выявляя сходные по содержанию темы. Первыми энтузиастами интегрирования стали заслуженная учительница школы России и Коми Республики Л.М. Дымова, биолог и химик, учитель истории и обществоведения Н.В. Ящук и учитель математики, отличник народного просвещения Г.М. Медведева. Решив провести общие уроки, учителя определяли роль каждого их них и методику совместного изложения материала. К необычным урокам готовились и старшеклассники: читали дополнительную литературу, собирали материал в институтах Коми филиала Уральского научного центра. Уроки проходили в виде конференций, собеседований, и учащиеся на них искренно удивлялись: «Надо же! Все связано!»

Только в ноябре—декабре 1988 г. у нас прошло несколько интегрированных уроков. Темы в IX классе: «Происхождение человека» (биология, история), «Страны мира на современном этапе» (история, география); в X классе: «Возникновение жизни на Земле» (физика, биология, история); в VII классе: «Москва — столица России» (иностранный язык, география); в III классе: «Стихотворение Я. Шведова «Орленок» (чтение, музыка); во II классе: «Зима» (природоведение, чтение, труд).

Я нигде не читал об особом положении учителя, работающего в школе-интернате, но постепенно убеждался в исключительной важности интегрирования именно для учителей школ-интернатов.

У учителя общеобразовательной школы ежедневно одна-две подготовки к урокам. У него бывает 5—6 классов одной параллели, и для всех — одна подготовка. В интернате обычно нет параллелей: здесь всех классов по одному. Поэтому у учителя масса подготовок к каждому учебному дню. Один биолог преподает во всех классах, так же один историк, один географ, один физик. Некоторые ведут сразу два-три предмета. Каждый предметник варится в со-

бственном соку. Ему не с кем посоветоваться в интернате, надо идти в другую школу или в ИУУ, чтобы получить методическую помощь. Происходит замыкание учителя на своем предмете, что отнюдь не содействует сплочению педагогического коллектива. Интегрированные уроки создают ситуацию «мозгового штурма», когда учителя разных предметов должны соединить в одно целое близкие проблемы. Это ли не путь к подлинному деловому сотрудничеству! Такое интегрирование можно назвать межпредметным. Вместе с тем для учителей школ-интернатов не менее важно внутрипредметное интегрирование. Его целесообразность определяется той же особенностью: большинство учителей ведут свой предмет во всех классах, например с IV по XI. При этом каждый полностью ориентируется в предметах и может легко маневрировать, объединяя воедино схожий материал, изучаемый на разных уровнях, в разных классах. Например, Л. М. Дымова высказывает соображения о целесообразности интегрирования материала о клетках. В курсе биологии изучаются клетки растительные, животные, человеческие, а в XI классе дается обобщенный материал о клетке как общенаучном явлении. Педагог ищет пути интегрирования научных сведений о клетке, чтобы на уровне XI класса свести их к обобщению полученных ранее знаний.

Однако деление интегрированных уроков на межпредметные и многопредметные отражает лишь внешние их свойства. А как интегрировать те или иные уроки по внутренним показателям, исходя из содержания изучаемого материала? Тут нужно знать технологию интегрирования.

12 апреля каждого года мы празднуем День знаний, приурочивая его к Дню космонавтики. Так уж повелось у нас в интернате. Мы не можем, как другие школы страны, отмечать День знаний 1 сентября, так как дети уезжают в лагерь на уборку выращенного урожая.

С 1989 г. в День знаний мы проводим интегрированные и нестандартные уроки. Согласно уже сложившемуся ритуалу на общешкольной линейке Король Знаний (первым был шестиклассник Славик Исаев) вместе со своей свитой долго требует всевозможных славословий в свой адрес, прежде чем позволить открыть праздник. Его «верноподданный» учитель физики Александр Эрнстович Вербин вынужден спеть под гитару песню о «твердом орешке знаний». Наконец Король дает свое милостивое согласие.

Каких только уроков не бывает в этот день! Интегрированный урок истории и литературы по «Войне и миру» Л. Толстого прошел в IX классе. В VII классе тема «М. В. Ломоносов» объединила учителей химии, истории и литературы. Необычным был и урок английского языка в VIII, объединенный с информатикой. Во всех классах (с IV по X) шли интереснейшие интегрированные уроки. А кроме того, были еще уроки КВН, веселой математики, конкурсы, викторины.

Пожалуй, самый трудоемкий урок — в X классе по теме «Научно-технический прогресс». Здесь объединились учителя химии, биологии, истории, обществоведения и физики. Никогда еще в традициях нашей школы не было такого объемного межпредметного урока. Учителя заметно волновались, ученики же держались на редкость спокойно. Каждый занял соответствующее место за столом с табличками: институт физики, институт химии, институт экологии, институт социальных проблем, институт питания. Конференцию открывает «президент» — ученица Наташа Холопова. Она вводит слушателей в смысл проблемы. Затем выступают представители всех «институтов», а многочисленные слушатели («корреспонденты») наперебой задают им вопросы. Ребята смотрят кинофильмы, решают проблемные межпредметные задачи, заполняют таблицы, определяющие роль различных наук в научно-техническом прогрессе нашей страны.

По сложившемуся обычаю все интегрированные уроки в интернате заканчиваются вполне демократически: ребята дают оценку проведенному уроку. Интегрирование нравится старшеклассникам, они удивляются всеохватности связей в науках, хотя некоторые, по их признанию, сильно устают из-за громоздкости урока.

Нам тоже показалось, что, когда в классе одновременно работают 4—5 педагогов, это затрудняет восприятие материала. Наиболее целесообразен вариант, когда урок ведут 2—3 учителя. После такого интегрированного урока я интересуюсь, сколько времени затрачено на его подготовку. Оказывается, от трех дней до двух недель. И сложность здесь не в содержании материала, им учителя давно овладели, а в монтировании сценария урока, в определении места и роли каждого учителя, в составлении вопросов и заданий, синтезирующих несколько предметов. Но не следует забывать, что все эти сложности существуют при пер-

вичном проведении интегрированного урока: на следующий год его воспроизведение требует лишь небольшого ряда технических совершенствований. На педагогических советах учителя, убежденные в целесообразности интегрированных уроков, говорили об их социальном и педагогическом значении. Интегрированные науки неизбежно порождают необходимость интегрированного процесса обучения. Дети должны овладеть совокупными знаниями, которые избавят их от односторонности развития. Крупнейшие открытия делаются ныне на стыке различных наук. Дробность знаний порождает узких специалистов, которые принесли уже непоправимый экологический вред нашему народному хозяйству. Интегрированные уроки формируют экологическое мышление и у учителя, и у учащихся, способствуют развитию творчества, недогматического представления о мире.

При посещении интегрированных уроков поначалу поражаешься, что все они интересны и не похожи один на другой. Потом перестаешь удивляться: ведь интегрированный урок — это здоровое соревнование учителей на глазах сравнивающих их учеников. Как тут можно дать плохой урок?

Идет интегрированный урок в IX классе по литературе и истории: «Декабристы. А. С. Пушкин». Н. В. Ящук, учительница истории, напоминает ребятам, что результатами Отечественной войны 1812 г. стали возрождение патриотического духа русского народа, рост гражданственности и национального самосознания лучших представителей дворянства. И тут же в ткань эпохи естественно входит поэзия Пушкина, выпускников Царскосельского лицея. «Увижу ль я народ неугнетенный?» — эта гражданская печаль поэта близка идеям декабристов. 1825 год, восстание на Сенатской площади. Пушкин в ссылке, в Михайловском, тяжело переживает поражение восстания, гибель друзей: «...Погиб и кормщик, и пловец...» Так литература и история взаимно одухотворяют друг друга, создавая эмоционально-гражданственное настроение на уроке.

Каждый интегрированный урок — событие в школе. Учителя, свободные от занятий, присутствуют на нем, другие забегают на перемене расспросить коллег, как идет работа. Обстановка заинтересованности втягивает в общее дело все больше учителей. Появляются новые виды интегрированных уроков.

Урок веселой математики объединил учащихся I и V классов. Такое сочетание не случайно: пятиклассники шефствуют над первоклассниками. Этот психолого-педагогический вид интегрированного урока предусматривал не только проверку математических знаний, но и сотрудничество ребят в коллективной учебной деятельности. Задания были и дифференцированными, и объединенными. Максимальное количество баллов начислялось тем командам, в которых малыши были самыми активными.

Интересно было наблюдать за «сражением» команд. Каждую представляли три пятиклассника и три первоклассника. Вот задание получено, и пятиклассники устремляются на помощь первоклассникам. Потом выполняют свои задания, а малыши на стульях прыгают от нетерпения, глядят, что там их шефы решают, торопят их, карандаши им чинят, листочки подают — лишь бы скорей! Наконец решили! И бегут малыши сдавать полученный сообща результат. А когда задание общее, тут никто на месте не усидит. Один пишет, другой советует, все друг другу помогают. Так интегрирование решает педагогическую задачу: укрепляет дружбу детей.

Пришли на День знаний и наши постоянные помощники — студенты педагогического института, представители факультета иностранных языков. Они провели с шести- и семиклассниками конкурс на английском языке, а в VIII классе — музыкальный урок на немецком языке, рассказали о связи английского языка с системой ЭВМ.

Учитывая интеллектуальную и эмоциональную насыщенность уроков, мы сделали перемены творческими: игры, танцы, спортивные занятия, показ современной моды, награждение победителей конкурсов изделиями юных кулинаров. Во второй половине дня все отправились на экскурсии: IV класс — на кафедру иностранного языка педагогического института; V класс — в музей основоположника коми театра и драматургии В. Савина; VI класс — в институт геологии; VII класс — в музей основоположника коми литературы И. Куратова; VIII класс — в вычислительный центр, IX и X классы — на лесопромышленный комплекс. Большое значение мы придаем прикладному, или практическому, интегрированию. К этому виду интегрирования нас обязывает необходимость обслуживания межадорского лагеря, о котором будет подробно рассказано в следующей главе. Огромное наше хозяйство требует

применения синтезированных знаний, полученных в процессе обучения.

Идет интегрированный урок в XI классе «Проценты и пропорции». Здесь объединились учителя математики и химии. Урок кончается решением интегрированных задач и упражнений, основанных на практических заданиях, которые ребята выполнят в тепличном хозяйстве при подкормке овощных растений. Ролевые игры также интегрируют знания по математике и химии, учат делать анализ почв и растений, вести исследования в гидрологической лаборатории.

Особую сложность, как нам представляется, имеет концептуальное интегрирование. Это объединение научного материала одного или нескольких предметов на основе общей теории, мировоззренческой идеи. Нашими учителями разработаны уже несколько таких уроков: «Возникновение жизни на Земле» (физика и биология в XI классе), «Закон сохранения энергии» (физика и биология в IX классе), «Происхождение человека» (история и биология в X классе) и др.

Расскажу вкратце о двух концептуальных уроках. Учителя физики и биологии проводят уже второй год интегрированный урок «Возникновение жизни на Земле». Урок этот проходит в XI классе, учащиеся которого способны воспринять и дать оценку различным научным теориям. Учителя излагают теории Луи Пастера, А.И. Опарина, О.Ю.Шмидта и, наконец, Энгельса. Каждая из них обосновывается или ставится под сомнение на основе последних достижений и открытий в области физики, математики, химии, биологии. Ребятам заранее предложено решить, какая из теорий в наибольшей степени достоверна с позиции современных достижений науки. Правда, нельзя утверждать, что одиннадцатиклассники полностью справились с ответом на этот и для взрослых нелегкий вопрос. Вместе с тем постановка проблемных вопросов в процессе интегрированных уроков вполне правомерна и разумна, ибо подготовка учащихся к взрослой жизни невозможна без навыков мышления на продуктивном, творческом уровне. В XI классе был проведен концептуальный урок по теме «Значение периодического закона и системы Д. И. Менделеева для развития науки и диалектики». Это был повторный урок, но цель его выходила далеко за рамки репродуктивного повторения. Ведь первое знакомство с периодическим

законом Д. И. Менделеева происходит в VIII классе, когда осмыслить его связь с диалектическими законами учащиеся оказываются не в состоянии. Однозначно и в курсе обществоведения учащиеся не могли осознать идею всеобщности законов диалектики лишь на примерах исторических и социальных явлений. Урок предусматривал подтверждение идеи всеобщности диалектических законов на примере их связи с химическими явлениями, причем непосредственно в опыте, в эксперименте. Органическое единство химических и диалектических законов сделало достоверным научный прогноз о существовании пока еще не открытых химических элементов, придало значимость философскому понятию материи. Перенос диалектических законов в область живой и неживой природы качественно поднимает уровень мировоззренческого мышления учащихся. Урок включил массу опытов, их объяснение с позиции диалектики, групповую работу и коллективный отчет, заполнение таблиц. После урока Наталья Владимировна Ящук чуть не плакала от счастья: «Ну наконец-то все ребята до одного, даже самый последний троечник, поняли все до конца».

Сейчас группа учителей во главе с Натальей Владимировной готовит интегрированный концептульный урок «История свободомыслия в науке: взаимоотношения науки и религии». Этот урок объединит знания по обществоведению, истории, биологии, химии и физике.

Есть у нас мысль осуществить исследовательское интегрирование, т. е. объединение учебного материала на основе общего метода (или методов) научного исследования. Вот простейший пример.

Учащиеся изучают летопись XIII в. Это один общий метод изучения истории. Содержание летописи прокладывает дорогу для внутрипредметного интегрирования трех тем: феодальной раздробленности Руси в XIII в., начала татаро-монгольского ига и Ледового побоища.

Еще одна тема — «Личность Ивана Грозного». До сих пор в исторической науке не сложилось устойчивой теории относительно его роли в историческом процессе. Так вот, личность Ивана Грозного «высвечивается» с помощью антропологического метода (его внешность), генетически-цитологического метода (подтверждение отклонений в его психическом и физическом развитии), изучение рукописей Ивана Грозного и писем князя Курбского (оценка личности Ивана Грозного в истории России). Понятно, что такой

интегрированный урок должны вести учителя истории, физики и биологии.

Мы стали различать горизонтальное и вертикальное интегрирование. Горизонтальное интегрирование предполагает объединение сходных тем из ряда предметов (кстати, можно объединять не сходные, а противоположные концепции, взгляды, научные теории), вертикальное — объединение одним учителем материала, который повторяется в разные годы обучения на разном уровне сложности. Каждый интегрированный урок дает выигрыш во времени от двух до шести часов. В результате в течение учебного года накапливается изрядное количество учебных часов, которые мы можем использовать по своему усмотрению.

Когда мы спрашиваем учителей, занятых интегрированным обучением, как они собираются использовать сэкономленное время, они, как правило, отвечают: «Будем повторять!» Но как повторять? Какой смысл повторять материал тем ученикам, которые его отлично усвоили? Какой смысл сообща повторять материал слабым ученикам, у каждого из которых свои огрехи и нелады с пройденными темами? Повторять следует дифференцированно, в соответствии с уровнем не только усвоенного или неусвоенного, но и психического развития ученика. Сейчас для учителя нет более важной цели, чем развитие личности учащегося. Во имя обеспечения этого развития в школах введен институт психологов. В течение года, наблюдая детей на уроках, психолог составляет карты психологического развития каждого ученика. В соответствии с установленным уровнем развития ученика и его психологическими особенностями организуется обучение или повторение. Дополнительное время, полученное благодаря интеграции уроков, должно служить интеллектуальному и духовно-нравственному обогащению личности каждого ребенка.

Каково соотношение интегрированных уроков с традиционными методами и формами обучения?

Вначале, когда цель интегрированных уроков ограничивалась изложением нового материала, нас беспокоили бедность и однообразие применяемых методов. По мере распространения интегрирования на область закрепления, повторения, зачетной системы, формы и способы учебной работы становились все более разнообразными. Интеграция иностранного языка с информатикой раскрыла новые аспекты компьютеризации в учебном процессе. Урок-повто-

рение «Суд над вредными привычками» (биология и основы государства и права) показал возможности ролевой игры в процессе интегрирования. По замыслу учителей она была организована как заседание суда. В ходе слушания «дела» были выслушаны истцы-врачи, предъявившие иск против табака, алкоголя и наркотиков. Выступили свидетели, жертвы вредных привычек. Прослушали прокурора, адвоката. Суд огласил приговор. Одновременно, работая индивидуально с медицинскими брошюрами, учащиеся заполнили таблицы сведениями, подтверждающими вред пьянства и курения.

В этом уроке меня особенно заинтересовал прием одновременного использования горизонтального и вертикального интегрирования: синтез аналогичных тем по биологии и основам государства и права и одновременно подготовка к более углубленному изучению предстоящей темы «Суд и судопроизводство». При обсуждении урока учащиеся, конечно, заговорили о причинах широкой продажи табака, о социальных и нравственных корнях алкоголизма, путях его преодоления. Это было не просто учебное упражнение в продуктивном действии. В разговоре был заложен немалый нравственный смысл. Ведь у многих этих ребят, сирот при живых родителях, отцы-алкоголики, совершившие преступления, сделавшие своих детей воспитанниками государственного учреждения.

Дальнейшее развитие темы интегрированных уроков во многом зависит от помощи ученых. Нас затрудняет блочное интегрирование, разбросанность сходных тем различных предметов по месту в программах и по времени изучения. Назрела необходимость интегрирования предметов, рассчитанных на один час в неделю. Нужно определить пути соединения интегрированного и дифференцированного обучения.

Все это означает, что поиск следует продолжать.

Каковы наши планы по дальнейшему совершенствованию и развитию интегрированного обучения?

Мы думаем начать внедрение полных или блочных интегрированных курсов. В этом нам помогут в первую очередь учителя, ведущие сразу два-три предмета. Л.М. Дымова, которая преподает, напомню, химию и биологию, создает из этих предметов блочный интегрированный курс. Это позволит ей заканчивать программный материал не позже апреля. Н.В. Ящук хочет вести интегрированный

курс обществознания, который уже преподается в нескольких школах республики. Ознакомившись с программой курса, она внесла в нее много нового, соответствующего ее личным интересам.

Наш завуч Л.А. Колегова формирует систему интегрированного обучения в школе-интернате. Она составляет календарный график интегрированных уроков с указанием числа сэкономленных часов и точным сроком окончания курса каждым учителем, а также организации дифференцированной работы с учащимися в оставшееся до конца учебного года время. Чтобы расширить объем интегрированных уроков в школе, Людмила Александровна намечает объединить в систему отобранные каждым учителем базовые понятия, категории, законы и мировоззренческие идеи своего предмета. При таком подходе станут ясны главные связи всех предметов по горизонтали и вертикали. Это, мы надеемся, поможет всем нашим учителям лучше проектировать интегрированные уроки.

Думаем мы также попробовать интегрирование в начальной школе. Бинарные уроки там давно проводятся, но нас тревожит их некоторая искусственность. Например, урок во II классе по математике и ознакомлению с окружающим миром. При этом из второго предмета берется тема «Культурно-просветительные учреждения». Получается курьез: математика и культурно-просветительные учреждения. Однако в новых программах начальной школы выделены мировоззренческие понятия, обобщение которых в бинарных уроках может придать им подлинно научный интегрированный уровень. Что касается старшеклассников, на долю которых приходится наибольшее количество интегрированных уроков, то мы собираемся предвосхитить их интегрированной лекцией «Материальность мира и его единство». Эта лекция, а также чтение специальной литературы помогут подготовить ребят к циклу будущих интегрированных уроков.

Учителя, которые с 1988 г. занимаются интегрированием, разработали схему анализа интегрированного урока. Они включили в анализ следующие пункты: достигнута ли цель интегрирования, т.е. принцип соответствия; виды интегрирования на уроке; диалектичность урока; методы обучения, их разнообразие; проблемность на уроке, воспитательная значимость урока; соответствие формы организации урока содержанию материала. Эту схему анализа ин-

тегрированного урока мы уже начали внедрять в практику, и она представляется нам довольно удачной.

Теперь скажу о нашем отношении к учителям-новаторам и их опыту.

С Евгением Николаевичем Ильиным наши учителя встречались, когда он проводил трехдневный семинар в Сыктывкаре и посетил интернат. Трудно определить, что интереснее: методика Ильина или он сам. Сидишь на его лекции и не знаешь: то ли записывать рекомендации, то ли неотрывно смотреть на педагога-мастера. Так неподражаемо его актерское дарование. Нам близка главная идея Ильина: не литературе нужно учить детей, а литературой учить их жизни. Учитель идет на урок с книгой, ребенок — со своей жизнью. Значит, нужно учителю с помощью художественного произведения достучаться до сердца ученика, понять, что тревожит и беспокоит его. Иначе слово писателя оставит ребенка равнодушным, не вызовет живого отклика.

Созвучны нам и размышления Евгения Николаевича о нравственном содержании оценки по литературе, об искусстве вопроса, о трепетности общения учителя с учащимися, о роли удивления на уроке, об умении вызвать любовь к книге, личное отношение к прочитанному без назиданий и риторических призывов. Тонкость чувств, внимание к внутреннему миру ученика, духовность учителя — вот что нашли мы в методике Евгения Николаевича Ильина.

С Виктором Федоровичем Шаталовым я часто встречаюсь в Москве на совещаниях. Не может не восхищать его энергия, острый, глубокий ум, но больше всего — отвага служения детству. В основе его победной методики — глубокое знание детской психологии, понимание интересов ребят и забота об их будущей судьбе. Наши математики уже многое взяли из системы обучения, разработанной В. Ф. Шаталовым, но и учителям других предметов немало может дать освоение педагогических идей новатора, которому наконец-то присвоено давно им заслуженное звание народного учителя СССР. В Донецк мы направили Зинаиду Викторовну Егорову и Валентину Дмитриевну Шагай. Они вернулись убежденными, что вся шаталовская система обучения плодотворна для условий интерната. Психологически комфортный фон обучения, конечно, необходим для наших нервных и легко возбудимых детей. Стройная методика повторения, систематического контроля тоже необы-

чайно важны для нас как существенный фактор достижения качества знаний. Система приемов, обеспечивающих самоуправление и саморегуляцию учения, тоже нужна нам, так как мы внедряем коллективные формы учебно-познавательной работы учеников на уроке. Что касается опорных сигналов, то их польза неоспорима. Не все дети в состоянии усвоить основы знаний, и здесь опоры незаменимы. Постоянное общение с ними, дешифровка закодированного в них пройденного материала помогают успешно учиться, особенно тем, кого подводят слабость долговременной памяти, неразвитость мышления. Конечно, мы не можем рассчитывать на большой объем самостоятельной работы, как это предусматривается системой В. Ф. Шаталова, но по крайней мере возьмем с пользой то, что подходит нашим ребятам.

После поездки в Донецк, когда к математикам присоединились словесники и преподаватели иностранного языка, овладение шаталовской методикой стало коллективным творчеством. Предметники будущего IV класса договорились о комплексном использовании этой новаторской системы обучения в преподавании математики, русского и английского языков. Русский язык в IV классе будет вести З. В. Егорова, но уже в нынешнем V классе она применяет комплект опорных сигналов, привезенных из Донецка, изобретает их сама, и, безусловно, не без пользы для учащихся, ибо экономит время на прохождении нового материала, добивается многократного повторения, постоянно тренирует память детей.

Учителя начальной школы, разумеется, интересуются педагогическими находками С. Н. Лысенковой, Е. Н. Потаповой, Ш. А. Амонашвили. Методика опережающего обучения Лысенковой, ее опорные схемы, комментированное управление давно вошли в практику начальной школы. А вот научиться преподавать, как Е. Н. Потапова, оказалось труднее. Дважды ездила к ней Елизавета Яковлевна Лукина. Теперь в ее I классе применяются и штриховка, и элементы чистописания, а письмо по трафарету пока не идет. Трафарет имеется в единственном экземпляре. Одному ребенку дать, другие обижаться будут. Вот и ждем, когда начнется массовый выпуск этого средства обучения.

Совершили наши учителя начальной школы и далекое путешествие в Тбилиси, к Шалве Александровичу Амонашвили. Их тепло встретили, показали школу, разрешили

присутствовать на уроках. Они воочию увидели и свободный выбор детьми темы, предмета изучения, и оперативные приемы развития речи учащихся, и неограниченные возможности классной доски, и артистизм педагогов, эмоциональность их общения с детьми. Теперь наши учителя тоже начинают урок с вопросов: какой урок у нас будет? Чем бы вы хотели заняться? Ребятам кажется, что это они сами придумали тему урока, а поэтому и занимаются ею с охотой и интересом. Позаимствовали наши учителя и прием преднамеренных ошибок учителя. Это очень важно — приучить детей не повиноваться слепо учителю, а замечать его ошибки и уметь доказывать свою правоту. Ведь именно в школе дети должны получать уроки гласности и демократии отношений.

Как-то решил я этот прием испробовать в X классе на уроке физики. Пишу на доске какую-то абракадабру, пишу, а сам думаю: дописать не успею, они крик поднимут, протестовать будут. Пишу дальше, а в классе полная тишина. Оглянулся — сидят спокойно и смотрят на меня преданными глазами. Продолжаю доказывать явную чушь. Опять никто не возмущается и не удивляется. Не выдержал, говорю: «Что же вы молчите? Неужели не понимаете, что я чушь говорю?!» Отвечают: «Мы понимаем, что это чушь, но стесняемся вам возражать, потому и молчим...» Ну, что тут поделаешь? Видно, надо с самого малого возраста приучать критически воспринимать получаемые знания и не бояться быть несогласными с учителем. Тогда и учителю будет интереснее работать.

Широко используем мы в нашей школе такое изобретение Ш. А. Амонашвили, как применение красных и зеленых чернил при проверке контрольных работ. Кажется, просто: подчеркивай ошибки красными чернилами, а удачные мысли и решения — зелеными. А на самом деле этот гениальный в своей простоте прием кардинально изменяет отношение ребенка к учению. Учитель внимательно проверил контрольную работу, отметил все ошибки красными чернилами, показал, как надо было решать задачу, стараясь помочь ученику, а тот, посмотрев в тетрадь, как бык на красный плащ, разъярился, скомкал листок и зашвырнул его под парту. А потом сидит злой, на учителя исподлобья посматривает.

Совсем иное дело, когда ученик видит, что в контрольной работе кое-что подчеркнуто зелеными чернилами. Зна-

чит, он не совсем конченый. Тогда можно спокойно и свои ошибки разобрать, подумать над исправлениями учителя. И никакого конфликта, никакого возмущения. Довольны и учитель, и ученик.

Был у нас в V классе Кургузов Петя. Для него зеленые чернила как свет надежды. Учится он слабо, и учителя, чтобы у него совсем руки не опустились, стараются при малейшем успехе похвалить его. А он не любит, когда его при всех хвалят. Кричит: «А чего я? Ну, и что!» Боится, как бы его ребята в любимчики не произвели, или чувствует, что это похвала из жалости. Когда же учителя стали его верные решения и самостоятельные мысли зелеными чернилами подчеркивать, все изменилось. Увидит их Петя, и радостно ему, и сопротивляться вроде бы повода нет.

А наш молодой физик Александр Эрнстович Вербин вернулся из Одессы от Николая Николаевича Палтышева активным сторонником его методики обучения. Деликатность, культура, педагогический талант Палтышева произвели на Вербина неизгладимое впечатление. «Порой, — говорит он, — на уроке готов выйти из себя, но тут же приходит в голову мысль: Николай Николаевич не сорвался бы, и стыдно становится — сдерживаешься».

Перед отъездом Николай Николаевич подарил начинающему учителю книгу с надписью: «Будьте всегда добрым, хотя это очень сложно». Это на самом деле сложно. Быть добрым — значит думать о детях, о том, как и чему ты учишь, и становиться мастером своего дела. Николай Николаевич подарил нашему интернату программу изучения атомной физики с использованием ЭВМ. Александр Эрнстович уже дал в X классе компьютерный урок, и, как он рассказывал, «ребята млели от радости». Опираясь на опыт Н. Н. Палтышева, наш учитель физики выделяет в общем курсе такие основные понятия, изучение и повторение которых обеспечивает свободное владение учебным материалом и успешное освоение нового. Мы согласны с Н. Н. Палтышевым: нужно прежде всего заботиться о том, чтобы ученик не только знал предмет, но и, познавая его, обретал уверенность в себе. Без чувства собственного достоинства, самоуважения невозможен успех в учении, и долг учителя пробудить это чувство в ученике.

Как и Н. Н. Палтышев, наши учителя заботятся о высокой духовности и эстетичности урока. Теперь многие уроки идут у нас в сопровождении музыки Баха, Бетховена, Гри-

га, звучат стихи, помогающие раскрыть поэтическую и философскую сущность знаний.

А самое близкое для нас в Палтышеве — искреннее уважение и сочувствие к детям из трудных семей и сиротам. Он рассказал мне о целой системе приемов и методов работы, которые помогают педагогически запущенным ребятам учиться, развивают их ум, интерес к знаниям. Общение с учителями-новаторами обогатило наше мышление, сделало нас мудрее и добрее.

Мы не стоим в стороне и от движения за перестройку школьного дела, начавшегося в нашей республике. Был образован творческий союз Коми учителей, уже прошли несколько фестивалей открытых уроков, семинаров по методике организации коллективных творческих дел. Наибольшее внимание на них уделялось активным формам обучения и воспитания. Нам показались интересными уроки-секреты, уроки-игры, поэтические уроки по естественно-математическим дисциплинам, уроки-расследования, уроки-отповеди и др. Теперь наши учителя разрабатывают сценарии таких уроков и внедряют их в практику обучения. При этом мы не слепо копируем передовой опыт, а берем то, что лучше воспринимается нашими детьми.

На совещаниях в Москве меня часто спрашивают, не забываем ли мы в учебном процессе коми язык, коми национальные традиции, обычаи, фольклор. Ребенок не может быть счастливым, если его оторвать от национальных корней его народа. Казалось бы, нет нужды доказывать, что родной язык, национальная культура, этнические традиции, народная педагогика — это не отвлеченные понятия, а суть национального самосознания, представляющего пока не использованный пласт воспитания детей. Многие десятилетия мы гордились освоением Севера, открывали новые месторождения, прокладывали шоссейные дороги, гнали на Север могучую технику, но проявляли какую-то ущербную застенчивость в вопросах развития национальной культуры, сохранения родного языка, его сокровенных богатств, фольклора и национальных традиций. Мы стараемся, воспитывая детей, не потерять кровных уз с коми землей, беречь ее историю, обычаи и заповеди коми народной педагогики.

Одну из групп дошкольников ведет у нас в интернате Валентина Семеновна Верижникова. Коми по национальности, она выросла в коми деревне, знает много народных пе-

сен, хороводов, игр, обычаев. Для нее истинное удовольствие передавать своим детям коми культуру, учить их языку, петь вместе с ними коми песни, водить праздничные хороводы.

Стоит зайти в эту группу, как тут же почувствуешь коми атмосферу. Ребятишки представляются гостям в соответствии с коми обычаем. «Меня зовут Толик», — говорит малыш. При этом он ударяет себя рукой в грудь, а потом широко распахивает руки, притоптывая ногой в знак дружеских чувств. Давно родился такой обычай. Коми край был населен негусто, и поэтому всякая встреча с новым человеком вызывала радость и расположение к нему.

Вот один мальчик жалуется на другого, что тот украл у него игрушку. «Нет, не может быть, — говорит Валентина Семеновна, — у нас никогда не было воровства, никто и не слышал о нем на коми земле. В деревнях не запирались дома. Даже уходя надолго в Северный Урал, на отхожий промысел, коми-охотники лишь подпирали дверь коромыслом. И никогда ничего не пропадало из дому». В коми играх и развлечениях заключен большой педагогический смысл. И Валентина Семеновна старается донести его до детей. Дети водят хоровод вместе с воспитательницей. Взявшись за руки, они поют по-коми нечто похожее на «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай!» Дети подходят к тому, кто им мил, нежно целуют в щечку своего избранника,обвив его шею руками. Все это искренне и простодушно, как принято в коми деревнях. Или еще одна игра. Внутри хоровода ходит мальчик, жалобно прикрывая щеку. Он по-коми жалуется детям, что у него зубы болят. А дети его жалеют: кто по голове ласково погладит, кто обнимет, кто добрые слова скажет. Тому, кто лучше всех пожалел, мальчик говорит: «Вот и зуб прошел».

Эта ласковость друг к другу так много значит для маленьких сирот. Посмотрите на любую мать с младенцем на руках. Она только и делает, что прижимает его к своей груди, ласкает, целует. Этот ребенок — одно целое с материнским телом, от которого исходит тепло и чувство защищенности. А кто целовал, обнимал, ласкал наших детей? Они стали сиротами, не успев прижаться к матери.

Американский психолог Росс Кэмбелл утверждает, что «при каждодневном общении с детьми любящий взгляд и нежное прикосновение совершенно необходимы. Они должны быть естественны, действовать на ребенка умиро-

творяюще. Соответствующий возрасту физиологический контакт и постоянный контакт глаз — это два наиболее драгоценных дара, которые мы можем передать нашим детям. Это наиболее эффективные способы заполнить эмоциональный резервуар ребенка и помочь ему развиться наилучшим образом»*.

Вот такие простые детские забавы, а в них мудрость народной педагогики. Дети растут добрыми, заботливыми, не ссорятся, не дерутся, любят друг друга. Им присуще свойственное коми народу радушное гостеприимство. Всех гостей они обязательно напоят соком, сунут в карманы и сумки присок, взяв за руки, проведут по комнатам, покажут свои рисунки, игрушки. Нас радует, что в нынешний тревожный период обострения национальной вражды дети обращены к истокам национальной культуры и народной педагогики. Валентина Семеновна упорно ищет в каждом уроке коми языка те нравственные аспекты, которые усиливают воспитательные возможности ее занятий с детьми.

Дети водят хоровод и поют простую песенку, которую все знают с детских лет: «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять...» Только в коми интерпретации она не кончается тем, что зайчик оказался живой. После этого идут слова: «Принесу его домой, будем весело играть». В соответствии с текстом девочка изображает игру с зайчиком, принесенным домой.

Можно было бы остановиться на этом эпизоде и перейти к следующему. Однако Валентина Семеновна задает неожиданный вопрос: «Правильно ли поступает девочка, играя дома с зайчиком?» Ребята закричали «Правильно!» А кто-то добавил: «Правильно, а то его в лесу волки съедят». Только один мальчик возразил: «Я думаю, что девочка поступила неправильно». И хотя ребята со всех сторон подсказывали «правильно», мальчик задумался и продолжал: «Нет, неправильно. Зайчик дикой, он умрет в доме без мамы».

Это ли не проблемное воспитание дошкольников? Дети учатся отстаивать свое мнение, не боятся спорить, учатся думать. Валентина Семеновна объясняет детям, как следует обращаться в животными, беречь природу коми края.

А вот занятие в зале, где оборудован уголок коми быта. Тут и костюмы, и пимы, и коромысла, коми панно. Звучит коми речь. К ним в группу заходит Чукля. Это герой коми

---

* *Кэмбелл Р.* Как на самом деле любить детей. М., 1990. С. 49—50.

сказок, лесной человечек. Он плохо одет, ему холодно. Детям становится его жалко, и они пытаются смастерить ему одежду. На шубе, рукавичках, пимах они рисуют коми орнаменты и узоры. Дети по коми говорят, что один узор означает рога оленя или лося, орнаменты напоминают следы диких зверей. Вот тут-то Валентина Семеновна задает неожиданный вопрос: «Ребятки, подумайте хорошенько: можно ли по этим орнаментам определить, чем занимались коми люди в старые времена?» Руки поднимают все дети. «Коми люди ходили в лес на охоту», «Они разводили оленей, лосей, баранов» — так, дополняя друг друга, ребята отвечают на этот вопрос.

Кстати, надо заметить, что элементы проблемного обучения вполне доступны дошкольникам. Именно с этого возраста следует активизировать мыслительную активность детей, иначе и старшеклассников не поднять на уровень продуктивного мышления.

Но пока это для малышей не главное. Важнее, что они учатся переживать друг за друга, всегда готовы помочь, умеют сострадать и сочувствовать.

Как-то в группе по коми обычаю отметили четырехлетие мальчика, который никогда не испытывал такого счастья. От радости он целую неделю бегал по интернату и кричал: «А я — именинник!»

Прекрасное знание коми языка Валентиной Семеновной не раз нас выручало. Ведь нередко приезжают в интернат люди из самой глубинки Коми республики, не знающие русского языка. И тут без помощи коми нам никак не обойтись.

Однажды в интернат приехала мать шестилетней девочки. Женщина была на сносях. Стала объяснять по-коми, явно требуя вернуть ей девочку. Три года о ней ни разу не вспоминала, и теперь даже конфетки не принесла. Видимо, нянька для будущего ребенка потребовалась. Поговорила с ней Валентина Семеновна начистоту, и оставила мать девочку в покое. Правда, та горько плакала. Успокоилась, когда воспитательница протянула ей новую куклу: «Вот, тебе мама велела передать».

На будущий год дети из группы В.С. Верижниковой пойдут в школу. Мы не хотим, чтобы они забыли коми язык. Уже договорились, что и учителем, и воспитателем у них будут женщины коми, не забывшие свой язык. Лет через 10—11 мы выпустим первый наш коми класс.

У нас давние связи с институтами Коми филиала Уральского научного центра. Ежегодно мы договариваемся о сотрудничестве. Ученые приглашают ребят на экскурсии в свои институты, лаборатории, ботанический сад, проводят практикумы и семинары, рассказывают об истории коми края. От них, от научных сотрудников Коми филиала Уральского научного центра, узнают ребята о первых поселениях на коми земле, о происхождении коми народа, его культуре, зарождении письменности, коми-героях Великой Отечественной войны... Обо всем этом не прочтешь ни в каком учебнике, а знать нужно. Дети не должны вырасти людьми без национальных корней.

Зинаида Викторовна Егорова уже несколько лет ведет литературную гостиную для учащихся V—VII классов. Тут происходит знакомство с коми фольклором, народным творчеством, обычаями, традициями родного края. Дети идут в этнографический музей. Видят предметы быта, ремесел коми народа, костюмы, платья, сохранившиеся с прошлых веков. Красиво, ярко умели одеваться коми во время праздников, когда водили хороводы и пели песни. А сколько коми сказок прослушали дети в литературной гостиной! К этому времени они уже хорошо знают русские сказки и легко находят сходство и различия в фольклоре обоих народов. Как в русских, так и в коми сказках похожий зачин, счастливый конец, часто встречается цифра 3: три сражения выигрывают коми богатыри, отгадывают три загадки и т.д. Сумели дети увидеть и своеобразие коми сказок: главный герой всегда охотник, действие сказок чаще всего происходит в лесу, звери, олени, птицы, куропатки, лоси помогают коми богатырям. Да и как могло быть иначе, когда вся жизнь коми народа издревле связана с лесом: лег обогреет, лес накормит и спасет в голодную годину!

Когда в литературной гостиной ребята знакомятся с коми сказками, в библиотеке устраивается специальный стенд сборников коми сказок. Любую книгу можно взять почитать, посмотреть иллюстрации. Воспитатели в группах по вечерам коми сказки рассказывают. Так общими усилиями приобщают детей к родному фольклору. После этого устраивается конкурс инсценированных коми сказок для малышей интерната.

Одно из занятий литературной гостиной было посвящено коми пословицам, поговоркам, загадкам. Сотрудник Института языка и литературы Вера Михайловна Кудряшо-

ва рассказывала, как в пословицах и поговорках отражены жизнь и труд коми народов, загадывала загадки. Ребята из кружка «Скоморохи» городского Дворца пионеров показывали костюмированное представление «Праздник в коми деревне».

Заинтересовало ребят и песенное творчество народа коми. В гости к ним пришел фольклорный ансамбль Сыктывкарского государственного университета. Студенты исполняли песни — праздничные, бытовые, уличные, потешки, частушки, которые они собрали во время фольклорных экспедиций, а потом вместе с детьми водили хороводы и пели на коми языке.

Легенды и предания коми народа рассказывал ребятам и ученый Коми филиала Уральского научного центра Юрий Герасимович Рочев. Он всегда рад поделиться с ребятами тем новым, что нашел в коми литературных источниках.

С декоративно-прикладным искусством коми народа дети знакомятся в краеведческом музее, делают там зарисовки, а потом оформляют альбомы. В музее, а чаще в интернате устраиваются встречи в коми писателями и поэтами — Г. Юшковым, Н. Мирошниченко, С. Поповым, А. Ванеевым.

У Зинаиды Викторовны большие планы для литературной гостиной. Уже начали изучать жизнь и творчество основоположника коми литературы Ивана Александровича Куратова.

Убежден, что любой учитель и воспитатель, осознавший, что без чувства корней, памяти о предках, нет нравственности, может многое сделать в приобщении детей к национальной культуре.

Все, кто приезжает к нам в интернат (а число гостей возрастает), заинтересовываются нашей системой самоподготовки. Долго и мучительно шли мы к ее теперешнему варианту. Сначала у нас все было, как в большинстве интернатов. Утром ребята учились, а после обеда и небольшого отдыха готовились к завтрашним урокам под руководством воспитателя. Толку в таких занятиях никакого — сплошное списывание! Сидят двое за партой, один делает математику, другой — русский язык. Сделали и — тетрадками поменялись. Воспитатель не в состоянии уследить за всеми, так же как и помочь по всем предметам. Между учителями и воспитателями не утихали ссоры, взаимные упреки в недобросовестности. Установить тишину, рабочий порядок

на самоподготовке было невероятно сложно, точнее, невозможно.

Завуч Зинаида Викторовна побывала в нескольких интернатах Москвы, входивших в систему Академии педагогических наук. Там часть уроков была перенесена на вторую половину дня. Попробовали и мы так учиться. Не понравилось. Дети уставали больше обычного, а домашние задания по-прежнему оказывались невыполненными.

В создании нынешней системы самоподготовки нам больше всего помогли статьи и диссертация доктора педагогических наук Б. Е. Ширвиндта. Сам бывший директор московского интерната, он предложил разумный режим учебы и выполнения домашних заданий учащимся школ-интернатов. Взяв его за основу, мы теперь учимся так: урок 45 минут, перемена 5 минут, затем 20-минутная самоподготовка под руководством того же учителя, который вел урок. Затем 10—15-минутные перемены между следующими уроками, во время одной из которых дети пьют сок. Всего таких уроков, спаренных с самоподготовкой, — по четыре в день. Правда, у старшеклассников бывает и пять: у них, в отличие от малышей и подростков, предусмотрена еще часовая самоподготовка по одному предмету вечером. Вечером же дети занимаются рисованием, музыкой, танцами, пением. Эти занятия не воспринимаются как обязательные уроки, нет домашних заданий, не ставят отметок, это просто свободная художественно-творческая деятельность по выбору.

У учащихся начальных классов уроки сокращены до 35 минут. Поэтому после второго урока они 40 минут гуляют на воздухе. Мы думаем, что и в остальных классах надо перейти на такое же расписание занятий. Считаем, что укрепление здоровья детей — главное в учебном режиме.

Важно и то, что теперь каждый учитель-предметник оказывается персонально ответственным за качество усвоения программного материала. Проверив сразу же тетради своих учеников, он уже на следующий день вносит дополнительные коррективы в случае неусвоения какого-либо вопроса или темы. Да и дети не ждут неделями, когда учитель проверит их тетради. На следующий же день, увидев свои ошибки, они внимательнее относятся к их исправлению. Списывать у товарища, пользоваться шпаргалками становится просто ни к чему. Ведь сделать задание сразу после объяснения учителя доступно даже самому слабому ученику.

Нет нужды доказывать, что при такой системе самоподготовки отпали всякие поводы для конфликтов учителей с воспитателями. Каждый делает свое дело, каждый несет полную ответственность за свой участок работы.

Первый вопрос у всех наших гостей: «Как вы оплачиваете дополнительные часы учителям?» Очень просто. На каждую группу воспитанников дается 2, 3б ставки воспитателя. Две ставки оставляем воспитателям, а 0,3б, собранные со всех групп, делим между учителями за проведение самоподготовки. В начальных классах учителю доплачивается 0,2 ставки.

Чтобы успешно управлять учебным процессом, т. е. получать высокие результаты обучения, совершенно необходимо обеспечить его материально. При этом речь идет не о количестве наглядных пособий и даже не о создании учебных кабинетов, а о такой современной системе материально-технического оснащения учебного процесса, при которой он достигает максимальной эффективности. Сейчас на уроке немыслимо рассчитывать лишь на слово учителя. С помощью одного слова не удастся выявить суть исторического явления, раскрыть художественный образ, показать великие географические открытия. Учитель должен обладать такой системой материально-технических средств, которая позволит ученику воспринимать изучаемое во всей полноте, всесторонне.

Оформляя кабинеты, мы исходили из задач обучения не только по одному предмету, но и по нескольким, чтобы можно было проводить интегрированные уроки.

Мне хотелось бы рассказать о кабинете физики, который оборудовал Александр Эрнстович Вербин. Столы он расставил полукругом на ступенях разного уровня — получился амфитеатр, как в студенческой аудитории. По его чертежам сделали подвесной шумопоглощающий потолок, заменили вечно гудящие лампы дневного света матовыми светильниками-люстрами, и кабинет преобразился. Соорудили вдобавок отдельные кабинки, где ученик может уединиться и индивидуально сдать зачет, записав ответ на магнитофон. Такие условия позволяют ученикам Александра Эрнстовича в удобное для них время сдавать зачеты по самостоятельно изученным темам. Изучает, например, класс первый и второй законы Ньютона, а кто-то одолел уже и третий. Пожалуйста, иди в кабину, сдавай зачет, и ты свободен.

В кабинете физики смонтировано и учебное телевидение. Соединили его с видеомагнитофонами, подключили к Центральному телевидению. Мало того, камера, находящаяся над столом учителя, и телевизоры подвешены к потолку: во время урока учитель может, не теряя времени на записи на классной доске, предлагать самые различные задания. Графопроектором можно дать задание одной степени сложности, учебным телевидением — другой, а третий вид индивидуальных заданий можно раздать на карточках.

Мы сами устроили необычный кабинет математики. Чем он хорош? Прежде всего, своей площадью. В нем около 100 м². Парты-столы размещены не в центре с проходами между ними, а в стороне. Основная часть класса оказалась свободной. Там мы соорудили небольшую каменную горку с цветами и подсветкой. Сделали фонтанчик, поставили диван, кресла, несколько круглых столов. Купили книжную стенку. И получился рабочий кабинет многоцелевого назначения. Там дети могут и за партами заниматься, и подумать в одиночестве, сидя в удобном кресле; группа ребят для выполнения коллективного задания рассаживается у круглого стола, кто-то решает задачи у доски.

Своеобразно оформлен и кабинет биологии. Вообще-то мы противники всяких стендов. Ведь если в классе висит стенд, его материалы надо обновлять, а иначе дети смотрят на него как на пустое место. А вот кабинет биологии весь в стендах. И эти стенды необычные — на них представлены изделия и предметы труда наших воспитанников. Здесь материалы и экспонаты их опытной работы в лагере, за которые они получили медали ВДНХ. И эти экспонаты до сих пор используются в учебном процессе. Это скорее не кабинет, а музей развития и роста нашего учебно-опытного хозяйства.

Я убежден, что кабинеты должны быть непохожими друг на друга. Мечтаю оборудовать для учащихся начальных классов кабинеты игрушек, развивающих игр. С уютными уголками, коврами на полу, где можно посидеть, полежать. Столики должны быть на колесиках: можно отъехать в сторону и поработать группой. Все ведь знают, как переставишь в доме мебель, будто в новую квартиру переехал. Так же и в классе надо почаще переставлять мебель в соответствии с разными учебными задачами, чтобы сама обстановка настраивала на ожидание необычного.

А недавно мы купили финский аппарат ксерокс для размножения различных учебных материалов, которые совершенно необходимы для индивидуального, дифференцированного обучения. Учителя наши давно составляют на карточках упражнения, задачи, опорные сигналы, схемы. Теперь они будут тут же размножены до ста штук, и каждый ученик получит карточку для самостоятельной работы. Причем этот аппарат снимает не только тексты, но и схемы, рисунки. Ведь раньше мы уже пытались размножать дидактические карточки. Бегали на свои базовые предприятия, в различные проектные институты, все это было крайне сложно. Мы накопили много учебных материалов и так ими дорожим, что храним в особых пленках, чтобы они подольше нам служили. Теперь эти заботы отпадают, мы получили возможность обеспечить уроки дидактическими средствами и пособиями в необходимом нам количестве.

Создание комфортной обстановки в школе — это забота не только об учениках, но и об учителях. Тем учителям, у которых есть свои предметные кабинеты, в которых можно расслабиться, отдохнуть на перемене, гораздо легче. Тем же, у которых нет персональных кабинетов, приходится идти в учительскую. Под руководством завуча Людмилы Александровны Колеговой и учителей-ветеранов мы оборудовали уютную, красивую учительскую. Многие, кто заходит впервые, поражаются изысканности интерьера: ковры на полу и на диване, кресла, светомузыка, самовар, тонкие фарфоровые чашки, на маленьких письменных столах лампы с неярким светом. Учитель на перемене должен отдохнуть и психологически, и физически, настроиться на следующий урок, новую тему. С ужасом смотрю, как в некоторых школах учителя на переменах дежурят в коридорах, разнимают дерущихся мальчишек, чуть ли не падают, попав в толпу бегущих детей, а потом все в поту, взбудораженные идут «творить» урок. Это же издевательство над самой сутью высокой профессиональной деятельности учителя! Поэтому мы считаем, что каждая деталь оформления учительской: и цветы, и аквариумы с экзотическими рыбками, поющие попугайчики, и продуманное освещение — это забота о душевном тонусе учителя, это обеспечение его мажорного оптимистичного состояния, а следовательно и высокой результативности труда.

У нас уже давно существует зачетная система оценивания знаний старшеклассников. Учителя выделили темати-

ческие блоки в программах по своим предметам, завуч Л А. Колегова составила график проведения зачетов по каждой теме, так чтобы в неделю их было не более двух.

Мы сразу убедились в полезности зачетной системы. В классах создается обстановка сотрудничества учителя и учеников, общей и личной заинтересованности в результатах учебной деятельности. Учитель организует управляемую и оперативную обратную связь, ученики добросовестно работают и на уроке, и дома, зная, что им придется раскрывать всю тему, а не рассчитывать на «счастливый вопрос». Накануне зачета повторяют материал, консультируются с учителем, знакомятся с дополнительной литературой в библиотеке. Отметку учитель ставит в зачетную книжку ученика. Такая система оценки знаний не только повышает качество обучения в целом, но и содержит немалый нравственный заряд: надо не ловчить и приспосабливаться, а серьезно, по-взрослому работать. Тематический зачет прививает привычку к регулярному и напряженному умственному труду, он становится потребностью, а результат труда — не отметка, а реальные знания и ощущение выполненного долга.

Мы стараемся разнообразить формы проведения зачета. Он может быть и индивидуальным, и групповым, проходить как конференция, или практикум, или конкурс добытчиков знаний, или аукцион знаний, или отчет по опытнической работе и т. д. При индивидуальном зачете мы успешно используем опыт одесского учителя химии Н. П. Гузика. Каждому учащемуся предлагается на выбор 3—5 карточек с заданиями. Они отличаются разной степенью сложности и учебной самостоятельности. Если ученик взял самый простой вариант, не беда — на следующем зачете выберет более сложный. Так осуществляется контроль за его познавательной деятельностью и управление ее развитием.

Внести много новшеств в учебный процесс нам удалось благодаря тому, что у нас школа-интернат, а не детский дом, из которого ребятишки ходят учиться в городскую общеобразовательную школу. В этом я вижу преимущество школы-интерната перед детским домом.

В последнее время правительство приняло ряд важных для нас решений: разрешено воссоединение братьев и сестер в одном доме, создание смешанных детских домов и интернатов. Но с тем, чтобы превратить школы-интернаты в детские дома и направить сирот учиться в общеобразова-

тельные школы, я никак не могу согласиться. Наши нововведения в организации занятий, щадящий режим в обучении нездоровых детей — все это возможно только при наличии своей школы. Я еще не встретил ни одного директора детского дома (а мне пришлось беседовать со многими), который был бы рад, что его дети ходят в городскую школу, где получают ускоренное развитие за счет контактов с городскими детьми. Напротив. Драки, обиды, слезы по каждому поводу и без повода: «Ты детдомовский». Наши ребятишки со слабой нервной организацией не выдерживают общего темпа обучения, болезненно реагируют на волевой напор учителей, начинают конфликтовать из-за каждой мелочи, ощущают чувство несправедливости и незащищенности, а в результате — болезнь, называемая дидактогенией.

Сокращенные уроки, уроки, соединенные с самоподготовкой, интегрированные уроки и зачетная система оценивания знаний опять же стали возможны лишь на базе собственной школы. С городской школой можно сдружиться в IX—X классах, когда дети захотят заниматься углубленным изучением какого-нибудь предмета. К этому времени они заметно взрослеют, оказываются готовыми к общению на равных с новыми товарищами.

Мы испытываем немалые трудности, когда в педагогический коллектив вливаются молодые учителя, не знающие наших традиций, не готовые работать с детьми-сиротами, не умеющие дежурить в столовой, не желающие один летний месяц провести в Межадоре, не приспособленные к нашей системе самоподготовки. Помню, пришла к нам новая учительница и воспитательница. Дело было в конце августа, на следующий день ее пятиклассники должны были вернуться из лагеря. Решила она их сразу расположить к себе. Застелила кровати в спальнях чистыми покрывалами, поставила букеты цветов, а когда ребята подъехали, включила музыку и, улыбаясь, встала в дверях. А V класс был недавно собран из детей, переданных нам другими детскими учреждениями. Бегут они толпой в свою спальню мимо воспитательницы, рюкзаки на чистые покрывала побросали и своими делами занялись, не обращая на новую воспитательницу никакого внимания. Конечно, она расстроилась. Пришлось долго объяснять, что дети у нас особые, с ними нелегко контакт наладить, прийти к взаимопониманию. Нужно набраться терпения, быть снисходительным к

их выходкам и уж, конечно, никогда не обижаться на них. Воспитание — это не отбывание, пусть и добросовестное, рабочих часов, а постоянная самоотдача души. Да и к учителю, обучающему детей-сирот, предъявляются у нас требования более широкого, так сказать, спектра, чем в обычной школе.

Особенно ценим мы в начинающих учителях их нацеленность на творчество. Это рождается из желания работать на максимуме возможностей, искать непроторенные пути, раскрыться навстречу детям. Творчество всегда присуще истинно интеллигентному человеку как стремление к самовыражению, реализации своей личности. Если молодой человек проявляет элементы творчества на своих первых уроках, значит, мы не сомневаемся, он станет хорошим учителем, хотя и не обрел пока мастерства. Только надо ему помочь.

Из определений творчества в педагогической литературе мы выделили для себя три основных показателя:

— нестандартность мышления и действий;

— поиск новых методов в преподавании;

— включение учащихся в самостоятельную деятельность творческого характера.

Вот дает урок молодая учительница иностранного языка. Чтобы дети ее лучше поняли, она использует опорный плакат, изготовленный заранее. Кроме того, организует игру-соревнование, чтение с доски хором, работу с магнитофоном. При этом учительница прекрасно владеет жестом, мимикой, голосом, требовательна и в то же время доброжелательна к детям. И пусть еще она не обладает педагогическим мастерством (боится часто спрашивать слабых учеников, чтобы не утратить нужный темп, фронтальный опрос не подкрепляет индивидуальным, не использует в полной мере наглядные пособия), важнее ярко выраженное творческое начало. Этот «показатель» дает нам уверенность, что она достаточно скоро достигнет профессионализма в своем деле. Я бесконечно рад, что к нам пришли работать такие творческие молодые учителя и воспитатели, как Саша Вербин, Наташа Ящук, Марина Усова.

Я мечтаю о том времени, когда выпускники педагогических институтов, направленные по своему желанию и рекомендации совета вуза в школу-интернат, станут представлять своего рода квалификационный лист, в котором будет написано, какие педагогические способности проявились у

юноши или девушки во время учения и в чем им необходимо помочь. Это был бы деловой и конкретный подход, определяющий перспективы становления молодого учителя.

Между тем странные вещи происходят в педагогических институтах. Невозможно себе представить, чтобы не знали своих способностей выпускники актерского факультета или художественного училища. Однако большинство будущих педагогов не ведают, какие человеческие качества нужны педагогу, и обладают ли они ими. Проведенная среди выпускников Коми государственного педагогического института анкета подтвердила это парадоксальное явление. Только 21,8% студентов, заканчивающих институт, имеют представление о теории педагогических способностей.

В нашем интернате ежегодно проходят педагогическую практику десятки студентов. На одной из таких практик мы и провели экспериментальную работу по выявлению их педагогических способностей. В этом нам помогли исследования Н. В. Кузьминой, Ф. Н. Гоноболина, В. А. Крутецкого, В. А. Сластенина.

Сначала студентов познакомили с феноменом педагогических способностей и раскрыли кратко их суть. Потом на семинарах провели серию упражнений по выявлению этих способностей у самих студентов. Посетили ряд уроков, названных нами уроками рождения мысли, ибо они предусматривали фиксацию педагогических способностей непосредственно в деятельности наших лучших учителей. Студенты были предупреждены, что в конце педпрактики им предстоит написать отчет-самоанализ о своих педагогических способностях. Вот два примера таких работ:

«Очень трудно быть объективной в оценке собственных способностей. Но я все-таки попробую.

Наверное, у меня есть академические способности, так как я очень люблю французский язык. Это может показаться смешным, но мне кажется, что его должны любить все. Изящество, нежность и плавность его меня покоряют.

О дидактических способностях. На практике урок зависит от творчества, выдумки учителя. Поэтому стараешься больше делать наглядных пособий, да поярче, покрасочнее. Наглядные пособия, сделанные руками учителя, детям нравятся больше, чем напечатанные в учебнике. Учитель сделал их сам, значит, он думает о них, своих учениках, старается, чтобы они поняли материал, чтобы им было интересно.

Перцептивные способности — умение видеть и понимать детей. Я думаю так: если не видишь, чем живет твой ученик, ты плохой, никудышный учитель. За месяц трудно понять 32 ученика. Но, что могу сказать уверенно, свою французскую группу (15 человек) я знаю довольно хорошо. Я заранее могла сказать, как прореагируют на мои слова Витя или Сережа. Я знала, что Саша на пятом уроке вообще не будет меня слышать, если я не подойду и не встану рядом с ним. Я знала, что Лену можно обидеть до слез, сказав: «Ты сегодня плохо прочитала текст».

С речевыми способностями у меня дела плохи. Эмоций хватает, а вот правильность речи... Каждый раз репетирую свои выступления и все же боюсь, что не хватит слов. Может, влияет то, что я коми. Не могу преодолеть акцент.

Коммуникативные способности — связь с учениками, педагогический такт, умение быть интересной во внеклассной работе. О них говорить еще рано, их надо развивать. Как иной раз выводит из себя какой-нибудь «хулиганчик»! А что поделаешь? Надо держать себя в руках. Ты учитель, ты воплощение терпения и доброты.

Организаторские способности. Учитель организует не только работу класса, но и свою личность (одежда, прическа, мимика, жесты). Ведь если ты придешь в класс в пестрой, яркой одежде, с волосами, которые торчат во все стороны, будешь бегать по классу взад-вперед, размахивая, как мельница, руками, это будет просто смешно. И вся педагогическая работа сведется к нулю.

Проанализировав свои способности, я пришла к выводу, что мне надо очень серьезно работать над речевыми способностями, совершенствовать свой характер» (Надя Белых, студентка IV курса факультета иностранных языков).

«В процессе преподавания у меня проявились положительные и отрицательные стороны дидактических способностей. Положительная сторона заключается в том, что у меня было большое желание представить материал как можно доступнее. Но вместо этого часто получалось наоборот, я увлекался знаниями, полученными в институте, материал преподносил непонятно, и детям становилось неинтересно.

Хорошие академические способности, которые я заметил у себя во время педпрактики, были не случайностью. В течение четырех лет я старательно учился. Но все-таки сры-

вы в знаниях случались на практике во время изложения нового материала. Этому способствовали и слабости перцептивных способностей. Во время уроков я нередко не мог понять учеников. Почему, например, сильные ученики не хотели отвечать на мои вопросы? Это вводило меня в состояние замешательства. Пытался разгадывать эти «загадки» после уроков, но ученики неохотно беседовали со мной. Я заметил слабость своих перцептивных способностей и во время трудового десанта. Увидев отлынивающих от работы ребят, я не понимал, от кого надо требовать, а кого уговаривать, кого просить. В результате все мои меры оказывались безрезультатными. Только в туристском походе с ночевкой я понял, что такое требование. В области перцептивных способностей мне предстоит очень много работать, так как у меня их практически совсем нет.

Речевые способности у меня слабо развиты. Эмоциональная речь практически отсутствует. Я говорю скучно и однообразно, дети от меня быстро устают. Я не умею задавать риторические вопросы, привлекать внимание ребят к карте.

После практики буду читать вслух, заучивать стихи, тренироваться в разных типах речи.

Все ранее указанные недостатки привели к недочетам в организаторских способностях. Я не мог успокоить ребят, сосредоточить их внимание. Бегал по классу и одергивал непослушных учеников, а сам постоянно повторял одну и ту же фразу: «Что за шум?», хотя сам не понимал, что можно на это ответить.

Некоторое подобие авторитета у меня появилось только тогда, когда я научился требовать. И все-таки ребята не принимали меня всерьез. Я не был для них учителем, они только терпели меня.

Коммуникативные способности я проявлял не во время уроков, а во внеучебное время, да и то лишь в индивидуальном общении с отдельными учениками.

Практика задала мне такую программу самовоспитания, что не знаю даже, сколько лет мне потребуется для ее осуществления»(Александр Лютоев, студент IV курса естественно-географического факультета).

Отчеты позволяют увидеть два основных порока вузовской подготовки и сделать определенные выводы:

1) на предшествующей педпрактике работу оценивали примерно так: «У вас что-то получается, а что-то нет». Ни-

каких конкретных рекомендаций студентам не дают, как и программ самовоспитания, развития педагогической деятельности. Теперь же они ясно представляют, в чем преуспели и какие способности нуждаются в дальнейшем совершенствовании;

2) традиционная оценка педпрактики регистрирует лишь сегодняшнее состояние знаний, умений, навыков студентов, а выявление педагогических способностей направлено в будущее студента, прогнозируя уровень успешности его педагогической деятельности в первые годы самостоятельной работы.

Такой несложный эксперимент подтвердил нашу мысль о том, что система выявления у студентов педагогических способностей наилучшим образом определяет пути работы школьной администрации с начинающими учителями.

Какую роль в осуществлении учебного процесса играет сегодня директор школы? Нынешний директор — это не просто методист и дидакт, но и организатор, экономист, хозяйственный деятель. До сих пор слышишь, как сетуют директора школ: «Сняли бы с нас все хозяйственные заботы, и мы тогда займемся только обучением детей...»Устаревшая позиция. Разве можно в современной школе заниматься только обучением детей? Это была бы мертвая, пассивная педагогика. Сегодняшняя школа чрезвычайно сложна своими внутренними проблемами, взаимоотношениями с обществом, с базовыми предприятиями, с различными политическими и общественными организациями. Сегодня директор — стратег, который должен определить перспективу развития своего учебного заведения, создать условия для его роста и обеспечить предпосылки для творческой деятельности как взрослых, так и детей.

Учебный процесс никогда не дает ощущения завершенности. Казалось бы, сделали много, но еще больше видится впереди. Массу проблем ставит концепция непрерывного образования. Как форсировать развитие детей, запущенных в раннем детстве? Как преодолеть почти невосполнимые утраты в развитии первых пяти лет их жизни? Как обеспечить успех в обучении каждому ученику? Не сделать ли школу со специализацией на каком-нибудь предмете? Вся беда нашего учительства в привычке получать указания и слепо следовать им, без учета национальных, региональных условий, специфики данной школы, класса, личности ребенка. Ведь как было совсем недавно? Принимается по-

становление, и летит в школы инструкция «Об изучении...», где расписано как, в какое время, в каких классах его «проработать» Это же неуважение, недоверие к учителю! Но к таким директивам привыкли и не пытались выйти за рамки рекомендаций и методик, ориентированных, на некое среднее арифметическое. И под это «среднее» школа, в основание которой ставился авторитарный учитель, подгоняла любую неординарную личность — и тех, кто выше, и тех, кто ниже, всех — до среднего уровня!

Мы забыли, что школа создана не для учителя, а для детей: не было бы учеников — не было бы учителей. Забыв об этом, мы пришли к порочной системе обучения по микрорайонам, по месту жительства: хочешь не хочешь, иди в эту школу, к этому учителю. У нас нет возможности выбора. Да и выбирать-то не из чего: однотипные приемы и методы обучения и воспитания, однородность системы образования породили стандартные — на одно лицо — школы.

В составе оргкомитета мне пришлось участвовать в подготовке материалов Съезда работников народного образования (декабрь 1988 г.). Должен сказать, что при выработке концепций было очень много споров, и это замечательно! На предыдущем съезде, в 1978 г., мы только руки поднимали. А сейчас боролись! На съезде было свыше 500 выступлений на пленарных заседаниях и секциях. Активность поразительная. Точки зрения полярные. Меня поначалу даже испугала агрессивность москвичей: давайте все ломать, все подряд крушить. Я согласен с Роланом Быковым, который говорил в своем выступлении: «Вот сидят в президиуме съезда Амонашвили, Караковский, Елисеев... Их ведь тоже наша школа воспитала. Так надо ли такую школу ломать? Не следует бросаться в крайности. И, ломая, нельзя уповать на то, что враз появятся новейшие средства обучения, талантливые учителя. Но и ждать, что «вот приедет барин...» Не приедет он! Руки учителям развязаны — творите!»

В новых материалах, которые мы привезли со съезда, школе предоставляется подлинная самостоятельность в определении учебной нагрузки. Сохраняются всесоюзный и республиканский компоненты обучения, но пятая часть учебного времени — в распоряжении совета школы. Есть хороший учитель музыки — пусть школа поет. Есть талантливые преподаватели физкультуры, изобразительного искусства — используйте их возможности, создавайте факультативы, курсы по выбору ребят, профильное обучение

и т. д. Что, для этого нужны дополнительные затраты? Нет. Только творчество учителя.

В кулуарах съезда много говорилось о высшей педагогической школе. Мнение однозначно: надо менять подготовку студентов, максимально приблизив ее к школе. До поездки на съезд я встречался со студентами нашего пединститута. И они говорили, что учебные планы несовершенны. Кто будет их менять? Москва? Нет, сам вуз, исходя из своих конкретных условий и возможностей, должен их разработать.

Но ведь у нас как школы, так и вузы — «под одну гребенку». Впрочем, есть положительный пример — Полтавский пединститут. Здесь студенты и в школах, и в садиках, и в интернатах работают. А будущие абитуриенты определяются с VI класса (действует программа «Учитель»). Вуз знает, кто к ним придет, и отпадает нужда во вступительных экзаменах. Их заменяет один — творческий. И никаких стрессов, разочарований у человека, которому в раннем возрасте помогли определить цель.

Мне посчастливилось общаться с одним из главных инициаторов концепции глубинной подготовки учителя, бывшим ректором Полтавского пединститута, а впоследствии министром народного образования Украины, Иваном Андреевичем Зязюном. Я полагаю, что его идеи подготовки учителя надо взять на вооружение и перестраивающейся нашей школе, и вузам.

На съезде я познакомил нашего ректора Коми пединститута В. Н. Ахмеева с И. А. Зязюном — очень хочется, чтобы между нашим и Полтавским пединститутами завязалась творческая дружба. Мы уже договорились, что группа наших институтских преподавателей и студентов поедет в Полтаву, чтобы изучить опыт их работы. Нужно начинать творить самим, не ждать готовых рецептов.

Сейчас модно ссылаться на годы торможения и застоя. Не чувствовал я как-то этого застоя. И многие учителя, я знаю, его не испытали. Но есть и другие примеры. Сколько бед еще в сельских школах! Но одни ждут дополнительных вложений, а другие сами ищут. Есть прекрасный пример авторской школы-комплекса М. П. Щетинина, когда в единое целое объединены детский садик, школа, сельский клуб. Есть учебно-воспитательные комплексы (автор одного из них — Е. Б. Куркин из Тюменской области), где родители не отторгнуты от школы, а приняты в ее союзники,

равноправные партнеры. И создание и укрепление единого коллектива детей, учителей и родителей с начальных классов снимают многие проблемы трудного подросткового возраста.

Нужна огромная организаторская работа органов народного образования в пропаганде новаторских идей, творческого опыта педагогов, в оказании им помощи. Пока же все управление сводится к руководству и контролю снизу доверху. Пришел инспектор в школу, посидел на одном-двух уроках — и тут же разнос учителю. А может, учитель в этот день нездоров, может, в классе что-то произошло?.. За всю мою практику одну комиссию с благодарностью вспоминаю — Минпроса РСФСР. Неделю ко мне не заходили, жизнь школы старались почувствовать, с детьми, педагогами говорили. А уж потом приглашали учителей, выискивали зернышко хорошего, хвалили, предлагали: а что, если еще вот это и это попробовать? Какая же окрыленность появилась у людей!

А однажды пришла руководящая дама, обругала за оформление зала: «Антихудожественно!» Может быть. Зато все руками детей сделано. Но этого она не заметила. Испортила всем настроение и не забыла на прощание какой-то план потребовать. Это убийственно: на каждый шаг, каждое действие — план. Если уж мы утверждаем демократический стиль в работе, демократия не должна быть усеченной: вот кусочек демократии, а дальше — руководство и контроль.

Проблем же нам предстоит решить еще немало. Известно, как много мы теряем в раннем развитии детей в дошкольных учреждениях. Их перестройка еще не затронула. Что касается старших ребят, я поддерживаю идею расширения сети профильных школ, где учитываются более полно интересы и способности учащихся. Ведь если раньше школа ориентировалась на то, чтобы «вооружить учащихся суммой знаний, умений, навыков», то сегодня она обязана еще и научить самостоятельно мыслить, формировать личность. Такие профильные школы в нашей коми республике создаются, но надо укреплять каждую школу специалистами нашего направления, по которому она работает. Например, в школе № 38 г. Сыктывкара профиль естественных наук практически «тянет» один талантливый химик Л. Е. Боринцев. А ему бы в поддержку двух-трех сильных биологов, да через конкурсный отбор! Так бы и по другим

школам, хотя бы не по всей республике сразу, а для начала в Сыктывкаре.

Многое еще в школе предстоит менять. А главное — учителя творцом сделать!

Я часто думаю о поразительных свойствах педагогической профессии. Возьмем любого рабочего-мастера. Он отработал, довел до совершенства необходимое число навыков, и эти доведенные до автоматизма навыки делают его труд технически управляемым на основе определенного уровня сознательной деятельности. Рабочий выполняет и перевыполняет норму, дает общественный продукт — за что ему честь и уважение.

А учитель? То оптимизация, то активизация, то интеграция, то систематизация! Без конца новые учебники, новые программы! Не успеешь освоить одну педагогическую новацию, глядишь — еще одна подоспела. Начинаешь ее осваивать. Только привык к одной учебной программе, как она уже устарела, приспосабливайся к новой. И так — всю жизнь! По каким показателям определять качество нашей работы? Время покажет, но не скоро. Так и проводим всю свою учительскую жизнь в неустанном поиске, изобретательстве и недовольстве собой.

Говорят, у нас, учителей, не бывает «среднего» настроения: если огорчение, то чуть ли не до слез, если радость, то тоже через край. Видимо, эти крайности в эмоциях и определяют два полюса в нашем отношении к своей профессии.

Учителя-оптимисты, назовем их так, одухотворенные радостью общения с детьми, находят в них источник творческого вдохновения. Их позиция: каждый день искать новые пути к детской душе, чтобы пробудить в ней «доброе, вечное». Оптимист счастлив даже малым успехом разуверившегося в своих способностях ребенка. Он тут же заметит, как блеснула радость догадки в глазах вечного неудачника, как вздрогнула рука у того, кто никогда не решался ее поднять. Он вернет веру в себя любому потерявшему ее ученику. Он не остановится на достигнутом, не будет довольствоваться чужими методиками. У него огромный запас прочности в знаниях, основанных на постоянном изучении своей науки и современных методов ее преподавания.

Одна сыктывкарская учительница однажды доверилась мне: «Вы знаете, у меня далеко не все благополучно в доме. Стыдно признаться, но мне приходится жить в обстановке пошлости и лжи. Но стоит выйти из дома, чтобы идти в

школу, и я уже другой человек, Я, как Анна Каренина, вижу блеск своих глаз. Я иду пешком и чувствую, что ноги начинают нести меня со стремительной скоростью: скорей, скорей к моим ребятам, к моим выдумщикам, к моим добрым и чистым друзьям!»

Но есть и другой тип учителей — назовем их пессимистами. При этом не следует думать,что их раздражает неразумно составленное расписание с обилием «окон» (а с этим злом давно пора покончить!), угнетает вечная нехватка времени. «Свою жизнь наладить некогда, — сетуют они. — Семья заброшена, о своих детях забываешь, всё о чужих думаешь, а результатов и благодарности не дождешься...» Состояние постоянной неудовлетворенности, нервного перенапряжения настолько их изматывает, что они уже не видят устремленных на них детских глаз, тянущихся рук. Им просто физически трудно нести бремя учительской профессии.

Очевидно, по-своему правы и не правы те и другие. Общение с детьми дает неиссякаемую радость самовыражения, ощущения молодости в кругу учеников, безостановочного поиска и творчества. Вместе с тем, невозможно отрицать, что учительский труд не всякому по плечу, требуя полной самоотдачи, он приводит к физическим и нервным перегрузкам. Конечно, учительский труд — это не одно лишь вдохновенье и счастье взаимопонимания при общении с детьми. Как бы ни был талантлив учитель, все равно у него будут ученики, которые не любят его предмет; не сумеет он избежать черновой, будничной работы, конфликтов с детьми, сослуживцами или администрацией. Одна необычайно талантливая учительница, которую я про себя называю волшебницей, рассказывала мне, что, после того как я написал о ней статью в газете, она впервые «распрямилась», а до этого ходила по школе «бочком», не понятая ни коллегами, ни начальством.

Но кроме объективных трудностей и неприятностей учительских будней есть еще и субъективные, возникающие из-за незнания тонкостей общения, особенностей своего темперамента, характера детей, в также из-за неумения оценивать обстоятельства и находить верную линию поведения. Путь преодоления этих трудностей только один — самосовершенствование. Последнее начинается с самоанализа: что я представляю собой, во-первых, как личность, во-вторых, как учитель, в-третьих, как воспитатель. Родив-

шиеся на основе этого самоанализа сомнение и неудовлетворенность собой есть то перепутье, от которого, как в сказке: наверх пойдешь — вдохновение найдешь, вниз пойдешь — на себя рукой махнешь.

Конечно, настроение учителя во многом зависит от всеобщей заботы и престижности педагогической профессии, от справедливой, по труду, зарплаты, обеспечения жильем, санаторными путевками. И все же, убежден, что в не меньшей степени рабочее состояние педагога зависит от него самого, от умения управлять собой.

Как-то в интернате учительница выгнала с урока непослушную семиклассницу. Та выскочила в коридор, в ярости схватила охапку цветов из какой-то вазы и, открыв дверь, бросила в учительницу. Что тут было! Учительница рыдала, интернат собрался на линейку, девочку обсуждали на совете чести. Столько нервов перепортили! А ведь подобные конфликты — результат педагогической безграмотности. Учительница просто обязана была предвидеть такую взрывную ситуацию (кстати, в ответ на неумение педагога понять и, следовательно, устранить причины «непослушания») и найти достойную форму разрешения ситуации. Здесь мог бы помочь юмор: «Подумайте, какое счастье! Мне, как народной артистке, на сцену цветы бросают!» Думаю, что в этом случае девочке был бы дан пример выдержки и великодушия и ей легче было бы осознать недопустимость своего поведения по отношению к взрослому.

Управлять собой и своим самочувствием — это значит развивать в себе выдержку, умение владеть собственными нервами. Разумеется, многое может сделать директор школы, культивируя гуманные отношения в педагогическом коллективе, заботясь о душевном равновесии и материальном благополучии каждого сотрудника. Но начинать надо все-таки с себя. Например, я, как и многие мои коллеги, предпочитаю идти в школу пешком. Почему?

Это прекрасная возможность настроиться на встречу с детьми, не спеша подумать о предстоящей теме урока. В самой же школе, если там существует культ заботы о настроении учителя, директор никогда не скажет идущему на урок: «В конце дня зайдите в мой кабинет...» После такого предупреждения сможет ли учитель обсуждать философские искания Пьера Безухова или объяснять деление дробей? Нет, он будет невольно думать об одном: зачем он меня вызывает?

Многочисленные опросы показали, что учителя в первую очередь ценят в директоре твердость характера, разумную требовательность и справедливость. А справедливый директор — тот, кто заботится о настроении учителя не меньше, чем о своем собственном.

Хотел бы еще сказать о том, как могут помочь учителям старшеклассники. Мы бесконечно много говорим о самоуправлении, о том, что старшеклассники — хозяева своей школы, но как только дело доходит до настоящего труда, эти «хозяева» вдруг перевоплощаются в полных несмышленышей. На днях был в IX классе общеобразовательной школы. Юноши как на подбор: высокие, крепкие, плечистые. И тут им стали раздавать приглашения на вечерние дежурства возле школы. Естественно подумать, что это они, девятиклассники, будут обеспечивать порядок в своем микрорайоне. Нет, приглашения предназначались их родителям. А у этих взрослых парней еще хватило совести спросить свою хрупкую классную руководительницу, будет ли она дежурить вместе с родителями. Та заверила, что обязательно будет: «Я каждый вечер дежурю возле школы...»

В тех школах, где существует подлинное самоуправление, порядок на переменах обеспечивают старшеклассники, и учителя не бегают по коридорам и не разнимают дерущихся мальчишек, а в своих кабинетах спокойно готовятся к уроку, обдумывают предстоящий материал.

К. Д. Ушинский называл учителя «живым звеном между прошлым и будущим». Но чтобы осуществить эту историческую миссию, учитель должен быть настоящим учителем в настоящее время.

МЕЖАДОР: ТРУД, ТВОРЧЕСТВО, РАДОСТЬ

Лет 20 назад, как я уже говорил, удалось получить для интерната здание бывшей ГЭС и часть земель совхоза «Межадорский», потом Совет Министров Коми АССР закрепил за нами около 750 гектаров лесов и лугов вместе с речкой Малой Визингой под государственный заказник. Год от года обрастал наш лагерь жилыми корпусами, игровыми площадками, теплицами, хозяйственными постройками. Теперь он раскинулся на 30 гектарах, из них 2 га — под цветами и опытными участками, 16 га пашни — под картофелем и овощами, а еще у нас 75 га сенокосных лугов. Поле, лес, грибы, ягоды, косматые сосны, прикрывающие жилые дома, прозрачный воздух — вот это и есть Межадор. Мы зовем Межадор дачей. У многих семей есть дачи, и у нас тоже дача. Увидишь, как кто-то маленький с собачкой играет, другой козленка кормит, девчушка в цветах возится — чувствуешь, что здесь не просто отдых, организованный для детей, а обыкновенная жизнь ребятишек на лоне природы.

Межадор — дача для отдыха детей, но, что особенно важно, и база их труда. Я всегда считал, что труд от слова «трудно». И когда меня спрашивают: «Как вы прививаете любовь к труду?», говорю: «Мы не любовь к труду прививаем, а воспитываем потребность в труде и обязательно привычку к работе как основу будущего счастья нашего ребенка».

Для самых маленьких мы организовали колхоз «Малышок». У них есть свои животные, отдельные грядки, где они возятся. Для них мы устраиваем праздник, который называется «Первая морковка». Когда на поле вырастает первая тоненькая морковка, ее надо прореживать. Тогда старшие ребята везут на поле ведра с водой, ставят между грядок. Малыши дергают первую морковку, моют и едят.

В шесть часов утра идешь по территории, смотришь — крохотный малышок тащит ведерко.

— Ты куда идешь? Все спят еще.

— Я должен ослика покормить...

Значит, набрал уже пищевые отходы, идет кормить. Воспитатель спит, вожатый спит, а он уже животных покормил, погладил, приласкал и хлев убирает до подъема. Так воспитывается чувство ответственности. Каждое утро на совете бригадиров идет «драка» за трактора. Их у нас не хватает. Кому-то рассаду везти, кому-то поле дисковать, кому-то что-то другое надо делать.

Мы решили полностью обеспечивать себя овощами и картофелем. И вот уже десятый год не только себя обеспечиваем, но и продаем излишки горожанам. Наш урожай идет нарасхват. Уже в августе везем раннюю картошку. Мы ее выкапываем в шесть часов утра. Вымоем, в красивые ящики уложим и первую проходящую мимо машину останавливаем — попутный груз до Сыктывкара.

Любой магазин согласен взять наш картофель, у них очередь стоит, люди ждут, когда из интерната картофель привезут... Мы же детей воспитываем! Мы не можем грязную картошку с поля отправлять в магазин.

Рассаду помидоров (около 30 сортов) мы сначала решили на рынке продавать. Арендовали киоск, вывеску повесили. Но люди узнали о том, что мы будем продавать. Не успели машины с дачи к школе подойти, появились первые покупатели: через полчаса все продали. Так на рынок и не выехали.

К цветам у нас особенно трепетное отношение. Незатейливые анютки, яркие ноготки, торжественные дельфиниумы отогревают детскую душу. Гляжу, как-то утром сидит на корточках маленькая девочка и гладит тоненьким пальчиком нежный лепесток цветка. На следующее утро опять. Игорь Леонов, уже большой парень, загляделся на цветок ноготка, глаз отвести не может, а потом говорит: «Он на солнышко похож...» Первым главным цветоводом была у нас третьеклассница Катя Безносикова. Развели тогда девочки огромное количество цветов, начали опытническую работу проводить. Однажды приехали из города учителя-биологи и все удивлялись обилию цветов. Спрашивают, какое образование у нашего главного цветовода. Тут и подводят к ним Катю Безносикову с незаконченным начальным образованием. А сейчас Катя Безносикова заканчивает медицинский институт. Скоро врачом станет.

Главным организатором сельскохозяйственных работ на даче, безусловно, является Людмила Михайловна Дымова, учитель биологии. С раннего утра до позднего вечера она на полях, в теплицах, в зоопарке, на цветниках. И всегда вместе с детьми. Учит, сама трудится, тетради наблюдений проверяет, конкурсы проводит. И так весь год.

Вся работа ребят в лагере строится по коллективному принципу. Ребята распределяются по разновозрастным бригадам, насчитывающим по 5—6 человек, во главе с бригадиром. Каждая бригада имеет свой участок. Одни выращивают цветы и овощи, другие занимаются животноводством или строительством, третьи — поливом или вождением тракторов и машин. Отдельные трудовые поручения выполняют сводные отряды. Малыши по утрам с ведерками в руках собирают мусор на территории лагеря, а потом отправляются в лес за грибами, ягодами и лекарственными травами.

Старшие ведут эксперименты по выращиванию в условиях севера теплолюбивых цветов, разных овощей. Их деятельность направляется учеными Коми филиала Института биологии Уральского научного центра. Дети заняты трудом 6 дней в неделю, по 2—4 часа.

Трудовой день лагеря начинается... накануне вечером. Ежедневно в 20 часов собирается совет бригадиров — главная исполнительная власть в лагере. Я попытаюсь передать атмосферу этого демократичного и в то же время твердого детского самоуправления.

Заседание ведет председатель совета — десятиклассница Эля Давыдова, девочка сдержанная, строгая и справедливая.

— Первый отряд работал на сборе редиски и прополке укропа. Замечания есть?.. А после прополки у вас еще было время?.. Собирали подорожник. Вожатые, пожалуйста... Нет замечаний? Хорошо. Ваша оценка? Второй отряд плохо работал на строительстве водопроводной траншеи. Холопов Сергей, в чем дело?

— Да вроде не было замечаний, а к вечеру опять траншея завалилась. Ну а потом мы веники вязали.

— Завтра кроме нового задания повторите очистку траншеи. Оценку за сегодняшний день снижаем, так? А завтра главная работа на полях и в теплицах.

И так перед советом один за другим проходят бригадиры: серьезная Наташа Егорова, живая и неравнодушная ко

всему Алла Керимова, работяга Сергей Иванов, нынешний неудачник Сергей Холопов, неугомонный и хулиганистый Слава Мяус... Егорова докладывает об уборке свеклы, Иванов — о покраске навеса. Животноводы кормили кроликов, коз и кур — у них не трех- или четырехчасовой, а, так сказать, неучтенный рабочий день. Кто-то загружал и разгружал трактор, помогая строителям, кто-то дежурил в столовой.

В обсуждении прошедшего трудового дня и планировании дня будущего принимают участие и вожатые, но у них право совещательного голоса. Изредка вставляет замечания начальник лагеря Александр Эрнстович Вербин. Такой порядок заведен давно, и Эля Давыдова прекрасно справляется со своими обязанностями председателя. Она, пожалуй, и формальный и неформальный лидер, при этом ничуть не превышающий ни свою роль, ни свою власть. При необходимости ее может заменить, скажем, Алла Керимова.

В середине лета мы всегда заготавливаем сено для совхоза «Межадорский». 300 человек выходят в поле. Малыши сено ворошат. Те, что постарше, в копны его собирают. Ребята повзрослее и посильнее стогуют, возят. А потом садимся все вместе и пьем чай с конфетами. Кажется, приустали, но набежала туча, и ребята побросали кружки с чаем, бутерброды и конфеты — помчались укрывать сено от дождя... И у всех ощущение, что это праздник, праздник труда.

В конце июля начинается черничный и грибной сезон. Объявляется поход за черникой, норма сбора — четыре литра на брата. Для малышей пол-литровая банка, для дошкольников — стакан. Кто перевыполняет норму, получает шоколад. Малыши прибегают из лесу, кричат: «Нету черники!»А у самих руки черные, губы черные, даже носы черные от этой самой черники. Хоть со второго захода, но по стакану все-таки набирают. В добрые годы запасаем до тонны черничного варенья.

Все наши дети хорошо знают грибы: где белый, где моховик или подберезовик, а где обыкновенная поганка. Для вожатых, приехавших с юга, насушиваем грибов. Это подарок, чтобы зимой помнили о своих воспитанниках и приезжали на другое лето снова.

Помощь шефам и совхозу — забота особая. Ребята часто повторяют: «Работаем для себя». А ведь необходимо, кроме того, уметь бескорыстно работать для других, приносить помощь людям. Как-то осенью убирали ребята картошку

на полях совхоза «Межадорский». Немного осталось, и вдруг трактор на поле появился. Тракторист кричит: «Разойдись, запахивать поле буду!» Ребята, хоть и подмерзли крепко, бросились всей толпой к трактористу, начали его убеждать, что нельзя поле запахивать, пока всю картошку не выберут. Тракторист взялся их уговаривать: «Да что вы ребята! Замерзли уже, идите по домам, погрейтесь!» Нет, не ушли с поля, пока всю картошку не выбрали.

Мы не представляем себе Межадор без техники, а воспитание ребят, особенно трудных, — без их работы с техникой. Видимо, сама техника вызывает у ребят повышенный интерес — просыпаются смекалка и инициатива, начинается творчество.

Как-то, приехав в лагерь, я увидел, что Вовка Попов разбирает новый трактор. Подойдя поближе, я заметил рядом с тракторным остовом груду металла и остолбенел. Вовка, тогда семиклассник, несколько перепугался тоже, но заверил меня: «Не волнуйтесь, я его соберу». И собрал, да так, что трактор стал работать лучше прежнего! Вова Попов был и остался нашим лучшим трактористом, окончил сельскохозяйственное училище и после армии вернулся в интернат. Теперь уже учит ребятишек обращению с трактором.

Я подсчитал, что за последние 15 лет мы сэкономили свыше миллиона рублей. Сумма огромная. Ежегодно на ремонт ведомственных лагерей затрачивается от 50 до 100 тысяч рублей. А мы весь ремонт проводим силами старших ребят. Вот и получается, на зарплату детям уйдет 10 тысяч рублей, а все равно сэкономим не меньше 40 тысяч. Возведение спального корпуса в лагере, при сметной стоимости в 50 тысяч рублей, обходится нам в 27 тысяч рублей при строительстве хозяйственным способом. Почти в два раза дешевле! Умножьте эту сумму на 15 лет, и опять получится огромная экономия. Вот отсюда и миллион, сэкономленный нашим трудом, вот и результат воспитания, слитого воедино с народнохозяйственными проблемами страны.

Иногда директора местных школ сетуют: «Первому интернату — все, а нам ничего!» Далеко не все. Мы не просим строителей для ремонтных работ, сами возим стройматериалы, сами строим, сами отделываем, и вот готов новый корпус в лагере. И ни у кого рука не поднимется что-то оторвать, испортить. Сами строили, сами и берегут. Каждый помнит, как трудно было.

Ребята хорошо понимают смысл своего труда, потому что всю зиму и осень получают дополнительное питание за счет выращенных ими овощей и фруктов, а также собранных грибов и ягод. Особенно «везет» тем, кто по болезни попадает в изолятор: там ребята активно «лечатся» черничным вареньем. Уже пять лет интернат занимает призовые места на городской выставке цветов. Мы всячески заботимся о том, чтобы труд детей не замыкался в рамках «работаем для себя». Надо не забывать и об общественном благе. Мы не только заготавливаем сено для совхоза «Межадорский», но и выращиваем для него же поле борщевика, засаживаем цветами улицы совхозного поселка, работаем на полях Института биологии Коми филиала Уральского научного центра, построили паром через реку Малая Визинга.

Что же, нет проблем у нас с трудовым воспитанием? Так только кажется на первый и неискушенный взгляд. Приехала к нам как-то корреспондентка местной газеты, чтобы рассказать о труде детей, посмотрела кругом, заскучала и заявила: «Ну, чего тут писать-то? Дети работают себе и работают». Этот вроде бы незначительный повод заставил нас самих задуматься о том, какова та педагогическая технология, которая делает столь сложную организацию трудового воспитания такой внешне простой: работают ребятишки, никто их не подгоняет, порой и воспитателя рядом нет, а дело спорится.

Отрабатывать до деталей технологию вовлечения ребят в трудовую деятельность нас вынуждал постоянный приток новых воспитанников, зачастую презирающих любую работу. Отговаривались: не привыкли, не умеют. Еще В. А. Сухомлинский заметил, как сложно преодолеть в детях долголетнюю привычку к безделью.

Поступила к нам в IV класс Надя К. Лето было в разгаре, и ее одноклассницы занимались цветами. Повозилась она с ними несколько дней и закапризничала. Перевели в овощеводы, потом в животноводы, а проку нигде нет — не хочет она себя утруждать. «Я нигде не хочу работать, — заявила она. — Дети летом должны отдыхать».

Другой новичок, Леша С., приехал к нам вместе с матерью. Она оформилась ночным сторожем. Леша быстро сообразил, как воспользоваться положением. Работать на участке капусты он никак не хотел, зато ночью его мать приводила капустные грядки в полный порядок.

Саша С., тоже новенький, получил цветочный участок на спуске к реке. Чуть ли не силой тащили его цветоводы на этот участок. Сначала не шел, а потом нехотя ковырялся в земле, хотя цветы от этого не становились лучше. А однажды ребята услышали радостный Сашин вопль: «Провалился! Провалился!»Ребята бросились к нему, думали, Саша в реку провалился. А оказывается, не он, а весь участок в реку сполз. Не зря Саша много дней устраивал в склоне подкоп.

Отлынивание от труда новеньких не столь страшно само по себе (в конце концов мы прививаем им привычку к труду), опасно их разлагающее действие на коллектив. В каждой бригаде всегда есть ребята, готовые перекинуться на сторону дезорганизаторов и лодырей. В. А. Сухомлинский справедливо говорил, что борьба с лодырями «ослабляет коллектив, если это воздействие не приводит к положительным результатам».

Разрушительное влияние детей, отвергающих труд, оказывается тем более опасным, что и воспитатели порой чувствуют свое бессилие. Нередко с болью в сердце видишь, как они пытаются уговорить, стыдят лодырей и даже делают за них часть их работы — и все безрезультатно! Привыкшие к безделью дети отлынивают от труда.

Решить проблему помогла педагогика параллельного действия, разработанная А. С. Макаренко. Суть этой педагогики состоит в воздействии педагога на коллектив и личность «в одном общем приеме». «В каждый момент нашего воздействия на личность, — писал великий педагог, — эти воздействия обязательно должны быть и воздействием на коллектив. И наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности...»*

В технике параллельного воздействия следует различать две воспитательные линии: воздействие педагога на коллектив и воздействие коллектива на личность, т. е., как объяснял А. С. Макаренко, «педагогическая установка коммуны в общем формируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность»**. Мы проштудировали горы литературы о трудовом воспитании. Пожалуй, нет ни одной книги или статьи на эту тему,

---

* *Макаренко А. С.* Соч. Т. V. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. С. 354.

** *Макаренко А. С.* Соч. Т. II. С. 400.

где бы не шла речь об огромном воспитательном влиянии на детей фактора организации труда. Но вот о механизме такого влияния труда на коллектив и личность через систему организации труда мы прочитали только в работах А. А. Пермякова и В. М. Румянцева. А. А. Пермяков в книге «Коллективный труд школьников и его воспитательные возможности» (М., 1961) предлагает различные формы организации общественно-полезного труда (работа сообща, фронтальный труд, комплексные работы, работа цепочкой, или «живой конвейер», и др.), раскрывая характер их влияния на внутриколлективные отношения (создают отношения ответственности и взаимного контроля).

В. М. Румянцев в статье «Некоторые вопросы организации труда учащихся в связи с формированием детского коллектива в школе-интернате» (Ученые записки Калининского педагогического института. Т. 41. Ч. 1. Калинин, 1964) убедительно показывает, как правильная организация перспектив («завтрашней радости», по А. С. Макаренко), коллективного планирования, разновозрастных отрядов становится эффективным средством воздействия на коллектив и личность в процессе их трудового воспитания.

Но впервые такие организационные формы воздействия на коллектив, а через него и на личность открыл А. С. Макаренко: это сводные разновозрастные отряды. Антон Семенович как-то заметил, что целых 16 лет он ломал голову над проблемой первичного коллектива и считает создание сводных разновозрастных отрядов своим самым интересным изобретением. Почему? Потому что, воздействуя на коллектив через организацию в нем сводных и разновозрастных отрядов, он заранее предвидел, какие качества и черты характера будет коллектив выковывать в каждом индивидууме. Это прежде всего умение подчиняться и командовать, это способность жить интересами всего коллектива, это чувство ответственности за сохранение и упрочение традиций коллектива. Организуя сводные и разновозрастные отряды, А. С. Макаренко влиял на коллектив косвенно, так как его воспитательный замысел оказывался скрытым: на первый план выступали интересы и потребности детского коллектива.

Одним из механизмов параллельного воздействия на коллектив и личность мы считаем соревнование. Чтобы максимально выполнить свои воспитывающие функции, оно должно предусматривать сочетание коллективной и

индивидуальной ответственности и строиться на принципе взаимопомощи.

Вот как, к примеру, на этих основаниях организуется соревнование ученических коллективов. Бригады цветоводов вместе работают на лагерных цветниках, но, кроме того, у каждого цветовода имеется личный, как мы называем, «персональный» участок, обрабатываемый им в любое свободное время. Вот этот «персональный» участок и дает возможность учесть отношение к делу каждого. На стенде соревнования — фамилии всех цветоводов, и против них каждый день вывешиваются замечания по содержанию «персональных» участков. Если участок находится в идеальном состоянии, т. е. полит, прополот, взрыхлен, цветоводу записывается на стенде одно очко. Чтобы кроме индивидуальной учесть и коллективную (бригадную) работу, условиями соревнования предусмотрено: та бригада, которая отлично справилась со своим заданием, помогла другой бригаде, а более половины ее членов получили зачетные очки, может заложить «кирпич» в «дом», который «строят» все бригады цветоводов (у каждой бригады свой цвет кирпичей, которыми заполняется контур дома на стенде). В конце лагерной смены награждаются лучшие — бригады, заложившие наибольшее количество кирпичей, а также цветоводы, которые набрали наибольшее количество очков.

Что происходит при такой организации соревнования? Работать плохо становится просто невозможно. Каждый ученик, пытающийся уклониться от дела, попадает в ложный, непрерывный поток осуждающих воздействий товарищей. В результате он вынужден подчиниться требованиям коллектива. В этих условиях самые хронические формы лени и нерадивости преодолеваются быстро и без рецидивов. Так, Надя К., о которой уже упоминалось, в конце концов вернулась в бригаду цветоводов. Работала она по-прежнему вяло и безучастно, но под влиянием товарищей должна была заставлять себя стараться, когда ребята выполняли общие дела. А ее «персональный» участок тем временем зарастал сорняками. Когда ребята стали ругать ее за эти сорняки, Надя заплакала: «Что я могу с ними сделать, если они так быстро растут?!» Тогда вся бригада дружно выполола ее участок, не оставив на нем ни травинки. После этого цветоводы тщательно следили, чтобы Надя не запускала участок. Так девочка стала втягиваться в труд, а в конце ле-

та даже была награждена «орденом кореопсиса» второй степени. Это означало, что она заняла второе место в индивидуальном соревновании цветоводов.

Таким образом, соревнование, предусматривающее коллективную и индивидуальную ответственность за результаты труда, может стать эффективным приемом педагогики параллельного действия, т. е. воспитания личности через коллектив.

Еще один прием педагогики параллельного действия — организация дела «на доверии». Как это происходит? Лучшие, добросовестно работающие микроколлективы на общелагерной линейке торжественно объявляются бригадами «на доверии». Это значит, что отныне этим бригадам выделяется участок работы и дается задание, а вся дальнейшая деятельность строится на принципах самоуправления и самоконтроля. Кто, что и когда будет делать, решают сами ребята. Выполнив задание, бригада считается свободной. Хотя по условиям соревнования предусматривается помощь другим бригадам, но ребята обычно стараются помогать не отстающим, а бригадам, также работающим «на доверии». Отстающие бригады как бы в изоляции, тем более что они должны были работать строго определенное время. Это, конечно, подстегивало отстающих, заставляло «выкладываться», чтобы заслужить право «на доверие». Часто возникали остроконфликтные ситуации жесточайшей критики тех, кто тянул бригаду назад. «Из-за тебя на доверие не можем выйти!», «Ты лодырничаешь, а мы за тебя работай!» — постоянно слышалось в отстающих бригадах.

В педагогической литературе об организации общественно полезного труда обоснована необходимость четко очерченного, определенного участка работы, конкретного трудового задания для каждого первичного коллектива. Не сомневаясь в правильности этого положения, хотелось бы внести в него некоторые уточнения.

Определенность трудового задания бригады обеспечивает ее самостоятельность, делает ее трудовые усилия более результативными и целенаправленными. Вместе с тем самостоятельность трудовой деятельности бригады не должна приводить к замыканию на своих собственных интересах и оторванности от общеколлективных дел. Организуя детский труд, следует программировать не только внутриколлективные, но и межколлективные отношения.

Идея межколлективных связей в трудовой деятельности детей представлена чаще всего принципом общей ответственности за дело. Допустим, ребята одного отряда работают звеньями, но задание поручено отряду в целом. Тогда успех отряда зависит от успехов каждого звена. Этот принцип общей ответственности используется в практике организации общественно полезного труда в лагере: пять бригад цветоводов, соревнуясь между собой, несут ответственность за одно общее дело — выращивание цветов. Так же работают три бригады животноводов, пять бригад овощеводов.

Но этого принципа для установления межколлективных отношений нам показалось мало. Как установить связи между бригадами, например, цветоводов и электриков, животноводов и строителей? Как сделать, чтобы они чувствовали общую ответственность за результат трудового лета, общетрудовые дела всего Межадора?

На сплочение всего коллектива и направлен принцип пересеченности в трудовых поручениях бригад. Этот принцип означает, что каждая бригада, имея вполне самостоятельный участок работы, в каком-то звене обязательно пересекается, соприкасается с трудовыми делами других бригад. Так, бригады цветоводов оказались в зависимости от качества работы поливальщиков. Если же «персональный» участок цветовода плохо полит, он не получал призового очка в соревновании, как бы ни сваливал вину на поливальщика. В свою очередь бригада поливальщиков зависит от установщиков поливальной техники. А та — от качества работы электриков. Такой принцип пересеченности в трудовых поручениях бригад представляется в виде цепи, где каждое звено самостоятельно, но соприкасается с соседними.

Действие такой цепи становится особенно наглядным на совете бригадиров. Стоит сделать замечание одному бригадиру, как включается вся цепь: бригадир цветоводов критикует поливальщиков, бригадир поливальщиков — установщиков шлангов, те электриков и т. д.

Но не только на совете бригадиров, а и в каждодневной работе видно действие цепи. Цветоводы постоянно следят за качеством поливки, стоят буквально за спиной тех поливальщиков, которые, по их мнению, недостаточно глубоко увлажняют землю или сильной струей ломают цветы. Поливальщики же еще по утрам проверяют, хорошо ли ребята из бригады поливальной техники прокладывают шланги, достают ли они до всех цветочных участков. И все эти не-

прерывные взаимодействия коллективов, а также между коллективами и личностью происходят как бы сами собой, без видимого участия взрослых. Хотя на деле их воспитательная роль воплощена в предложенном ими принципе пересечения трудовых дел бригад.

Как считает А. С. Макаренко, «не может быть такого положения, чтобы коллектив прогрессировал, а индивиды стояли на месте или наоборот. Между индивидуумом и коллективом прямое воздействие»*.

У А. С. Макаренко есть рассказ об особом приеме педагогики параллельного действия, когда он формировал разновозрастные отряды по принципу «кто с кем хочет». После распределения ребят по отрядам в коллективе оставались 10—15 ребят, которых никто не хотел брать в свой отряд, что открывало перед Антоном Семеновичем ясную картину внутриколлективных отношений. К сожалению, этот принцип А. С. Макаренко незаслуженно забыт, но, думается, его действие не следует ограничивать лишь задачей изучения внутриколлективных отношений. Он может с успехом использоваться и как прием активного параллельного влияния на личность.

Как-то в разгар трудового соревнования в Межадоре на заседании совета бригадиров был поднят вопрос о неравномерном распределении сил по бригадам: в одних — трудолюбивые и честные ребята, в других — лодыри и тунеядцы. Мы дали согласие на перераспределение бригад и на общем собрании в клубе объяснили причины возникшего у бригадиров недовольства. Бригадиры вышли на сцену и стали записывать на доске фамилии тех ребят, которых они хотели бы включить в свою бригаду. Надо было видеть, как насторожились ребята в зале. Вытянув шеи, они напряженно следили, запишет ли их кто-нибудь из бригадиров в свою бригаду. Таких, кого никто не хотел брать в бригаду, оказалось 7 человек. Мы потребовали от бригадиров включить этих ребят в свои коллективы. Бригадиры заспорили: кому кого брать. А из зала кричали: «Не бери Лешку, за него мать работает!», «Не бери Вишератина, он не работает, а на солнышке греется!»

Это же самая настоящая педагогика параллельного действия, выявляющая не только сложившиеся между детьми

---

* *Макаренко А. С.* Коллектив и личность: Из архива А. С. Макаренко//А. С. Макаренко. Львов. Кн. 5. 1963. С. 171.

отношения, но и активное воздействие коллектива на лодырей и нерадивых воспитанников. Когда семерых ребят не взяли ни в одну бригаду, это было для них сильнейшим потрясением — ведь их отлучали от коллектива, считая плохими товарищами, ненадежными людьми. Недаром В. А. Сухомлинский писал, что в коллективе «критерием товарищества становится отношение к труду»*. И хотя принцип «кто с кем хочет» не может применяться часто, он, отражая позицию коллектива по отношению к отдельной личности, помогает выработать нравственные эталоны оценки поведения человека, побуждает к самопознанию, позволяет увидеть негативное в своем характере.

Овладение приемами трудового воспитания изменило педагогов. Свои усилия они теперь направляли не на морализирование, надзор и присмотр за детьми, а на организацию их деятельности, создание таких ее форм, которые отвечали интересам коллектива и личности. Сама практика целенаправленной организации общественно полезного труда убедила их в правоте макаренковских слов о том, что воспитательный процесс есть прежде всего процесс организаторский.

Когда летом 1987 г. я выступал по Центральному телевидению на встрече с учителями в студии Останкино, один директор упорно добивался: «Вот вы все о деятельности толкуете. А какая у нас в интернате может быть деятельность, если мы все силы бросаем на дисциплинирование учащихся?» От такого вопроса можно оцепенеть, забыв, что каждая твоя эмоция фиксируется на пленке. Не нужно быть теоретиком педагогики, достаточно быть простым воспитателем, чтобы знать азбучную истину, что воспитание ребенка, а в том числе и его «дисциплинирование», невозможно вне деятельности. При всем напряжении мысли я не могу представить себе, какими путами «дисциплинируют» педагоги детей, находящихся вне общественно полезной деятельности. Очевидно, им не на что уповать, кроме «спасительных» словесных назиданий, на которые у детей давно сформировался устойчивый стереотип противодействия. Единственное, чего можно добиться морализированием и нотациями, — это слепого, бездумного послушания, лишающего ребенка активности и инициативы.

---

* *Сухомлинский В. А.* Воспитание коммунистического отношения к труду. М., 1959. С. 413.

Кажется, это всем уже ясно. Но почему же до сих пор в наших школах продолжают считать главным средством воспитания «словесную жвачку»?

Я отрицаю не само слово как средство воспитания (без эмоционального педагогического слова вообще немыслим воспитательный процесс), а форму, в которую слово облекается, — морализирования, поучения, наставления, угрозы, проработки, указания и т. п. Думаю, что живучесть этой словесной трескотни объясняется нежеланием напрягаться в поисках методов подлинного воспитания. Сиди себе на стульчике и взывай: «Как тебе не стыдно, разве можно так поступать!» Такой словесный шум, надоевший самим учителям и вызывающий у детей отупение, — беда, которую надо изживать, противопоставляя имитации воспитания педагогику дела. Исходя из мысли А. С. Макаренко, что воспитание есть организация деятельности, нужно, во-первых, вызвать к жизни многообразную деятельность и, во-вторых, воплотить ее в продуманные организационные формы.

В последнее время наша печать обращает немалое внимание на так называемые неформальные объединения молодежи. Я насчитал уже не менее 20 причин, их породивших. Вместе с тем, думается, не названа главная: неудовлетворенность молодежи деятельностью, которая организуется в школе.

Пытались и мои ребята отдать дань моде и создать неформальное объединение «металлистов». Обвесились разными железками, вплоть до скрепок для бумаг. Смотрю, что дальше будет. Вижу, на трактор парень лезет, а «металл» мешает. Идет снег чистить — опять мешает. Стали тир строить — и тут мешает. Так закончилась в интернате бесславная попытка создать неформальное объединение.

Деятельность не следует рассматривать как некое искусственное привнесение в нашу жизнь. Нет, это сама жизнь, ее смысл и стратегия. Мне нравится слово «жизнедеятельность», которое сливает воедино сущность воспитания и жизни детей.

«Остановка — смерть коллектива», — предупреждал А. С. Макаренко, и мы стремимся не останавливаться. Однажды перед 1 сентября в нашей школе буквально стряслась беда: в одночасье осыпалась штукатурка стен и потолков (бывает, оказывается, так). К счастью, никто не пострадал, но детей в аварийном здании держать было нельзя, ма-

лышей отдали в другие детские дома, а сами, разбившись на бригады, два месяца готовили школу и открыли ее после ноябрьских праздников.

Очень было тяжело. Жили в одном месте, учились в другом, а утром, днем и вечером ремонтировали школу. Но зато тогда у нас и сложился принцип организации трудовых дел по бригадам. Строим с тех пор, как я уже рассказывал, постоянно, и конца краю этой всеобщей стройке не видно. Вот недавно в Межадоре соорудили танцевальный павильон. Из других, нестроительных дел хочу отметить проведение такого ботанического эксперимента, как прививка кедра на наши северные сосны. Ребята уже мечтают о том времени, когда будут собирать с привитых сосен урожай кедровых орехов.

Некоторые утверждают, что радость и труд — понятия несовместимые. А я глубоко убежден в обратном. Знаю это и по себе, и по своим детям, вижу, как счастливы они бывают, когда не только плоды собирают, но и работают на нашей даче в Межадоре. А разве в городе некуда приложить руки ребятам? Посмотрите, во что после оттепели превращаются наши улицы? Сплошная ледяная корка. Разве не могут на полчаса выйти после уроков подростки на улицу и очистить асфальт, песком посыпать? Для моих, например, это само собой разумеющееся дело. Они меня измучили: «Дайте известь, побелим бордюры пешеходных дорожек!» «Да ведь дожди завтра же все смоют!» А они свое: «Пусть хоть один день, да красивой улица будет. Завтра снова побелим...»

Разве не с любви к дому, улице, на которой живешь, к городу своему начинается чувство Родины? Кто, кроме нас, наш город красивым сделает? Неужели для этого надо взрослых от работы отрывать, субботники организовывать? И ведь проводим: папы и мамы деревья сажают, а их дети эти деревья ломают. А вот если бы они эти деревья посадили и вырастили, ломать было бы жалко.

У нас пятиклассница Наташа Иванова стала «чемпионом» на уборке картофеля. Сколько радости у девочки было, когда ее объявили победителем.

Деятельность детей многогранна. Она имеет и нравственную, и трудовую, и эстетическую, и оздоровляющую направленность. Вместе с тем особое значение мы придаем деятельности социальной. В чем мы видим смысл этой деятельности? Мы видим его в воспитании гражданина, соци-

ально зрелого, осознающего свое общественное назначение в жизни и занимающего в ней активную позицию.

По Центральному телевидению был показан фильм режиссера Сперанской «Без оркестра». С немалым недоумением слушали мы выпускников интерната, совершенно не подготовленных к жизни, не умеющих ни чай заварить, ни судьбу свою устроить. Мои ребята были искренне удивлены — они таких не встречали.

Часто можно слышать, что выпускники школ-интернатов и детских домов плохо приспособлены к трудностям жизни, не умеют выбрать профессию в соответствии со своими способностями, некоммуникабельны, теряются в новых коллективах. Это действительно так. И чтобы помочь нашим детям безболезненно войти во взрослую жизнь, мы разработали специальную систему допрофессиональной подготовки.

К будущей жизни мы готовим ребят не только рассказами, встречами и экскурсиями, а предоставляем возможность испытать себя в деле, чтобы определить, к чему лежит душа и на что способны руки.

Вместе с предприятиями-шефами мы разработали план допрофессиональной подготовки учащихся VII—IX классов (а в сельскохозяйственных профессиях — с VI класса). Один раз в неделю после обеда наши воспитанники работают на базовых предприятиях. Им предлагается 12 профессий: автослесаря, тракториста, продавца в ЦУМе, сортировщик конфет на кондитерской фабрике и др. Поработав на предприятии 3—4 месяца, ребята могут определить, подходит ли им данная специальность или нет. Времени вполне достаточно, чтобы познакомиться с предприятием, изучить технику безопасности, получить элементарные трудовые навыки и, освоив азы профессии за месяц—полтора, участвовать в производственной деятельности.

Многие наши девочки-десятиклассницы с удовольствием работают в цехе по перемотке электродвигателей. Другие с не меньшим интересом осваивают профессию продавца, пусть пока и в качестве учениц. Тут обнаруживается уровень их культуры, такт и чувство меры в общении. Наташа Г. — девочка взрывная, самолюбивая, с трудом сходящаяся с людьми. Поработав какое-то время в магазине, она пришла ко мне и заявила: «Я не смогу стать продавцом. Не хватает выдержки, терпения. Мне все время хочется с поку-

пателями ругаться». Перевели ее на кондитерскую фабрику, и там Наташе понравилось.

За три года, учитывая, что цикл знакомства с одной профессией рассчитан на учебное полугодие, каждый учащийся может освоить шесть профессий. На производстве возникают и кофликты, которые тоже многому учат. Был у нас неприятный случай. На кондитерской фабрике несколько девочек по окончании смены взяли по горсти ирисок, чтобы угостить товарищей, и были задержаны на проходной. Дня три девочки обегали меня стороной, а потом пришли вместе с воспитательницей. Говорили, конечно, о честности, о самоуважении, о том, что не бывает маленького и большого воровства. Девочки плакали, а потом вот что мы от них услышали: «Да, мы взяли, чтобы ребят угостить, но сделали это открыто, думая, что так можно. Ведь работницы с фабрики конфеты тайком тащат, за пазуху, в пояса засовывают». Пришлось говорить с директором фабрики. Тяжелый получился разговор. Одними уверениями и штрафами несунов не пронять, надо менять экономические отношения на производстве в целом. Если бы предприятие принадлежало рабочим, воровство бы исчезло: у себя не тащат.

К IX классу большинство наших ребят, как правило, уже знают, какую профессию они выберут. Особенно это касается сельскохозяйственных профессий. Ведь все наше межадорское хозяйство, работа по выращиванию урожая, опытническая деятельность — все это волей-неволей приобщает детей к труду земледельцев и животноводов. Причем это приобщение идет у нас не стихийно, а организованно, продуманно.

Весь учебный год шестиклассники посещают лаборатории и опытные поля нашего шефа — Института биологии. Причем занятия ведутся дифференцированно, по направлениям — цветоводство, овощеводство, животноводство, садоводство и лесоводство. Ребята осваивают методику исследований применительно к тем заданиям, которые будут выполнять летом на полях и в теплицах Межадора, включаются в эксперименты по выращиванию овец с улучшенным качеством шерсти, повышению мясистости кур и их яйценоскости. Это для нас большое подспорье, так как наш инструктор по животноводству не в состоянии в течение короткого лета дать ребятам необходимые теоретические и практические знания. В последнее время дети вместе с учеными занимаются изучением сортов астр, их болезней, зи-

мостойкости в условиях Севера. Под руководством сотрудников института ребята ведут в интернате экологическую пропаганду, организуют беседы на уроках, в кружках, в клубе «Кругозор».

Всю нашу систему сельскохозяйственной подготовки мы называем учебно-опытной. Нам нередко советуют: вы производите сельскохозяйственную продукцию, почему бы вам не стать малым предприятием, арендным или подсобных хозяйством... Но мы, признаться, боимся таких нововведений, так как детский труд особый, его нельзя ставить в зависимость от экономических показателей. Поэтому мы и называем свое хозяйство учебным и опытным, ибо видим его основное назначение в образовании, воспитании, развитии детей. Хозяйственная деятельность должна в первую очередь развивать интерес к труду, осознание его необходимости и, главное, помогать учебному процессу, соединяя теорию и практику.

Несколько лет назад создали новую программу подготовки старшеклассников к самообслуживающему труду. Наши ребята шутя называют ее «курсом спасения отцов и матерей-одиночек».

Многие взрослые, особенно это касается женщин, дожив до зрелого возраста, обнаруживают детскую беспомощность при малейших бытовых неурядицах. Перегорел утюг, погасло электричество — женщины в полной растерянности. А многие ли из них могут вбить гвоздь в стенку, повесить полку, починить электроплитку? Мы же хотим, чтобы наши выпускники, как юноши, так и девушки, не робели ни перед какими житейскими проблемами.

В X и XI классах на одно полугодие мальчишки переходят в мастерские девочек, а девочки — в мальчишеские. В X классе мальчишки осваивают швейное дело, учатся пришивать пуговицы, чинить одежду, работать за швейной машинкой (кстати, они быстрее девочек овладевают технологией шитья). К концу полугодия каждый десятиклассник должен сшить себе самостоятельно трусы, брюки и рубашку. Причем это отнюдь не элементарные вещи. Стоит только поглядеть на эти рубашки и брюки! Тут и погончики, и замысловатые складки, карманы, нашивки. Недаром наши ребята слывут завидными женихами, а став мужьями, поражают своих жен портняжным искусством. Коля Петухов после армии вернулся в интернат и стал обучать мальчиков из старших классов портновскому делу. От желающих нау-

читься шить себе брюки, рубашки и куртки, как у Коли, отбоя не было.

В XI классе (также полгода) мальчики занимаются в кабинете кулинарии. Они учатся готовить несколько первых и вторых блюд, закуски, салаты и даже печь пироги. Могу авторитетно заявить: повара не хуже, а может, даже лучше девочек. Особенно заметно их кашеварное искусство в походах.

Швейному делу учит ребят Раиса Дмитриевна Потапова, а кулинарии — Александра Михайловна Грушина. Прекрасные специалисты, они всю жизнь работали с девочками и привыкли к чисто «женскому» обществу. Но мальчиков учить взялись с огромным энтузиазмом, уверяя, что лучшими портными и поварами всегда были мужчины и пора отвоевать у женщин захваченную ими монополию на эти профессии.

Девочки-десятиклассницы полгода работают в столярно-слесарной мастерской. Курс включает овладение навыками обработки древесины, распилки волокон вдоль и поперек, соединения деталей на простой шип и клей, мелкого ремонта мебели. Можно не сомневаться, что наши девочки сумеют прибить вешалку, просверлить бетонную стенку и вбить в отверстие пробку, вкрутить шуруп. Работая с проволокой, они делают несложные приспособления для кухни, овладевают навыками обращения с жестью (вырезание, сгибание, пробивание отверстий), гвоздями, шурупами.

В XI классе девочки переключаются на бытовую электротехнику. Здесь они узнают, как отремонтировать розетку, выключатель, вилку. Знакомятся с устройством и обслуживанием холодильника, пылесоса, электроплитки, микроволновой печи, не говоря уже об утюге.

Социальная деятельность складывается из больших и совсем, казалось бы, незначительных дел. Было время, когда я возмущался, что воспитатели посылают детей в магазины. Потом мне пришлось извиняться перед воспитателями: ведь эти посещения магазинов формируют у детей необходимые социальные умения, они узнают, что сколько стоит, как нужно деньгами распоряжаться. Ребята отправляют на почте телеграммы и посылки выпускникам, служащим в рядах Советской Армии. Они содержат в чистоте улицу и автобусную остановку. Весной как-то даже березы побелили. Сажают на улицах цветы. Жители ближайших к

нам домов хорошо знают наших детей. Они и огороды старикам вскопают, и продукты принесут, печь истопят и пищу приготовят. А многие ли «домашние» дети справятся с такими делами?

В социальном и нравственном становлении коллектива большое значение мы придаем совету чести. Избрали в него недавно сами ребята тайным голосованием пятерых своих товарищей и четверых учителей (и никого из администрации). Совету чести дано право разбирать все нравственные конфликты в интернате. Конфликты в человеческих отношениях неизбежны: виноваты в них могут быть и дети, и взрослые. И я, директор, могу быть виноват. Совет чести выясняет причины конфликтов, без его решения никто не может быть наказан. Не подумайте, что это заигрывание с детьми. Это, в сущности, чисто житейский метод воспитания — опять же по семейному подобию. Представьте себе, собрались вместе мать, отец, сын, дочь и ведут честный, доверительный разговор, не тая друг от друга обид. Такой разговор, согласитесь, свидетельствует о высоком уровне развития нравственных отношений в коллективе, уважения достоинства каждого — и ребенка, и взрослого.

Справедливость в интернате ценится чрезвычайно высоко. Совету чести в каких только ситуациях не приходится разбираться. Один взъерошенный третьеклассник тащит приятеля: «За что? За что он назвал меня спекулянтом?» Тот стоит насупившись, смотрит исподлобья, ждет своей судьбы, но пытается защищаться: «А у него мать на базаре спекулирует...» Пришлось совету чести объяснять новую экономическую политику.

Был и такой случай. Довелось нам достать несколько коллекционных кур и петуха удивительной окраски. Посадили их в отдельную клетку и поручили ухаживать нескольким первоклассникам. И вдруг — чудо: эти замечательные куры стали нести по три яйца в день. Пригласили мы специалиста со станции юннатов, чтобы объяснила это поразительное явление. Та призадумалась, говорит, что никогда с таким не сталкивалась, но, наверное, такая порода редкая. А как-то подглядели случайно, как мальчонка руку разжимает и подкладывает яйцо под курицу. Оказывается, от обычных несушек забирал и под свою красавицу подкладывал. А на совете чести даже возмутился: «У нас же соревнование!» Вот и пришлось ему объяснять, как надо соревноваться по справедливости.

К социальной деятельности мы относим и подготовку к будущей семейной жизни. Малыши играют в куклы, составляющие семейный «комплект»: папа, мама и дети. В каждом классе есть полный набор столовых приборов, самовар, чайные, а также обеденные сервизы, и здесь нередко устраиваются семейные застолья вместе с представителями шефских предприятий. Проводим мы и уроки семейного этикета для старшеклассников как деловые, ролевые игры, в которых дети учатся понимать отношения в семье, быть чуткими, заботливыми ладить с близкими, рационально расходовать семейный бюджет и т. д.

Особенно трудно вовлечь в социальную деятельность восьмиклассников. Я давно замечаю возникающую у подростков именно в этом возрасте непредсказуемость в поступках. У них резко обостряется чувство собственного достоинства, они настороженны, бурно реагируют на открытые попытки их «воспитывать». Бравируют своей взрослостью, но в то же время пытаются поглубже спрятать внутреннюю растерянность и неуверенность.

Как-то я собрал восьмиклассников и сообщил им, что совхоз подарил нам трех лошадей. «Кто хочет за ними ухаживать?» — спросил я. Мальчишки презрительно хохотнули: «Что вы, из нас конюхов хотите сделать?» — «Ну, не хотите, не надо, предложу семиклассникам». Прихожу на следующий день в интернат, в дверях кабинета меня ждет Саша Кузьвасев, восьмиклассник. «Ты что тут стоишь?» — «Вас дожидаюсь, хочу за лошадьми ухаживать...»

Этот эпизод подтверждает мысль, что восьмиклассники, воспитывающиеся в интернатах, находятся в состоянии обостренной тревожности из-за ожидания перемен в своей судьбе. Ведь многим из них предстоит переход в ПТУ, выбор профессии, привыкание к совершенно новым людям, условиям жизни. А им только 14—15 лет, это еще дети, не готовые ни психологически, ни социально, ни материально к роли взрослых. Поэтому, я думаю, надо оставлять детей в интернате и после VIII класса, помогая им получить среднее образование или профессию, во всяком случае не бросать их в житейское море на произвол судьбы.

У нас был такой случай. Выпускник Саша Сажин отслужил в армии и вернулся на первый курс Тюменского медицинского института. Приехал к нам сразу после демобилизации в солдатской форме. Надежды на помощь от родст-

венников у него нет. Что делать студенту института? Мы все-таки одели парня, правда, не совсем законно — пришлось по сусекам поскрести, искать подходящую статью расходов для этой непредвиденной траты.

И вот мы подумали, что такие ситуации надо предвидеть, т. е. вручать выпускникам какую-то сумму денег, чтобы поддержать их материально на первом этапе самостоятельной жизни. Каждый ребенок теперь с IV класса получает у нас зарплату за участие в производительном труде. Часть ее выдается на карманные расходы (покупку конфет, фруктов), а другая (бóльшая) считается неприкосновенной и переводится на личный счет. Но иногда приходится нарушать неприкосновенность этих денег, если их хозяин нанес ущерб интернатскому имуществу. Тогда мы ему говорим: «Ты сломал стул. Вот тебе деньги из твоего фонда, купи для интерната новый стул». Он его покупает и бережет так, будто это его любимое персональное кресло.

Я не склонен колебаться в оценке воспитательной значимости денег. Считаю, что у ребенка должны быть лично им заработанные деньги, которые он имеет право тратить по своему усмотрению. Мы выпускаем людей в жизнь и не должны сомневаться: умеют ли они распорядиться своими деньгами, вести им счет? Этому мы тоже учим ребят в интернате. А тем, кто боится «дьявольской власти» денег, я должен заметить, что любое педагогическое средство при неумелом с ним обращении принесет не пользу, а вред. Так, пресловутые этические беседы сплошь и рядом не учат нравственности, а коллективное мнение вне педагогического контроля может затравить, сломать ребенка. Так же и деньги. Как и всякое средство воспитания, они требуют умного применения.

Денежная политика в интернате суть воспитания бережливости, рачительности. «Вот, ребята, мы сэкономим на том, на этом, чтобы летом новый дом на даче построить. Дом стоит 40 тысяч, а мы его хозспособом построим за 22 тысячи». Такое объяснение всем понятно, и мы собираем нужную сумму по крохам, металлолом сдаем, макулатуру. Нельзя сидеть на шее у государства и жить иждивенцами, надо уметь работать самим и учиться хозяйствовать. Ведь если убрать все трудности, сделать масленую жизнь, кого мы воспитаем?

Был у меня с коллегами трудный разговор. Пришли воспитатели начальных классов и требуют, чтобы я разрешил

списать парадные костюмы, вполне приличные, потому что они надоели детям. Я спрашиваю:

— Что значит надоели? Ведь за счет того, что мы не тратимся на одежду малышам, бережем ее, чиним, перешиваем, старшим приобретаем полушубки за 170 рублей, а девочкам, которые в этом году поступают в институт, купили шубы по 210 рублей. Это же надо сбалансировать как-то.

Но все же уговорили меня. Отвезли мы эти костюмы на дачу, чтобы дети там их носили, купили новые. Но старыми-то мы 11 лет пользовались! Нам на шубу, на зимнее пальто дается срок два-три года, а мы носим их по пять-шесть лет! Мы уже давно имеем два вида одежды: пальто для улицы (у нас малыши зовут их «гуленные», с горки в них катаются, на катке) и новые — для выхода «в свет».

Если наши выпускники выходят замуж или женятся, мы им готовим приданое. Туда входят и одеяла, и матрацы, в общем все, что надо, и главное — книги. На свадьбу у нас обязательно идут представители от интерната — пусть посмотрят, как в загсе расписываются, пусть увидят свадьбу, жениха и невесту.

Недавно получили приглашение от Оксаны Жданович. А мы как раз на дачу собирались, и деревня, где свадьба будет, нам по пути. И вот приехали на свадьбу 3 автобуса, а в них — 160 человек! В доме вовсю свадьба гуляет. Заметили нас в окно, и от детей кое-что со стола убрали. Но мы в дом заходить не стали. Невесту и жениха поздравили, подарков им вручили целые сумки. Пусть родители жениха видят — не бесприданницу берут в семью.

Чтобы ребята знали, сколько у них денег на чековой книжке, устроили ярмарку. Старшие у нас в город ходят свободно, бывают и в магазинах. Мы записали их просьбы, абсолютно все купили, и на интернатской ярмарке была масса товаров — от модных пальто до мороженого. Каждый заходил со своей чековой книжкой и мог выбрать любой товар. Продавцами были тоже наши воспитанники. Они выдавали товар, отмечали его цену в чековых книжках.

Интересно было наблюдать за ребятами. Заказав определенную вещь, они тщательно присматривались, нельзя ли взять что-нибудь более практичное, решали, действительно ли им это нужно. Мы говорили: «Покупайте мороженое!», но нет, они старались быть экономными, соизмеряя сумму на книжке с ценой вещи, которую хотели купить. Умение согласовывать потребности с возможностями чрез-

вычайно важно для воспитанников интернатских учреждений, где пышным цветом расцветают иждивенчество и потребительство. И не мудрено. Если 15 лет живешь на всем готовом, потом неизбежно окажешься в клубке противоречий между потребностями и возможностями. Мы стараемся предупредить эту жизненную коллизию.

Однажды летом был такой случай.

Мальчишки VI класса прокладывали водоотводную канаву. Трудились добросовестно и, слышу, говорят между собой, что наверняка рублей по пять заработают. А после обеда пошли в наше экономическое бюро, а там подсчитали и сказали, что всего около рубля каждый получит. Как они были возмущены! Так работали, а получили по рублю! Показали мы им расценки, определили стоимость их труда. Оказалось, все правильно. Трудились они хорошо, но много было неурядиц, неправильно распределили силы, не обеспечили себя нужным строительным инвентарем. Да и ценится ручной труд дешево.

Кстати, об организации труда. А. С. Макаренко предупреждал, что воспитывает не столько сам труд, сколько его организация. Но кто будет осуществлять эту организацию? Мы считаем, в большой степени — сами дети. Только нужно их подготовить, чтобы они понимали, как дело организовать, как рационально распределить рабочие места каждого, как подготовить инструмент, обеспечить качество и результат труда.

Сегодня в стране остро стоит вопрос об экономическом всеобуче, а в сыктывкарской школе-интернате ребята регулярно выпускают свою «экономическую газету».

И без указаний свыше. Темы — максимально приближенные к жизни нашего коллектива. В одном из номеров, например, под рубрикой «Сколько стоит «бесплатно»?» — заметка о том, во сколько обошелся государству школьный кабинет математики. Названа внушительная сумма. Выходит, надо беречь оборудование, и дети это понимают. Экономическое обучение ведется и непосредственно на уроках. Скажем, на математике ребята узнают о рентабельности своего хозяйства, учатся повышать ее.

Мы собираемся организовать совместно с предприятиями Коми ССР производство торфоперегнойных горшочков (счет пойдет на миллионы штук), возвести новые большие теплицы. Задумали построить два новых цеха — кулинарный и швейный, будет у нас своя лаборатория для творче-

ства и изобретательства. Но чтобы «ковать» творческие личности, необходима развивающая деятельность. Как организовать такую деятельность, чтобы она вела ребенка от простых умений к более сложным, закрепляла полезные навыки, воспитывала потребность в труде и учении, выявляла и реализовывала способности и дарования?

В организации деятельности мы исходим из принципа постепенности. Дети вовлекаются в труд с самого раннего возраста, и при этом мы последовательно усложняем задания. Я уже упоминал, что малыши собирают ягоды, грибы, лекарственные травы, у них есть свой «октябрятский колхоз»; подростки ставят опыты в теплицах и парниках, ведут исследовательскую работу с овощами и цветами; старшеклассники переходят на производственные участки, где труд фактически полностью механизирован.

Исключительно важным фактором развития ребенка является опытничество. Задания для опытнической работы мы получаем от сотрудников Института биологии Коми филиала Уральского научного центра и Сысольской семенной станции защиты растений. Распределяя задания, учитель биологии учитывает возраст детей и изучаемый ими учебный материал. Кажется, несложно определить влияние светового дня на рост редиски. А для малыша это настоящее открытие. Ведь он видит, что на соседней грядке, где световой день не учитывался, редис весь вышел в стрелку. Такая работа пробуждает познавательную активность, интерес к профессии.

Подростки ставят опыты по интродукции растений, проверяют посевной материал. В последнее время ребята занимаются изучением роста урожайности помидоров и огурцов под влиянием радиоактивного облучения семян. Зайдешь в теплицу с помидорами, а там рядом с кустами стоят таблички — «100 радиан», «200 радиан», а юннаты в блокноты свои наблюдения записывают. Недаром ими заработано уже более 50 медалей ВДНХ СССР, а наш биолог Л. М. Дымова награждена бронзовой и серебряной медалями за развитие опытнической работы.

Опытническая работа естественно включается в учебный процесс, поддерживая выдвинутую С. Н. Лысенковой идею опережающего обучения. Л.М.Дымова, организуя опытническую работу, всегда учитывает учебный материал, который ребята станут изучать в будущем году. Поэтому на ее уроке трудно понять, кто его ведет: она или учени-

ки, которые летом ставили эксперименты, изучили проблему по учебнику, а теперь самостоятельно обосновывают практические рекомендации, подтвержденные их исследованиями.

Экологическая деятельность впрямую связана с насущными проблемами народного хозяйства, жизни и здоровья людей, а потому особенно увлекает ребят. Мы занимаемся охраной природы в Межадорском заказнике, проводим санитарную вырубку леса. Отряды голубого и зеленого патруля следят за разведением рыб в реке, зимой долбят лунки от заморов, весной высаживают саженцы царь-дерева — кедра. Третий год мы строим экологическую тропу.

Приехала к нам в лагерь испанская делегация. Повел ее по экологической тропе Ваня Стогов, ученик V класса. Он самый активный строитель этой тропы, учился водить по ней экскурсии. И сколько же в нем было достоинства, когда он объяснял гостям: «Посмотрите налево, здесь заповедная зона. Посмотрите направо, здесь растения, занесенные в Красную книгу, их рвать нельзя. Обратите внимание на разрез почв. А здесь вы можете отдохнуть и полюбоваться пейзажем...

«Приехали к нам в лагерь семь парней из Петропавловского детского дома Казахстана. Смотрю, ребята здоровые, так и рвутся к взрослому делу. Сформировал из них отдельную строительную бригаду. Построили они нам, играючи, навес для тракторов. И в этом настоящем труде столько изобретательности, творчества проявили, что мы диву дались. Потом мы их в автопутешествие взяли.

Всякой деятельности мы стараемся придавать максимально развивающий характер. Например, туристский поход. Я не встречал детей, которые бы не хотели отправиться в поход. Казалось бы, какое тут развитие? Шагай себе да отмеряй километры. Ну, покупались, наелись ягод, насобирали грибов, испекли картошку, порыбачили. А сколько, оказывается, добрых дел можно сделать в походе! Очистили берег реки, привели в порядок кусок леса, не оставили после себя ни одной бумажки. Вот тут-то и нужно рассказать детям об истории лекарственных трав, цветов, объяснить, как спасать лес от многочисленных врагов, как помочь росту деревьев. А уж если во время похода помогли людям, то это совсем хорошо.

Меня часто спрашивают, как мы воспитываем из ребенка гражданина. Такой вопрос вполне правомерен. Ведь в

переломные моменты жизни общества (а сейчас мы переживаем именно такой период) воспитание гражданственности должно быть наипервейшей задачей. Что такое гражданственность? Ощущение личной ответственности за судьбу страны, когда свое «я» оказывается неотделимым от интересов народа.

Суть воспитания гражданственности состоит в том, чтобы включить детей в полезную для людей деятельность, прежде всего в трудовую, когда воспитание идет без «воспитания». Наши ребята активно участвуют в выполнении продовольственной программы, а не сидят возле стола, ожидая всеобщего изобилия. При этом мы решаем и нравственную задачу: приучая детей к труду, обеспечиваем их будущее счастье. А оно невозможно, если человек не готов к трудностям и не умеет преодолевать их. А. С. Макаренко утверждал, что воспитание немыслимо без напряжения сил и воли. В трудностях дети закаляются, становятся самостоятельными, думающими, понимающими других людей. При этом я имею в виду не специально создаваемые трудности, а те, которые неизбежны в настоящем труде.

Однажды весной у нас не хватило посадочного картофеля и нам пришлось закупать его в окрестных деревнях. Прежде всего отправились в деревню Чухлом, к бабушкам, которые согласились продать нам картофель. Предстояло вытащить его из ям, взвесить, загрузить в машину. Выехали утром, одеты были легко, день был теплый, и вдруг, когда мы были уже далеко от лагеря, началась пурга, снег пошел стеной, резко похолодало. Вернуться назад? Но ведь в деревне нас ждут! Закутались как смогли в мешки, но поехали дальше. И когда, промерзшие, приехали в Чухлом, выполнив, так сказать, свой человеческий долг перед старушками, мы были бесконечно счастливы.

Воспитание не может осуществляться вдалеке от проблем и забот, которыми живет народ. Дети должны видеть трудности, которые он испытывает. В преодолении этих трудностей и формируются у подрастающего поколения чувства долга, ответственности, сопричастности к делам своей страны. Это и есть гражданственность.

Я так подробно пишу о трудовом воспитании, потому что это одна из самых сложных проблем, хотя по времени труд в Межадоре занимает, пожалуй, последнее место среди прочих занятий. Лагерь для ребят — это отдых, игры, массовые праздники, туристские походы, лодочные путе-

шествия, сокровенные беседы с вожатыми и воспитателями. Летом я всегда любуюсь своими детьми. Бегают они по лагерю в одних трусиках, в легких сарафанчиках, босиком, покрытые легким загаром, стройные от постоянных занятий спортом. Видишь по их счастливым лицам, по бодрому настроению, что им хорошо, что они здоровы и жизнерадостны. Летом наш изолятор почти всегда пуст. Попадет туда какой-нибудь бедолага, объевшийся ягодами, выпьет лекарство и опять в отряд бежит. Природа, питание 6 раз в день, парное молоко, витамины, речка, солнце — вот наши главные помощники в воспитании детей.

Все мы думаем сегодня о том, как перестроить школу, как сделать ее радостной для учеников, объектом творчества для учителей. Надо полагать, что магистральный путь к новой школе лежит через организацию многообразной, общественно полезной деятельности детей, через слияние процесса воспитания с народнохозяйственными потребностями страны. Вот почему мы не играем в труд, мы трудимся по-настоящему и в этом труде учимся быть творцами своего счастья.

ОТНОШЕНИЯ С ДЕТЬМИ

С волнением приступаю я к рассказу об отношениях с детьми и детей между собой. Можно прекрасно одевать детей, вкусно кормить, но они все равно не почувствуют себя счастливыми, если не научены по-доброму, по-человечески относиться к людям и друг к другу. А что такое отношения? А. С. Макаренко писал, что именно отношения составляют истинный объект нашей педагогической работы. Но как установить гуманные отношения, если даже дома, в своей семье не всегда удается этого достичь? А тут 300 детей, 300 характеров, 300 душ. И нужно, чтобы было хорошо и скромному, и упрямому, и неугомонному, и тихому, и драчливому, и застенчивому. Где найти меру доброты? Сколько должно быть в доброте жалости и сколько требовательности? Как, жалея ребенка, не превратиться в добренького дяденьку? Как найти нужную дозу в требованиях, чтобы не стать деспотом, угнетающим жизнь ребенка?

Когда к нам в гости приходят женщины, они не могут сдержать жалости. Ну как же, ведь перед ними бедные сиротки! И хотя наши дети одеты не хуже «домашних», сыты, довольны жизнью, деятельны, энергичны, все равно, идут по интернату, а в глазах блестят слезы. Ничего не поделаешь — женщины. А я убежден, что жалеть наших детей нет ни малейшего основания, и хочу, чтобы они выросли сильными людьми, способными пожалеть и защитить слабых, маленьких, немощных.

Как я бываю горд за своих ребят, когда они проявляют великодушие, доброту, помогают в беде. Ехали мы как-то в лагерь вдвоем с Маратом Хайрулиным. Глядим, автомобильная авария. Лежит на боку автобус, а рядом сбитый мужчина. Кровь из него хлещет. Остановили одну машину, другую — никто не берет. Мы, конечно, взяли. Но у нас на «козлике» заднее сиденье узкое: уложили мужчину, а он чуть что — на полу может оказаться, если не уследить. Я гоню машину со скоростью 100 километров в час, а Марат

всю дорогу мужчину на коленях держит. В районном центре Визинга отвезли мужчину в больницу. А на следующее утро подходит ко мне Марат и говорит, надо бы узнать, как себя чувствует тот человек. Вот ведь, я забыл, а паренек беспокоится. Позвонили мы с ним в больницу. Говорят, еле спасли. Спасибо, что привезли вовремя.

Хочу сказать, что мне в моей работе никто не мешал, я никогда не чувствовал никакого давления. В Сыктывкаре, куда я приехал из Москвы, меня с первых шагов окружили заботой, вниманием, терпеливо растили из самолюбивого столичного пижона человека деятельного, самостоятельно мыслящего, умеющего отвечать за порученное дело. Я 6 лет проработал директором Дворца пионеров. Что за прекрасное было время! Сколько всего мы сумели придумать, построить, осуществить! Приобрели свой пароход, сплавали аж до Архангельска, до Соловецких островов. Вот тут-то я и прошел педагогику сотрудничества. И всегда рядом были помощники, единомышленники, а не чиновники, покорные начальственной воле. Именно тогда я понял: один учитель, даже очень талантливый, не сдвинет эту гору из проблем, которые были и есть в нашей жизни и школе. Штурмовать ее надо сообща, крепко держась за руки.

В школе-интернате, кстати, между взрослыми и детьми теснее связи, чем в обычной школе. У нас общий быт, и мы, взрослые, — это их семья на время, пока они растут. Мы обречены быть вместе, и наш вынужденный союз необходимо сделать счастливым. Вот такая задача.

Особенно наше единство стало заметно, когда в интернате появились девяти- и десятиклассники. Мы отстояли право воспитывать наших детей до окончания средней школы. А то в 15—16 лет, в самом критическом для становления личности возрасте, они вдруг попадали в суровую, не всегда к ним ласковую жизнь. Тут поневоле испугаешься. В ПТУ у нас, чего глаза закрывать, не все ладно — там порой и курят, и пьют. Не у всех ведь стойкий иммунитет к плохому. А вот стали мы их держать два года «при себе» — и нет педагогического брака! Мы можем теперь скорректировать их поведение, за два года они меняются просто неузнаваемо. Уходят от нас уже взрослыми, сознательными, и мы спокойны — не собьются на кривую дорожку, не опозорят. Да и вообще, как может быть для всех один удел — восемь классов и ПТУ? А если он по-настоящему одаренная личность?

Как-то попалась мне очень печальная статистика: за 3 года в институты приняты только 7 выпускников из школ-интернатов Москвы. А у нас из одной маленькой школы-интерната в 1987 г. поступили в институты 6 выпускников, а в 1988-м — 9! И чему я особенно рад — трое выбрали педагогический институт.

Самоуправление родилось у нас, как уже сказано, в совместном строительстве: когда делали капитальный ремонт интерната и потребовался штаб труда. Это очень авторитетный орган. В штаб входят старшие бригады. Руководит штабом председатель, как правило, ученик старших классов, есть у него заместитель, он помоложе.

Мы стараемся не дать «начальникам» зазнаваться. Если кто-то нос задрал, вежливо так поправим. Без окриков, доброжелательно.

Раз в месяц совет бригадиров — постоянно действующий орган самоуправления — дает бригадам трудовые задания. Это может быть работа в оранжерее, столярной мастерской, на ферме, снегоуборка. Если где-то прорыв — туда срочно направляется ударная бригада. Отвечает за ее деятельность заместитель председателя штаба труда. Председатель же лично отвечает за все и за всех.

Первым был Коля Бабенко, будущий выпускник Архангельского лесотехнического института. Попробуй он, недогляди за какой мелочью — сразу:

— Николай! Что же это такое! Опять у тебя снег у гаражей забыли убрать?

— Ну чего вы шумите, Сан Саныч, — притворно-сокрушенно качает он головой, — только нервы зря себе и мне переводите. Баня у бригады сейчас. Уберут, знаете же...

Постепенно мы пришли к тому, чтобы бригада сама решала, какое время удобно ей для работы. Если, к примеру, после уроков нынче собрание, которое обещает затянуться, можно попросить нянечку разбудить пораньше, часиков в шесть утра. Или, наоборот, спланировать работу на вечер.

Раз в неделю Коля Бабенко открывал своим ключом особую комнату, доставал со специальной полки учетные журналы, собирались ребята, и шел совет бригадиров.

Как и прежде, нынешние бригадиры докладывают состояние дел в бригадах. Прикидывают, какую оценку по пятибалльной системе поставить всей бригаде, выводят коэффициент трудового участия каждого члена бригады. Нередко спорят, требуя справедливости и объективности.

По моему глубокому убеждению, именно через самоуправление следует прежде всего развивать отношения детей друг с другом и со взрослыми.

Что такое самоуправление? Это ответственность каждого ребенка за свое дело, выбранное по душе, интересное для него и содействующее его развитию и самоутверждению. Ребенок может отвечать или за радиоузел, или за отдел в стенгазете, или за компьютерные игры — все равно за что, лишь бы он ощущал себя ответственным за то дело, которое на него возложено. Нет ни одного уголка в интернате, нет ни одного участка нашей жизни, за которые бы никто не отвечал из воспитанников. Когда я иду по интернату, я знаю, с кого спросить за перекосившийся стенд, кто виноват, что кричат голодные попугайчики. Я тут же призову к порядку того, кто неаккуратно содержит каменную горку.

Одно время в педагогической печати утверждалось мнение, что самоуправление предполагает участие каждого ребенка в общественно полезной деятельности.

Верно. Только это не самоуправление. Самоуправление — это ответственность ребенка за порученную ему деятельность. Я подчеркиваю слово «ответственность». Уж сколько бед претерпела наша многострадальная Отчизна в больших и малых Чернобылях из-за безответственности людей в своей профессиональной деятельности. Нельзя допустить, чтобы наши дети еще в школьные годы не испытали того, что называется чувством ответственности.

Есть у меня в лагере мальчик, ответственный за коз. Не очень-то притягательное для мальчишки занятие. К тому же некоторые дразнят его «козлодоем», «козлиным пастухом». А он доит козу, а насмешникам говорит: «Молочко любишь? Садись вместо меня и подои козу...»

Одного мальчика прикрепили к лошади. Чистит, моет ее, чуть ли ни лижет, а на работу пускать не торопится — жалеет. Говорю: «Когда же твоя лошадь работать начнет?»

— Так она же в положении.

— В каком положении?

— Взрослый человек, а не понимаете. Ее же жалеть надо...

Прошло время. У лошади появился жеребенок. Спрашиваю, когда лошадь на работу выйдет. Отвечает: «Не может она работать, у нее послеродовой отпуск».

Вот так, пусть по-детски, наивно, проявляется ответственность.

А Ромку, лентяя-ослика, ребята все вместе работать заставляют. Иначе, без коллективной ответственности, ничего не получится. Не хочет он выходить за пределы лагеря. Сзади его четверо толкают, и спереди несколько человек за узду тянут. Еле-еле, все измученные, до поля дотянут. Нагрузят телегу морковью, репой. Потом скорей сами сверху сядут. Вот тут наступает всеобщее ликование. Ромка, хоть и перегруженный, в лагерь несется, как борзая. Забежит в свой сарай, смотрит — в кормушке нет ничего. Тут же, заорав диким голосом, мчится в столовую. Если ребята недосмотрят, об любой столб телегу разобьет, а в столовой хлеб и компот со столов в один момент слопает. Как тут без коллективной ответственности обойтись?

Самоуправление не означает самоустранения учителей. Некоторые из них до сих пор твердят слова П.П. Блонского о том, что для полного самоуправления надо предоставить детей самим себе. Нет, учитель, воспитатель должен быть всегда рядом. Дети во всем должны подражать нам, взрослым. Учитель и покажет, и поможет, и похвалит. Но он вовремя догадается, когда нужно отстраниться, чтобы не подавить самостоятельность и инициативу ребенка. Быть организаторами детей тоже надо учить.

Сказанное означает, что самоуправление — подвижная, постоянно совершенствующаяся и изменяющаяся система взаимодействующих органов детской самодеятельности. Она не может быть создана и утверждена раз и навсегда, так как находится в прямой зависимости от стадии развития коллектива, от организуемой в школе деятельности и уровня управления ею со стороны педагогического коллектива.

Думается, лучший способ проверить действенность самоуправления в любом школьном учреждении — это попросту поинтересоваться у ребенка, какие интересные дела происходят в школе и какое участие он сам в них принимает. Ответственное участие каждого ребенка в делах школы — это и есть самоуправление.

Большая беда грозит школе, где самоуправление превращается в дополнительную форму развлечения. Я, например, против так называемых дней самоуправления, когда «директором» работает старшеклассник, а настоящий директор с бантиком на макушке сидит на последней парте с поднятой рукой, чтобы ответить на вопрос учительницы-старшеклассницы. Детям нравятся такие игры, только вот

самоуправление не игра на один день, а средство воспитания у детей ответственности, желания и умения самим созидать общую интересную жизнь.

Общение с детьми — непростая наука. Посмотришь, долбит иная учительница мальчишку: «Как тебе не стыдно! Сколько раз тебе говорить?..» — и становится обидно за обоих. Беседуя с ребенком, надо уметь удивить его необычной мыслью, неожиданным словесным оборотом. Я постоянно помню слова В.А. Сухомлинского, что удивление служит особым методом воспитания и обучения.

Вот на даче сидит на скамеечке маленький мальчик и неутешно плачет: его слишком коротко постригли.

— Зачем же плакать? Ведь у тебя теперь прическа «под директора»?

— Не хочу я под директора! — еще ревет, но заинтересовался.

— Ну, тогда придется отправить тебя в Воркуту, там у директора длинные волосы.

— Не хочу я в Воркуту. Лучше здесь «под директора».

И ушел успокоенный. Кажется, такой пустяк — мальчишеская прическа. Прикрикнуть на него, отправить заниматься делом, забыть. Но у нас так не принято, окрики и раздражение недопустимы.

Наши старшеклассники вселились в новую пристройку. Богато живут — по 2—3 человека в комнате. Вскоре воспитатели стали замечать: там семечки валяются, там бумажка на полу, постель небрежно заправлена. Собираю старших в своем новом кабинете.

— Красоту не бережете. Грязь разводите. Придется для вас специального надсмотрщика взять. Будет он ходить, в блокнотик ваши безобразия записывать и мне докладывать. Только вот беда: нет такой должности в штатном расписании, и надо самим содержать непредусмотренного опекуна. Поэтому будете мне ежемесячно сдавать по 3 рубля, и я стану каждого из вас на 3 рубля дополнительно воспитывать. Вот и будем с вами в расчете.

Молчат ребята. Слегка растерялись от неожиданности. Потом заговорили: «Поняли, Сан Саныч. Наведем порядок». Вот и все. Конфликт исчерпан.

Я давно и мучительно ломаю голову над одной проблемой: от какого таинственного педагогического свойства зависит правильная реакция учителя на действия, проступки детей? Почему у одного — что ни день, то конфликт: дети

не так сказали, не так посмотрели, нагрубили. И вот я сижу, разбираюсь со «злоумышленником», а сам гадаю, где та грань, которую не должен переступать воспитатель, чтоб не доводить ребенка до ожесточения, до того, что в ярости он сам не соображает, что делает и говорит.

Как возникает то ощущение возможного и допустимого, что определяет контакт и взаимопонимание между взрослым и ребенком в любой, даже экстремальной обстановке? Нельзя найти ответ на этот вопрос, даже назубок вызубрив все существующие учебники по педагогике и книги о трудных случаях воспитания. Надо иметь какой-то особый субстрат в самом себе, в душе, в сердце, в жизни, чтобы быть расположенным к ребенку даже тогда, когда он явно не расположен к тебе.

Казалось бы, материнское начало в женщине-воспитательнице должно сделать ее мудрой и милосердной к любому, а тем более обездоленному ребенку. Но сколько я видел воспитательниц, имеющих собственных детей, но просто не умеющих прощать сирот, возводя в преступление любую их шалость. «Не будете ходить строем, буду вас шпагитировать!» — кричит одна такая «мать» на «своих» детей. Не сразу поймешь, что «шпагитировать» значит связать детей шпагатом парами, чтобы они шли в столовую, как солдаты на парад.

Мне не раз приходилось воевать с женщинами, которые брали с собой в лагерь своих детей, но ни в какую не соглашались зачислить их в соответствующий возрастной отряд. Ни за что! Они будут держать родное дитятко под собственным крылышком, подкармливать кусочками повкуснее, ограждать от общих дел. Пусть лучше книжку почитают, а труд — удел сирот: они дети второго сорта.

Меня без устали критикуют в городе за безжалостность в увольнении работников интерната, а я действительно не ведаю жалости, когда речь идет о подобных «воспитательницах».

Мне казалось, что устроенная личная судьба, хорошие отношения в семье, так сказать, обеспеченный тыл, делают педагогов более уравновешенными, милосердными и снисходительными к проступкам детей. Но практика не подтвердила мою гипотезу.

Случилось у нас ЧП: пятиклассник подрался с учительницей. Кстати, она из числа вполне благополучных в семейной жизни. И вот теперь она бьется в истерике, требуя

отправить парня к тетке или вообще куда угодно, лишь бы он не нарушал ее счастливого благополучия.

Но тут вмешивается другая воспитательница, женщина, потерявшая мужа, и не из самых счастливых.

— А что он сделал? — удивляется она. — Ну, подрался с учительницей... Я бы на его месте тоже с ней подралась. Вы только представьте, как ему живется в коллективе. Он — тот стрелочник, который всегда и во всем виноват. Никто не хочет разобраться: раз что-то случилось, виноват ли он. Кто-то запачкал туалет. Учительница сразу на него: «Иди убирай!» Он ответил спокойно, что даже не заходил в туалет. Она начала визжать и топать ногами, а потом схватила его за шиворот и чуть ли не носом сунула в грязный унитаз. Конечно, он озверел, и не дрался он вовсе, а защищал свое человеческое достоинство. Так на его месте поступил бы каждый нормальный человек.

И еще я пришел к убеждению, что многих школьных бед и конфликтов просто не было бы, обладай все педагоги чувством юмора. Это чувство, может быть, самое необходимое для воспитания, как, впрочем, и для всех. Недаром Ростислав Плятт любил повторять: «Человек без чувства юмора социально опасен».

Учительница истории вошла в класс. На доске висит перевернутая вверх ногами карта. Учительница искренне обрадовалась: «Ну спасибо, мои хорошие! Видно, вы так карту изучили, что в любом положении показывать по ней можете!» Пока говорила, наметанным педагогическим взглядом разглядела ученика с глазами, горящими любопытством: что-то получится из его эксперимента? «Игорь, — сказала учительница: — иди-ка отвечать». Тот сник, невесело поплелся к доске. «Можно я карту переверну?» — «Ну что ты! Не лишай меня удовольствия...»

Вот и все. Никакого конфликта. После урока Игорь подошел к учительнице: «2:0 в вашу пользу!»

Вместе с тем не верится в достоверность слов В. Маяковского о том, что «юмору можно научиться так же, как арифметике». Возможно, я не знаю новейших методов обучения юмору, но, думается, это свойство или заложено в учителе, или вовсе ему не дано. К тому же у женщин удивительно уязвимая нервная организация. Воспитательница может быть в высшей степени остроумной женщиной, составлять украшение любой компании, но растеряться до отчаяния от грубости ученика или какой-то необычной ситуации в

классе. Одна хорошая женщина раз и навсегда разочаровалась в своей педагогической профессии, когда в первый день ее работы ребята влезли под парты на уроке. А другая, с более устойчивой нервной системой, в аналогичной ситуации сказала: «Прекрасно, дети, сегодня будем учиться под партами». Она влезла под учительский стол, объявив: «Тимофеев, ползи к доске!»

Как же помочь женщинам-учительницам, чтобы в момент нервного стресса они не срывались на крик, вопли, оскорбление учеников, которые неминуемо вызывают неотвратимый конфликт?

Однажды поразили меня случайно попавшиеся строки Януша Корчака: «Я заметил, если постоянно употреблять одни и те же слова, эффект слабеет. Например, «вертихвостка» не оказывает магического действия. Наоборот, раздражает: как можно вертеть хвостом, которого нет? Совсем другое дело, если я скажу: «Ах ты, перпетуум-мобиле!» Чтобы избежать монотонности, я обновляю репертуар, обращаюсь то к орнитологии, то к музыковедению.

А как же иначе? Неужели постоянно твердить: послушная, непослушная...

Я никогда не говорю: «Сто раз тебе повторять?» И правильно.

Или говорят: «Упрямец». Лучше: «Ах, ты — негативист, ты — вотум сепаратум, ты — либерум вето!»

Удивительно простой и мудрый совет дает Януш Корчак. Его и принял я как способ обучить учителя педагогическому юмору. Почему бы, на самом деле, не превратить образное, неординарное слово учителя в средство, способное удивить распоясавшегося ученика и поставить его в смешное положение, изолировать от сочувствующих ему товарищей?

Словарь русского языка содержит 230 тысяч слов. Между тем, по данным некоторых исследователей, отдельные учителя обходятся всего 600—800 словами. А сколько слов использует ученик в своем учебном и бытовом общении? Очевидно, что огромный лексический пласт остается неосвоенным и учителями, и учениками. Однообразие речи учителя утомляет детей и, в свою очередь, обусловливает бедность их языка. Так почему бы не удивить ребенка неожиданным словом? Почему учителю не обнаружить лишний раз свою эрудицию, находчивость, которые в трудную минуту не хуже тонкого юмора способны разрядить конфликтную ситуацию?

Ученик допустил грубость. Учительница тут же утрачивает способность к юмору, потому что ей больно от несправедливости ребенка, ей хочется заплакать, выбежать из класса, высказать свою боль где-нибудь в учительской или в кабинете директора. Нет, она собирается с силами и дает себе сигнал «стоп». Изумленно-загадочным тоном она произносит: «Ну, теперь я понимаю, что такое гносеологический анамнез...» Ученик оторопел. Он ждал чего угодно, но не этого непонятного словосочетания, ведь учительница не ответила грубостью на грубость, она сказала что-то непонятное, на что не знаешь, как реагировать.

А класс смеется над его замешательством. Вот грубиян и развенчан, а победитель-учитель спокойно продолжает урок. Конфликт исчерпан.

Где бы найти такую волшебную педагогическую линейку с красной точкой, по которой можно было бы показать любому учителю: вот до этой точки можно, а дальше — недопустимо? Возникнет пожар в детской душе — его легче предотвратить, чем погасить.

И все-таки, хотя и нет такой линейки, можно нащупать эту точку отсчета, которая определяет меру педагогически допустимого действия. Мне кажется, я понял это после того трагического случая, потрясшего весь город несколько лет назад.

В одной из групп педагогического училища стали систематически пропадать деньги учащихся. Выбившись из сил в поисках вора, классная руководительница усадила учеников за парты и предложила написать анонимно, кого они подозревают в воровстве. Те в простоте душевной написали. Женщина собрала листки и, обратившись к одной из воспитанниц, объявила, что наибольшее число подозрений падает на нее. Девочка опрометью бросилась из класса, взбежала на пятый этаж и выбросилась из окна.

Какой же мерой определить дозволенное и недозволенное в воспитании? Есть такая мера — это общечеловеческие нормы поведения.

Никто из порядочных людей не читает чужих писем. Но есть учителя, которые, не краснея, смакуют записки и дневники учащихся. Никто из взрослых не станет шарить в карманах своих коллег. А иные учителя без угрызений совести ищут в корманах мальчишек рогатки, шпаргалки, сигареты. Как мы вырастим детей морально чистоплотными, если сами являем им образцы нарушения общепринятых норм?

Не допускай по отношению к ребенку того, чего не хотел бы испытать на себе. Если бы кто-нибудь посмел воспитательницу сунуть носом в грязный унитаз, она бы наверняка устроила скандал или подала на обидчика в суд. И была бы права. Так почему же подобное допускается с ребенком, который настолько беззащитен, что не может устроить скандал, не говоря уже о заявлении в суд? Хотя обладает, согласно Конвенции ООН о правах ребенка, почти полным набором прав, как и взрослый человек.

Достоинство дает человеку не сравнимое ни с какими благами ощущение своей значимости, нравственной и духовной свободы. Утверждая достоинство ребенка, мы побуждаем его осознать ценность своей индивидуальности, раскрепощаем в нем творца и деятеля. Нельзя воспитать хорошего в людях посрамлением их человеческого достоинства.

Нередко я наблюдаю явление, которое называю педагогической бытовщиной. Ведет учитель или воспитатель, человек с высшим образованием, разговор с ребенком или коллегой, а послушаешь — будто бы на коммунальной кухне отношения выясняют: вульгарный тон, выражения, полное неумение и нежелание слышать себя.

А как часто методика отношений с учеником определяется тем, удобен или неудобен он учителю. Воспитательница в учительской делится с заместителем директора по воспитательной работе впечатлениями о своем ученике:

— Много он о себе понимает! Во все лезет, всегда ему больше всех надо. Я ему говорю: «Ты что, самый умный?» Что с ним делать, ума не приложу...

Мне тошно от такой «педагогической» информации. Воспитательница хочет, но не может постричь его «под одну гребенку» с другими детьми. Иначе говоря, он мешает ей работать, он ей не нравится, она не знает, что с ним делать.

Я смотрю на своего верного помощника Ольгу Елиферовну Фимину, моего зама по воспитательной работе, и мне жаль ее. Она ничем не может помочь коллеге. Ведь та должна объяснить, в чем и как ребенок проявляет свою неординарность. Может, у мальчика сильна тяга к лидерству? Или он пытается любыми средствами самоутвердиться? Или протестует против опеки воспитателя? Каждое из этих возрастных проявлений требует особой педагогической реакции. То ли его надо включить в деятельность, где он смог бы испытать себя как лидер. То ли помочь найти способ ут-

вердить себя в среде товарищей. То ли воздействовать косвенно, чтобы снять напряженность в отношениях с воспитателем. Но чтобы найти правильную линию поведения, надо же все изложить педагогически грамотно.

Ольга Елиферовна внимательно слушает, а сама внутренне недоумевает. Но как научить коллегу оценивать ситуации с позиции ученика, прочитывать мотивы его поступков и поведения? Эта трудная наука усваивается самостоятельно, путем наблюдений, самоанализа, размышления, самообразования. И Ольга Елиферовна воздерживается от расхожих советов.

Наказывать я, признаться, не люблю. Пытаюсь найти другой способ разрешения конфликтов. Дежурил как-то по столовой Саша Череповский. Вечером ребята пришли из кино, поели — и бегом спать. Столы остались неубранными. Наутро я им объявил, что не пущу завтракать, пока не будет наведен порядок. Ребята с претензиями к Саше, он «завелся» — злой, нервничает. Убрал все, но завтракать не стал. Я его разыскал, посоветовал в комнате отдыха полежать. А вечером взял его в Межадор — я туда очередного гостя возил. За день мой буян остыл и в лагере был уже золотым парнем.

Иногда помогает действие «от противного».

Поступила к нам молодая воспитательница, и на второй день ее работы обнаружилось бесследное исчезновение розданных накануне тельняшек. Она металась среди мальчишек, умоляя сказать правду. Те не сознавались.

Прибежала ко мне вся в слезах:

— Что делать? Пропали все тельняшки...

— У вас какое образование?

— Высшее...

— Педагогическое?

— Да... — тянет тоненьким голоском.

— Вот и идите в свой класс и принимайте разумные педагогические меры.

Посадила она мальчишек вокруг себя, сама чуть не плачет и умоляет сказать, где тельняшки. А мальчишки глядят на нее печально, сочувственно, но молчат, как партизаны на допросе. Так ничего и не сказали.

А вечером подходит к ней Олег, лидер класса, и говорит:

— Мы решили вам сказать. Вы только не переживайте. Мы тельняшки вчера возле кинотеатра «Октябрь» продали и купили магнитофон, чтоб музыку записывать...

Вечером вывесил в их спальне приказ: «Завтра распродать остатки одежды и голыми танцевать под магнитофон». Желающих торговать интернатовскими вещами больше не нашлось.

Меня часто спрашивают, воруют ли наши дети. Но что считать воровством? Встречаются ребятишки, особенно маленькие, которые то ли не наедаются, то ли просто не думают — берут, что захотелось. Тяжелое это дело. У нас както стали капсулы из телефонов вытаскивать. Я поехал на телефонную станцию, набрал их полмешка, собрал всех на линейку. Открыл мешок.

— Ребята, кому надо, берите. Кто сейчас не возьмет — мешок поставлю около моего кабинета, возьмете потом, сколько надо будет.

Но если дети воруют деньги, тут уж так просто проблему не решить.

Саша П. приохотился по чужим карманам шарить, и никак его уличить не могли. Решили мы «эксперимент» провести: «украсть» у Саши то, чем он больше всего дорожит. Договорились с одной студенткой из педагогического института (они у нас постоянно работают). Спрятала она его коньки с ботинками. Пусть почувствует, каково быть обворованным.

Всполошился Саша: нет коньков! Он — к воспитателю. Та ничего не знает. Стал ребят спрашивать, все шкафы облазил. Нет коньков. Такую истерику парень закатил, что уж хотели «эксперимент» прекратить. Но выдержали. Прошло несколько дней. Перестрадал парень, и воровать — как рукой сняло. Тогда мы и вернули ему коньки, рассказав про «эксперимент».

При анализе отдельных случаев детского воровства особое значение приобретает мотив. Но как его соотнести с фактом воровства?

Помню, еще на студенческой скамье слушал лекцию по психологии о значении мотивации в поведении детей. Удивительно гладко там доказывалась важность мотива в поведении ребенка. А как в действиях педагога должен отражаться этот мотив? Ведь на практике будто бы ребус разгадываешь, когда соотносишь мотив проступка с педагогическим воздействием. Мотив находится не в конце педагогической ситуации, а в ее начале, определяя законы воздействия. К сожалению, в той лекции ни одного слова не было сказано, как определяются мотивами действий ребенка хо-

тя бы методы воспитания, применяемые учителем. Что делать, если мотив благороден, а поступок никуда не годный?

Однажды отправили мы в местный санаторий мальчика-шестиклассника, который стал часто прихварывать. Лечился он там месяца два, и привязалась к нему одинокая женщина, санитарка. Когда закончился курс лечения, привезла она мальчика в интернат и попросила отпускать к ней в гости на выходные дни. Она уже подумывала об усыновлении, и вдруг — ЧП. Прибегает в интернат эта женщина, растрепанная, с красными пятнами на лице, говорит, что только что обнаружила, что украл он у нее 25 рублей. Тут же воспитательница бросилась к нему, а он и не думал отпираться: послушно вывернул карман и отдал 17 рублей. А куда же подевал 8 рублей? Оказалось, купил подарки тем детям, которых никто не забирает домой, купил 12 билетов в кино, 1 килограмм пряников, 12 вареных яиц и полкило конфет.

Что тут было делать? Настоящая педагогическая головоломка. Вроде бы наказывать надо, но нельзя заронить в душе ребенка сомнение, что мы не ценим благородства его побуждений.

Собрали линейку. Рассказали о проступке. В качестве наказания сняли с него значок лагеря «Орленок», который он честно там заслужил, сказали, что вернем после испытательного срока, потому что не сомневаемся, что человек он добрый, хороший товарищ, сумеет исправиться. А сами все терзались: не убили ли в нем чувство сострадания, способность к сопереживанию, доброту к ближнему? Воспитательница тоже маялась, увидела, как помрачнел Саша после линейки. Подозвала она его к себе и сказала в присутствии ребят: «Мы ведь понимаем, что у тебя золотое сердце...»

К сожалению, женщина, которая хотела мальчика усыновить, не поняла, что сердце у него золотое. Она отказалась взять его в сыновья.

Каждый раз меня поражает, с какой неподдельной и горячей искренностью доказывают свою невиновность маленькие воришки.

У учителя труда пропали в лагере 32 рубля. Кто-то видел, что возле его комнаты вертелись мальчишки из VI класса. Вызываю их к себе и тут же мысленно определяю того, кто мог украсть. Спрашиваю строго: «Ты взял деньги?»

— Что вы, Сан Саныч! Да как вы можете?! — возмущается он. — Да чтобы я украл?! Я уж два года, как завязал. Ни копейки не брал!

А глаза смотрят на меня с такой пронзительной укоризной, что я чувствую себя Бармалеем, терзающим маленьких детей. Превозмогая собственный стыд и чувство содеянной несправедливости, дотрагиваюсь до заднего кармана его брюк. Смотрим друг другу в глаза, и он достает 32 рубля.

У нас железный закон: чтобы старшие без разрешения ничего не брали у малышей. Так же поступают и малыши. Они приходят в спальни старших, но без спроса никогда ничего не возьмут. А если отношения построены на доверии, и тяги к воровству не возникает.

Когда ребенок совершает что-то предосудительное, мы не спешим обличать, применяем отсроченное наказание, как у Макаренко. Пройдет время, вдруг неожиданно — бах — конфету в руки и говорю:

— Вот тебе конфета, и веди себя так, чтобы не было стыдно.

Он с такими глазами уходит!

Я часто прибегаю к такому «воспитательному средству», как конфета. Не хотят малыши засыпать, разбалуются — положишь в ладонь каждому конфету, сразу замолкают, зачмокают, успокоятся и уснут.

Выхожу зимой во двор. Гляжу, стоят малыши в носках на снегу, вытряхивают снег из валенок, а потом ноги со снегом опять в валенки суют. Вызываю их к себе в кабинет. Прошу снять валенки. Объясняю, почему у них ноги мокрые. Кричат: «Мы больше не будем!» Спрашиваю: «Чего больше не будете?» Отвечают: «Все — не будем». Дал по конфетке, отпустил. Через полчаса являются всей толпой и начинают хором: «Мы никогда, никогда, никогда больше не будем!» Опять спрашиваю: «Чего не будете?» Отвечают: «Все — не будем!» И опять ждут конфету.

Первое слово в наказаниях принадлежит коллективу. Как-то пришлось мне на линейке такую речь держать:

— Кто же это нашу экспериментальную капусту грызет? Неужели деревенские к нам за семь верст тащатся? Им что, своей капусты мало? Да и нашим вроде бы незачем: в столовой капусты полно, ешь сколько хочешь. А вот вчера вечером все-таки нашлись «зайцы». Выходите-ка на серединочку! Хороши-и-и... Были бы рядовые «зайцы», а то один бригадир, другой ударник! Говорите, бригадира как накажем? Что? Замечательно, так и сделаем. Последите, чтобы в обед их за отдельный стол посадили и вдоволь накормили капустой...

Все смеются. Но наказание не отменяется.

Еще об одном хочу сказать. С инспекцией по делам несовершеннолетних мы никогда дел не имеем. И никаких побегов у нас давно нет. Ну кто, скажите, даже при самых тяжелых отношениях в семье (в ней ведь всякое бывает) кто в семье звонит по 02 и говорит: «Пришлите ко мне капитана домой, надо разобраться с моим сыном». Разве такое бывает? Нет!

Почему же интернаты превратились сейчас в придаток к инспекции по делам несовершеннолетних? По любому поводу инспектор идет в интернат. А разве он сильнее нашего коллектива? Я считаю, если бы у нас меньше было инспекций, меньше было бы спецшкол, у нас было бы больше порядка.

Мы с самого начала приняли для себя как аксиому: учителю пожаловаться на невоспитанность ребенка некому, некого и вызывать, разве что самого себя или директора. Воспитатель школы-интерната не может и подумать о том, что кто-то со стороны придет и решит за него его проблемы. Он, и только он, отвечает за свой класс, за знания детей, за их поведение, по существу, за всю их жизнь.

...Шестой класс сорвал урок пения. Вызвал сначала весь класс, потом оставил у себя в кабинете заводилу — Лешу.

— Леша, ведь ты мне друг. Ну а что скажут учителя и ребята: «Лучший друг Католикова срывает уроки»?

Мальчишка отчаянно зарыдал. Я не ожидал этого, растерялся, не знал, что делать. Достал из кармана брелок с футбольным мячом. Говорю: «На тебе за то... что урок сорвал».

Если определить главное чувство учителя, которое приводит его в интернат и оставляет в нем надолго, порой на всю жизнь, — это любовь к детям. Дети всегда чувствуют, кто их любит, а кто просто исполняет обязанности. Обман здесь не проходит. Можно какое-то время продержаться на знании методик и педагогических приемов, но рано или поздно дети почувствуют холодность учителя.

Любовь к детям. Удивительно сложное и необъяснимое состояние. Можно ли любить не своих, а чужих детей, да еще раненных горем, предательством, никогда не забывающих, что их бросили, и страдающих от этого? Они так жаждут доброты, внимания, сердечности и, боясь обмануться в своих надеждах, скрывают это под бравадой, равнодушием или грубостью. И только любовью можно спасти, отогреть

их озябшие души, вернуть им веру в человека и справедливость. Если педагог не способен полюбить этих детей, ему нельзя идти работать с сиротами. Его любовь это не та припадочная, свойственная иным родителям, трепещущим над своим единственным дитятем, а строгая и требовательная. Если я от тебя требую, чтоб ты стал настоящим человеком, если я хочу, чтобы ты был лучше, не даю тебе спуску и покоя, — значит, я тебя люблю. И поразительно, порой нещадно ругаешь какую-нибудь Лену Мамонтову за плохую работу, а она радостно улыбается: «Все равно я знаю, что вы меня любите...»

Откуда они знают? Чем чувствуют? И совсем не надо говорить им о своей любви, они и так в ней не сомневаются. Каждая лагерная пересменка кончается таким великим плачем, что невыносимо смотреть на это безутешное горе: уезжает вожатая, которая их любила. Она, заливаясь слезами, садится в автобус, машет рукой, а за автобусом с ревом бегут ребятишки. Потом как потерянные соберутся на крыльце дома и долго всхлипывают, утирая мокрые носы.

Мне стыдно смотреть на воспитательниц, которые тужатся изображать любовь к детям. Была у нас такая. Приедет в лагерь в первый день после пересменки умиротворенная, с бантом на платье, с добрым лицом, хорошо причесанная. Весь день говорит тихим, елейным голосом, а детей называет только Петенька, Феденька, Машечка. А на следующий день гляжу — вся взлохмаченная, разъяренная стоит в дверях спальни и орет: «Не заводите меня! Не доводите до рукоприкладства!!!» Пришлось ее уволить, пока она не дошла до рукоприкладства.

Взаимопонимание с детьми возможно только на основе истинной любви к ним. Я не очень верю в приобретаемый характер такой любви в процессе педагогической деятельности. Наверное, какое-то сочетание генетических задатков создает предпосылки для этого священного чувства любви к чужим детям. «Вы не беспокойтесь, Александр Александрович, — уверяла меня одна наша воспитательница, — вот рожу своих и через них полюблю ваших детей». Прошло время, она родила двоих детей. Спрашиваю: «Ну, как? Полюбили моих детей?» — «Нет, — отвечает, — ваших все равно не люблю...»

Работала у нас в библиотеке Татьяна Владимировна Чугаева. Тоненькая, тихая, маленькая, как девочка. А дети ее любили безмерно, и она их понимала, как никто. Собрала

она как-то второклассников и стала им рассказывать, какие новые книги поступили в библиотеку. Показала им красивую, с картинками книгу о животных. Не успела закончить обзор, как ребятишки в очередь встали, и всем книгу о животных подавай. А их всего 15 штук.

Стоят ребята, волнуются — вдруг не достанется. Глядит Татьяна Владимировна, в конце очереди нервничает Лена Стрелкова, ногти от волнения грызет — так хочет получить книжку. Не выдержала, подошла: «Татьяна Владимировна, оставьте мне книжку...» А Татьяна Владимировна говорит строго: «Встань, Лена, в очередь. Если тебе хватит, ты получишь книжку». И вот самая последняя книжка достается Лене. Она схватила ее, прижала к груди, запрыгала от радости и вдруг крикнула: «Ура! Меня любят!»

Вот ведь как бывает! Оказывается, дело не в самой книге, а в том, что ребенка любят. И как же это важно!

А. С. Макаренко великолепно объяснил и иной характер детской любви к учителю: «Ребята не оправдывают интеллигентского убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь со стороны ребят... проявляется к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы — вот что увлекает ребят в наибольшей степени.

Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то не оглядывайтесь: они на вашей стороне»*.

Интересно наблюдать, как проявляется у воспитателей любовь к детям. Наши дети настолько своеобразны, что относиться к ним равнодушно просто невозможно. Это в обычной школе, где ученики в первую очередь ценят в учителях профессионализм, эрудицию, культуру речи, ума, можно работать и работать порой неплохо, не обнаруживая личностного отношения к ребенку, любовь к нему. Как бы ни владели наши учителя своей наукой, методикой ее пре-

---

* *Макаренко А. С.* Соч. Т. I. С. 150.

подавания, их не будут уважать, если им нет никакого дела до детей.

В интернате работает много женщин, которые навсегда сроднились с детьми. Некоторые из них пытались уйти от нас на более легкую работу в общеобразовательную школу, но тоска по обездоленным детям возвращала их назад.

Я говорю о женщинах, но, бывает, и мужчины душой прикипают к детям.

Работает у нас с первоклассниками молодой воспитатель В. Тоже вырос в интернате, когда-то был в числе педагогически запущенных. Его напарница, опытный педагог, великодушная, сердечная женщина, зовет его своим пятнадцатым ребенком. Дети его обожают, не отходят от него ни на шаг, как цыплята от наседки. Он с кем-то разговаривает, они стоят вокруг него и завороженно слушают. Он голову повернет, и они в ту же сторону смотрят. Он двинулся, и они гурьбой за ним. Все средства В. тратит на ребят. Фотокружок ведет, так на свои деньги фотоматериалов накупил, а у самого рубашки на смену нет.

Бывают ли у нас конфликты? Разумеется, бывают. Но вот разрешение их — вопрос особый. Раньше было так: чуть что случится — тащат ребенка к директору. Воспитатель шумит, я тоже начинаю возмущаться, провинившийся стоит и не знает, к какой стенке прислониться. Теперь ко мне не надо никого приводить — есть у нас совет чести, он и разбирается. Главное, чтобы был доброжелательный разговор, а не судилище. А часто нужно просто дать человеку время, чтобы успокоиться, прийти в себя, — ведь сам он не хуже других понимает свою вину, если она есть.

Я по своему сыну знаю, что в жизни подростков все не так просто. Однажды он поддался на уговоры друзей — выпил, пошел на школьный вечер и там, конечно, вел себя не лучшим, мягко говоря, образом. Я не стал его ругать, читать нотации. Видел, что совесть его мучает. И я рад, что сдержался тогда. Больше подобного не повторялось. Хуже всего, если ребенок живет под страхом наказания. Нет, он должен быть уверен, что, даже если оступился, его поймут, поддержат, помогут найти выход из беды. Я очень ценю тех воспитателей, которые защищают детей. И когда кто-то из них подходит ко мне и говорит: «Александр Александрович, вы зря отругали ребенка, надо было подождать. Лучше бы мы сами поговорили с ним на совете», — я соглашаюсь: да, так было бы лучше.

Так что с наказанием не надо торопиться, а вот поощрение лучше не откладывать. Я не сторонник только моральных его форм. Разве не лестно получить за добросовестный труд честно заработанные деньги? И лучшие бригады поедут, например, в Киров, а девочки смогут заказать себе платье в ателье. Сами выбирают материю, фасон. Посмотришь, недорогое платьице, а глаз не оторвешь. Очень неприятно, когда интернатовские или детдомовские дети одеты в одинаковые платья, пальто. На улице их сразу отличают. Я такого не допускаю. Хорошо одетые девочки и мальчики чувствуют себя уверенно, не хуже, чем дети из семьи.

На день рождения вручаем имениннику персональный торт и еще спрашиваем: «Что тебе подарить?» Иной раз заработаешься, забудешь, что у какого-нибудь малыша день рождения, но он свои права крепко знает. Стоит у кабинета, пока я не выйду, а тогда объявит: «А у меня день рожденья». Как-то большой парень попросил на день рождения игрушку «Дюймовочку». Удивились мы — ведь в VIII классе учится! Однако купили. Оказалось, его устройство игрушки заинтересовало. Разобрал он всю «Дюймовочку» по частям и успокоился. А первоклассник Паша захотел на день рождения на директорской машине покататься. Пришлось просьбу удовлетворить.

В нашем доме старшие никогда не обижают младших, сильные — слабых. Я не сторонник того, чтобы выдвигались лидеры: где лидер, там один-двое, а то и больше униженных. Наши особые заботы как раз о тихонях. Тихонь выдвигаем на ответственные посты, которых у нас много, на всех хватает. Скажем, ответственный за электронные игры — чем не пост для начинающего общественника? Ну а более опытные работают заместителями директора... по труду, по цветам, по технике и т. п.

А вот что мы не всегда можем удовлетворить, это потребность в уединении. Наши дети страдают не от дефицита, а от переизбытка общения. От необходимости постоянно находиться на глазах окружающих неизбежен психологический дискомфорт. Поэтому так любят дети наши тихие уголки. Летом, на даче, проще.

Там пеньки, скамеечки, можно посидеть у плотины над водопадом, — словом, найти место, где никто не потревожит.

Как-то Зинаида Викторовна мне рассказала. Попросились ее мальчики-шестиклассники теплым летним вечером

посидеть у речки на поляне, костер разжечь. Отпустила она их с вожатым, а потом сама к ним пришла. Глядит, вдоль реки целая гирлянда маленьких костерчиков, и у каждого сидят мальчишки — по одному, по два. На следующий день она спросила их, почему не разожгли один на всех большой костер. Отвечают: «Лучше думается, когда не в толпе у костра сидишь...»

Я человек строгих правил, можно сказать суровый, а вот детям разрешаю с собой и пофамильярничать. Я не вижу ничего зазорного в том, что хожу в баню вместе с ребятами и они с удовольствием хлещут меня вениками. Все это вполне естественно, как в каждой семье. Не мучаюсь вопросом, боятся ли они меня. Мне это просто ни к чему. Один первоклассник бегал за мной по интернату и кричал: «Директор, директор, я тебя не боюсь!» Ну и пусть не боится. А Маша Прокушева, наш знаменитый животновод, учась в X классе, объявила мне: «Я с вами не разговариваю, вы меня высмеиваете». Пусть не разговаривает, в семье дети тоже на родителей обижаются.

Любят иногда старшие ребята испытать меня на прочность моих педагогических и нравственных воззрений.

В начале каждой лагерной смены в июне собираем бригадиров. Сидим, думаем, как лето проведем. И обязательно какой-нибудь самый хилый спросит с вызовом: «Значит, уже купаться можно?» Не моргнув глазом, отвечаю: «Можно, если совет бригадиров не возражает». А зачем запрещать? Запретный плод сладок, тайком все равно искупаются, а без присмотра и утонуть недолго. А тут — пожалуйста, купайтесь. Температура воды +10 градусов. Врач в ужасе кричит: «Вы что, Александр Александрович, лед только что сошел, а вы — можно!» Да, можно, они у нас закаленные.

И вот возле речки собирается трясущаяся компания в плавках. Друг к другу жмутся, но не сдаются. Кинулись в воду, визг невероятный, скорее назад выскочили. Пузо в мурашках, попа синяя. И все. Больше желающих купаться ни в лагере, ни за его пределами нет. И кстати, никто еще после такого «моржевания» не заболел и не чихнул.

А когда из Болгарии приехали, с серьезными лицами мне сообщают: «В Западной Европе мужчины и женщины на общих пляжах голыми купаются». «Ну, что ж, — говорю, — и вы купайтесь. Договоритесь с девчонками и купайтесь в бассейне голыми». Слегка оторопели, но испытывать мою нравственность больше не стали.

Однажды ко мне в кабинет пришла недавно поступившая в интернат девочка, еще дошкольница, и стала рассказывать, кто дерется, кто обзывается.

— Ты что, ябеда? — спрашиваю.

— Нет, я не ябеда. Я вас люблю, поэтому вам про всех рассказываю.

Ясно, что отношение детей к воспитателю зависит от него самого, т. е. от того, как он сам к детям относится. А отношение ребенка к новому дому, к интернату? Петька Кетов, любивший разную хозяйственную работу, вдруг охладел к ней. Я ему говорю: «Переведу в другой интернат». Ребята как раз пошли в кино, а Петька остался. Спрашиваю уже с жалостью:

— Чего ж ты не идешь — фильм хороший?

А Петька в ответ (он заикается):

— К-кому к-кино, а мне лопату чинить надо. Вернутся — к-как работать будут?..

— Видно, не хочешь в другой интернат.

— А к-кто хочет?

Я необычайно люблю наши лодочные походы. Каждый год — 300-километровый маршрут. Есть в походах, в жизни на природе какое-то особое таинство. Все мы проникаемся нежностью друг к другу, у всех словно оттаивают души — мы одна семья, и нам очень хорошо вместе.

Тихо, радостно. По обе стороны от нас медленно плывут высокотравные луга, боры сосновые, деревушки с незатейливой жизнью. Проходим мимо Вотчи, старинного коми села с белой церковью на холме, окруженной старыми елями. И каждый раз (а я уже лет 15 вместе с ребятами в этих походах) у холма пасется белая лошадь, будто ожидает нас. И ребята уже знают, мы ее увидим и покормим хлебом с солью.

Около Вотчи надо с час посидеть на бонах, болтая ногами в мягкой воде, посмотреть, помолчать. А потом сходить на озеро и порыбалить в нем. «Ляпки» — так называется здесь рыбка-подлещик, которую мы ловим в большом количестве, вялим и едим. Костер, уха, вечерний закат, сон в палатках, заревой ранний подъем, свежесть утра, снова костер — обо всем этом хочется вспоминать подробно и без конца. И столько доброго и прекрасного остается в душе от единения с матушкой-природой! Ходите в походы — это, ей-богу, ничем не заменимая радость.

Бывают у нас поездки и чисто познавательные — в Воркуту, Киров, Киев, Севастополь, в Москву. А теперь соби-

раемся на Кубу. В связи с этими путешествиями иногда любопытные истории приключаются. Не поладили у нас две воспитательницы — как посылать их вместе в одну поездку? Педсовет во главе со мной, конечно, воспротивился. Хорошо, нашлась среди нас одна воспитательница помудрее, которая сказала: «Вы их как раз вместе пошлите, они там и помирятся». Действительно, возвратились подругами.

Хозяева похода — ребята. Они и костровые, и завхозы, и повара, и ведущие. А мы, взрослые, рядом с ними, помогаем советами. И как же всем нам бывает легко, как хорошо! Я, например, только в походе и могу почитать, школьные будни такой возможности не дают. Читаю, ребята подходят, жалуются: «Костра нет». — «А мне что... Вон Васька Никулин костровой, идите к нему». Кричат: «Есть хотим!» — «У вас есть повар, есть завхоз. Ну, и готовьте себе на здоровье». Больше не ходят и не жалуются. Все, буквально все делают сами. Такая самодеятельность только укрепляет дружбу и улучшает взаимоотношения. В походе и дети другие и мы, взрослые, другие. Никогда не ругаемся между собой и тем более с детьми, нет ссор, нет конфликтов. Когда меня спрашивают: «Кто же чаще всего виноват в конфликтах — дети или взрослые?», я отвечаю: «Мы, взрослые, на сто процентов всегда виноваты, не дети. Потому что у детей острее развито чувство справедливости».

Поездки, экскурсии не только сплачивают, но и расширяют кругозор, что для наших детей особенно важно.

Конечно, интересно побывать, например, в Сыктывкаре, это не проблема. Но здесь за пару дней можно все увидеть и узнать. А вот поход, скажем, по северным рекам или на Дальний Восток, на озеро Байкал, в Карелию — это же осуществленная мечта, счастье для детей. А можно показать им море, южное или восточное, — они его никогда не видели, показать большие города, культуру Древней Руси или народов Востока, заинтересовать историей нашей многонациональной Родины.

На первых порах можно было бы обмениваться поездками с другими школами-интернатами: они — к нам, мы — к ним. Деньги на дорогу есть у всех. А накормить и уложить спать туристов, показать им все интересное, что есть в нашем крае, мы и сами сможем. Летом и осенью сводить в лес, по грибы, по ягоды, на речку порыбалить; зимой — в музеи, где тоже немало интересного; можно съездить в Уль-

яновский монастырь в Усть-Куломском районе. Нужно только делать все это не формально, не «бегом-бегом», а неторопясь, чтобы дети почувствовали прелесть новой обстановки, интерес к неизведанному.

Сближают детей и взрослых не только походы, но и повседневные заботы. Ребята наши не боятся спорить с воспитателями, а мы не пытаемся во что бы то ни стало настоять на своем. Смотрю как-то — кролики все длинными-предлинными стали. А главный животновод, девочка крайне серьезная, ходит спокойно с ключом от всего нашего зоопарка на груди. Говорю ей:

— Подкормить бы кроликов надо. Что-то они у тебя похудели.

— Не похудели вовсе, просто они такие стройные.

Но все-таки кроликам дополнительный рацион назначила.

Каждый отряд шефствует над своей собакой или кошкой, но есть и общие любимцы. Носится по лагерю наперегонки с босоногими мальчишками и девчонками молодая колли Лесси. Ее нам ветеран войны подарил, ему трудно стало ухаживать за ней. Для содержания и обучения Лесси с кухни выдается мясо. Пока же она, неученая, просто наслаждается ребячьей компанией и теплом лета.

А еще задумали ребята купить... медвежонка. Я было возражал: стоит он дорого, да и для детей опасен. Воспитатели говорят: «У нас больше трехсот детей. Если бы был в Сыктывкаре зоопарк, сходили бы туда и столько же заплатили за билеты». Убедили. Так появилась у нас месячная Марфутка. Лежала на спине, лапы на толстом животе. А потом привязалась к Вере Артемьевой — водой не разольешь. Девочку даже с уроков вызывать приходилось, если Марфутка нервничала. Стоило Вере к ней подойти, шерсть ее гребенкой расчесать, тут же успокаивалась.

Все это — цветы, река, животные — для ощущения полноты и разнообразия жизни, для радости, для пробуждения доброты.

Пришел я однажды к старшим на урок литературы. Поэзия Сергея Есенина. Полно всяких пособий, репродукций, а вот как-то неуютно, казенно. Ребята только начнут читать стихи, учительница их обрывает: объясни, что это за эпитет, что за сравнение. И вся музыка стиха исчезает, скучно делается. Ушел огорченный. Урок-то не состоялся — у кого в душе останется такой вот обрывочный, фор-

мально поданный Есенин? Потом учительницу вызвал, сказал о своих впечатлениях и посоветовал:

— А вы попробуйте вечером, при свечах, где-нибудь в гостиной просто для настроения почитать Есенина.

Попробовала, пришла радостная — получилось! А я вспомнил тогда, как приучала нас к настоящей поэзии, музыке, как лечила красотой глухие души моя школьная учительница, прекрасный словесник Эльвира Николаевна Горюхина. Как-то пришла в класс с пластинкой — Ленинградской симфонией Дмитрия Шостаковича, завела, сама наслаждается, а нам хоть бы что. Никаких эмоций!

— Поняли?

— Нет.

Рассердилась, но не бросила нас, темных, а прямо с ожесточением взялась поворачивать нас к искусству. Таскала в театры, водила за кулисы, знакомила с интересными актерами и режиссерами. И мы, убежденные технари, до тех пор признававшие только точные науки, прямо на глазах становились интеллигентнее. Пели в школьном хоре, зачастили на концерты, переписывались с Константином Симоновым. Вот что может талантливый педагог! Она тогда, более четверти века назад работала так же, как Ильин, Шаталов. Ярко, самобытно!

Еще об учении вот что хочу сказать. Паренек летом работает бригадиром, у него чувство собственного достоинства развивается, он себя хозяином в труде ощущает. Потом сел он за парту, сидит, съежившись, и боится слово сказать, потому что ничего не понимает, больно переживает свое интеллектуальное бессилие. Его учить надо так, чтобы личность не раздваивалась между силой в труде и слабостью в учении, так, чтобы он не разуверился в себе.

Недавно у нас учитель математики давала урок, на котором показывала коллективные формы обучения. И элементы опыта Шаталова, и Лысенковой, и Палтышева — все собрала. Молодая учительница, всего 6 лет работает, а как класс ее слушает! Но очень нам не хватает комплексной программы развития и обучения детей-сирот с рождения до 18 лет.

Пожалуй, начальное и среднее звенья — самые слабые в современной школе. Масса ребят учатся «на тройку». Но разве только на уроке могут дети получить знания? Пусть учитель сегодня потащит их на экскурсию, а завтра сидит с ними на крыше и смотрит на звезды или едет с ними на се-

нокос и там между делом влюбляет ребят в свою науку. Я давно заметил, что наилучшие отношения с детьми у тех воспитателей и учителей, которые обладают разнообразными практическими умениями. Подтверждение тому и наш биолог, Людмила Михайловна Дымова.

Простая женщина из глубинной коми деревни, она не прибегает ни к каким сложным приемам воздействия на детей. Она просто живет вместе с ними. Когда у нее родился второй ребенок, уже через неделю она была с ним в Межадоре. Вместе с интернатскими детьми росли и ее две дочери — Оля и Таня. Когда Оля заболела, мы все волновались за нее, как и за всех наших детей. Достали путевку в санаторий, отправили на юг. Оля поправилась, и нам всем стало хорошо.

Людмила Михайловна — редкий человек, в ней совмещаются и педагог, и ученый, и простая женщина-крестьянка. Она умеет и урок провести увлекательно, и роды у коровы или козы принять, и вырастить прекрасные цветы, чтобы на выставке мы заняли первое место по городу. Может не только рассказывать о биологических законах, но и шерсть с овец стричь, и прясть, и ткать, и посадить картошку, и вырастить ее в лучшем виде, и урожай сохранить. Удивительный, незаменимый человек, который все умеет делать своими руками.

Поэтому, наверное, наши дети так любят заниматься любым сельским трудом, многое знают и умеют. Не знаю, что бы мы делали и как бы сложилось наше хозяйство, не будь у нас в интернате Людмилы Михайловны Дымовой.

У Дымовой нет каких-либо педагогических секретов. Постоянно находясь с детьми, каждым своим словом и поступком она словно утверждает: «Делай, как я, и все будет хорошо». Да ведь в любой семье на Руси с древности именно так и воспитывали детей, приучая их к труду, передавая мастерство, оставляя им в наследство чувство долга, принципы морали и нравственности. Из поколения в поколение шел этот процесс передачи опыта, и благодаря этому не нарушалась связь времен.

Иной раз думаешь: по какому признаку можно определить, хорошо нашим детям в интернате или не очень? Наверное, можно судить об этом по тому, тянет ли их в интернат после отъезда, помнят ли они свой дом. Наши выпускники часто пишут в интернат, приезжают сюда, значит, чувствуют — это для них самое родное место на земле.

По субботам к нам приходят ребята, обучающиеся в ПТУ. Они знают, что здесь их тепло встретят, вкусно накормят, расспросят о делах, дадут добрый совет, пожурят за шалости. Вместе с нами они едут в лагерь во время каникул, выходят на зарядку и на работу. Они — наши, и они это чувствуют.

Некоторые выпускники возвращаются к нам навсегда. Люба Целина окончила университет и пришла к нам учителем физики. Саша Макаров, наш шофер, заочно учится в педагогическом институте и скоро станет у нас учителем труда. Напомню, что всей техникой в лагере заведует известный вам Вова Попов. С I класса он в интернате. Отслужил в армии, теперь к нам вернулся. А сколько жен наших выпускников у нас работает! Вернутся к нам и те выпускники, которые сейчас учатся в институтах. Мы их очень ждем!

Образцом высоконравственных отношений с детьми служит для меня директор московской школы № 825 Владимир Абрамович Караковский. Я давно слышал о нем, читал его статьи, книги, мне всегда была близка его концепция воспитания, суть которой — формирование раскрепощенной, гордой, самостоятельной личности. Он стоит за сотрудничество с детьми, считает, что нельзя ныне ни обучить, ни воспитать, не имея контакта с учениками. А когда я посмотрел выступление Владимира Абрамовича из студии Останкино, когда, положив руки на плечи своих учеников он запел вместе с ними, а ребята доверчиво и чисто смотрели на своего педагога, я понял, что таким и должен быть учитель.

Сейчас нас с Владимиром Абрамовичем связывает совместная работа. Он — председатель совета по народному образованию, а я — его заместитель. Я всегда рад видеть бодрого, улыбающегося Владимира Абрамовича, словно воплощающего добрый дух своей школы.

Наши педагоги ездили к нему в школу. Атмосфера творчества, взаимопонимания взрослых и детей, общее сопереживание всех школьных дел — это то, уже достигнутое здесь, к чему мы стремимся многие годы. Мы договорились с Владимиром Абрамовичем, что 20 его ребят, заядлых туристов, приедут к нам летом, чтобы вместе пойти в лодочный поход по северным рекам. Я надеюсь, что дружба с московскими ребятами поможет нашим детям раскрепоститься, стать общительнее. Песни под гитару, костер, закаты и восходы — все это скрепляет дружбу.

А может, мы возьмем москвичей в автопоездку. В этих автомобильных путешествиях мы уже приобрели замечательных друзей. В Кирове — это Юрий Алексеевич Мясников, директор школы-интерната № 6, в поселке Тужа Кировской области — директор интерната Николай Иванович Лабор. Где бы ни пришлось нам путешествовать с нашими московскими друзьями, мы знаем: нас ждут интереснейшие встречи.

Я уверен, что подлинно гуманные отношения между людьми, между учителями и учениками невозможны без уважения национальных чувств и традиций народов. Это основа дружбы. В нашем интернате есть дети коми и русские, чуваши и татары, литовцы и азербайджанцы. И все они ощущают себя братьями и сестрами. Помню, был у нас цыганенок Валентин. Его любили все, а я не видел в своей жизни более жизнерадостного существа. Все три года, что он пробыл у нас, он учился в I классе. Каждый год он с восторгом получал «подарок первокласснику». Он не ходил по интернату, а радостно приплясывал, мог без спросу уйти из класса и начать пляску в коридоре. Однажды за пять минут успел отравить всех рыб в аквариуме, так как подкормил их удобрением для цветов. Недавно он приезжал к нам после службы в армии. Стал солидным и обстоятельным.

Когда случилась страшная беда в Армении, когда там остались дети-сироты, дети без крова, чувство сострадания всколыхнуло разом всех наших ребят. Мы собрались на митинг в зале, и ребята сказали: «Не будем ничего говорить, надо действовать...» Послали телеграмму: «Мы ждем вас, братья и сестры из Армении. Вам будет хорошо у нас!»

ЧУВСТВО СЕМЬИ

Как воспитать хорошими семьянинами детей, не знающих, что такое семья? Что-то утопическое слышится в такой постановке вопроса. И все-таки мы стремимся воспитывать родственные чувства у детей, обездоленных своими родителями. Нельзя допустить, чтобы сироты, став взрослыми, порождали новых сирот.

Когда я пришел работать в интернат, там кроме сирот было немало ребят «из неблагополучных семей», которых называли «домашние». Это значит, у них был дом. По субботам дети уходили домой, и я не мог спокойно смотреть в глаза тех, кто оставался в интернате. И хоть в том доме, куда уходили дети, порой царили грязь, невежество, грубость и пьянство, интернатским он представлялся воплощением добра и заботы, ведь это был их родной дом. Воспитатели обижались: они столько сил отдают, чтобы сделать интернат родным для детей, но притягательность другого дома, куда уходили «домашние» по субботам, оказывалась сильнее.

Теперь у нас в интернате 302 ребенка. Все они — сироты или дети без попечения родителей. Половина связаны родственными узами. Иначе говоря, 59 бывших семей воспитывают у нас от двух до пяти своих детей. А были случаи, когда привозили и по семь и по девять детей из одной семьи. Теперь мы этих детей не разлучаем. Как я говорил, и дошкольников, начиная с трех лет, себе берем.

А раньше было так: милиционеры привезут из детприемника детей, начинаем их делить. Старших — нам, а малышей надо дальше везти, в дошкольные детские дома. Слезы горькие. Малыши в старших вцепляются, старшие ревут, милиционеры слезы вытирают, и я не знаю, самому что ли реветь. И как же трудно возродить родственные узы, когда детей разлучили в раннем возрасте!

Когда в детстве брат и сестра живут в разных детских домах, это не может не вести к их отчуждению друг от друга.

Захваченные возрастными интересами, общественными и учебными делами, все реже встречаются братья и сестры, перестают заботиться старшие о младших. Закончив школу и попадая в круговорот жизни, эти дети порой совсем теряют друг друга.

Везу я как-то летом в пионерский лагерь маленького паренька Егорку. Везу его из дошкольного детского дома к его сестре-третьекласснице, чтобы вместе жили. Мальчишечка юркий, конопатый, как гречневой крупой обсыпанный, во все стороны своей круглой головенкой вертит. Схватился за руль, а сам пальцем показывает: «Что это? А это что?» Привожу в лагерь, подвожу к сестре, говорю: «Вот брат твой». А она на него как на пустое место смотрит:

— Ну и что?

— Как что? Ведь брат он твой родной. Возьми его к себе в спальню, вместе жить будете...

— Зачем он нам в девчачьей спальне нужен?

— Будешь следить за ним, поможешь к нашей жизни привыкнуть.

Взяла она его за руку, повела в свой корпус. Идут дни. Наблюдаю я за ними: никаких родственных чувств не замечаю.

Спрашиваю ее:

— Что же ты Егорку не приласкаешь, сказку ему на ночь не расскажешь?

— Ну вот еще! Буду я его по головке гладить! А сказку когда-нибудь почитаю...

Долго и трудно шли навстречу друг другу родные брат и сестра. Слишком слабыми оказываются кровные узы, когда в раннем детстве живут дети в разных детских домах.

Люда пришла к нам ученицей IV класса. Осталась она сиротой. Не смогла ее мать, молодая красивая женщина, пережить заключения мужа в тюрьму, надломилась, угасла и умерла. Люду направили к нам, а ее младшую сестренку — в дошкольный детский дом. Как ее ждала Люда! Три года только о ней и рассказывала и наконец дождалась. Бросилась к сестренке, когда ее в интернат привезли, а та вся сжалась, голову опустила, ни слова из нее не вытащить. Люда бьется около нее: «Оленька, здравствуй! Ведь сестра я твоя...» А та дичится, забыла, что значит сестра.

Переживала Люда, что сестренка ее не хочет признавать. Подойдет к игровой комнате I класса, в щелку заглянет: бегает Оля, с куклами разговаривает, веселая, а поя-

вится Люда, опять в угол забьется, нахохлится, даже глаз не поднимет.

Учительница просит Люду побольше читать с сестрой, трудно ей азбуку осиливать. Подойдет Люда к Оле с книжкой, а та — ни в какую, упрется, ни читать не хочет, ни слушать. Сидит и смотрит в угол исподлобья.

Так билась Люда с сестрой два года, никак ее к себе приручить не могла. Не открылось маленькое сердечко. Люда кончила восьмилетку, ушла из интерната, поступила на дирижерско-хоровое отделение музыкального училища.

И вдруг произошло чудо: Оля ощутила потерю, стала ждать встречи с сестрой. Когда Люда приехала в первый раз, Оля нерешительно пошла ей навстречу, сначала робко, бочком, пряча глаза, а потом побежала со слезами радости. Теперь и Оля кончила восемь классов, живут сестры вместе в квартире, которую им оставила мать.

А однажды мы стали свидетелями мгновенного обретения семьи. Жил у нас мальчик, которого мы называли Славик, учился в III классе. Но никто не знал ни его настоящего имени, ни возраста. Совсем маленьким нашли его на городской свалке. В пеленках не было никакой записки. Сами дали ему имя, медики определили примерный возраст. Добрый рос мальчишечка, великодушный.

Как-то в начале августа привезли в Межадор новую группу ребятишек из дошкольного детского дома. Славик рядом стоял, смотрел. Потом как бросится: «Это моя сестра!» Схватил девочку Оксану, прижал к себе, не отпускает. Та, маленькая, глазками заморгала, заплакала и к Славику ручонками потянулась. Так и появилась у нас новая семья. Соберет Оксана в лесу кружку черники, половину съест, а вторую брату несет. Как-то ушел Славик с отрядом в поход, а сестренка все равно ему ягоды оставляла, в тень ставила, чтобы не испортились. А Славик бежит по лагерю, кусок пирога несет, по дороге половину съест, а другую половину сестренке даст.

Теперь мы после прибытия малышей проводим праздник «Брат, сестра и я — дружная семья». Собираются все наши многодетные семьи. Рассаживаются ребятишки со своими братьями и сестрами, начинаются конкурсы. При этом обязательно даем отличиться совсем маленьким: пусть все видят, какие наши малыши находчивые и сообразительные! Старшие тоже не отстают: читают стихи, поют песни, а их младшие братья и сестры ревниво вокруг по-

сматривают, все ли аплодируют. А потом — чаепитие, разговоры в семейном кругу.

Мы заметили, что общие интересы, совместные дела в разновозрастных отрядах лучше всего возрождают родственные отношения. У нас особенно уважаем труд трактористов. Когда они кончают свой рабочий день и въезжают на тракторе на территорию лагеря, к ним бегут толпы ребятишек. Не спеша, солидно спускается тракторист, долго трет руки ветошью. А малышня восхищенно глядит на него. В такой толпе стоял и Марат Хайруллин, с замиранием следя за каждым движением старшего брата Радика. Смотрел молча, но как хотелось Марату сесть на трактор рядом с братом! Постепенно старший стал приобщать младшего к своей работе и сделал из него хорошего тракториста. Радик Хайруллин поступил в Архангельский лесотехнический институт, а его младший брат стал главным трактористом интерната. Когда к нам в пионерский лагерь приезжают гости, они удивляются, как невысокий, худенький Марат ловко управляется с трактором. А он с достоинством, не обращая внимания на умиление гостей, ведет по полю трактор.

Дружба с братом у них нерасторжимая. Когда Радик прилетал в интернат на студенческие каникулы, Марат не оставлял его ни на минуту.

Однажды (было это несколько лет назад) к нам в интернат приехали норвежцы и финны. Они у нас в Сыктывкаре в хоккей играли. Вышестоящие товарищи решили показать им наш детский дом, а меня предупредили:

— Александр Александрович, вы не говорите, что ваши дети — сироты. Скажите — дети полярников и оленеводов.

Наши дети, жизнерадостные и веселые, играли с гостями, разговаривали, и вдруг один хоккеист спрашивает у рыжего Лешки:

— Где у тебя папа и мама?

Переводчик, естественно, переводит. А Лешка отвечает:

— Мамка спилась, где-то с другими дядьками живет, а отца уж давно в тюрьму посадили.

Смотрю, у переводчика глаза расширяются, он ко мне:

— Что переводить?

Я говорю:

— Как что переводить?.. Папа — полярник, мама к нему полетела в командировку...

Бывает ли нашим детям плохо? Да, бывает. Вот мать пишет из тюрьмы: «Заберу тебя, сыночек, как только выйду!»

Вышла — и мимо интерната пролетела. Парень — на дыбы! Нам его надо приводить в порядок. Мы за него не меньше переживаем, чем он за свою мать.

Тоскуя по семье, убегали ребятишки из интерната. Бежали к папам и мамам. А потом, познав беду и горе в семье, просились назад.

«Александр Александрович, я прошу вас, примите в последний раз в вашу школу, — написал мне один такой бегун. — Попросите министра, чтоб меня к вам устроили. Примите меня в последний раз, я даю слово мужчины, что не буду подводить вас и школу».

Некоторые говорят: «Вот глупые дети — бежать из такого хорошего интерната!» А я отвечаю: «Нет, не глупые они. Семью, даже неблагополучную, самый распрекрасный интернат не заменит».

Пусть общество лишило людей родительских прав, забрало у них детей, чтобы воспитывать их в более здоровой нравственной обстановке, но для детей они все равно остаются папой и мамой. Мы бережем это трепетное отношение к родителям. Внимательно слушаем их невинные небылицы о том, какие у них замечательные папы и мамы, хотя прекрасно знаем их истинную цену.

Был у меня однажды трудный случай. Привезли девочку во II класс. Хороший, спокойный ребенок. Бегает по межадорским дорожкам, вижу, хорошо ей здесь. Но как только наступила осень, затосковала прямо на глазах. Ходит по интернату, чуть слезы не капают. Думаю, наверное, по родителям скучает, а они родительских прав лишены. Подходит она к завучу и говорит: «Отпустите меня, Зинаида Викторовна, домой на три дня. Картошку-то копать пора. Мои то, поди, опять пьют. Без картошки зимой насидятся...»

Что тут было делать? Ребенок кровью прирос к своим родителям. Не нужно ведь его с кровью от них отрывать. Может, кого-нибудь из взрослых надо было с ней на самолете в Усть-Куломский район отправить?

Но не отправил и юридически был прав. А сам все мучился, рвался между совестью и долгом. Ведь отвыкнет девочка от отца и матери, перестанет у нее болеть за них сердце, станет человеком без роду и племени. А отец с матерью, возможно, и одумаются. Только дочь для них будет потеряна. Кстати, так и вышло. Потеряли они друг друга.

Нам нередко приходится видеть, как рвутся, казалось бы, нерасторжимые связи родителей со своими детьми.

Что-то сокровенное и целомудренное уходит из души ребенка, когда ему становятся ненужными отец и мать. Он отторгает их от себя с болью и тоской. Сознание берет верх над чувствами, и взрослеющий ребенок вдруг прозревает, понимая, что родители, которых он слепо обожал, не достойны ни любви его, ни привязанности. В страшном душевном надломе сокрушаются детские иллюзии, и рождается человек, трезво осознающий, что нет у него ни отца, ни матери, будь они хоть трижды живы и здоровы.

Пришло недавно письмо в интернат от матери нашей девятиклассницы. Письмо из тюрьмы, где мать сидит восьмой год. Умоляет разрешить ей свидание в дочерью: «Только вы мне можете помочь. У нас с дочкой нет близких родственников, много лет не виделись, живу только ее старыми фотографиями, но письма от нее приходят все реже и реже. Видно, забывает меня, а это самое страшное. Скажите, зачем тогда жить, если будет потеряна последняя радость в жизни? Согласна, я сама виновница всех своих бед, но не судите строго, дайте возможность увидеть дочь. Если б я могла, я бы встала перед Вами на колени. Помогите! Не дайте потерять дочь! Не оборвите непрочную ниточку, еще связывающую нас.

За годы, проведенные в местах лишения свободы, я научилась ценить многое и с ужасом оглядываюсь на сотворенное моими руками. А потеря дочери — это последняя капля моей ненужной жизни...»

Вот такое письмо. Стали мы разговаривать с девочкой. Правда, с ней не очень-то разговоришься — молчаливая она, замкнутая. Прочитали ей письмо. Сначала молча всхлипывала, потом слезы полились. Рыдая, кричала: «Не поеду! Не поеду к ней!» Ничего не добились, не принуждать же ее силой. А письма от матери все идут, начальник тюрьмы просьбу прислал, деньги пришли на дорогу, а мы все к девочке подступиться не можем. Пришлось опять ее вызвать на разговор. Тут-то она и рассказала о своей жизни до интерната.

Жили они втроем: она с мамой и двоюродная сестричка трех лет. Как-то заболела малышка, кричит, спать никому не дает. Мать вскочила ночью с кровати и так отхлестала кричащую девочку, что отбила ей почки. Кровью девочка изошла. Когда «скорая» приехала, было уже поздно...

— Я вначале ей писала, когда маленькая была. Думала, ведь мама одна у меня. Но становилась старше и никак ту

страшную ночь забыть не могла. Так и стоит у меня в глазах мать, истязающая ребенка...

Больше мы не уговаривали девочку навестить мать в тюрьме.

Мать в тюрьме — это особая проблема. Ну, освободится она — и что? Едва ли снова прикипит к ней израненная душа ребенка. Да и сама мать? Разве хватит у нее сил и терпения начать жизнь сначала?

Когда ребята становятся взрослыми, нам порой приходится во имя их же блага разбивать детские иллюзии, связанные с надеждами на обретение собственных родителей. Это очень трудный момент. Мы сознательно идем на расторжение родственных отношений с теми родителями, которые утратили моральное право даже называться ими. Мы совершаем эту порой не бескровную операцию ради нашего воспитанника, будущая семья которого не должна быть похожей на его бывшую. Только в нравственно чистой среде можно воспитать хорошего семьянина.

У Саши У. умерла добрая и тихая бабушка. Несмотря на болезнь, она никогда не забывала проведать его в интернате, а после смерти оставила ему однокомнатную квартиру. Это случилось, когда стал Саша десятиклассником. И тут же, откуда ни возьмись, объявилась его мать. Стала приходить в интернат, приносить сыну подарки и усиленно расписывать, как хорошо им будет жить вместе в бабушкиной квартире, если он согласится ее прописать, а она восстановит свои родительские права. Пришлось с парнем поговорить по-мужски, показать ему письма наших выпускников, которые в такой же ситуации остались без жилплощади, принадлежащей им по закону. Саша задумался. Узнал, что у матери уже есть на примете очередной сожитель, что она собирается родить ребенка. Пришел как-то и говорит: «Я не дал согласия на вселение матери в бабушкину квартиру, 17 лет я ей не нужен был, а теперь не я, а квартира ей потребовалась...»

Поражаешься порой, как, годами забывая о своих маленьких беспомощных детях, вдруг откуда-то берутся эти горе-родители, когда обретение детей сулит какую-то выгоду.

Саша П. даже не подозревал о существовании отца, и вдруг, когда ему исполнилось 16 лет, в лагерь на «Жигулях» прикатил новоявленный родитель. Стал расписывать радости совместной жизни и уж очень соблазнял машиной. А объяснилось все просто: у Саши тоже была принадлежа-

щая ему жилплощадь. И хотя велик был для юноши соблазн иметь собственную машину, устоял он против ухищрений «любвеобильного» папаши. Сказал отцу, что чувствует себя достаточно взрослым, чтобы жить самостоятельно. После этого отец укатил на своих «Жигулях» навсегда.

Меня часто спрашивают: какое наказание несут родители, бросившие своих детей? Проблема неоднозначная, и, пожалуй, больше для юристов. Выскажу свое мнение. Вот мать с отцом запили, загуляли — мальчика, лишив их родительских прав, передали нам во II класс. Трудный, колючий, как ежик. Сколько повозились! А в IX классе повестка в суд: родители «восстановились» в правах, требуют сына назад. Парень растерялся, смотрит так, что сердце переворачивается. «Иди, — сказал я ему, — подумай!» Он друзьям рассказал, до глубокой ночи был у них совет. «Если родители один раз тебя предали, — сказали Юре товарищи, — неужто думаешь, что во второй раз не предадут?» Только один, круглый сирота, вставил: «Я бы даже самым плохим родителям все простил — и пошел». А Юра решил остаться в интернате.

Мне трудно быть здесь судьей, но, зная про максимализм юности, я тем не менее, как и товарищи Юры, не верю, что утратившие честь и совесть могут стать хорошими родителями. Хорошо, если я ошибаюсь.

Мы разыскиваем родителей, пишем письма в организации, просим удержать деньги на ребенка. За год «выбили» 30 тысяч рублей. Разыскать всех уклоняющихся от уплаты алиментов очень трудно (потерялся исполнительный лист, переменился адрес и т. д. — казуистики много), нам пока это не по силам. А пока немало «кукушек» успешно обходят закон, никак не возмещая даже материально того урона, который они нанесли детям, отказавшись от них.

Дети-сироты, попав в интернат, первое время рассказывают о том, какие у них необыкновенные дяди и тети. Только грезы эти длятся недолго. Родственники редко забирают к себе племянников и племянниц, им обычно своих забот хватает. А ведь была когда-то традиция, точнее, нравственный народный закон: если ребенок оставался сиротой, его брали на воспитание родственники. Ныне это редкость. Стыдно и горько писать об этом, но самым большим наказанием дети считают решение отправить провинившегося подростка... к тетке на две недели. Через три дня парень возвращается:

— Ну, был у тетки? Теперь все понял?

— Я и без нее понял, — отвечает, — у меня своя голова на плечах...

И как отрадно, что есть еще у наших детей родственники, которые жалеют сирот, стараются, как могут, заботиться о них.

Привезли к нам целую ватагу детей Кармановых — и маленьких, и больших, сразу пять человек. Ребята хорошие, добрые, но какие-то слишком тихие, ушедшие в себя. Горе у них случилось страшное. Пьяный отец мать убил. Хотела их бабушка к себе взять, да разве на пенсию такую ораву прокормишь?

Стали дети к интернату привыкать. Хорошо учились, но, как уроки кончатся, все вместе соберутся и сидят тихонько в уголке. Только младший, первоклассник Валера, чуть освободится — бежит к воротам и стоит там. Маму ждет...

В зимние каникулы приехала бабушка внуков проведать. Маленькая, кругленькая — настоящая добрая бабушка. Сумку свою клеенчатую раскрыла, а там и шанежки, и конфеты дешевенькие. Всех внуков одарила. Хотелось бабушке подольше с ними побыть, да негде переночевать. Вот и устроили мы ее у себя в интернате, а днем с внуками гуляла, в столовой с ними обедала, с их друзьями познакомилась. Очень она нам всем понравилась.

А бывают ситуации, когда родственники, которые, казалось, забыли сироту, вдруг противятся его усыновлению хорошими людьми. К сожалению, есть у родственников такое право — не дать согласие на усыновление или удочерение. И сколько детей не обрели домашнего тепла из-за несогласия родственников!

Пишут мне супруги Шляповы:

«Десять лет ждали мы детей, дождались, нашему Ванечке было 22 года, 7 месяцев и 12 дней, и он погиб. Поймите нас, одиноких и пожилых, как нам хочется подружиться с сиротами вашего интерната. Пусть хоть брат с сестрой к нам приезжать будут, проезд мы оплатим.

Наше облоно подружило нас с девочкой. До седьмого класса никто ее не навещал и не писал. Стоило нам подать заявление об удочерении, из Иванова пришло письмо от родственников, и Наташеньку нам не отдали.

Потом была Лариса из четвертого класса. Решили и ее удочерить. Тут же приехал какой-то мужчина, привез документы о том, что у Ларисы умер отец, мать собутыльники

убили на чердаке ее же дома, но жив старший женатый брат, который категорически запретил удочерять девочку и ездить к нам не велел...

Вот так мы оба живем в трехкомнатной квартире, дача у нас есть, а сами ужасно несчастные...»

Вы не представляете, сколько писем я получаю с немыслимой тоской по ребенку. Умоляют бездетные супруги, родители, потерявшие детей, пожилые люди, оставшиеся одинокими, те, кто не дождался своих сыновей из Афганистана. Сжимая сердце в кулак, я отвечаю им юридическими отписками, что нельзя отдавать детей даже самым хорошим людям без разрешения родственников. А эти так называемые родственники, на многие годы забывшие о своих маленьких родичах, как будто сговорились, не дают права на усыновление или удочерение. Они понятия не имеют, каково живется ребенку в интернате, что он ест, что пьет, как одет, обут, здоров ли, но зачем рисковать? Кто знает, в какую семью попадет ребенок, а ведь ответственность придется нести за свое согласие. Пусть уж сидит в государственном учреждении, на казенных харчах.

Я припоминаю только два более или менее благополучных случая удочерения. И то — оба раза родителям пришлось пережить немало испытаний.

Маленькую первоклассницу взяла преподавательница медицинского института. Перед этим она долго жила у нас в Межадоре, присматривалась к девочке, старалась расположить ее к себе. В Москву они уехали вместе. Женщина знала, что у девочки врожденный порок сердца, но это обстоятельство не остановило ее. Несколько лет она боролась за здоровье дочери, девочка перенесла несколько операций: и наконец болезнь отступила. Только испытания на этом не закончились. Девочка росла, хорошела, мальчишки ей не давали проходу. И тут в ней обнаружилась страсть к приобретательству, так часто поражающая воспитанниц детских домов. У матери немалая зарплата, вот и подавай дочери то одно, то другое, — и так без остановки. Однажды мать не выдержала, бросила в сердцах: «Все! Нет у меня ни сил, ни средств, чтобы содержать тебя. Забирай все, что есть в доме, и отправляйся назад в интернат!» Девочка опомнилась, но отношения с матерью наладились только после того, как та удочерила еще одну совсем маленькую девочку: общие хлопоты и заботы о ней вновь сдружили мать с ее старшей дочерью.

Драматически складывается судьба и другой семьи.

Вместе в переводчиком приехали в интернат из южной республики муж и жена. Оба педагоги, директора соседних школ. 20 лет они ждали ребенка и не дождались. Больше надежд не осталось. Я помог им удочерить девочку, у которой в личном деле не значилось ни родных, ни близких. Оформили все по закону и повезли дочку на юг. Вскоре получил я от всех троих благодарственное письмо: девочка быстро выучила местный язык, стала отличницей в школе, у нее обнаружились хорошие музыкальные способности и родители купили ей рояль. И вдруг, откуда ни возьмись, объявляется мать с требованием вернуть ей дочь. Уже восемь сроков она умудрилась отсидеть в тюрьмах и в промежутках между ними никогда не испытывала желания найти дочь. Правда, успела она за это время семерых детей раскидать по разным интернатам страны. Трудно определить, как она узнала, кто удочерил ее девочку, но, видимо, решила использовать это событие не без пользы для себя. Подала в суд. Каждую ночь мне звонили убитые горем родители и уже безо всякого переводчика твердили по-русски: «Мы умрем, если у нас ее отнимут!» Гуманно и справедливо поступили судьи, когда с пристрастием разобравшись в деле, оставили девочку новым родителям.

Я не в курсе деталей дальнейшего развития событий. Знаю только, что мать приезжала в новую семью своей дочери. Не могу утверждать достоверно, но, похоже, занималась там вымогательством. Вернулась она успокоенной, быстро забыв о своей дочери. Сейчас готовится отдать в Дом малютки свое очередное дитя и в девятый раз отправиться в места не столь отдаленные.

Вот с такими проблемами сталкиваются порядочные люди, решившие вырвать ребенка из бездны сиротства.

А это письмо так ошеломило меня, что я не знал, как отвечать и что думать по этому поводу:

«Если дают детей на воспитание бабушкам (мне 53 года), то помогите. Может, устроит кого-нибудь из детей деревенская жизнь? У нас есть коми школа-десятилетка, спортшкола, хорошо организовано трудовое обучение. На нашем приусадебном участке выращиваем овощи. Я вам не решалась написать. Боялась, в деревне узнают. Ведь проходу не будет. Засмеют...»

Что же это получается? В каком обществе мы живем? Напиться — это в порядке вещей. Расквасить соседу фи-

зиономию в драке — тоже привычно. Украсть мешок колхозного добра — ничего особенного. А взять на воспитание сироту — тут все соседи со смеху покатятся. Стыдно и горько писать об этом, но, видно, в пьянках да в бескультурье испаряются исконные добрые чувства к обездоленному ребенку.

А сколько непоправимых бед приносит детям легковесное вступление в брак молодых людей! Сошлись вроде бы по любви, родился ребенок, и не успели еще как следует притереться друг к другу — амбиции начинают брать верх над долгом. Не поделили какого-нибудь пустяка, не договорились, кто будет квартиру убирать, или картошку чистить, и помчались заявление о разводе подавать. О себе, о своих удобствах и неудобствах позаботились, только о ребенке начисто забыли. Десятки тысяч детей ежегодно теряют отца или мать, а полусирота — это тоже сирота.

А сколько сирот поставляет нам кошмар наших дней — национальная рознь и вражда! Ни в чем не повинные дети навсегда лишаются отцов и матерей. Плач и стоны детей стоят над Арменией, Азербайджаном, Нагорным Карабахом, Ферганой... Зачем эти бессмысленные жертвы, новые обездоленные дети? Неужели жалость к ним не остановит бессмысленное кровопролитие, не сделает людей терпимее друг к другу?

Со страниц этой книги я взываю к людям: спасите детей от беды сиротства, они ни в чем не виноваты!

Когда меня спрашивают, в чем нравственные корни сиротства, я отвечаю, в безнравственности.

Мы не хотим, чтобы наши дети росли не помнящими родства людьми без корней, не ценящими родственных уз. Когда в интернат стали приходить сотни писем от добрых людей, которые хотели стать бабушками и дедушками наших детей, я рассказал о них на общешкольной линейке, предложил желающим переписываться с новыми бабушками и дедушками, а может, и проведать их во время каникул. Вечером объявляю по радио: «Кто надумал — идите ко мне в кабинет за адресами». Сижу, жду, что придут несколько человек, гляжу: толпа валит, уже в кабинете и в коридоре не помещаются. Все, как один, захотели обрести добрых друзей и родственников. Сейчас переписываются. Обоюдная радость от этих писем и у детей, и у взрослых. А в зимние каникулы многие ребята поехали проведать своих новых родственников в Москве, Ленинграде, Киеве, Воркуте, Се-

вастополе. Счастливые десять дней провели они в семьях великодушных людей, ощутили тепло домашнего очага, которое никакой общественной заботой не заменишь. Вернулись все дети счастливые, обласканные.

Но не буду скрывать: некоторые не выдержали испытания семейной жизнью. Не смогли преодолеть в себе привычку получать все готовым без особого проявления благодарности, непредсказуемость в поведении, неумение заботиться о близких так же, как о себе. Одна из девочек умудрилась спросить у своей обретенной бабушки, сколько у нее денег на сберкнижке; другая, зная, что у бабушки осталось всего-то пять рублей, захотела получить подарок на эти деньги, а в день отъезда пожелала ехать на вокзал... на такси. Мы не стали беседовать с девочками об их поведении. Эти ситуации были включены в «уроки семейного этикета», где ребята коллективно обсудили их, не зная, что «героини» событий сидят рядом. Такое косвенное воспитание оказывается более действенным, чем прямое осуждение.

«Уроки семейного этикета» мы проводим со II по X класс и придаем им важное значение, так как хотим, чтобы наши дети, став взрослыми, смогли создать крепкие семьи. Разработаны уроки-упражнения, уроки-демонстрации, уроки-игры, на которых моделируются отношения между детьми и родителями, инсценируются семейные праздники (заранее составляется программа, придумываются шарады, шуточные поздравления, сюрпризы-подарки). Мы учим ребят распределять семейный бюджет, ухаживать за малышами, заботиться о бабушках и дедушках, лечить своих близких в домашних условиях; придумываем ситуации, в которых надо уметь находить компромисс, считаться с желанием другого. Мы учим мальчиков рыцарству, девочек — деликатности, благородству, а всех вместе — культуре общения. Чувству родства, сестринским, братским отношениям способствует и наш образ жизни по типу семьи. Комнаты девочек и мальчиков, которые учатся вместе, находятся в отдельном отсеке с общей игровой комнатой-гостиной. Здесь ребята свободно общаются, смотрят телевизор, пьют чай за одним столом — словом, ведут себя свободно и естественно, как и бывает в любом семейном доме.

Я люблю по вечерам прийти к десятиклассникам в их гостиную, посмотреть вместе фильм по телевизору, а потом обсудить его. Мне интересно, когда они начинают говорить

о молодых на экране и в жизни, о своих, по существу, взаимоотношениях. Неожиданные для меня наблюдения, разные точки зрения. Каждый говорит о своем, но все — искренне. Это главное. Искренность вообще очень сближает и нас, воспитателей, с детьми, и мальчишек с девочками.

Особенно меня радует, что мои ребятки растут милосердными. Ведь милосердие — это действенная доброта, основа счастья и дружной семьи.

Библиотекарь нашего интерната Татьяна Владимировна Чугаева тяжело заболела, стала инвалидом первой группы. Недавно она потеряла мать и осталась одна, совсем беспомощной. Десятиклассники не бросили ее в беде. Девочки регулярно приходят к ней, помогают во всем. Они прекрасно знают последовательность уборки, никогда не оставят после себя ни пылинки. Девочки очень деликатны, не утомляют Татьяну Владимировну досужей болтовней, рассказывают о том, что ей интересно. А недавно сшили своей подопечной юбку по выкройке из «Бурды», хотя на швейную машинку в интернате очередь (по ночам шили).

Воспитание идет естественно и незаметно, когда между взрослыми и детьми нет отчуждения, когда все живут одной жизнью, общими заботами. И взрослому, и ребенку бывает порой плохо — тогда нужно просто помолчать, посидеть рядом. Бывают и минуты радости, когда всем одинаково хорошо. Воспитатель поможет девочке и прическу сделать, и платье подобрать к лицу. А шефство больше похоже на братство. Сидят где-нибудь в уголочке, и, смотришь, старший младшего игре на гитаре учит. Проходит время — у нас новый музыкант появился.

А разве мы не готовим к семейной жизни, когда зимой на субботу и воскресенье выезжаем в Межадор? Любимое «мероприятие» — пельмени. Человек сто садятся за стол, и тут же распределяются обязанности. Заводят тесто, раскатывают, готовят фарш, выносят на мороз доски с пельменями. Всем работы хватает! А если уж две-три бригады организуем, соревнование разгорается. Потом едят и хвастают, кто больше наготовил и у кого вкуснее. А пельмени получаются знатные! И вкус их на всю жизнь в памяти остается.

Помню, один выпускник, часто приходивший к нам в интернат, каждый раз меня спрашивал: «А помните, как вы меня научили селедку без костей готовить? Я ведь до сих пор об этом всем рассказываю...»

Вот, пожалуйста, тоже момент семейного воспитания. Тысячу всяких вещей, больших и маленьких, надо сообщить детям, чтобы подготовить их к будущей жизни. И когда меня спрашивают, что же именно воспитывает детей, я отвечаю: «Все!»

В последние годы замечаю какой-то особый настрой у наших детей, то, что называется чувством семьи. Я радуюсь этому ощущению своего дома и уверен, что подобные отношения невозможно представить в обычной школе.

«Лидия Ивановна, подойдите-ка сюда!» — такое обращение обычно в нашем интернате. Мы к нему привыкли и считаем, что это в порядке вещей. Нет в нем и намека на неуважение, наоборот — высшее выражение родства. Ведь нормально звучит дома: «Мама, иди-ка сюда!» Ни одна мама не обидится на подобный тон, не обижаемся и мы

Прилег я как-то отдохнуть в Межадоре после работы. Является шестиклассник: «Чего это вы, Сан Саныч, лежите? Все гуляют, и вы идите гулять!» Однажды наш новый библиотекарь была крайне изумлена неожиданным для нее стилем отношений в интернате. Закончила она в 6 часов выдавать книги ребятам, идет в свой корпус, вдруг слышит, радио объявляет на весь лагерь: «Галина Тимофеевна, пожалуйста, срочно подойдите к библиотеке!» Она заволновалась. Что могло случиться, когда она только что ее закрыла? Чуть ли не бегом бросилась назад. Глядит, у двери стоит третьеклассник Андрюшка с книжкой в руках: «Я не успел книжку поменять, вот и попросил дежурного по радио объявить...»

Мы зовем всех детей на «ты». Говорят, есть какие-то инструкции, требующие обращаться к детям с VIII класса на «вы». Представляю, как бы обиделись наши восьмиклассники, если бы нам вздумалось перейти на «вы». Ведь не зовут же на «вы» своих детей их родители, причем не зовут никогда, в любом возрасте. Не зовем и мы.

Если в коридоре разговаривают взрослые, то можно не сомневаться, что вокруг них тотчас соберется толпа ребятишек. Они не будут встревать в разговор. Они откроют рты и будут внимательно слушать. Ведь в интернате все их касается. И никто из взрослых не возмутится: «Чего стоите и подслушиваете? А ну — марш в класс!» Мы уже привыкли все вопросы, разрешаемые мимоходом, обсуждать в толпе ребятишек. Так же и дома. Ведь крайне редко, только, может быть, в постели, удается посекретничать отцу и матери. А так — нет, вся жизнь и каждое слово на виду у детей.

В обычных школах, если заболел учитель, то, как бы хорош он ни был, все равно у ребят радость. Как-то мне всеми любимая сельская учительница пересказала разговор с ребятами четвероклассниками:

— Что это с вами, Наталья Павловна? Все отработают два года и уезжают. А вы все работаете, работаете...

С последней парты поднимается второгодник и произносит с тоской: «И даже не болеете никогда...»

За 18 лет работы в интернате я никогда не замечал радости детей в связи с болезнью учителя.

Однажды слышал разговор первоклассников с учительницей, вернувшейся после болезни:

— Вы так долго болели!

— Да, ребятки, я сильно болела.

— И гулять не выходили?

— Выходила, но только на балкон.

— На балкон! А как же вы там бегали?

Никогда не видел, чтобы учительница донесла до своего класса стопку тетрадей или книг. Их у нее обязательно перехватят на полдороге. Да еще друг у друга будут тетрадки и книги выхватывать, обижаться, если кому-то ничего не досталось.

Я уже писал, что в лагере у нас шестиразовое питание, дети даже не в состоянии все съесть, что им дают. Но вот какая-то странная привычка: после ужина они тащат кусочки черного хлеба, чтобы съесть их в спальне. Как-то спрашиваю мальчонку: «Ты что, не наелся? Куда столько хлеба тащишь?» — «А вам дать?» — отвечает.

Второклассник, весь сияющий, вбегает в библиотеку. На груди у него пустой футляр от фотоаппарата. Библиотекарь удивляется:

— Какой ты нарядный, Вася!

— Так я в фотокружок записался. Вот мне дали на четыре дня — поносить, я три дня поношу, а потом вам дам на один день.

И действительно, приносит поносить футляр от фотоаппарата. Ведь не обижать же ребенка. Целый день ходит наша библиотекарь с пустым футляром через плечо.

Наши дети очень любят «неофициальные» застолья. Вот пусть будет за столом что угодно, но только не в столовой, а в своем узком семейном кругу.

Как-то увлеклись в лагере рыбной ловлей. Улов был смехотворный, только кошек кормить такими рыбешками.

А ребята начали рыбешек на нитки нанизывать и на заборе развешивать. Только пропадают рыбки. Специальную засаду устроили и обнаружили: собаки съедают. Стали на деревья вешать — птицы склевали. Тогда кто-то из взрослых взял на себя руководство этим делом. Стали рыбу солить. Ребята все бегают: «Не готова еще?» Наконец-то просолилась одна литровая баночка. Натащили хлеба из столовой килограммов десять, но уж пир был — на всеобщую радость!

В VI классе воспитательница проводила беседу на тему «Давайте помечтаем». Она думала, ребята ей расскажут, кем они хотят стать, какую профессию выберут. А они заговорили совсем о другом.

Юра Шванев:

— Я вырасту и художником стану. Буду сидеть на Арбате и рисовать. Когда вы в Москву приедете, я вас нарисую и на портрете подпишусь: Юрка Шванев.

Филиппов Валера:

— Я стану летчиком. Будет идти дождь и я вам принесу много-много роз...

Андрей Селюк вдруг заявил:

— А я вам туфли куплю.

Воспитательница удивилась, на свои туфли посмотрела:

— Разве у меня плохие туфли?

— Нет, сейчас они хорошие, но к тому времени вам новые понадобятся...

Я не могу представить себе, чтобы дети в обычной школе связывали свое будущее с учителями. Если такое случается, то очень редко. Наши дети не могут представить себе ни сегодняшнего дня, ни будущего без нас, без своей теперешней семьи. Вот такое состояние ребячьей души я и называю особой семейной психологией детей. Я не могу с полной уверенностью сказать, кто у нас в интернате хороший, кто плохой для детей, но все мы им — не чужие. Хорошие, плохие, мы — одна семья.

Такой семейный микроклимат в интернате складывается из множества обстоятельств, среди которых хочу выделить одно.

В нашей педагогике утвердилось положение, заимствованное из системы К.С.Станиславского: направляясь в школу, учитель должен освободиться от себя будничного, суетного и, настроившись на встречу с детьми, ощутить состояние творчества. Все так. Чтобы дать детям заряд радо-

сти и бодрости, надо быть человеком, не замученным бытовыми неурядицами. Если ты с утра поссорилась с мужем, то отрешись от своего недовольства и раздражения. Не неси их в школу. Если ты устала от беготни по магазинам, от лихорадочной спешки возле плиты, то сбрось всю эту тяжесть при подходе к школе. Вместе с тем есть такие переживания и чувства, которые нужно сохранить в себе и донести до детей-сирот. Если ты согрета уютом домашнего очага, если с утра ты ласкала своего ребенка, а он обвивал твою шею слабыми ручонками, то сбереги это ощущение доброты, тепла и любви, неси свою нежность в школу и отдай ее детям. Душевная мягкость и отзывчивость женщины, ее материнская ласковость очищают отношения с детьми от той казарменности, которой еще достаточно много в наших детских учреждениях.

Недавно девятиклассники писали сочинение «Считаю ли я интернат своим домом?». Вот что написал Куликов Игорь:

«Я интернат считаю своим родным домом. Он меня выходил, обул, одел. В моем родном доме есть мои братья — это дошколята. Я очень люблю ребят, которые помладше. Этот свой дом я считаю моим еще вот почему. Мы здесь живем, учимся, как дома, а воспитательница — наша родная мать. А раз это мой дом, то если плохое настроение, то, будь добр, не переводи зло на кого-либо из взрослых, выйди и прогуляйся на улице.

Я не люблю только, когда в столовой дают салат из свеклы со сметаной, а наш Александр Александрович говорит: «Съедайте все, в жизни пригодится».

Некоторые говорят, почему всегда берут нас работать в Межадор, а других — нет. Вы думаете, Александр Александрович не понимает? Он понимает: зачем же он будет брать шестой класс, когда есть девятый?

Интернат мне дал: честность, культуру, труд, спорт, взаимопонимание, взаимовыручку, то есть готовит меня к моей дальнейшей жизни. Давайте будем беречь наш родной дом.

В интернате все прекрасно:
Дети, звери и цветы.
Где найдешь еще такой
Дом прекрасный и большой?

(Игорь Куликов)».

Другая девочка пишет:

«Я здесь живу шесть лет. С первых дней я поняла, что встретила добрых людей, которые старались заменить нам отцов и матерей; отдавали самих себя, отрывали от своих дочерей и сыновей ту материнскую любовь, теплоту, которой нам не хватало и не хватает по сей день. Хотелось бы побольше ласки...»

Хорошо, что нашим детям нравится в интернате, что он хотя бы отчасти заменил им дом. Но это мало меня успокаивает. Я знаю, как тоскует сердце ребенка по своему дому. Помню, девочка увидела, что я собираюсь уходить домой. Мне не забыть ее глаз, когда она тихо выдохнула: «А меня уже никто не ждет дома...» Я не забуду, как бился в истерике мальчик, который сбежал к матери, а она, открыв дверь, спросила удивленно: «Чего тебе, мальчик?» Самый распрекрасный интернат не может заменить ребенку того, к чему он предназначен самой природой, — родных по крови отца и матери. Поэтому я считаю себя вправе предостеречь родителей от утраты родного дитя, от потери духовной связи с ним, а значит, и от потери самих себя.

Нынче, как никогда, возрастает ответственность родителей за воспитание детей. Эта тема меня особенно волнует после посещения свердловского МЖК (молодежного жилищного кооператива). Меня туда пригласили, когда в апреле 1988 г. я был в командировке в Свердловске.

Помню, был воскресный день, и целые толпы, именно толпы, родителей с детьми шли с лыжами в лес. Микрорайон расположен рядом с лесом, и туда устремились все — и большие, и маленькие. Я встретился с активом МЖК. Эти люди заняты общими проблемами воспитания детей, они координируют деятельность родителей в помощь детскому саду, школе, спортивной и музыкальной школе. Все детские учреждения работают по принципу равной ответственности учителей и родителей.

Мне вспоминается еще один пример. Выступал я в селе Пажга Сыктывдинского района нашей республики. Одна учительница задала мне вопрос:

— Александр Александрович, какой вы подскажете выход из положения? Девочке 15 лет, стала гулять, не ночует дома, замечена в выпивках. Вызывали родителей в сельсовет, ходили домой не раз. Отец говорит, вы — школа, вы и воспитывайте, а мне некогда...

— А что за семья? Кто родители?

— Хорошая семья, — отвечают. — Отец не пьет, работяга.

— А как отец к детям относился, когда они маленькими были?

Вот тут-то односельчане и вспомнили, как он торжествовал, когда маленькие дети появились, с каким восторгом на руках их домой нес.

Потом случилось то, что случается с большинством родителей. Отдали девочку в ясли, в детский сад, в школу и... отстранились. Волей-неволей большинство родителей отстраняется от воспитания. Сходят иногда на родительское собрание, да и то не часто, потому что там не учат, а больше ругают. В детских садах даже родительские собрания бывают редко. Сдают туда детей, как на вокзале в «камеру хранения», а вечером забирают.

Видно, не хватает сегодня средств и возможностей у народного образования, чтобы обеспечить в детских садах научную систему интенсивного развития детей. А это самый развиваемый возраст, ребенок, как промокашка, все впитывает в себя. Но без участия родителей нормальное развитие не состоится. А им некогда, они приходят с работы усталыми, а еще надо обед варить, стирать, гладить, квартиру убирать и... всего не перечислишь. Только развитие собственного ребенка в этот перечень не входит. Его поскорее накормят, посадят смотреть «Спокойной ночи, малыши!», а потом — быстренько в постель!

При такой отстраненности от развития и воспитания собственного ребенка родители, когда их дети становятся подростками, оказываются к такому периоду вообще не готовы и попросту не умеют найти с ними общий язык. Были ласковыми, любящими — и вдруг стали чужими, грубыми. Мы перестаем понимать собственных детей. Идут жалобы из школы, из комиссии по делам несовершеннолетних, грозят спецшколой. И мы с удивлением замечаем, что наш ребенок набрался стольких пороков, что нам их уже не одолеть.

Вот тем-то и хорош опыт свердловского МЖК, что там родители держат прочную связь со всеми детскими учреждениями, регулярно оказывают им помощь на всем протяжении роста и развития ребенка. Там воспитание детей — общее дело родителей и школы. В микрорайоне МЖК есть свое кабельное телевидение, оно организует встречи с педагогами-новаторами, обмен опытом воспитания детей.

Не отстраняясь от своего растущего ребенка, родители не испытывают там непреодолимых трудностей переходного возраста.

Свердловский МЖК существует с 1975 года. Много лет назад свердловчане строили свои дома, рожали первых детей. Потом эти дети стали подростками. Для них построили учебно-воспитательный комплекс, спортивно-оздоровительный и культурно-эстетический блоки. Предполагают даже строительство небольшого завода, где дети и подростки займутся производительным трудом. И все это огромное хозяйство должно управляться совместно учителями, родителями, детьми.

Потому-то в свердловском МЖК родители не будут пожинать горькие плоды государственного воспитания, ибо они создали основы для воспитания общественно-государственного, не допускающего отстранения родителей от насущного дела своей жизни — становления, развития и воспитания собственных детей.

Мы говорим, что ребенка нужно обучать и воспитывать всесторонне. Значит, нужно думать о гармонии различных влияний на него в течение всего периода его обучения в школе. И прежде всего нужна гармония в воздействиях учителей и родителей.

Почему-то считается нормальным, что школа несет ответственность за детей с сентября по май—июнь, а в летние месяцы за них отвечают родители. Это неверная установка. Школа и родители несут ответственность за ребенка в течение всей его детской жизни.

Школа не имеет понятия, где, как проводят каникулы ее ученики, есть ли у них программа развития или они без дела шатаются по улицам. Предполагается, что дети в пионерских лагерях, в каких-нибудь временных коллективах или на дачах у бабушек и дедушек.

На пионерские лагеря государство тратило огромные средства, а дети не хотели в них ехать. Я часто слышал «домашних» детей: «Если буду хорошо учиться, мама не пошлет меня в пионерский лагерь». Дети в лагере ничем не дорожат, это не их лагерь, а лагерь для них. Возвращаются в школу. Она к этому времени кем-то отремонтирована. Ученикам до этого нет дела. Получается замкнутый круг, который отгораживает детей от дел и забот взрослых.

Школа должна стать общим домом и для детей, и для взрослых. Дети должны переживать за все: от цветка, стоя-

щего на подоконнике, до пристройки к школе нового корпуса.

Проблема трудоустройства подростков на лето значительно усложняется. Новая экономическая политика ставит предприятия в такое положение, что они просто не возьмут к себе подростков. Когда начали учитывать каждый рубль, подросткам стало нечего делать на наших народнохозяйственных предприятиях. Куда же девать детей летом? Как организовать их труд? Опять общая забота директора и родителей.

Летом школа слишком легко расстается со своими учителями. Гороно требует учителей в пионерлагерь — пожалуйста! На детскую площадку — пожалуйста! А кто будет работать с детьми этой школы? А. С. Макаренко когда-то выдвинул принцип непрерывности в работе школы, который означает, что нельзя растаскивать детей летом по разным коллективам. И это еще одна задача директора школы.

Недавно получил письмо:

«Мы с Вами земляки, я даже училась в той же, что и Вы, в 1-й школе Новосибирска. Судьба забросила меня в Карелию (муж — военный). Две дочери — 9 и 14 лет. Почему пишу Вам? Потому что чувствую потребность поговорить, излить, хоть на бумаге, мысли, чувства, сомнения.

Я прошла через все увлечения «тряпками», модой и прочими мещанскими штучками. А дети просто «были». Как и мои родители, я считала своим долгом обувать, одевать и кормить их не хуже, чем других. И только под 40 лет осознала величайшую миссию воспитателя. Все, все я делала не так. Старалась, чтоб рано научились читать, писать. Вдалбливала: «Надо хорошо учиться». И они — первые ученицы в своих классах. Но как они плохо воспитанны! Наши недостатки просто «кричат» в них, они очевидны — тщеславие, раздражительность, эгоизм, жестокость...

Я в панике, растерянности. Читаю литературу по педагогике и ужасаюсь, что многое уже непоправимо. Начинать воспитывать детей надо было с самих себя. А нам было жаль «губить» молодость, мы хотели пожить для себя, хотели развлекаться, наряжаться. А дети все впитывали в себя, как губка...

Мы живем рядом с озером, через наш двор пробегают мальчишки из спецшколы, одной из тех, о которых Вы упоминали на встрече. Обыкновенные мальчишки — ушастые, улыбчивые, озорные, тянущиеся к ласке, не верится, что у

них есть «прошлое». Их спихнули в эту школу учителя, которым надоело возиться с «трудными».

Почему же мы, родители, так поздно умнеем?»

Здесь, хоть и не совсем логично, хочу сделать небольшое отступление. Я часто говорю о радости, когда рассказываю о жизни детей в нашем интернате. Возможно, кого-то раздражает слово «радость» в наше нерадостное время.

Действительно, какая может быть радость, если наши чувства подверглись столь тяжелым испытаниям? В нас убивается чувство патриотизма, вера в нравственную порядочность, надежда на лучшее будущее. Какая может быть радость, есть в камень превращается сердце от стыда за нашу страну? Где она, та Родина, о которой мы самозабвенно пели на демонстрациях: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек?» Оказывается, мы дышали отравленным воздухом несвободы. А у миллионов вообще было отнято право на дыхание и на саму жизнь. Оказывается, не нужна была Великая революция, и нам нечем гордиться, если мы сами не ведаем, что за сомнительно-утопическое общество мы построили. Оказывается, семьдесят лет нами правили не менее сомнительные личности, которым мы фанатично поклонялись. А уж сегодня нам совсем не до радости, мы растеряны, опустошены, мы — изгои, с вожделением нищих взирающие на блистательный Запад, который так долго загнивал, что наконец прогнил чуть ли не до подлинного коммунизма.

И все же вопреки нашей социальной обездоленности мы не имеем права заражать нашим отчаянием неокрепшие души детей. Из этого не следует, что нужно демонстрировать перед ними наигранный оптимизм, прятать их от проблем и даже традиций. Нет, это было бы вредным притворством. Вместе с тем нельзя подавлять радость, органически присущую нормальным детям. У них все впереди, они устремлены в будущее с верой и надеждой. А если у детей-сирот поменьше радостных ощущений, то тем более мы обязаны обеспечить такие условия для их жизнедеятельности, которые не погасят оптимизма в детских сердцах.

Однако возьмите любую книжку о жизни сирот — и вы увидите на обложке унылое лицо обездоленного ребенка. Безнадежность и тоску внушают авторы, подчеркивая ущербность и неполноценность, духовную обедненность, эмоциональную глухоту и умственную отсталость воспитанников детских домов и интернатов. Я решительно про-

тестую против этих унижающих детей характеристик, и когда все они возводятся чуть ли не в закономерности развития детей-сирот, то на самом деле это означает лишь порочность самой системы воспитательной работы с детьми-сиротами.

Посильный интересный труд, здоровый отдых, успехи в учении, вкусная еда, удобная нарядная одежда, семейные взаимоотношения детей и взрослых — вот условия радостного детства.

ПРОБЛЕМЫ ВЫПУСКНИКОВ

Выпускники... Наша печаль и радость, наш «конечный результат», то, во имя чего мы работаем.

Я говорю «печаль», потому что трудно расстаться с теми, кто жил вместе с тобой 12—15 лет, стал частью тебя самого, а теперь отрывается от тебя, а место отрыва болит и тревожит. Они не стали чужими, но они уходят...

А радость в том, что, когда школа наша стала десятилетней, ребята выходят в самостоятельную жизнь более уверенными и готовыми к ней. Помню, с какой растерянностью покидали они интернат, когда обучение в нем было восьмилетним. Хотя помню и то, как многие из них твердили: «Вот закончу восемь классов, вырвусь наконец из интерната. Пойду в ПТУ, вот где свобода! А в интернат и ногой не ступлю...» Я не знаю ни одного, кто бы ушел и не вернулся. Свобода оказывалась для них мучительной и тягостной.

— Ну, пришел? Ты же говорил: «Скорей бы из интерната!»

— Дурак был, вот и говорил... Была бы у нас десятилетка, никуда бы не ушел...

И все же сейчас немало ребят 30 августа уходят от нас в ПТУ. 31-го вечером я объезжаю все ПТУ, чтобы посмотреть, как они устроились. Бывает, приедешь к ним вечером, сидят на голых кроватях, комната пустая, радио нет, белья постельного нет, все прокурено.

— Ну что сидите-то?

— Вот сидим, разговариваем...

— Спать-то как будете без белья?

— Получить не успели, кастелянша ушла...

Ищу старшего воспитателя. Спрашиваю: «Как же кастелянша могла уйти, зная, что ребята белья не получили?» Отвечает: «А она у нас такая...» — «Почему же вы-то не побеспокоились?» — «А я думал, ребята сами догадаются».

Вот так встречают новых учащихся. Смотришь, а у ребят уже тоска в глазах. Вроде бы свободу получили, а в глазах

тоска. Нет ужина, любовно приготовленного поваром тетей Дусей, нет заботливого воспитателя, который перед сном проверит, выстираны ли носки, ласково скажет «Спокойной ночи», нет даже радио, чтобы послушать тихую музыку на ночь.

Такой прием обескураживает подростков. Но дальше все зависит от постановки учебы в ПТУ, от отношения преподавателей и мастеров к ребятам. Много восьмиклассников шли и идут в СПТУ № 8. Добрая слава о нем пошла с тех пор, когда там училась наша дружная группа штукатуров-отделочников. Тогда там обучались Саша Макаров, Слава Игушев. В разные годы были всякие группы в этом СПТУ — плохие и хорошие, зависело это и от ребят, и от мастеров. Но популярность этого СПТУ не поколеблена до сих пор. Сильным был выпуск, где учились Игорь Карманов, Саша Марков, Саша Щитов. Они получили специальности киномехаников, электромонтажников. Игоря Карманова и Сашу Маркова уже в качестве рабочих мы встретили на строительстве нового корпуса интерната. Хорошо работали наши ребята, к ним относились с уважением другие строители. Это, конечно, порадовало нас: не подвели, утвердились в жизни.

После окончания ПТУ многие ребята возвращаются в свой интернат: работают до призыва в армию или остаются совсем. Сегодня, закончив сельскохозяйственное СПТУ № 2, работают у нас водителем-трактористом Вова Попов и инструктором-педагогом по тракторам Миша Мальцев. О них я уже рассказывал, но хочу добавить. Когда они проходили у нас практику, учась в ПТУ, вечно ходили по лагерю чумазые, прачки не успевали стирать их рабочую одежду. Но их знание тракторов, понимание каждой детали, умение водить и мотоциклы, и моторные лодки, и автомобили разных марок были просто удивительны. Поэтому сейчас они у нас и работают мастерами широкого профиля: вся техника под их контролем, и мы всегда уверены, что каждый механизм в полной рабочей готовности.

И все же не за всех мальчишек, поступающих учиться в ПТУ, мы бываем спокойны. Не все из них выдерживают испытание вольницей. С болью безмерной должен сказать, что несколько наших мальчишек, проучившись год-два в ПТУ, попали в тюрьму. За драки, за кражи, за то, что не стерпели обиды и несправедливости. Я не встречался с ними в местах заключения, но все время думаю, как страдают

и мучаются они там. А тут еще попался в «Известиях» фоторепортаж из колонии для несовершеннолетних преступников. Безысходность и тоска в глазах 15-летних мальчишек, все одинаковые, наголо постриженные, серые, в серых одеждах. А рядом, как из другого мира, директор колонии — женщина уверенная, хорошо одетая, с красивой прической. И все это великолепие на фоне жалких, униженных детей. Страшно стало и за этого педагога, и за этих ребят.

После той фотографии не могу найти себе покоя и должен поделиться некоторыми мыслями о мальчишечьих преступлениях и о том, какой мне представляется работа учреждений, где осуществляется перевоспитание подростков, совершивших правонарушения.

Преступления подростков психологически не идут ни в какое сравнение с преступлениями взрослых. Одно из первых слов, произносимых ребенком, — слово «сам». Он хочет сам познать окружающую его жизнь, сам утвердиться в ней, сам определять свои поступки. Это естественный процесс самоутверждения личности. Но даем ли мы ему состояться? Нет, не даем. Мы, родители, учителя, убиваем в ребенке это «сам», лишая его тяги к самостоятельности. Мы, взрослые, «сами» вбиваем в его сознание, что можно, что нельзя, что плохо, что хорошо, что опасно, что полезно. Но никакие наши запреты и наказы не способны подавить свойственное ребенку стремление к саморазвитию, к самостоятельному обретению своего места в жизни.

Еще в XVIII веке мудрый французский философ Жан Жак Руссо предупреждал, что становление личности подростка неизбежно идет методом проб и ошибок. Его воспитанник Эмиль разбил стекло в своей комнате, но учитель не стал его наказывать. Холодный ветер, проникающий сквозь разбитое окно, считал он, лучше всего научит мальчишку.

Нам же недосуг разбираться в силах, рождающихся в подростке от его стремления к саморазвитию. Вечно занятые родители, задерганные учителя в школе, все мы спешим, торопимся, не успеваем. Всем нам не до внутренних сил ребенка, требующих реализации. Легче сказать «нельзя!», «запрещаю!», чем разбираться в психологических побуждениях подростка. А ему необходимо самоутвердиться не в противоборстве со взрослыми, а в настоящей, серьезной деятельности. Только в деятельности и ни в чем другом ребенок получает толчок к саморазвитию, самовоспи-

танию. Если семья и школа не удовлетворяют его естественной потребности в настоящей деятельности, он будет искать ее вслепую, методом проб и ошибок, пусть даже опасных. Его неминуемо потянет в сомнительные компании, где у него будет дело. Рискованное? Недоброе? Не важно, главное для мальчишки то, что в нем он сможет проявить и испытать себя, сдать экзамен на взрослость. А о том, что будет после, он не задумывается.

За совершенные преступления подростки караются по закону. Они попадают в колонии для несовершеннолетних преступников, которые мало чем отличаются от колоний для взрослых. Тот же строгий режим, та же одежда, та же трудовая повинность. И как остро ощущают они свою изоляцию от мира, который остался за забором с колючей проволокой!

На днях получил я письмо от нашего выпускника, попавшего после ПТУ в заключение. Меня поразило, что он думает об интернате как о нравственной опоре, с которой связана единственная надежда на возрождение. Процитирую письмо:

«Пишет Вам Ваш бывший воспитанник, выпускник 1983 года. Сегодня прочитал статью в газете «Правда» «Из бездны сиротства». Я желаю Вам успехов на этом пути. Я Вам пишу из мест лишения свободы. Осужден по статье 144 ч. 3 за кражу со взломом. Суд приговорил меня к двум годам лишения свободы в ИТК общего режима. Вам, наверное, стыдно за меня, но не осуждайте меня. Может, это и к лучшему, что я осужден. Ведь только здесь я понял цену свободы и думаю, что в моей жизни таких ошибок больше не будет. Здесь я очень часто вспоминаю свой дом-интернат и наш лагерь. После окончания училища у меня была возможность поступить учиться в Ленинградский физкультурный институт, ведь в спорте я преуспевал, но в знаниях я очень слаб и побоялся в институт. Но даже здесь я еще надеюсь на свою мечту стать учителем физкультуры и прийти работать в нашу школу...»

Среди воспитанников А. С. Макаренко были насильники, бандиты, воры, но они испытывали гордость, став строителями новой жизни. Они жили в энтузиазме трудовых будней, в мажорном стиле отношений с педагогами, которые не сомневались в их светлом будущем. Глубокие нравственные начала пронизывали их воспитание, а в первую очередь вера в возможность исправления осту-

пившихся детей, которые должны стать достойными гражданами.

В тяжелую минуту Макаренко с понятным отчаянием спрашивал: почему никого не заставляют делать паровозы из консервных банок, а почему он должен делать человека — из чего? (не кого!) — из Ужикова?

Когда Антон Семенович скончался и с ним прощались в Москве, в доме Союза писателей, возле гроба стоял подтянутый человек с орденом на груди и смятым страданием лицом. Хрипло и тяжко он говорил, как нелегко ему хоронить отца, который никогда не сказал ему ни одного доброго слова, но веру которого он чувствовал всегда, и она помогла ему стать человеком, получить орден в боях на озере Хасан. Этот человек геройски погиб в первые дни Великой Отечественной войны. Это был тот, кого Антон Семенович назвал Ужиковым.

Сегодня хорошо известен опыт исправительного учреждения Георгия Павловича Сологуба. Герой Социалистического труда директор Очерской спецшколы Пермской области Г. П. Сологуб воспитывал трудных подростков на основе глубокой веры в их человеческую состоятельность, культивировал гуманные отношения в коллективе, доверием к подросткам пробуждая в них чувство человеческого достоинства и самоуважения. К сожалению, Г. П. Сологуб ушел на пенсию, и трудно предсказать, как сложится судьба его колонии, повторившей опыт А. С. Макаренко.

В последние годы юристов и психологов многих стран стала беспокоить проблема немотивированных преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Как-то семнадцатилетний детина вышел вечером на крыльцо своего дома и просто так, с пьяной одури стал палить из ружья по окнам спален нашей школы-интерната. Каким-то непостижимым чудом никто из детей и педагогов не был убит. Но спрашивается: правомерно ли вообще ставить вопрос о мотивах подобных действий? Ведь самый факт осознания мотива поступка уже предполагает наличие у совершающего поступок какого-то уровня нравственного сознания. Но вся беда в том, что дефективность поведения есть результат дефективно сформировавшегося сознания.

Убогость этических суждений, примитивность интеллектуальных интересов, полная бездуховность, отсутствие положительных идеалов — вот типичная для несовершеннолетних преступников картина ненормально сложивше-

гося сознания. В этих ребятах поражает неумение думать, мыслить. «Вы нас научили задумываться...» — такое откровение нередко звучит из уст ребят, состоящих на учете в детской комнате милиции. Слабость сознания сосуществует в них с болезненным самолюбием, истеричной бравадой и невыносимой заносчивостью. Интересы их ограничены модными мотивчиками, скабрезными анекдотами, подробностями личной жизни звезд зарубежного экрана, а также, по их собственной терминологии, «девочками и водкой».

Семья в первую очередь несет ответственность за ненормально сформировавшееся сознание ребенка. Здесь, дома, в материнской и отцовской школе, закладывается по крайней мере половина сознательного потенциала личности. Ребенок по крупицам собирает нравственные впечатления, представления, суждения. И если это здание складывается из искаженных представлений и взглядов, они порождают искаженное сознание, ведущее к аморальным поступкам.

Шестиклассник Коля П. «взял» из школьного физического кабинета необходимые ему детали для приемника. Когда учителя назвали его поступок воровством, Коля был искренне удивлен, возмущен и раздосадован. И действительно, как не удивиться! Ведь его отец, работающий на мясокомбинате, частенько «берет» для дома то кусок мяса, то батон колбасы. Шесть лет слышит Коля в школе призывы учителей к честности, порядочности, но эти призывы для него остаются чисто умозрительными понятиями, не имеющими никакого практического смысла на фоне антиобщественных поступков отца, вошедших в привычку.

Часто следователи по делам несовершеннолетних преступников спрашивают подростков, кто служит для них идеалом, на кого они хотели бы быть похожими. И ни один из ребят не назвал своим идеалом отца или мать. Как ни горько, в этом отрицании духовного влияния родителей есть свой закономерный, логический смысл. В семьях неблагополучных детей, как правило, неблагополучно. Взаимное недоверие, оскорбление слабого, унижение человеческого достоинства, беззастенчивая грубость, беспробудное пьянство, бессмысленная жестокость — такова антиобщественная обстановка во многих семьях, которые самим своим стилем жизни порождают антиобщественное поведение. Иногда растление детского сознания идет более незаметными путями. Некоторые родители, кажущиеся со стороны вполне благопристойными, деформируют миро-

восприятие детей постоянной скептичностью в оценке общественных явлений, злой иронией по поводу наших экономических бедствий. Именно в таких семьях рождается детский нигилизм, бездуховность и верхоглядство. Как может жестокая семья научить ребенка доброте? Как могут пьяные родители воспитать нравственную чистоплотность? Как могут равнодушные взрослые научить детей отзывчивости и чуткости?

Невольно возлагаешь надежды на школу.

Для школы проблема несовершеннолетних преступников неразрывно связана с проблемой успеваемости, ибо именно из числа слабоуспевающих пополняются ряды неудачников, изгоев общества.

В каждой школе сидят на «камчатке» огромные детины, давно переросшие своих одноклассников, вызывая раздражение и досаду учителей. Они скверно влияют на своих одноклассников, дерзят учителям, утверждают свой сомнительный авторитет кулаками и затрещинами, отказываются посещать дополнительные занятия, отчаянно сопротивляются всяким попыткам вразумить и урезонить их. За этим внешним буйством нередко прячется раненая душа человека, давно отчаявшегося и уверовавшего в свою конченность. Но внутреннее плохо видится. На уроках учителя их ругают или пугают ПТУ, как в детстве пугают стариком с мешком. На педсоветах бывает трудно унять возмущение учителей этими ребятами. Они требуют их «убрать», они «не в состоянии с ними работать», они возмущаются и негодуют. А почему бы не сделать так, как было в школе В.А.Сухомлинского? На педсовет выносился один вопрос: «Как помочь Пете К.?» И спокойно, без нервных срывов учителя размышляли над тем, как совместными усилиями сделать из Пети достойного человека, как воспитать в нем высокие духовные потребности.

А многие ли учителя задумывались о судьбе этих «лишних людей» за школьными партами, которых и не любил-то толком никто. Многие ли учителя видели, как они цепенеют и трепещут от простой человеческой ласки, которой их так обошли в жизни? Одна старая учительница рассказывала мне о своем «педагогическом грехе», как она выправляет второгодников. «Дашь ему на контрольной работе карточку с самым легким вариантом. Он об этом и не догадывается. А глядишь, получит первую в жизни четверку и будто проснется от долгой спячки: всколыхнется, оживет весь. Пох-

валишь его, приголубишь за эту четверку. И смотришь, взялся парень за предмет, в силу свою уверовал. Тут уж можно ему и потруднее задачки давать.» И каждому понятно, как мало в этой педагогической мудрости «греха» и как много глубокой человеческой обеспокоенности.

Трудный подросток и его свободное время. Эта проблема не теряет своей остроты. Городской подросток имеет в 10 раз больше свободного времени, чем подросток в деревне. Свободное время надо уметь заполнить, а для этого опять же требуется немалый интеллектуальный потенциал. Большинству наших ребятишек и в голову не придет, что кто-то должен организовывать их досуг. Если выдался свободный часок, то мальчишка скорей хватает любимую книгу, и, углубившись в нее, не замечает ничего кругом. Другой, взяв мать под руку, идет с ней в театр. (Только почему сжимается сердце, когда видишь эту картину? Наверное, редко такое случается...) Я наблюдал, как светлеют лица мальчишек и девчонок, пришедших на выставку Нади Рушевой.

Совсем иное дело — досуг «трудных» подростков. Вечер для них существует для того, чтобы... пошляться, «побалдеть», и как близко такое бродяжничество к преступлению! Эту связь видят даже сами подростки-правонарушители. Один из них однажды разоткровенничался:

— Допустим, идет компания подростков (и я в ней). Идет, веселится, подначивает прохожих. Мелкие шалости уже не устраивают. Начинает тянуть на что-то новое, «героическое»: или прохожего остановить, или избить, или отнять деньги, часы. А если остановишься, не примешь участия — ну, что ты! — будешь тут же объявлен трусом. И вот начинаешь применять знания, полученные на секции бокса, в деле...

Спрашивается: о чем же думают родители, когда поздно вечером их детей нет дома? Ведь большинство преступлений совершается подростками после 22 часов. Они часами неприкаянно бродят по городу, бесцельно простаивают в подворотнях. 95% несовершеннолетних преступников никогда не были в театре, не имеют понятия, где находятся детские библиотеки.

Замечательный советский педагог В.А.Сухомлинский специально изучал семьи 460 подростков-правонарушителей и пришел к выводу, что «чем тяжелее преступление, чем больше в нем бесчеловечности, жестокости, тупости,

тем беднее интеллектуальные, эстетические, моральные интересы и потребности семьи. Ни в одной семье подростков, кото́рые совершили преступление или правонарушение, не было семейной библиотеки, хотя бы маленькой».

Хотелось бы, чтобы ранее запретная тема о детской преступности, о характере детских правонарушений и, главное, о правомерности наказания колонией перестала быть закрытой для общественности. Надо, чтобы педагоги, психологи, социологи, все думающие люди вместе решили, что мы можем сделать для детей, у которых отнято детство. Имеет ли право государство лишать ребенка детства? Мы запрятали детей за высокий забор, за колючую проволоку, за сторожевые вышки и хотим, чтобы они вышли оттуда сознательными гражданами нашей страны?!

Огромная заслуга в обращении общества к проблеме несовершеннолетних преступников принадлежит Российскому детскому фонду.

Предложение фонда о разработке законопроекта Закона о защите прав детства было одобрено Всесоюзным съездом учителей. Этот закон должен обеспечить педагогически целесообразные условия для формирования личности ребенка, демократичность и гуманность в обращении с ним, мобилизовать все силы общества на охрану прав детей. Хотелось бы, чтобы деятельность Российского детского фонда была активно поддержана общественностью, школой, родителями, органами народного образования, а также воспитателями исправительных учреждений, призванных перестроить сознание оступившихся детей.

У меня создалось впечатление, что сегодня школа видит в исправительных детских учреждениях своего рода отдушину, в которую можно скинуть все недочеты собственной работы. Не справились с учеником, не хочет учиться ребенок, не знаем, что с ним делать, — пусть с помощью милиции, через инспекцию по делам несовершеннолетних отправляется в соответствующую колонию. Сбыли с рук, и слава богу. И это вместо того, чтобы самоотверженно бороться за каждого ребенка, каким бы он ни был, как бы он ни портил нашу нервную систему, — в наших педагогических руках его судьба и его жизнь.

Редко я встречал ребят, которые после колонии стали полноценными гражданами. Клеймо бывшего преступника нередко, к сожалению, определяет судьбу оступившегося человека до самой его смерти.

У нас в Сыктывкаре выдвигали кандидатом в народные депутаты хорошего рабочего — наставника, честного труженика, порядочного человека. Кто-то сообщил, что лет 20 назад за участие в случайной драке он был осужден. Пришлось через республиканскую газету «Красное знамя» давать пространное разъяснение, какой это достойный человек, хотя в детстве он и попал в беду. Не помогло, не был он выдвинут кандидатом в народные депутаты.

Думается, определяя наказание оступившемуся подростку, нужно учитывать особенности детской психологии. Наказывая его изоляцией от общества, мы отнимаем у него веру в себя, а значит, в его способность отвечать за собственное поведение.

Недавно ко мне как члену правления Российского детского фонда обратилась мать восьмиклассника, которого школа решила определить в исправительную колонию. Не ходит в школу, не уважает учителей, но очень увлечен техникой. Мать замучили бесконечные жалобы учителей, и наконец, не выдержав, она крепко выпорола своего великовозрастного сына. Тот не стерпел, ушел из дома, перестал вообще ходить в школу. Все время он проводил в гараже «Комистроя», помогал водителям в ремонте машин, мыл их, выполнял любые поручения. Удалось этого подростка спасти от колонии. Сейчас парень учится в СПТУ в группе слесарей-водителей.

Одна из важных наших задач — гуманизировать правовые решения, повысить юридическую ответственность родителей и органов народного образования за воспитание детей. Нужно передать детские исправительные учреждения из подчинения МВД органам народного образования. Надо дифференцировать детские колонии по степени тяжести проступков: не могут содержаться в одной колонии уголовник-рецидивист и мальчик, который не слушался учительницы. Необходимо создать законодательную педагогическую систему предупредительных мер, ограждающих детей от совершения правовых преступлений. Нельзя губить жизнь детей из-за нехватки времени на их воспитание, из-за того, что мы не умеем организовать полезную деятельность, соответствующую их возрастным потребностям. Детям не место за решеткой!

Наши выпускники, получившие среднее образование, гораздо лучше подготовлены к жизни и нравственно, и физически, и социально, и психологически. Большая часть

ребят уже с IX класса начинают думать о высшем образовании. Для нас это обстоятельство приобретает принципиально важное значение, так как раньше не все наши ребята могли осуществить свою мечту о профессии.

Была у нас Лена Майкова. Уж так хотела стать врачом! Теперь прислала мне письмо Елена Анатольевна Матвеева: «Смотрела в июле передачу из Останкина, показывала мужу и дочери, где мы жили, где купались, где играли. Слезы на глаза наворачивались! Я замужем. Муж — мастер на ГРЭС, дочь во II классе учится. Я работаю сменным мастером в банно-прачечном комбинате. Живем очень хорошо! А самое главное, что я человек трудолюбивый, и научил меня этому наш интернат!»

Не сбылась мечта Лены, не стала она врачом. Но человек в ней состоялся, она счастлива. Это прекрасно, но все же...

В прошлом году я объездил Новосибирскую, Курганскую, Свердловскую области, хорошо знаю положение в нашей республике. И везде лишь один, от силы два выпускника восьмилетних школ-интернатов ежегодно попадали в высшие учебные заведения. Это была большая социальная несправедливость. Дети, лишенные родителей, теряли возможность получить высшее образование.

Сейчас это положение исправлено. Есть постановление правительства, согласно которому для детей-сирот должны быть созданы все условия, чтобы они могли нормально учиться и получить высшее образование. Правда, это постановление дошло пока не до всех вузов. В прошлом году, да и в этом, пришлось связываться с ректорами вузов, с деканами факультетов, добиваясь осуществления государственных льгот, денег, полагающихся сиротам во время их обучения в вузах. Находятся тысячи всяких причин, множество отговорок, чтобы не выплачивать ребятам положенной им стипендии.

Поступила у нас в Кировский сельхозинститут выпускница Люба. Долго от нее не было вестей. Пришлось позвонить в деканат. Оказалось, там и не ведали, что девушка — сирота. Три месяца не начисляли стипендию, не говоря уж о том, что не выдавали денег на питание, полагающихся по постановлению правительства.

— Как же так? — спрашиваю.

— А в профкоме ей дали 14 талонов на обед по 37 копеек...

Чем больше становится у нас выпускников-студентов и чем шире география вузов, в которые они поступают, тем

чаще приходится связываться с деканами факультетов и ректорами институтов, объясняя им смысл постановления. Я не вправе осуждать руководителей вузов: у них, возможно, одна тысячная доля студентов-сирот. Они могут и не знать о таких студентах, руки не доходят. Но на мои подсказки они реагируют правильно, и, надо полагать, положение скоро выправится.

В Госкомитете по народному образованию я предлагал: отдайте средства на содержание ребят, поступающих в вузы и техникумы, нам. Мы будем, как родители, приглашать их на каникулы, покупать одежду и обувь, оказывать помощь и поддержку. И семейные корни сохраним, и ребятам не придется унижаться, чтобы получить законное. В Госкомитете возразили: мол, ты-то будешь заботиться, а других директоров не заставишь. Не думаю... Можно было бы отдельного воспитателя взять, опекуна, он бы и осуществлял связь с выпускниками (возможный круг обязанностей: помощь выпускникам, контроль за учащимися в СПТУ, трудоустройство, обеспечение жильем, устройство детей в ясли и т. п.). Сейчас в большинстве семей родители продолжают оказывать поддержку своим взрослым детям. Так и должно быть. На то она и семья. Почему же у нас иначе?

Как учатся наши выпускники в вузах? Надо сказать, что на первых порах — неважно. И не оттого, что знаний недостает, а потому, что резко меняется стиль жизни. Никто о тебе не беспокоится, нет никакой индивидуальной заботы, а главное — контроля. Тебе дано право учиться — вот и учись. А самому заставить себя работать трудно, поэтому первый год вживания в новые условия оказывается для ребят непростым. Зато, когда они на ноябрьские праздники приезжают к нам в интернат, они с такой страстью агитируют наших старшеклассников хорошо учиться, что убеждают их лучше учителей.

Отношение к учению у всех 16 выпускников, ставших студентами за последние два года, ответственное. Правда, в первом семестре они сдают экзамены не без троек, но потом начинают быстро выправляться. Ко второму курсу они крепко стоят на четверке. Им и нельзя иначе. Они у нас люди с ярко выраженным чувством достоинства и не хотят быть хуже других. Кроме того, когда они приезжают в интернат, их окружает восторженная толпа малышей: «Неужели ты учишься в самой Москве?!» Тут никак нельзя терять престиж столичного студента.

Каждое поступление нашего выпускника в вуз я, честно говоря, воспринимаю как огромную победу нашего педагогического коллектива, как несомненный успех нашей системы обучения и воспитания. Я имею право на столь обязывающее заявление, потому что слишком явственно помню, что представлял каждый нынешний студент лет эдак 5—6 назад. Отставание в развитии, ограниченные, примитивные интересы, чувство ущербности и неполноценности, непредсказуемость в поведении, вспышки гнева безо всякого повода и болезненная обидчивость. И вот через все эти нравственные сорняки продирается, пробивается личность, для которой тяга к знаниям, образованию становится главным стержнем в жизни.

Чтобы читатель поверил, что мы не зря торжествуем по поводу каждого нашего выпускника-студента, приведу лишь одно яркое свидетельство: объяснительную записку, поданную мне провинившимся шестиклассником (ныне он студент лесотехнического института). При этом сохраняю подлинный стиль автора, исправив в тексте лишь грамматические и синтаксические ошибки:

«Я буду стараться, чтобы я вел себя лучше. Я буду стараться, чтобы я больше не нарушал порядка интерната. Я попробую поправляться. Буду хорошо относиться к труду и учебе. Буду всегда выполнять, что скажет учитель и воспитатель. Я хочу, чтобы я не был пьянщиком и алкоголиком. Я хочу, чтобы я был нужен своей Родине. Я постараюсь улучшить дела в учебе, чтобы я хорошо учился. Мне кажется, что я спустился до последней ступени. Я не хочу, чтобы меня все презирали и ненавидели. Мне кажется, что если я так буду дальше жить, то я буду таким человеком, что меня даже в уборщицу не возьмут, меня будут считать за «собаку», которая ищет еду на дорогах и не может найти дом, потому что она в детстве бездельничала, неважно относилась к учебе и труду. Если так будет, то значит это не жизнь, а «бесконечная гулянка». Мне надо бороться за то, чтобы неприятных случаев не было. За это мне надо бороться (подпись)».

Не стану утверждать, что парень этот стал отличным студентом. Нет. Он — средний студент, но главное не в его успеваемости. Важнее иное. Юноша преодолел отставание в развитии, комплекс неполноценности и сиротства, нередко фатально преследующие человека в течение всей жизни.

Не случайно, говоря о ребятах-сиротах, я упоминаю очень часто слово «развитие». Именно оно, развитие, а вернее его слабость, ущербность, заботит нас в течение всего срока пребывания детей в школе-интернате. Это главное наше несчастье. Невосполнимость не полученных в семье представлений и впечатлений, сложившиеся в раннем детстве стереотипы асоциального поведения, слабая управляемость психическими процессами — вот проблемы, над которыми мы бьемся постоянно. А что мы знаем из теории о развитии детей? Почти ничего. Знаем определение, составляющие развития, их значение. Но каковы законы, управляющие развитием? Почему порой наследственность оказывается решающим фактором, перед которым бессильны все педагогические ухищрения? Почему порочная среда гулящей матери оказывается для иной девочки притягательнее атмосферы жизни в интернате? Мы не можем ответить на эти вопросы и действуем почти вслепую, так, как подсказывает сердце и опыт.

Уровень общего развития и культуры детей становится для нас особенно значим, когда они стоят на пороге самостоятельной жизни. О круге их интересов и увлечений в определенной степени можно судить по тому, как они проводят свой досуг, что и сколько читают (в том числе периодику), какие смотрят фильмы и телепередачи и т.п. Конечно, основное окно в мир для наших ребят — телевизор. И хотя они смотрят разные программы, развлекательные предпочитают всем остальным. В анкете, которую мы предложили старшеклассникам, все они дружно утверждают, что телепередачи расширяют их кругозор, делают более эрудированными, повышают политическое, эстетическое и экономическое развитие, однако на деле нравственные и социальные проблемы все же остаются «за кадром» их интересов. Возможно, язык серьезных программ для юношества должен быть более доступным и увлекательным, а главное, сами передачи нужно делать в расчете на конкретную зрительскую аудиторию, чтобы хорошо представлять лица тех, кто сидит у экрана, и чувствовать их реакцию.

Наши воспитательницы часто обсуждают с ребятами кинофильмы, телепередачи. И нужно честно сказать: старшему поколению приходится нелегко — найти общий язык с ребятами мешают всевозможные табу, а слова «секс» и «эротика» просто вгоняют многих в краску стыда. А для наших современных взрослых детей все это не в новинку, и

они давно во всем разобрались самостоятельно. При обсуждении, например, фильмов «Маленькая Вера» и «Интердевочка» оказалось, что все ребята восприняли героинь в качестве жертв социальной неустроенности, неблагополучия их семей. Сочувствуя героиням этих фильмов, они старались разобраться в причинах, порождающих проституцию. Один десятиклассник сказал: «Хорошо, что наши девочки живут в интернате, а не в такой семье, как у Веры...»

Как бы ни были здравы рассуждения ребят, нас, педагогов, не перестает беспокоить сексуальный бум на кино- и телеэкранах, посягающий на самые сокровенные, интимные переживания, отравляющий цинизмом души наших детей. Все они, а особенно сироты, лишенные родительской ласки, с нежностью и трепетностью ждут любви. Не будут ли жестоко обмануты их ожидания, если за любовь они примут сексуальную свободу и вседозволенность? Еще А.С.Макаренко предупреждал, как опасен рационализм в области полового просвещения детей. Между тем средствами кино и телевидения тайна взаимоотношений мужчины и женщины сведена до уровня сексуальной технологии. Такая сексуальная обнаженность особенно опасна для нравственности девушек. В христианских традициях русского народа издревле принято целомудренное воспитание девушек в духе скромности, стыдливости, нравственной чистоплотности. Девушки более впечатлительны, откровенные сексуальные сцены порой больно ранят их неокрепшие души, делают грубыми, жестокими, практичными. Одна выпускница, просмотрев несколько молодежных фильмов, призналась мне: «Когда я иду из кино, мне становится странно, что я не проститутка, не наркоманка, не пьяница...»

Еще одна беда — эстрада, причем самого дурного пошиба, заполнившая телеэкраны. Среди ребят идет соревнование, кто больше знает ансамблей, демонстрирующих грязные патлы, трясущиеся ляжки, полную безголосицу и отсутствие музыкального вкуса. Такая, с позволения сказать, эстетика тоже «воспитывает» детей. Они во всем хотят быть похожими на своих кумиров — в прическах, одежде, поведении и, самое печальное, в образе жизни и отношениях друг с другом. Похоже, мало кого беспокоит выхолащивание из телепередач и нашей повседневной жизни великого национального достояния — русской классической музыки.

Многое о наших детях могут сказать и их читательские формуляры. Казалось бы, здесь мы можем быть спокойными. Читальный зал, библиотека всегда забиты до отказа. Читают все — от мала до велика. «Нечитающих» — 2—3 человека на класс. Но вот что читают? Чаще всего произведения, связанные с программой по литературе. Книги по собственному выбору берут немногие. Основной пласт ежедневного чтения — периодика. Популярны такие издания, как «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Физкультура и спорт», «Парус», «Здоровье», «Крестьянка», «Знак вопроса».

Очевидно, названия изданий сами по себе не отражают ни интересов, ни уровня развития наших старшеклассников. Ведь не менее важно, какие публикации их привлекают. Оказалось, что выбор материалов отражает психологию детей, лишенных родителей. Они внимательно вчитываются в письма своих сверстников, особенно тех, кто испытывает одиночество и хочет обрести друга. Интересуются событиями международной жизни больше, чем происходящим в стране (желание спрятаться от проблем нашей действительности или неосознанная тяга к менее знакомому). Любят читать о неформалах, о ровесниках, о преступлениях. Девочек интересуют «женские» проблемы, они не пропускают статей о любви, модах, семейных историях.

С тех пор как наши дети стали получать зарплату за участие в трудовой деятельности, выпускники начали индивидуально подписываться на газеты и журналы. Большинство продолжают читать свои любимые издания и после окончания школы-интерната. Боюсь, однако, что резкий подъем цен заставит наших ребят, особенно ставших студентами, сократить количество выписываемых ими газет и журналов.

Но вернемся к разговору о выпускниках, поступивших в вузы.

Есть одна особенность у наших студентов: они активные общественники. В Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева учатся Лариса Шаповалова, Катя и Таня Шевелевы. Все они — комсомольские и профсоюзные лидеры. Жизнерадостные, отзывчивые, деятельные. Как-то позвонил в комитет комсомола академии, попросил Ларису Шаповалову, так мне ее сразу нашли. Только на втором курсе учится девушка, а уже член комитета комсомола академии и все ее там знают. Комсомольскими активистами

стали и Люба Мезенцева в Кировском сельскохозяйственном институте и Настя Сивергина в Калининградском институте рыбного хозяйства.

На лето наши студенты стараются вернуться в свой дом, в Межадор. Пишут: «Так хочется летом побыть в лагере!» — «Так в чем же дело? Приезжайте!», — отвечаю я. Идет время, одни приезжают, другие — нет. Оказывается, они морально не очень хорошо себя чувствуют. Уже свыклись с самостоятельной жизнью в институте, и им становится стыдно жить на всем готовом, их тяготит ощущение иждивенчества. Тут я снова и снова убеждаюсь в правомерности такого положения, когда интернат оставляет за собой обязанность материально обеспечивать своих студентов. Нам приходится устраивать студентов на работу в лагере: техничками, нянечками, а парней — водителями, столярами, слесарями. Так они освобождаются от угрызений совести, но какой же это отдых?

После второго курса ребята к нам приезжают реже. Начинают сказываться институтские связи, желание провести отдых с товарищами, поехать в строительный отряд. А жаль! Нам лучше живется в лагере с нашими выпускниками. Вот уж у кого настоящая самостоятельность, так это у них!

Приходится думать и о будущем наших студентов. Через год целая группа их закончит Тюменский мединститут. Очевидно, вернутся в Сыктывкар, так как все годы мечтают об этом. Многие приедут семейными, с детьми. Уже теперь надо решать с городскими властями вопрос о жилье, посылать запрос на молодых специалистов.

Здесь я чувствую необходимость сделать одно уточнение. Написав о том, что наших взрослых ребят тяготит ощущение иждивенчества, когда им приходится жить летом на лагерных харчах, я имел в виду, к сожалению, не всех выпускников. Иные долгие годы не могут излечиться от сиротской болезни.

Заехал я как-то по депутатским делам в глубинный коми поселок Бортом-база. Вспомнил, что у меня там две выпускницы замужем живут.

Зашел к Наде Чупровой. Только через порог переступил и сразу почувствовал, что в хороший дом, в крепкую семью попал. Радость растворена в самом домашнем воздухе. За столом сидит дюжий молодец с усами — Надин муж. Две чистенькие девочки на ковре с игрушками возятся. Поря-

док везде, уютно, запахи аппетитные. Надя о своей жизни рассказывает и никак улыбку с лица убрать не может. Все-то у нее хорошо и ладно. И на душе тепло.

Зашел к Эле Ч., и сразу бедой повеяло. Запустение и нищета, грязь и обездоленность. Сама до того худая и жалкая, что смотреть больно. Был муж, родили двух мальчиков-близнецов, потом он в пьяной драке убил женщину. Теперь сидит и нескоро выйдет. Но до чего хороши мальчишки! Здоровые, рослые, крепкие. Всего-то им по году и семи месяцев, а посмотреть — богатыри. До полутора лет получала Эля на них пособие в пятьдесят рублей. На него и жили. Теперь уже два месяца ничего не получает. Работать пойти не может: детей девать некуда. В ясли мальчишек не взяли, так как им вовремя прививок не сделали. Вот и бедствует в нищете. Надеется на пенсию своего отца, лишенного родительских прав и живущего тут же, в Бортом-базе. Да тот и сам сидит на хлебе и картошке.

Что ж тут получается? Привыкла Эля в интернате получать все готовое, вот и ждет, когда ей кто-то нормальную жизнь обеспечит. Это и есть яркое иждивение.

Но я, конечно, заехал в сельсовет, переговорил с председателем. Потом сели оба в машину, и повез я его посмотреть, как сирота у него в поселке живет-перебивается. Обещал помочь.

Я часто размышляю об истоках иждивенчества. Психология его возникновения вполне очевидна. Живут дети в интернате лет десять—двенадцать. Срок немалый. И привыкают, что еда их ждет в столовой, обувь и одежду можно получить у кладовщика, за тетрадки, книги, учебники платить не надо. Новые диваны, телевизоры, торшеры появляются как бы сами собой, за них тоже ничего платить не надо. И так всю жизнь, пока из интерната не вышли. Уже работать начинают, женятся, замуж выходят, а все не могут психологически перестроиться, не могут освободиться от представления, что государство по-прежнему должно им давать и давать. Уж сколько раз так бывало. Приходит здоровенный парень: «Я женюсь, Александр Александрович. Вы мне свадьбу организуйте!» Спрашиваю: «Зачем же я тебе буду свадьбу устраивать, когда ты сам уже рабочий человек?» Нет, он убежден, что ему обязаны помогать.

Многие беды бывших воспитанников детских домов и интернатов порождены привычками иждивенца. У одних это проявляется в безмерных притязаниях, потребительст-

ве, доходящем порой до хамства. У других, как у Эли Ч., в безвольной покорности обстоятельствам, неспособности противостоять неизбежным житейским трудностям. И еще одно проявление иждивенчества у людей, выросших на всем готовом: они не умеют отстаивать свои права. Разве не могла Эля Ч. потребовать в сельском совете законно полагающейся ей помощи? Нет, она привыкла, что за нее хлопочут другие.

Многие мои воспитанники не умеют ограничивать свои потребности. Недавно девочки-выпускницы пришли с протестом: «Не будем носить сапоги с молнией спереди!» А попробовали бы они хоть какие-нибудь сапоги купить в магазине! Я им так и сказал: «Вот возьмите деньги и покупайте сапоги с молнией на любом месте!» Одна сходила в универмаг на разведку, так после этого и сапоги с молнией спереди показались девчонкам последним криком моды.

Однажды я двух подростков поставил нарочно в такую ситуацию, чтобы они быстро научились отвечать за свои бездумные поступки и действия.

Гуляли они как-то по лесу и наткнулись на легковую машину, оставленную хозяином, который, видимо, по грибы пошел. Сняли ребята с машины зеркало, антенну и забросили в овраг. А машина, как оказалось, принадлежала инвалиду, ветерану Великой Отечественной войны. Пришел он в лагерь ругаться и жаловаться. Злоумышленников я тут же обнаружил. Отправил я их в город и заставил доставить все снятое с машины. Не один день ходили они с предприятия на предприятие (я, конечно, позвонил и предупредил товарищей об их приходе), пока смогли наконец приобрести нужные детали. Думаю, этот урок они надолго запомнят.

Пожалуй, самый оперативный вид связи с нашими выпускниками-парнями — их письма из армии. Часто пишут, и какие хорошие, умные письма! Мы непременно читаем их перед строем воспитанников — ведь написаны они не только их братьями, но и защитниками.

В первое время наши выпускники в армии скучают по своему дому, и мы стараемся побыстрее отвечать на их письма, ко всем праздникам шлем посылки с гостинцами. Обязательно посылаем теплые перчатки и носки.

Когда был издан плакат про наш интернат, где много снимков из интернатской жизни, мы к Новому, 1989 году послали по экземпляру всем нашим солдатам. Коля Бабен-

ко написал: «Зачитал весь плакат до дыр, пересмотрел снимки, всех узнал. Как будто дома побывал...»

А один парень очень категорично заявил, что, по его мнению, наша армия держится на интернатских ребятах, на их самостоятельности и трудолюбии. Недавно пришло благодарственное письмо от командования части, где служит Саша Брусиловский. Еще раньше благодарили за Колю Дуркина.

Роман Исаев тоже прислал письмо из армии. Десять классов он кончил, хотя в то время наша школа восьмилетней была. Учился в городской школе, а жил у нас. Поступил в педагогический институт, а после первого курса пошел в армию. Он — старейшина целого рода Исаевых, у нас в интернате его брат и сестра остались. Пишет, что первую передачу из Останкино не видел, «был далек от цивилизации», а про вторую командир сказал, разрешив смотреть после отбоя. «Смотрел, и дрожь по телу шла. Ведь дом родной! Все в лица вглядывался: покажут ли Юру и Надю. Увидел в одном месте, уж так обрадовался!»

Обрадовались все весточке от Миши Фомина. Родился он в деревне, сельскохозяйственное ПТУ окончил, иногда к нам заезжал. Потом работал в своей деревне, ушел в армию и будто пропал. Спрашиваю ребят, где наш Миша, никто не знает, но вроде на Дальнем Востоке служит. И вот прислал письмо, что передачу смотрел и не узнавал. Уж очень многое за пять лет изменилось.

Пришло письмо и от Бори Н. из Ленинграда. Там он служил в армии, а теперь женился, семья у него хорошая, дочка родилась, жену любит и ее родственников тоже. Все благополучно у него.

А рос мальчиком тихим. Только страсть к футболу у него была необычайная. Услышит слово «футбол» и в любую погоду, усталый или нет — все равно не удержишь — мчится на футбольное поле.

Однажды нас потрясло известие: нашлась мама Бори! Написали о нашем интернате в местной газете, и Боря там упоминался. Позвонили нам люди из пригорода, говорят, соседка у нас рядом живет с такой же фамилией. Навели справки: действительно, мать Бори. Пригласили ее в интернат. Приехала, конфет сыну привезла, поговорили они, посидели. Ожил наш паренек. Пришел ко мне сияющий: мама в гости зовет. Нарядили мы его в субботу, приготовили к встрече. Он все беспокоился, когда ему вернуться, что-

бы не опоздать: в воскресенье вечером или в понедельник утром. Разрешил ему возвращаться, как удобнее будет. Дежурил я в эту субботу. Гляжу, часов в семь вечера, Боря наш, сжавшийся, понурый, прошмыгнул мимо меня в спальню. Знаете, как щенок побитый в свою конуру пополз. Не спрашивали мы его ни о чем. Через несколько дней пришел и сам рассказал.

Приехал к матери. Дверь нараспашку, в комнате грязь, нищета, двое мужиков за столом пьянствуют. Мать лежит на кровати ничком, пьяная до беспамятства. Окликнул ее Боря несколько раз, не отзывается. Сидит в уголке на табуретке, никому до него дела нет. Опять окликнул, смотрит она ничего не понимающим взором. Встал и ушел из дома. Говорит: «Видно, ничего у меня не получится. Как не было матери, так и не будет». Вот и остался Боря второй раз сиротой.

Большая география у нашей переписки с выпускниками. Пишут нам хорошие, теплые письма из Алма-Аты, Норильска, Архангельска, Удмуртии, с Дальнего Востока, из Хабаровска. Даже удивительно, такая маленькая школа в Коми крае, а ее выпускники живут и служат по всей огромной стране, пишут письма и вспоминают только хорошее, что им дала школа-интернат.

Приходится беспокоиться о трудоустройстве наших ребят после службы в армии. Если есть жилье, то трудоустройство осуществляется легко и естественно. Но что делать, если жилья нет? Некоторых мы устраиваем в интернате. Вове Попову, когда он женился, выделили целый дом в Межадоре. Мише Мальцеву, когда он стал семейным, тоже дали квартиру в лагере. Отвоевали однокомнатную квартиру для Саши и Зои Макаровых. Но как устроить остальных? Ведь в Сыктывкаре крайне сложно с обеспечением жилплощадью.

В прошлом году немало нервов потратили, чтобы Лена Сивко после окончания СПТУ бытового обслуживания получила жилье. Кончила она училище, оставили ее работать в городе, а жилья нет. Мается, бедная, даже общежития не дают. Пошла в горисполком, говорят, откуда приехала, туда и возвращайся. А откуда она приехала? Ниоткуда! Началась ее жизнь в Доме ребенка, а потом переходила из одного детского дома в другой, пока к нам в интернат не попала. Что же ей теперь, ехать в любую деревню и заявлять, что она оттуда родом? И кому она там нужна? Почему же город,

в котором она выросла, которому помогала, теперь отказывается от нее? Ведь наши дети много делают для города: и улицы чистим, и деревья белим, и цветы, кусты сажаем. Внушаем детям, что Сыктывкар для них родной. Почему же теперь Лена должна ехать куда глаза глядят?

Пришлось воевать с городскими властями, и недавно получила Лена место в общежитии. До этого жила полгода у подруги в доме, назначенном на снос, без прописки. Конечно, это непорядок!

Уже не первый раз пришлось сражаться за право на жилье выпускников интерната. Есть решение горисполкома о льготной очереди для сирот, а чиновники-исполнители, видите ли, не согласны, что сироте нужно жилье. Иногда доходит до абсурда. Парень-сирота получил в армии инвалидность, привезли в Сыктывкар, положили в больницу. Подлечили. Выздоровел, а выписывать некуда — прописки нет, жилья нет, работы нет. Даже пенсию, что ему как инвалиду положило государство, получить не может. Три месяца бродит по больничным палатам. Как тут не воевать?

Радуюсь, когда наши выпускники женятся на наших же выпускницах. Хорошие семьи получаются! Это вполне естественно. Долго были вместе, хорошо друг друга узнали. Пример замечательной семьи — Макаровы, Саша и Зоя. Я уже упоминал, что они у нас работают. Каждое дело в интернате их касается, каждого ребенка знают и воспитывают не хуже воспитателей. Нравственно чистые, добрые к людям. А сынок их, Александр Александрович, запросто заходит ко мне в кабинет: «Здорово, дед!»

Недавно женился у нас Вася Братенков. Сам небольшого роста и девочку Тоню из деревни Чухлома взял тоже маленькую, крепенькую. Стояли они рядышком в загсе как два грибочка. Тоня о Васе заботится, сердцем чует, что ласки он в детстве недополучил! Родился у них ребенок. Тут же в интернат явились показать. Вася гордо на руках несет сыночка, а Тоня рядом — счастливая, глаза сияют. Ведь наследник родился! Часто наши выпускники своих первенцев в интернат несут.

Мне приходилось слышать, что интернатские не умеют строить семью, а какая-то статистика будто бы подтверждает, что детей своих они сдают в интернат. Должен разочаровать создающих подобные легенды. У меня нет ни одного ребенка, подкинутого бывшими интернатскими воспитанниками. Такого желания у них даже в мыслях не возникает.

У меня есть соображение относительно причин крепости семей наших выпускников. Всем им не хватало в интернате какой-то особой, «персональной» ласки. Было очень много коллективной доброты. Но каждому нужна отдельная ласка. чтобы именно его любили больше всех. Это не эгоизм, это от нехватки семейного тепла. И когда они находят друга, понимающего их тоску по любви и ласке, они ценят и берегут свое счастье.

Нежданно-негаданно начали мы в интернате праздновать свадьбы наших выпускников. Обряд свадьбы стал одним из самых трогательных, теплых.

У нас, конечно, было уже много свадеб. Ездили в загс, брали с собой старшеклассников, везли подарки, дарили цветы. А однажды вечером зашел у нас разговор с заместителем директора по воспитательной работе Ольгой Елиферовной Фиминой. Она сказала, что скоро предстоит свадьба Эли Давыдовой, я должен как депутат поздравить молодых, и уже десять старшеклассников выделены, которые должны в загс ехать. И вдруг она меня удивила: «А почему мы должны ехать в загс и там поздравлять молодоженов? Ведь это праздник всего интерната — вот и надо праздновать его дома». Я усомнился: «Сложно это, застолье не устроишь, у жениха друзей много — всех не пригласишь». «Никакого застолья не надо, — возразила Ольга Елиферовна, — не в том дело. В загс едут молодые, их дружки, свидетели, а мы с вами — родители, которые всегда у родных ворот, в доме встречали молодых с хлебом-солью, свадьба всегда в родительском доме проходит». И все это быстро у нас в голове прокрутилось, тут же собрали старшеклассников, позвали художественный совет и стали вместе придумывать, как после загса по-домашнему свадьбу организовать.

И вот в день регистрации наша интернатская «Волга» после ЗАГСа повезла новобрачных не по городу, как это было принято раньше, а в родной интернат.

У нас очень красивый нижний вестибюль, а в день свадьбы он просто сиял. От души постарались ребята вместе с заведующей художественным отделом Татьяной Михайловной Поповой. Постелили ковровую дорожку от входа к живописному зимнему саду. Поставили скамью для новобрачных, покрыли ее ковром. Рядом маленький столик с изящным подсвечником и подарками. Сделали панно: на нежно-голубом фоне — фата невесты и один яркий

цветок, на стенах — зеркала и канделябры со свечами.

Собрались все дети, от дошколят до одиннадцатиклассников. Малыши в ручонках просо держат (пшеницы не нашли). Подъехали жених с невестой, вошли в интернат, вступили на ковровую дорожку, и тут мы пластинку с колокольным звоном включили. Идут молодожены, Эля наша просто красавица в белом наряде, с букетом цветов. Звонят колокола, все хлопают в ладоши, кричат «ура», а малыши обсыпают просом жениха с невестой, чтобы дом был полной чашей. В конце дорожки встречают их с поклоном отец и мать — это мы с Ольгой Елиферовной. Она хлеб-соль на расшитом полотенце протягивает, а я цветы вручаю. Поздравили их по-родительски, они хлеб-соль отведали, дружкам передали.

Только хотели молодых на скамью посадить, подбегает одиннадцатиклассница Лена, связывает им руки полотенцем и ведет по кругу. И тут девчата наши запели обрядовую свадебную песню про прощание со своей подруженькой-лебедушкой, выдаваемой замуж за добра молодца. Впервые я услышал такую обрядовую песню, да еще в полутемном фойе при колеблющемся свете свечей, и вижу, не только у меня слезы на глаза навернулись.

А тут свет включили, жених с невестой сели на скамью, девочки опять свадебную песню заводят. Тишина стоит благоговейная, малыши даже рты раскрыли — так переживают. С поздравлениями к новобрачным обратились воспитатели и ребята, стали подносить подарки. На подарки мы не скупимся. Вручаем полное приданое, а при этом приговариваем: спать под одним одеялом будете, а головы класть на разные подушки, чтобы жить своим умом не разучились. Много советов, прибауток, и тут вдруг что-то сверху слетает, белыми крыльями машет. Оказывается, это Женька, наш одиннадцатиклассник, аиста изображает — принес молодым куклу с соской. Тут уж и шутки, и дружный смех. Жениху и невесте предстоит исполнить первый вальс. Все расступаются, наш школьный оркестр начинает мелодию, молодые выходят в круг...

Не успели сыграть одну свадьбу, как через неделю другая: Лена Измалкова замуж выходит. Опять в интернате праздник. И столько нового напридумывали! «Подружка» в лице Саши Щукина пыталась отнять жениха у невесты, испытаниями на хозяйственность и находчивость будущих мужа и жены заставили молодых проявить свои таланты.

«Домашние» дети бывают на свадьбах у знакомых, родственников, а для наших это что-то невиданное и неслыханное. Кто-то из выпускников, бывало, пугался собственных свадеб, терялся на них. А теперь все увидели, какой это радостный и торжественный ритуал. И должен честно сказать, что хотя и бывал я на многих свадьбах, но такого красивого торжества, такого искрометного веселья, такой изобретательности в чествовании новобрачных нигде не видел. А наши воспитатели и учителя переживают, волнуются, готовят подарки, плачут, смеются, словно женят или выдают замуж своих родных детей.

Обе свадьбы снимало наше школьное телевидение. Кстати, хочу сказать о нем и о его значении для наших выпускников.

С помощью кооператива «Бытовик» мы оборудовали кабельное телевидение у нас в школе. В своих передачах рассказываем о нашей жизни, поздравляем ребят с днем рождения, показываем мультфильмы. Создан специальный совет старшеклассников, готовящих программы телепередач. По телевидению отчитывается штаб учебы, комитеты и советы, ответственные за отдельные участки нашей жизни, выступают учителя, воспитатели, директор. И какой интерес в интернате к передачам своего телевидения! Конечно, мы и видеофильмы показываем. Их у нас уже более семидесяти. Бывают у нас такие морозы, что и на улицу не выйдешь. Сидят тогда всем интернатом у экранов телевизоров. Когда две серии фильма «Мой маленький большой друг — инопланетянин» показывали, даже я свои бумаги забросил и вместе с ребятами смотрел. А все-таки свое телевидение еще интереснее.

Шефы из Комилеспрома подарили нам видеокамеру. Теперь все наши важные события, походы, праздники, свадьбы мы немедленно снимаем и через двадцать минут уже показываем. Так у нас и образовался свой видеоархив — о нашей жизни. Только во время путешествия по Крыму мы отсняли фильм на 27 часов. Недавно составили список, сколько сюжетов из жизни интерната мы сняли. Оказалось — 90! Список вывесили и предложили ребятам подавать заявки на показ фильмов о нашей жизни. И пошли заказы, кому про Новый год, кому про Севастополь и посещение боевых кораблей, кому про свадьбу, кому про спортивное соревнование. Пожалуйста, удовлетворяем любую заявку.

Но совершенно особое значение эти фильмы имеют для наших выпускников. Они могут их смотреть без конца и каждый раз переживать, будто в первый раз видят. Есть что-то трепетное в этом их возвращении в собственное детство, в тот дом, который их поднял и сделал людьми. Когда-то А.С.Макаренко писал об особом значении далекой перспективы для выпускников детских учреждений. Все это правильно, но далекая перспектива вырастает только на глубоких корнях прошлого, добрую память о котором можно унести с собой во взрослое будущее.

Школьное телевидение, школьное радио, школьная печать не только способствуют воспитанию ребят, но и служат для постоянной связи с выпускниками. Уже около трех лет выходит у нас школьная газета «Радуга». Мы ее на ксероксе размножаем. Ребята ждут ее и читают свою газету с удовольствием, но самый большой интерес испытывают к ней наши выпускники. Мы всегда часть экземпляров откладываем и посылаем нашим студентам и ребятам, служащим в армии. Недавно Юра Марчук возмущался в письме, что мы ему № 18 «Радуги» прислали, а потом № 20. Где же № 19, может, он и был самым интересным?

В каждом номере «Радуги» мы рассказываем о жизни и учебе наших студентов, о службе ребят в армии, публикуем их письма. Так не прерываются родственные отношения нынешних и бывших воспитанников. Один из выпусков газеты по своей инициативе подготовил и выпустил Дима Коюшев со своими товарищами. Газета получилась живая, боевая. В ней были помещены фотографии всех ребят, проходящих воинскую службу, и их адреса. Тут же началась активная переписка с солдатами. Малыши прибегают однажды ко мне, говорят: из газеты кто-то портреты вырезал. Провели дознание. Оказывается, это Саша Мидов вырезал портреты своих друзей с адресами, чтобы удобнее переписку было вести. Пришлось ему газету восстанавливать. А Дима Коюшев за инициативу получил на школьной линейке ценный подарок — зимние унты.

Воспитание как «атака в лоб», как прямое вторжение во внутренний мир ребенка никогда не достигает цели. Чем нудно талдычить ребенку, как ему не стыдно (а ему действительно не стыдно!), лучше показать по школьному телевидению сценку наподобие «Ералаша» или написать фельетон в газету.

Меня спрашивают: «Бывает ли у вас в школе, что девочки рожают? Это ведь нынче не редкость. А у вас они живут рядом...»

Мои ребята действительно живут рядом, и все-таки таких случаев не было. Если бы такое произошло, не знаю, как бы я поступил, пока не представляю себя в данной ситуации, но, наверное, как любой отец, позаботился бы о новорожденном. Значит, потянула друг к другу любовь, и тут уж ничего не поделаешь.

Идут к нам выпускники со своими проблемами. Кто-то не может ребенка в детский сад устроить. И я всегда поддержку нахожу в нашем гороно, где понимают, что у других бабушки, дедушки есть, а у наших чаще всего никого нет. Особенно когда двое интернатских сойдутся. Тут уж совсем надеяться не на кого.

Приходится вмешиваться в служебные конфликты, устраивать на работу, кому-то звонить, куда-то ехать. Но еще раз хочу сказать, что наши взрослые выпускники — это наше счастье. Когда в 1991 г. отмечалось 35-летие интерната, собралось столько выпускников, что еле-еле втиснулись в наш зал. А сколько благодарности, признательности высказали они своему дому, своим учителям и воспитателям!

В глубине души я жалею своих взрослых детей, хотя мы с учителями очень требовательны к ним. И я часто думаю: как они расценивают эту нашу требовательность? Сейчас, когда много ребят уже вышли в жизнь, ясно вижу, что именно те, к кому мы были строже, оказались ближе к нам, поняли нас. А наши баловни, которым по каким-то причинам приходилось делать скидку, относятся к нам жестче, равнодушнее.

Вот сейчас из армии прислал письмо Игорь Герасимов. Был он какой-то неказистый ребенок: отстающий, везде опаздывающий, немощный. Теперь смотрю на фотографию — красивый, сильный! Пишет, что самое счастливое время в его жизни — это те 3 года, которые он провел в интернате.

А вот письмо от Саши Сажина. Я уже рассказывал, как он, устроив подкоп, отправил свой цветник в реку. Теперь он студент Тюменского медицинского института. Было время, бросил институт, женился, сын Никита у него родился. Пишет: «Наверное, ругали меня, что институт бросил. Но ведь я снова поступил, учусь и честно признаюсь

только Вам, что это мой Никитка заставил меня учиться. Теперь я учусь с большой радостью и пониманием того, для чего мне надо учиться. Можно к Вам приехать летом? Только жена у меня такая стеснительная, побоится к Вам подойти. А вот Никитка, тот не застесняется. Его точно Вам покажу...»

ПИСЬМА, ПИСЬМА...

Летом 1987 г. я выступал по Центральному телевидению в студии Останкино, позже — в передаче «Родительский день — суббота», а еще когда избрали народным депутатом СССР. После этого получил более трех тысяч писем.

Говорят, нынче человек становится жестче, рационалистичнее, эгоистичнее. Но я не могу с этим согласиться теперь, когда сотни людей захотели стать дедушками и бабушками для сирот, посылают им письма, посылки, справляются об их здоровье, зовут в гости. Лидия Павловна Зюбан живет на маленькую пенсию, но приглашает ребят погостить к себе в Крым: в море покупаться, фруктов всласть поесть. Москвичка Кира Аркадьевна Митюшина написала, что ее квартира всегда в распоряжении наших детей: даже если ее дома не будет, она ключ у соседей оставит. Другая москвичка, Валентина Георгиевна Березкина, пишет, что будет счастлива показать детям нашу столицу. Раим Рахманович Отаджаков из Таджикистана, отец трех сыновей, был бы рад удочерить и усыновить любое количество детей. Зовут ребят чуть ли не во все города Советского Союза, в маленькие селения, на озеро Байкал, в деревеньку из двух домов, стоящую на берегу чудесного озера... Приглашают учиться в высших учебных заведениях, просят адреса выпускников, служащих в рядах Советской Армии, чтобы иметь возможность помочь им. Предлагают любую помощь и поддержку.

Пишут: «Разрешите только устроиться в чуланчике вашего интерната, и я согласна у вас работать кем угодно». А Володя Дмитриев приехал к нам безо всякого предупреждения. Как мы его ни уговаривали, не согласился вернуться в свою Ивановскую область.

Не менее половины писем невозможно читать без сердечной боли: «потеряла мужа и сына», «дочка умерла у меня на руках», «погиб наш сынок в Афганистане», «не могу больше жить в одиночестве!..»

Как не отозваться на горе и боль этих людей! Иной раз думаешь: закрыть бы интернат и отдать им всех детей. Но не так-то просто это делается. Без психолого-педагогической службы здесь не обойтись.

Особым предметом разговора являются причины усыновления. Я бы тут выделил несколько категорий писем. Вот девушка 18 лет в порыве милосердия горячо просит дать ей ребенка, так как ее сердце полно сострадания. Спасибо ей за доброе сердце, но зачем ей ребенок? Разве она не выйдет замуж и не родит своего?!

Пожилые бабушки, многие из которых имеют собственных детей и внуков, просят удочерить девушку лет 15—16, чтобы ухаживала за ними, а они, в свою очередь, не обидят — оставят имущество. Знаете, есть что-то унизительное в таком желании осчастливить сироту. Мол, мои внуки не хотят за мной ухаживать, так пускай бедная сирота позарится на мое добро. Ошибаются эти бабушки, представляя интернатских девушек обездоленными золушками.

Мечтая об усыновлении, многие надеются скрасить жизнь за счет взятых из интерната детей. «Она передо мной попляшет, споет — вот мне и радость!» — пишет одна из претенденток на удочерение. Прошу меня извинить за откровенность, но таким усыновителям я не доверил бы ребенка. Я не против того, чтобы приемные дети приносили радость своим родителям. Но ведь слишком дорогую цену надо заплатить, прежде чем ощутить такую радость. Это не каждому по силам.

Я больше понимаю тех людей, которые просят взять детей во имя самих детей, которые мечтают о радости не для себя, а для сирот, познавших беду. Поэтому мне очень дорого письмо Л. И. Паймаковой — она рассказала о неимоверных трудностях, которые преодолела, воспитывая двух неродных детей.

«В 1972 г., — пишет Людмила Ивановна, — мы с мужем поженились, а через три года взяли на воспитание сына. Мальчик рос непослушным, немало слез было пролито, чтобы научить его читать и писать. Многие учителя советовали сдать его во вспомогательную школу. Мы не сделали этого. Мальчик стал учиться на «4» и «5». Теперь сын наш — студент лесотехнического техникума.

Казалось бы, все в нашей семье стало нормально. Но вот два года назад я случайно увидела девочку, сидящую под

кустиком возле самой дороги. Она горько плакала, звала маму. Увидела я ее полные слез глаза и неожиданно назвалась ее мамой. Было ей лет девять. Определили мы ее в детский дом, а потом не выдержали — забрали домой. И вот ребенок наш оказался умственно отсталым. Это было ужасно! Потребовалось три месяца, чтобы девочка отвыкла от гримас, ругани. Вскоре мы решились на эксперимент: перевели ее из вспомогательной школы в общеобразовательную. Вспомнить страшно, чего нам это стоило. У Аллочки обнаружились провалы в памяти, полное отсутствие внимания, умения сосредоточиться. Но мы не отступали, учились вместе с ней. Теперь она догоняет своих сверстников по классу.

Только душой взрослого можно спасти больного ребенка...»

Хочется низко поклониться этой поистине героической женщине, которая к тому же хочет удочерить еще одну девочку.

Но нельзя забывать и о тех многочисленных усыновителях, кому оказалось не но силам выполнить свой долг по отношению к детям, которых так искренне обещали сделать счастливыми. Почему? Вот характерное письмо.

«Судьба моя сложилась так, что мы с мужем усыновили двух деток. Было Оленьке и Владику по 19 дней. Дети росли здоровыми, развивались нормально. Первая беда пришла, когда они пошли учиться. Владика пришлось перевести во вспомогательную школу. Но учился он в ней прилежно, старательно. Сейчас уже думаем о его трудоустройстве, ведь в этом году он закончит восемь классов. За него уже душа не болит.

Моя беда — дочь Юлия. С большим трудом окончила пятый класс, в шестой ходить не хочет. У нее другие интересы — гулять, красить лицо, курить, пить. Мы с мужем, школа, родственники, друзья боролись как могли, но безуспешно. Пришлось согласиться на спецшколу. Седьмой и восьмой класс Юля закончила там. Но вот приехала домой, и все мои надежды рассеялись. Опять — побег, пьянки, курение, разврат. Я стала инвалидом второй группы, муж не выдержал, оставил нас.

Всем смыслом моей жизни были только дети. И вот результат: ни семьи, ни здоровья, ни детей!»

Страшное письмо. Оно заставляет нас задуматься о том, как необходимо психиатрическое обследование каждого ребенка-сироты, чтобы будущие родители знали всю прав-

ду о его здоровье, а тем, кто не отступится, дать специальные методики-рекомендации по воспитанию, обучению ребятишек с нервными расстройствами. И тут наука — генетика, педагогика, медицина — в неоплатном долгу перед обществом за отсутствие системы такой помощи.

В почте немало писем и с противоположной просьбой: забрать детей из семей в интернат. Можно было бы ответить просто: интернат переполнен, обращайтесь в ближайший детский дом или школу-интернат. Однако так просто не получается.

Вот пишет мать, лишившаяся на производстве обеих ног:

«Мне часто приходится лежать в больнице, тогда мой мальчик живет по соседям, то у одних, то у других. Но кому нужен ребенок из чужой семьи?»

Еще письмо:

«Меня с двумя детьми бросил муж. Мне 33 года, образование высшее. У меня больное сердце, нет сил жить на свете, и я боюсь, что не выживу. Что станет с моими детьми?»

Совсем недавнее письмо:

«Я — мать-одиночка, инвалид первой группы, слепая. Попала под троллейбус, получила черепно-мозговую травму, потеряла слух, обоняние. У меня есть единственная надежда — сын. Никому в голову не приходит подумать, как в таком состоянии я буду растить сына».

Читаешь такие письма и не можешь понять, как получается, что сотни людей за тысячи километров протягивают руку помощи детям-сиротам и не видят горя человеческого рядом с собой. Почему же этим женщинам, беда которых видна и без их слез и мольбы, никто не протянет руки?

Хочется крикнуть: посмотрите вокруг себя, будьте милосердны к человеческой беде! Помогите беззащитным детям, помогите семье, которой живется трудно! Мы так бездумно привыкли к лозунгу «Все лучшее — детям!», что не заметили, как постепенно он обернулся к детям отнюдь не лучшей стороной. Школы на грани технической нищеты, сиротство при живых родителях, воспитание вне эстетического влияния, физическая недоразвитость, неорганизованность досуга, трудовая беспомощность, бездуховность, дидактогения — вот что такое незащищенное детство.

Ирина Ивановна Воронина из Киева пишет, что не может без содрогания рассказывать о судьбе своего внука Игоря. Отец его спился, мать потеряла родительские права, а сама Ирина Ивановна не могла после операции взять

мальчика на воспитание. Так он попал в детский дом. «Дважды в неделю я его навещаю, — сообщает Ирина Ивановна. — При первой встрече с новым воспитателем мне был задан вопрос: «Зачем вы ходите к этому подонку?» Когда ребенок попросил эту воспитательницу помочь застегнуть ему пальто, она ему ответила: «Ты не стоишь моего ногтя, а я тебе буду пальто застегивать?» И это в группе, где дети от трех до пяти лет!»

Пишет Анна Ивановна из Кирово-Чепецка (она просила ее фамилию не называть):

«Я очень прошу, чтобы закон, который защитил бы детей, был принят и как можно скорее.

Мой сын трагически погиб при исполнении служебных обязанностей. Осталась у него дочь 7 лет. На нее назначена пенсия в 48 рублей 97 копеек, да еще завод выплачивает ежемесячно 80 рублей 90 копеек.

Я считаю, что эти деньги нельзя целиком выдавать матери, которая заботится больше о себе, а не о ребенке. Часть денег должна откладываться на сберкнижку ребенка вплоть до достижения им совершеннолетия. Закон должен быть на стороне ребенка, который сам не может защитить себя в возрасте семи лет».

Нина Вениаминовна Першукова из Котласа рассказывает о совершенно недопустимом явлении, когда девочку, не успевшую закончить восемь классов, исключают из школы. Она не оправдывает свою дочь: та курит, дерзит, плохо учится. Но о чем думают органы народного образования города Котласа? Куда деваться ребенку в 14 лет с семилетним образованием? На работу не возьмут, в вечернюю школу тоже, ибо она только для работающей молодежи, в ПТУ без восьмилетки тоже не поступишь. В комиссии по делам несовершеннолетних считают, что такие девочки не должны мешать учиться хорошим детям. Необходимо срочно решить судьбу девочки, не позволив ей пасть окончательно.

А вот и другая, не менее тяжелая доля. Талантливая девочка, в математических олимпиадах занимала призовые места. Так рассказывает о ней мать, Надежда Александровна Г. из Житомирской области. Сбилась девочка, связавшись с дурной компанией, решением суда лишена свободы и направлена в колонию г. Томска.

Меня поразила искренность письма этой пятнадцатилетней девочки из колонии:

«Здравствуй, милая моя, единственная мамочка!

Мне остался один год. Вчера долго не могла заснуть, до самого рассвета размышляла, очень многое передумала. Сколько слез я пролила! Мамочка, как я хочу к тебе! Мамочка, я так хочу увидеть тебя, побыть с тобой рядом! Господи, неужели настанет тот день, когда ты приедешь за мной?

Мамочка, милая, только не подумай, что я жалуюсь. Нет! Я просто решила поделиться с тобой, потому что больше не с кем. Ведь ты у меня самый дорогой человек на свете. Мамочка, умоляю тебя, прости меня за то, что я сделала тебя матерью преступницы, а не героя. Мамочка, я хочу домой...»

Множество писем о сиротах, которым негде жить. С малых лет переходили из одного детского дома в другой, а став взрослыми, отслужив в рядах Советской Армии, до сих пор не имеют законного права на жилище.

О своем бесправии как отца такого же беззащитного сына написал Сергей Васильевич К. Происки бывшей жены и ее родственников довели его до того... что он украл собственного трехлетнего сынишку. Скрывался он с ним на Украине у своей матери. Когда мальчика отбирали, тот истошно кричал: «Папа, не отдавай меня маме!» И Сергей Васильевич заключает свое письмо: «Никто не хочет слушать об аморальном образе жизни той женщины, которая родила моего сына и осиротила его...»

Эти и подобные им многочисленные письма еще раз убеждают в необходимости скорейшего принятия Закона о защите детства.

Есть в письмах, полученных мною, социальный мотив, на основании которого авторы-матери просят забрать сыновей в интернат. Это неблагополучная среда, развращающая и уродующая их детей. Вот типичное письмо: «Город наш небольшой, но неспокойный, в нем много преступности. Сыну моему 12 лет. В последнее время замечаю, что к нему стали прилипать подростки постарше, уводят его с уроков. А как увидел сын вашу передачу по телевизору, закричал: «Мама, я поеду в этот интернат, я тоже буду там работать».

Процитирую еще одно письмо: «Я со своей бедой одна. Рядом люди, занятые своими делами. Пока сын был меньше, горя не знала, но сейчас... Наш город, наводненный иностранцами, отрицательно влияет на нашу молодежь.

Еще не оперились, а толпятся, как отпетые фарцовщики, около иностранных машин, скупая, перепродавая тряпки и всякое другое барахло с иностранными наклейками, занимаются всем чем угодно, только не учебой и не трудом».

Разумеется, не иностранцы виноваты в создавшейся проблеме. Ее не решить изъятием отдельных детей из неблагополучной среды. Речь должна идти о коренном изменении самой среды, порождающей уродливые явления в жизни подрастающего поколения. Необходимо принимать самые срочные меры для защиты всех детей.

Невероятно трудно растить сыновей многим матерям-одиночкам. Они тоже хотят определить их в школу-интернат. Только одно письмо: «У меня сын. Ему 13 лет. Отца он не знает. Спасла его, больного, от семи смертей. Пошел в школу. С четвертого класса начал воровать. В шестом классе поставили на учет в детской комнате милиции. Грозила ему колония, но спасибо добрым людям — помогли. В седьмом классе опять не захотел учиться. Я пошла на крайность: не хочешь учиться, уходи из дома. И он ушел... в компанию себе подобных. Вырыли они в лесу землянку и живут в ней. Прошу Вас не как директора, а как человека — возьмите мальчика к себе!»

Как член правления Детского фонда выскажу свое мнение о проблеме матерей-одиночек. Часто мы бываем похожи на досужих кумушек, которым достаточно выяснить: кто? с кем? от кого? Однако в этой, казалось бы, чисто житейской ситуации переплетено так много социальных причин, что порой бывает трудно докопаться до сути явлений, которые кажутся загадочными и необъяснимыми.

Почему не уменьшается количество детей, рожденных вне брака? Они составляют 7% по отношению к детям, рожденным в браке. Почему матерями-одиночками становятся совсем юные девушки, у которых есть все возможности выйти замуж и воспитать ребенка в полной семье?

В 1959 г., когда еще не была преодолена порожденная войной диспропорция полов, девушки в возрасте 15—19 лет становились матерями-одиночками довольно редко: в двух случаях в расчете на тысячу женщин, не состоящих в браке. Теперь же, когда в этом возрасте на 1000 невест приходится 1059 женихов, множество девушек не выходят замуж и становятся матерями-одиночками.

Отчего же это? Одна из причин — миграция сельской молодежи в город. Причем оказывается, что девушки ско-

рее склонны бросить деревню и отправиться на поиски счастья. Переселившись в город, деревенская девушка оказывается в совершенно новой для нее обстановке. Без родительского присмотра, без общественного мнения односельчан и привычной семейной среды она может довольно быстро утратить нравственные ориентиры. Боясь показаться смешной и допотопной, старается не отставать от городских сверстниц, подражает их «современным» манерам, вкусам и отказывается от деревенских нравов и устоев. А нынче, когда, что греха таить, заметно упрощаются взгляды на вопросы пола, эта девушка, особенно низкой культуры, наслушавшись в общежитии вольных рассказов о доступности «запретного плода», оказывается недалека от мысли о сексуальной вседозволенности.

За последние 30 лет число матерей-одиночек в городе сокращается в два раза медленнее, чем в деревне. Попав в город, деревенские девушки гораздо чаще городских становятся жертвами случайных связей, скорее поддаются на уговоры «ласковых» мужчин, а потом в 17—18 лет маются с малолетними детьми.

На днях, когда я был в Сыктывкарском доме ребенка, в кабинет главного врача влетела с ребенком на руках юная женщина. Захлебываясь от слез, дрожа от нервного перенапряжения, она твердила только одно: «Не могу я с ней больше, не могу! Возьмите, не могу больше!..» Крохотная девочка показывала четыре зубика, пытаясь вырваться из своего одеяльца, била ножками и кричала, кричала без перерыва. Молодая мать нигде не может найти работу, хозяйка из-за вечного плача ребенка гонит ее с квартиры, да и платить за эту квартиру нечем. И вот теперь, дойдя до отчаяния, она принесла дочь в Дом ребенка. На мой вопрос, возьмет ли она ее со временем, испуганно воскликнула: «Нет, не нужна она мне! Не могу я с ней!» Отец ребенка сказал ей: «Зачем мне твоя девка?» — и женился на другой. Спрашиваю, преодолевая стыд за неделикатный вопрос, обещал ли он жениться на ней. Но она в таком состоянии, что не чувствует неделикатности вопроса, и говорит, что никогда он ей не обещал. С трудом сдерживаюсь, чтобы не возмутиться: «Что же ты, непутевая, жила с ним?! Зачем же он тебе был нужен такой?»

Есть еще одно обстоятельство, приводящее к положению матерей-одиночек совсем юных девушек. Я имею в виду акселерацию, ускоренное физическое развитие. Именно

этот «зов пола» девочку-подростка побуждает к ранним половым контактам: как же отстать, если подруга уже знает, а она нет? Отсутствие забот по домашнему хозяйству, семейных хлопот, ничем не заполненный досуг развивают усиленное сексуальное любопытство, ведущее порой к тяжелым нравственным последствиям и болезням.

Однако проблема одиноких матерей касается не только неопытных, ошибающихся и обманутых девушек, но и женщин вполне зрелого возраста, особенно 30—35 лет.

Этих женщин можно понять. Невозможность выйти замуж, боязнь одиночества приводят к естественной мысли обзавестись ребенком. К этому времени они обретают устойчивое общественное положение, обеспечивают себя материально и вполне сознательно выбирают себе судьбу матери-одиночки, вовсе не рассчитывая на брак с отцом ребенка. Да, у них не полная семья, но жизнь их обретает смысл и они чувствуют себя счастливыми, отдавая ребенку любовь, заботу и внимание. Этих женщин можно только уважать. Жалость вызывают в этих случаях мужчины, которые ради мнимой свободы лишают себя счастья отцовства, супружества. Незавидна участь этих «жизнелюбов», когда приходит к ним неизбежная старость.

Вспоминаю одну встречу в Евпатории. Мужчина привлекал к себе всеобщее внимание легкостью поступи, юношеской подтянутостью и совершенно седой головой. Он любил знакомиться с женщинами, вести с ними непринужденные, ни к чему не приводящие беседы. Но то была лишь видимость. Так он маскировал свой внутренний разлад и неприкаянность. На самом деле его давно не интересовали женщины и вообще ничто на свете не интересовало. И как-то он рассказал мне о своей беде. Он ушел от жены, которая ждала четвертого ребенка. По его словам, он любил ее, но свою свободу любил больше. И только теперь понял, что потерял, но вернуться назад уже невозможно. Его дети выросли, а жена вполне смогла обойтись без него.

Далеко не у всякой женщины достанет мужества сознательно выбрать судьбу одинокой матери. Когда я разговаривал в Сыктывкарском доме ребенка с главврачом, она сделала довольно точное обобщение, сказав, что матери-одиночки сдают к ним детей или «по беде», или «по распущенности». Чаще «по беде». Это обычно студентки, которым нужно закончить пятый курс. Они ждут не дождутся, когда смогут забрать ребенка. Каждую свободную минутку

бегут к нему, заваливают его гостинцами и игрушками, и оторвать их от родного существа невозможно. К сожалению, есть немало женщин, которые расстаются с ребенком «по распущенности», от него хотят отделаться, чтобы заново начать жизнь и поудобнее ее устроить. Живет в Доме ребенка Оля В. Мать сдала ее сюда, когда дочери было уже полтора года. Девочка долго и безнадежно тосковала по матери. Наконец та собралась в отпуск и взяла девочку с собой. Прошел месяц, мать опять «сбросила» девочку в Дом ребенка, не получив на это разрешения, не сдав нужных документов. Сама тут же села в самолет и улетела в Ухту. Девочка отчаянно плакала, кричала «мама!», звала ее целыми ночами, отказывалась от пищи. Так продолжалось два месяца. Матери писали письма, рассказывали о переживаниях девочки, но та не отзывалась. Тогда с ней связались по телефону и предложили перевести Олю в Ухтинский дом ребенка, ближе к матери. Мать удивилась: «Зачем это? Тогда к ней придется ходить, а мне некогда».

Некоторые женщины думают, что в связи с падением деторождения государство заинтересовано в появлении внебрачных детей. Недаром материальную помощь оказывают одиноким матерям, позволяют им в судебном порядке установить отцовство. Все это так: женщинам дают небольшое пособие на ребенка и помогают установить отцовство. И все же не подлежит сомнению: общество страдает, когда рождаются внебрачные дети, ибо только в полной семье, в общении с отцом и матерью ребенок может получить полноценное воспитание. Как бы ни старалась мать, она остается женщиной и заменить отца ребенку не может.

Тем более не может заменить родную семью даже очень хорошее детское учреждение. Я зашел в старшую группу Сыктывкарского дома ребенка. Здесь дети двух-трех лет. Все они дружными рядами сидели на голубых горшочках. Одна девчушка, отчаянно рыжая и веселая, раньше всех подтянула штанишки и попала ко мне на интервью:

— Как тебя зовут?

— Канаева.

— Нет, это твоя фамилия. А как тебя зовут?

— Канаева.

— А где твоя мама?

Она крепко обнимает нянечку и целует ее. Так каждый ребенок выбирает здесь себе маму: кто — медсестру, кто — педагога, кто — массажистку. Только не хватает мам на всех.

Какие только кары не посылаются в письмах на головы тех женщин, которые отреклись от рожденных ими детей. Предлагают позорить их на товарищеских судах, взимать огромные алименты, не предоставлять очередных отпусков, лишать премий и даже ставить клеймо в паспорте. Страшно становится от такого человеческого гнева, предающего проклятию матерей, не способных осознать свое бесчестье. «Вы, Александр Александрович, в передаче сказали, что даже грязная, ободранная кошка не бросит своего котенка, — пишет молодой человек из Магнитогорска. — А сколько женщин обещают исправиться и встать на путь истинный! Не способны они исправиться: на некоторое время берутся за ум, а потом все начинается сначала».

Я бы не стал столь категорично осуждать всех оступившихся женщин. Нельзя отрицать возможность нравственного возрождения матерей, бросивших свое дитя. Возможно, пусть в это трудно поверить, рано или поздно проснется материнский инстинкт в женщине, родившей в муках ребенка, страдающего по ее вине. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Лидии Марковны Л., которую лишили родительских прав за аморальный образ жизни. Семеро ее детей учатся в школе-интернате Нарьян-Мара. «Теперь, — пишет женщина, — я не пью ни грамма, дома у меня уютно, работаю, недавно колхоз дал мне хорошую характеристику. Если меня не восстановят в родительских правах, я не смогу жить без детей».

Родители, лишенные отцовских и материнских прав, не могут неограниченно пользоваться свиданиями со своими детьми. Мы всегда внимательно следим, как такие родители влияют на своих детей. Бывает, приходят в интернат навеселе, грязные, неряшливые. Это нервирует ребят, они стыдятся своих родителей. Да и другим ребятишкам становится не по себе. В то же время мы не забываем о влиянии детей на своих заблудших матерей. Связь с ребенком может помочь нравственному возрождению матери, осознавшей свою вину. Если женщина не окончательно утратила материнские чувства, то ребенок поможет ей обрести ту точку опоры, которая позволит подняться на ноги.

Читая письма, статьи о безнравственности женщин, покидающих детей, невольно задумываешься: а чем лучше мужчины, бросающие детей вместе с матерями? Разве не наносят они ребенку такую же непоправимую боль, разве их предательство оставляет меньшую рану в сердце ни в чем

не повинного ребенка? Но лучше предоставлю слово этой страдающей стороне: «Скоро три года, как нас бросил папа, ушел к другой женщине. Сколько раз я, Оля и мама со слезами просили его вернуться домой! Он сначала обещал, а сейчас даже не звонит нам и к школе даже тетрадь за три копейки не купил.

Я знаю, что женщин, которые бросают детей, называют кукушками. А как назвать своего папу? Предатель, алиментщик, просто плохой?! Почему сейчас, когда уже больше 40 лет нет войны, мы, дети, должны при живом отце жить без папы?»

Я понимаю эту девочку. В ней боль говорит, и она права в своей боли. Не может быть никаких социальных оснований, чтобы 700 тысяч детей ежегодно оставались без одного из родителей. Укрепление семьи как основной ячейки общества — наша общенародная забота. Всякий развод антисоциален по своему существу, ибо всегда больно ударяет по детям. Не меньшую беду несут разоренные семьи и обществу, ибо именно такие семьи нередко служат поставщиками несовершеннолетних правонарушителей, которые становятся потом матерыми преступниками.

«Я не знаю, где находятся могилы моих родителей. Родился в 1949 году. Когда пошел в первый класс, отец бросил нас. Мать потом тоже бросила нас, троих братьев. Она работала в три смены. Жили вчетвером в двенадцатиметровой комнате. Дом этот до сих пор зовут казармой, потому что построен он фабрикантом Гучковым еще в 1903 году.

Я — пьяница, средний брат — тоже пьяница. А младший не вылезает на свободу...»

Читая такие исповеди, я не могу быть снисходительным ни к горе-матерям, ни к горе-отцам.

Во всех письмах, присланных бывшими воспитанниками детских домов и школ-интернатов, меня больно поразила одна психологическая деталь — они чувствуют себя одинокими. Прошло много лет с тех пор, как ребята ушли из детских домов, но на всю их жизнь наложила печать сиротская доля. Какая же это невероятная, непростительная обида, какая горькая участь — быть сиротой, если она пожизненно обрекает человека на одиночество!

Какая страшная человеческая несправедливость — детское сиротство! И нельзя щадить ни сил, ни сердца своего для его преодоления. Пусть дети всей земли обретут счастье в родном доме, в кругу родных отца и матери.

Меня потрясло письмо 18-летней девушки из Кемеровской области Марины Черноскутовой: «Сама я — безотцовщина. У мамы нас трое. Сейчас мы хорошо живем, все имеем, а детство наше прошло впроголодь. Да, в нашем двадцатом веке мы тянули от получки до получки. Я преклоняюсь перед мамой моей. Пройти через это все и не запить, не сдать нас в детский дом! Она очень сильная, моя мама. Не всякий выдержит, когда ребенок просит есть, а дать ему нечего. Класса с пятого я начала писать стихи:

Нам кричит статистика:
Двух лишь из ста детдомовцев
Можно назвать — сирота.
А остальные?
Ну разве по-человечески:
Кто-то ест апельсины,
Бабушку, мать имеет,
Кто-то гуляет с отцом...
А их ни за чем родили,
Их будто в насмешку родили.
Их что, для того лишь родили,
Чтоб не был пустым детский дом?»

* * *

Если бы меня спросили сегодня, какие черты воспитания будущего можно заметить в нынешних школах-интернатах, я бы, наверное, затруднился ответить. Уж очень велико желание общественности видеть в школах-интернатах отжившее социальное явление, устремленное к прошлому, а не к будущему. Но так ли это на самом деле? Думаю, нет.

Школы-интернаты — не умирающие детские учреждения. Они могут измениться структурно, преобразуется психология их воспитанников, система педагогических влияний. Но пока не может исчезнуть сам институт школ-интернатов.

Ни в одном самом развитом обществе невозможно оградить конкретного человека от ошибок, трагедий и заблуждений. Но на этих бедах отдельных людей взрастают беды детей, их сиротство, их одиночество и неутолимая потребность в утраченной ласке. Я согласен: пусть таких детей будет как можно меньше, пусть большинство из них окажется под теплым крылом семейных детских домов. Но люди, общество никогда не должны бросать детей, нуждающихся в защите и опеке. Пусть у каждого обиженного судьбой ребенка будет дом, где ему возвратят детство.

ШКОЛА КАТОЛИКОВА

Александр Католиков

КАК МЫ НАЧИНАЛИ

Наш эксперимент «Управление развитием детей посредством интегрированного обучения и профессиональной направленности» был начат в январе 1993 г. Тема вызвана практической потребностью нашей агрошколы. Всякий знает, как отстает в развитии ребенок-сирота или ребенок, оставшийся без попечения родителей. Не получив полноценного развития в ранний период жизни, он надолго оказывается лишенным дарованного ему природой права на нормальное формирование. Мы хотели скорее преодолеть эту беду ребенка, не дать ему почувствовать себя ущемленным и ущербным, помочь выйти в жизнь с высоким чувством человеческого достоинства. Помочь ему в этом обязаны мы, учителя и воспитатели.

Почему мы вышли на проблему интегрированного обучения? Этот шаг был неслучаен. Еще с 1988 г. наши учителя включились в эту проблему. Мы успели убедиться в преимуществах интегрированных школьных предметов. Направленность на мировоззренческие понятия, систематизация новых и ранее полученных знаний, немалые возможности для усиления умственной деятельности учащихся, высвобождение учебного времени для равноуровневого и дифференцированного обучения учащихся — вот главные достоинства интеграции школьных предметов.

Есть еще одно преимущество такого обучения, оно имеет непосредственное отношение к педагогическому коллективу интернатских школ. Школа при интернате — вопрос особый.

Некоторые руководители интернатов предпочитают отправлять детей на учебу в городскую школу. Им, конечно, легче: не надо содержать штат учителей, можно проводить

каждое утро в тишине и покое. Но каково детям? В школе создается резкое деление детей на «домашних» и «детдомовских». Между ними царит неутихающая вражда. И дети, и их родители, и их учителя не могут избавиться от мысли, что все их неприятности исходят от детдомовских. Учиться в таких условиях детям из интерната нет никакой возможности. Бесконечные драки, грубость, обиды, несправедливость — такова «учебная» обстановка для детей-сирот в массовой школе.

В нашем интернате со времени его открытия в 1956 году создана своя школа. Нет слов, для детей это великое благо. В классах 20—25 человек. Учителя строят учебный процесс с учетом реальных возможностей детей, создают микроклимат, щадящий психическую неустойчивость детей.

Что же касается самих учителей, работающих в школе при интернате, то им приходится нелегко. У нас, как и в большинстве интернатов и детских домов, нет параллельных классов, всех классов по одному. Поэтому у нас один биолог, один физик, один историк, один географ. Этим предметникам приходится ежедневно готовиться к 3—4 урокам. К тому же, будучи единственным представителем своей науки, они оказываются в интернате в полной изоляции. Им не с кем посоветоваться, обсудить, как лучше преподнести трудный материал. За помощью они должны идти в другую школу и ИУУ. Все это вело к отторжению учителей друг от друга, сплочения педагогического коллектива не получалось.

Вот тут-то и помогло интегрированное обучение. Изменился стиль профессиональной деятельности учителей. Целыми днями, а порой неделями, сидят они над составлением сценария интегрированного урока, отбором совокупного содержания, выделением материала для самоподготовки учащихся. Научные споры, отстаивание мнений, поиск адекватных концепций — вот что стало основным фоном в отношениях учителей, взаимодействующих в интегрированном обучении.

Наконец, в содержание нашего эксперимента входит понятие управления развитием детей посредством профессиональной направленности учебно-воспитательного процесса. Мы никак не могли не заняться этой проблемой, ибо имеем огромное учебно-опытное хозяйство в Межадоре и исходим из возрастающей в ближайшие годы потребности Республики Коми в сельскохозяйственных кадрах.

Начинать всегда трудно. Особенно, когда речь идет о проблеме развития детей. Как преодолеть исконно сложившееся у учителей и воспитателей представление, что они развивают детей без специальных усилий, направленных на развитие? «Раз я учу, значит, развиваю», — говорят учителя. «Раз я воспитываю, значит, развиваю», — вторят воспитатели.

Они на самом деле развивают, но развивают стихийно, вслепую, не отдавая себе отчета в собственных действиях.

Преодолевая этот стереотип педагогического мышления, надо было доказать, что развивать следует не «вообще», а вполне конкретно, направляя свои усилия на не сложившиеся пока у детей психические процессы и социальные отношения.

Чтобы решить эту задачу, мы приняли новую форму плана воспитательной работы, во главу которой вошли закономерности возрастного развития детей. Как говорили сами учителя и воспитатели, изучение возрастных особенностей развития детей сделало их «зрячими». Стало очевидным отставание ряда детей от норм развития, что требовало немедленных усилий по преодолению этих недостатков. Графа плана по индивидуальному подходу к детям обрела вполне конкретное содержание. В каждом классе обнаружились также общие и групповые отступления от норм. Они определили характер учебной и воспитательной работы с классом. Специальная страница плана отводится на экспериментальные проверки состояния развития детей, фиксируя ход его становления и возникающие изменения. Кроме того, план содержит перечень интегрированных уроков и работу по профессиональной ориентации.

Изучение возрастных закономерностей развития детей вызвало у учителей и воспитателей естественную потребность в овладении научным понятием развития как педагогической проблемы. Ряд семинаров позволил дать представление о сущности развития, факторов его определяющих, об особой роли наследственности, об учении Выготского о зонах актуального и ближайшего развития, о развивающих технологиях В. Давыдова, Л. Занкова. На проводимых уроках и воспитательных занятиях стало уделяться особое внимание факторам обучаемости, обученности, зоне ближайшего развития, формированию психических

процессов и умственных операций, причем не только в массовом порядке, но и индивидуально, в соответствии с особенностями развития отдельных детей.

Проделанная работа непосредственно переросла в усиленное внимание к проблеме индивидуального подхода. Целый год учителя и воспитатели искали пути исправления недостающих элементов в социальном и психическом развитии детей. Был составлен «банк данных» на таких детей, диагностика и коррекция которых осуществлялась под руководством школьного психолога. Год от года совершенствовались приемы индивидуального подхода, но главным из них до сих пор остается «ситуация успеха», создаваемая для каждого воспитанника.

Нет, пожалуй, у нас ни одного учителя, который бы не общался с новаторами учительского труда. К нам приезжали и В. Шаталов, и Ш. Амонашвили, и Е. Ильин, и В. Базарный. Постоянно учиться стало внутренней потребностью учителей. В интернате сложился устойчивый, стабильный педагогический коллектив.

Сплочению педагогов содействовала все эти годы последовательная работа по совершенствованию интегрированных уроков и создание системы интегрирования.

Был взят курс на выработку разных видов интегрированных уроков (чему, кстати, пока нет аналогов в педагогической литературе).

Основными оказались концептуальные интегрированные уроки, в основу которых закладывались общие принципы, идеи, теории, содержащиеся в разных предметах. Такими были уроки «Происхождение жизни на земле», «Происхождение человека», «Математика и экология» и др.

Большое распространение получили уроки прикладного характера, когда содержание интегрирования направлялось непосредственно в практику ведения нашего интернатского и лагерного учебно-опытного хозяйства, в практические задачи, которые выполняются нашими учащимися по заданию уральского отделения Российской Академии наук. Например, урок в 9 классе «Проценты и пропорции» (математика и биология) дал ребятам практические навыки приготовления растворов для подкормки тепличных растений. Или урок в 10 классе «Экология и мой дом» (биология и экономика), на котором учащиеся устанавливали соответствие и несоответст-

вие условий обучения в интернате с гигиеническими нормами.

Исследовательские интегрированные уроки исходят из единства методов изучения различных научных явлений или одного научного явления, изучаемого различными методами. Например, «Египетские пирамиды с точки зрения истории, химии, биологии, искусства, трудовой деятельности».

Проводим и психолого-педагогические уроки. Мы понимаем под ними объединение таких тем, при которых их взаимодействие усиливает психологическое, эмоциональное воздействие материала на детей. Таким явился урок «Бородино в литературе, истории и искусстве». Часто мы проводим уроки, эмоционально подкрепляемые музыкой, живописью, чтением художественных отрывков.

Кроме того, у нас практикуются интегрированные уроки по ученическому самообразованию, урок-спор учителей, урок-эпоха, а когда учителя вникли в суть психических процессов и умственных операций, стали проводиться уроки причинности, сравнения, выбора, переноса, а также по формированию памяти, воображения, восприятия.

Представляется важным подразделение интегрирования на горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное интегрирование предусматривает объединение тем нескольких предметов данного класса обучения. Вертикальное охватывает однородный материал из программ разных лет обучения. Так, наш биолог объединяет тему «Каучук» за 10 и 11 классы в одном уроке. Интересен был урок «Таблица Менделеева и закон диалектического развития» в 11 классе, где материал по химии 8 класса, объединенный с темой обществоведения, был повторен на более высоком теоретическом уровне.

Год от года появляются новые интегрированные курсы. Мы экспериментируем курс «Естествознание» (автор А. Г. Хрипкова), несколько сельскохозяйственных и экономических курсов, а воспитатели два года занимаются разработкой интегрирования курсов «Путешествие к истокам» и «Открытие мира».

Усложнение содержания и расширение масштабов интегрированных уроков потребовало координации деятельности учителей и воспитателей. Появились новые виды воспитательской работы: «вводы» в интегрированные уроки и «выходы» из них. Воспитатели стали брать на себя

часть учебного материала, психологически готовить учащихся к восприятию интегрированного урока. А при «выходе» из него расширяли содержание интегрированной темы, усложняя задачи развития учащихся.

Включение учителей и воспитателей в экспериментальную работу стало удивительно быстро изменять стиль отношений в коллективе. Не так уж и давно бывали конфликты между учителями и воспитателями: каждому казалось, что другой не дорабатывает в учебной деятельности. Теперь же все стали нужны друг другу. Вместе составляли план, иначе его не осилить: кто-то отыскивал материал по нормам развития детей, советовались относительно проведения интегрированных уроков, искали материал для экспериментов, контролируюших ход развития детей.

Воспитатели удивляются, как «развиваются» они сами, как растет их эрудиция. Действительно, филологи-воспитатели проводят мероприятия и по биологии, и по астрономии, и по истории. И все это на высоком уровне управления развитием, при планировании необходимых психических процессов, мыслительных операций, доступного уровня трудности, перехода от «зоны актуального» к «зоне ближайшего развития».

Весь комплекс проделанной работы позволил в 1995—96 году овладеть проблемой целостности в учебно-воспитательном процессе. Целостность понимается как единство многообразного: интегрирования, психических процессов, умственных операций, индивидуального подхода и приемов новой технологии развивающего обучения.

Именно идея целостности реализуется в серии авторских уроков, представленных в данном сборнике и завершающих третий год проводимого эксперимента. Надо заметить, что авторские уроки и авторские воспитатсльные мероприятия проводятся в интернате не первый год. Ведь никто не разрабатывал за учителей сценарии интегрированных уроков (кроме ряда разработок в журнале «Начальная школа»), никто не мог предложить воспитателям текстов «ввода» в интегрированные уроки и «выхода» из них. Поэтому авторские уроки и мероприятия есть в какой-то степени результат накопленной оригинальной творческой деятельности педагогов.

Дымова Людмила Михайловна
Быкова Елена Леонидовна

6 КЛАСС

ТЕМА: *«Система современной классификации в живой и неживой природе»*

Идея урока, его содержание возникли из возможности расширить представление учащихся о классификации, показав сходные принципы и подходы к классификации объектов живой и неживой природы.

Форма урока — урок-путешествие на «гору знаний».

— *Интеграция:*

а) биология «Основные категории растительного мира»;

б) математика «Классификация математических объектов (четырехугольники).

В основе урока — общая идея, перенос понятия классификации живой природы на классификацию неживой.

— *Умственные операции:*

а) сравнение, анализ, синтез (при заполнении рабочих листов по биологии);

б) перенос знаний (при выявлении сходных признаков и подходов классификации объектов живой и неживой природы);

в) обобщение (вывод о классификации).

— *Психические процессы:* развивали мышление, память, способность переключаться с одного вида деятельности на другой.

— *Индивидуальный подход:* предварительная работа с учащимися с учетом их индивидуальных особенностей: сильные учащиеся выступают в роли учителя, готовят сообщения (работа с дополнительной литературой); средние учащиеся — консультанты; слабые учащиеся — лаборанты.

— *Новые технологии:* новая технология развивающего обучения (ССК, схема культурно-организационного развития деятельности).

ХОД УРОКА

Учитель математики: Классификация — логическая операция, состоящая в распределении всего изучаемого множества предметов по обнаруженным сходствам и различиям на отдельные группы.

Группу или множество можно определить:

1. Путем перечисления входящих в нее предметов.

2. Указанием признака или нескольких признаков, присущих каждому члену группы.

Выбор признаков, по которому выполняется классификация, непроизволен. В научной классификации в качестве оснований деления необходимо брать не случайные, а существенные признаки и притом — не произвольные, а определяющие, от которых зависят другие признаки.

Классификации отображают развитие от простого к сложному, от низшего к высшему.

Учитель биологии: Наша планета Земля представлена живой и неживой природой.

Вопрос: Какой главный признак делит их на две группы?

(Работа в группах.)

Ответы учащихся: Главный признак жизни — обмен веществ с внешней средой. Это воспроизведение самого себя, размножение, дыхание, питание, превращение энергии, живое тело становится мертвым, когда прекращается обмен веществ.

Учитель биологии: Ф. Энгельс дал определение жизни: «Жизнь — есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей средой».

Значит, комплекс свойств, которые вы назвали, и есть определение живой природы. Есть специальная наука, которая занимается классификацией многообразия живых организмов — систематика.

По современной систематике ученые группируют живые организмы по самым основным признакам. Подавляющее большинство живых организмов — клеточные, но есть и доклеточные (вирусы). По этому важному признаку все живое делится на две империи: клеточные и неклеточные.

В ходе изучения материала проводим заполнение рабочих листов к теме: «Основные категории растительного мира».

Учитель это делает на доске, учащиеся — на подготовленных заранее листах. Рабочий лист с ответами учеников прилагается.

Учитель биологии: Знакомство с заполнением рабочих листов. Заполняем первый пункт: Систематические категории — это империя. Название категории — клеточные организмы. Общие признаки — наличие клетки.

Вопрос: Как вы представляете живую природу?

Ответы учеников: Живая природа — это четыре царства органического мира: растения, животные, грибы, бактерии.

Учитель биологии: Мы изучаем царство «растения». Русское слово «растение» происходит от глагола «расти» и отражает самую важную отличительную черту этой группы организмов, но ведь растут грибы, животные.

Вопрос: Что объединяет растения в это царство?

(Обсуждение в группах.)

Ответы учеников: Растения объединяются в одно царство по способу питания (воздушное—фотосинтез, почвенное—вода и минеральные соли).

Учитель биологии: Отметим в рабочих листах следующую систематическую категорию — царство — растение и главный признак — способ питания.

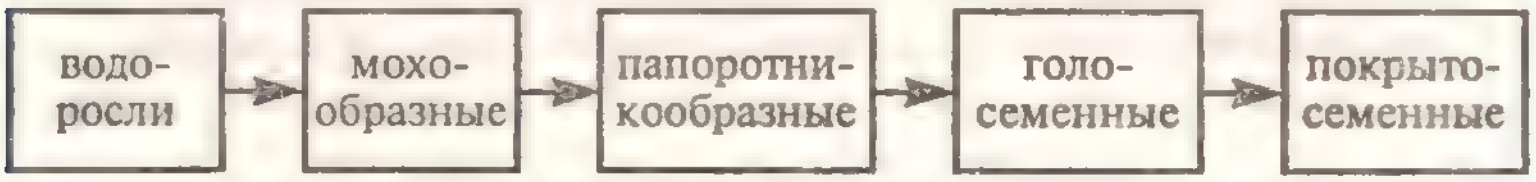
— Дети производят запись в рабочих листах.

Учитель биологии: Посмотрите и изучите схему развития растительного мира на Земле (стенд на стене).

Вопросы:

1. Перечислите основные группы растений.
2. Почему покрытосеменные растения оказались на самом верху?

Ответы учеников: В процессе длительного развития органического мира растения прошли путь от одноклеточных водорослей до покрытосеменных.



Покрытосеменные заняли господствующее положение по следующим признакам:

1. Имеют все вегетативные органы.
2. Семена скрыты внутри плода.

3. Двойное оплодотворение.

Учитель биологии: Итак, записываем следующую систематическую категорию с главными признаками: отдел — цветковые — главные признаки:

1. Наличие цветка.
2. Наличие плода с семенами.
3. Двойное оплодотворение.

Учитель математики: Ребята, мы уже знаем, что царство растений содержит в себе 475 000 видов растений, которые в свою очередь делятся на отделы. Интересно, сколько же видов в отделе покрытосеменных. Известно, что они составляют 52% от общего числа видов (результаты округляем до десятков тысяч).

Ответы учеников: Всего покрытосеменных растений 250 тысяч видов.

Учитель биологии: У вас на столах — живые растения: проростки гороха и ячменя. Замоченные — семена гороха и ячменя. Изучите и найдите, в чем сходство и различие данных растений?

Ответы учеников: Сходства: проростки ячменя и гороха имеют вегетативные органы: корень, стебель, лист. Они отличаются:

1. Строением семени.
2. Типом корневой системы.
3. Жилкованием листа.

Вывод: Значит, это растения разных классов. Горох — класс двудольные; ячмень — класс однодольные.

Учитель биологии: Записываем в рабочих листах: «Отдел цветковые или покрытосеменные делится на два класса: двудольные и однодольные», отмечаем главные признаки.

Класс двудольные:

1. Две семядоли в семени.
2. Стержневая корневая система.
3. Сетчатое жилкование листа.

Класс однодольные:

1. Одна семядоля в семени.
2. Мочковатая корневая система.
3. Дуговое или параллельное жилкование листа.

Учитель биологии: Показываю гербарный материал следующих растений и закрепляю на доске:

(растения: горох, пшеница, лук, картофель, помидор, тимофеевка, фасоль, лилия).

Вопрос: Выйти к доске по одному человеку от группы:

1 группа выбирает растения класса двудольные.

2 группа выбирает растения класса однодольные.

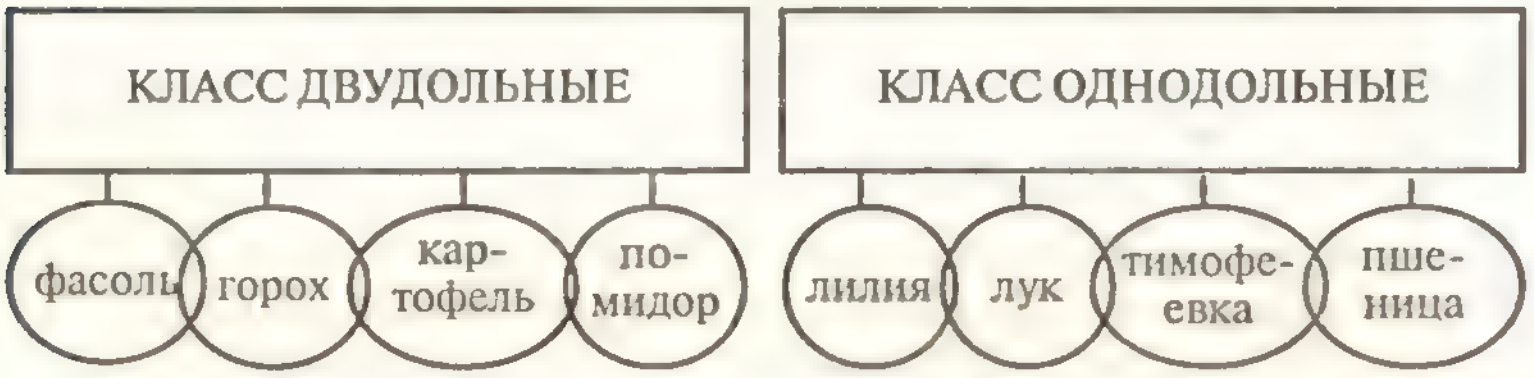
Какие отличительные признаки можно отметить внутри класса? (Обсуждение).

Ответы учеников: У данных растений разное строение цветка и плода.

Вывод: это растения разных семейств.

(Проверку вместо учителя проводят ученики-консультанты по биологии.)

(Схема на доске, она получилась при ответах.)



Формулы цветка и строение плода у всех растений

— Запись в рабочих листах по описанию семейств.

Учитель биологии: Следующее задание: практическая работа «Определение растений по гербариям и инструктивным карточкам».

Задания:

1. Определить и назвать растения (родовое и видовое название).

2. Перечислить признаки данных видов.

Были даны растения:

I группе — донник белый лекарственный.

II группе — клевер ползучий и красный.

III группе — горох посевной и пелюшка.

Проверку проводили лаборанты:

Лаборант I группы у II группы.

Лаборант II группы у III группы.

Лаборант III группы у I группы.

Ответы: Семейства делятся на роды—виды. Это деление нашли по следующим признакам: у рода одинаковая

жизненная форма; у вида — сходные внешние признаки, местообитание, приспособленность к условиям жизни, скрещиваются между собой, опыляют друг друга.

Учитель биологии: Для более детального ознакомления с родовым и видовым составом прослушаем сообщение об этих растениях.

Сообщение учеников: про донник, горох, клевер.

— Записи в рабочих листах (род и вид).

Учитель биологии: (По таблице «Критерии вида»). Вид — это основная единица систематики растений. Название вида состоит из двух слов. Первое обозначает род, а второе видовой эпитет. В научных книгах и в статьях названия приводятся не только на русском, но и на латинском. На это есть две причины:

1. Большинство растений не имеет русских названий.
2. Латинские названия с давних времен ученые условились считать едиными для всего мира.

Когда речь идет о культурных растениях, то говорят о сорте. Формирование вида в природе — длительный процесс, а сорта создаются в результате деятельности человека.

Учитель математики: Классифицировать можно не только тела живой природы, но и тела неживой природы.

В математике тоже используют классификацию. Вам даны карточки, на которых изображены математические тела. Вы должны классифицировать данные объекты и объяснить, почему вы сделали именно так, т.е. проанализировать свою деятельность.

(Изображение карточек прилагается.)

Ответы учеников: Все данные математические объекты — четырехугольники. Общий признак которых — наличие четырех сторон и четырех углов. Это первая систематическая категория. Наиболее узкая систематическая категория — прямоугольники (№ 5, 3, 7, 4, 8). Общий признак — все углы прямые.

Еще более узкая категория — квадрат (№ 3, 4, 8). Добавочный общий признак — равенство всех сторон.

Учитель биологии: Мир растений очень разнообразен. Разобраться во множестве растительных организмов позволяет систематика растений — наука о классификации.

Основоположниками систематики растений считают:

К. Линнея — 17 век
Ж.Б.Ламарка — 18 век
Ч. Дарвина — 19 век

(Показываются портреты и дается краткая характеристика.)

Сделаем выводы по уроку. У вас на столах листочки с отпечатанными выводами. Внимательно прочитайте и вложите в тетради.

ВЫВОДЫ

1. Классификация — это группировка живых организмов по сходству признаков, родству и общности происхождения.

2. Чтобы построить систему той или иной группы, ученые используют наиболее существенные признаки: изучают ее историческое развитие по ископаемым остаткам, исследуют особенности размножения, сложность организации (одноклеточные, многоклеточные и т.д.). Это позволяет определить положение данного вида среди остальных и построить естественную систему.

3. Классификация помогает ориентироваться в многообразии растительных организмов. Устанавливает родственные связи между организмами.

4. Чем меньше систематическая категория, тем большим числом сходных признаков характеризуются организмы, тем больше степень родства.

5. Единицей систематики растений является вид.

Учитель математики: Сегодня на уроке мы с вами узнали, что классифицировать можно как тела живой природы, так и неживой. Вы сделали выводы о классификации живой природы, а какие выводы (аналогичные) можно сделать для неживой природы?

Ответ ученика:

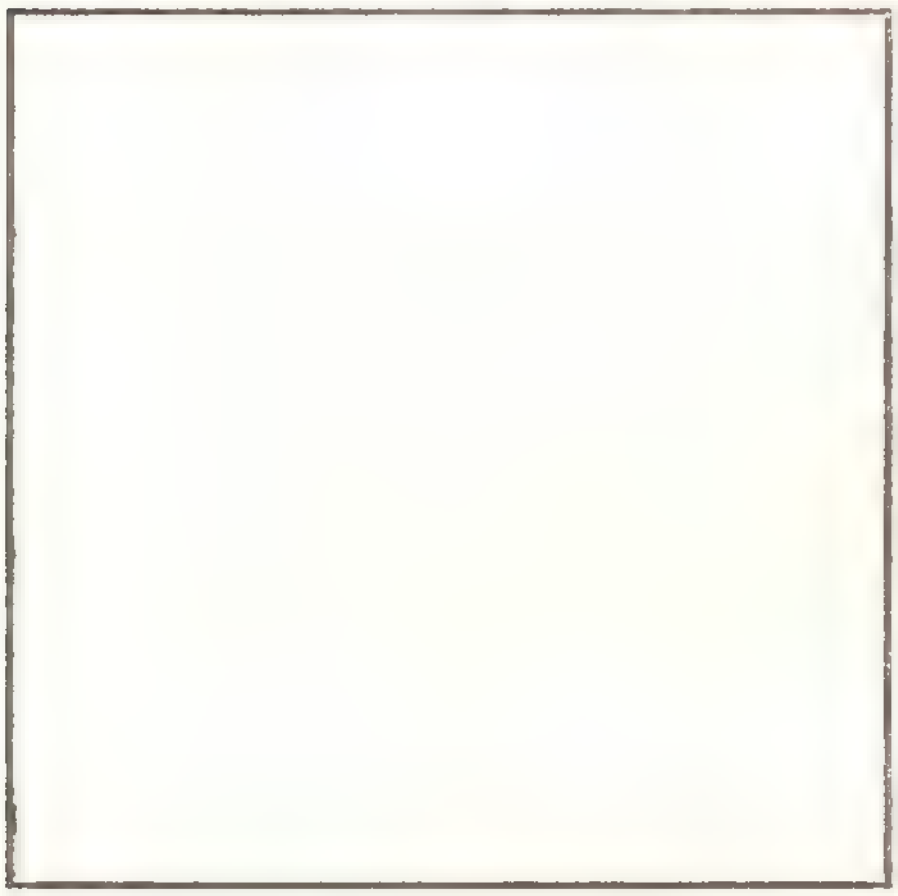
1. Классификация помогает ориентироваться в многообразии математических объектов.

2. Чем меньше категория, тем большим числом сходных признаков характеризуются объекты.

3. Помогает при формулировке определений.

Учитель математики: Для закрепления решим задачу, условие задачи написано на доске.

Условие задачи: необходимо составить четырехпольный севооборот, если пашня имеет следующий вид:



Следует разбить поле на одинаковые площади и разместить на эти поля следующие культуры: капуста белокочанная сорт «Слава», редька сорт «Черная зимняя», репа «Петровская», турнепс «Остерзунд», ячмень «Вятка», картофель «Невский», клевер красный, овес «Северный», вика.

Ответ: $S_{поле} = 800$ м².

S= 200 м² I поле — картофель
S= 200 м² II поле — редька, репа, турнепс, капуста
S= 200 м² III поле — ячмень, овес
S= 200 м² IV поле — клевер, вика.

Размещение сельскохозяйственных культур по полям севооборота проведено строго по семействам. Это необходимо: для удобства борьбы с сорняками, болезнями, вредителями и проведения агротехнических мероприятий.

(Подведение итогов урока. Оценка работы учащихся.)

* * *

Авторский урок показал возможность интеграции изучения биологических и математических объектов.

Интеграция двух предметов помогла учащимся глубже усвоить такие понятия, как категория, систематика, эволюция. Получение новых знаний достигалось путем сравнения объектов живой и неживой природы, что обеспечивало возможность активизации мыслительной деятельности учащихся на проблемном уровне. При этом информация обоих предметов обогащала друг друга, помогая усвоению как математических, так и биологических знаний.

Иванова Августа Ивановна
Усачева Нина Федоровна

3 КЛАСС

ТЕМА: *«Нанайская народная сказка «Айога» и одноименная сказка на музыку Голикова»*

Практика показывает, что одновременное восприятие образа в музыке и в слове позволяет добиться большего эффекта в развитии учащихся. Музыка помогает лучше осмыслить сказку, увидеть в ней добро и зло, красоту слова, а сказка — учит понимать музыку, углубляет образное восприятие героев. Отсюда и возникла идея провести урок по нанайской народной сказке «Айога» с использованием одноименной сказки на музыку Голикова.

На основе этой идеи разработан урок.

— *Интеграция:*

а) чтение: «Нанайская народная сказка «Айога»;

б) музыка: «Музыкальная сказка «Айога» на музыку Голикова. В основе урока — близость содержания тем и единая направленность на решение задач развития.

Умственные операции:

а) в течение урока осуществлялся перенос знаний (музыка и художественное произведение);

б) прием создания образов (действующие лица сказки);

в) сравнение, анализ (использование пословиц);

г) обобщение (аргументированные ответы на вопросы).

— *Психические процессы:* развивали мышление, образное восприятие музыкального произведения, аргументированную речь в процессе деятельности на протяжении урока.

— *Индивидуальный подход:* при подготовке урока и в процессе проведения его учитывались индивидуальные особенности детей. Так заучивали наизусть отрывки текста

слов к песне Оля П., Аня С. (вызвано необходимостью развития у них памяти, речи). Мишу Ю., Артема С. побуждали раскрывать смысл пословиц (для развития мыслительных операций) и т.д.

ХОД УРОКА

Учитель: Сегодня мы соединили 2 урока: чтение и музыку. А работать будем по теме «Нанайская народная сказка и одноименная музыкальная сказка на музыку Голикова».

На Дальнем Востоке, по берегам реки Амура, живет небольшая народность — нанайцы. (Показываю кукол в нанайской одежде.) Занимаются они охотой, рыболовством. Это край с суровым климатом. Живут нанайцы в юртах. Юрты одна от другой расположены далеко. Человек оказывается один на один с природой, поэтому обычаи, законы этого народа строгие, суровые. Нанайцы ценят дружбу, взаимопомощь, трудолюбие.

Учитель музыки: Истоки нанайской культуры уходят далеко в прошлое. Несмотря на трудные условия кочевой жизни, нанайский народ сумел создать подлинные художественные ценности и, в первую очередь, богатую песенную культуру. Песня, в основном одноголосая, с большим диапазоном, капризный ритмический рисунок подчеркивается четким, упругим ритмом.

Сейчас мы послушаем необычное пение этого народа — гортанное, фальцетом, оно передает нам дух и эмоции нанайцев.

(Пение. Пластинка).

Самыми любимыми музыкальными инструментами нанайцев являются барабан, бубен и камуз. Я вам рассказывала на прошлом уроке сказку о том, как люди придумали барабан и бубен. Что общего у этих инструментов? (кожа). Отличие? (бубен с железными пластинками).

Камуз — это щипковый инструмент в виде подковы или пластинки. Прикладывается ко рту и приводит в колебание язычок защипыванием его загнутого конца.

(Игра на камузе. Пластинка).

Итак, какие музыкальные инструменты являются любимыми у нанайцев (барабан, бубен, камуз)?

Обычно, когда человек рассказывал сказку, легенду, историю, он пользовался этими инструментами. Мы сегодня

тоже будем рассказывать нанайскую сказку «Айога» и сопровождать ее музыкой современного композитора В. Голикова. Начинается сказка с музыкального вступления, где вы почувствуете суровость, драматический колорит и затаенную тревогу.

(Вступление на фортепьяно).

Учитель:

1. В течение урока проследите, почему так строго наказывается Айога за свое непослушание.

2. Какую красоту в человеке ценит любой народ, в том числе нанайский?

Рассказчик: (Сказка сказывается от начала до диалога).

Учитель музыки: Какова же музыкальная речь Айоги? Мы сейчас послушаем первую песню Айоги в исполнении Ани Селивановой.

«Первая песня Айоги».

«Ничуть я не ленивая,
Поскольку целый день
Собою любоваться мне
Ни капельки не лень.

Припев:
Черными, как ночь, волосами,
Ресницами большими и глазами,
Руками белоснежными —
И тонкими, и нежными (2 р.)

Ничуть я не капризная,
А мне всего важней
Сидеть и восхищаться
Весь день красой своей,

(Припев).

Поэтому, поэтому
Смотрюсь я в медный таз,
Все с большим наслаждением
Любуюсь, что ни час.

(Припев).

Какими качествами характеризует Айогу капризный ритмический рисунок с четким упругим ритмом? (хвастливая, капризная, заносчивая, кичливая, самовлюбленная, упоенная собой).

Инсценирование диалога Айоги с матерью (часть 1).

Учитель: Что послужило причиной того, что Айога ослушалась матери, не выполнила ее просьбу?

— Найдите пословицу, поясняющую вашу мысль.

(Ленивый отговорками замучит того, кто что-нибудь ему поручит.)

Рассказчик: (Тут соседская девочка...)

Инсценирование диалога Айоги с матерью (часть 2).

Учитель музыки: Да, неприятная сцена Айоги с матерью. Вера, сейчас ты будешь исполнять песню матери.

— Какими душевными качествами обладает твой музыкальный образ?

— Каков характер мелодии вначале?

(Мелодия певучая, нежная, теплая, сердечная.)

А потом мелодия с возгласами и ритмической пульсацией.

— Какие мысли, чувства ты должна передать?

(Беспокойство, тревогу, боль, взволнованность, обиду, ожидание беды.)

«Песня матери»

1. Нет, нет, не годится
Красивой трудиться,
С красивой может
Беда приключиться.
Ведь может ее красота
от труда
Пропасть без следа,
Навсегда, навсегда.

2. Зачем рукавицы
Ей палкою бить
И воду для дома
Из речки носить,
Когда у нее
Есть дела поважней:
Весь день любоваться
Красою своей.

Учитель: Выразите главную мысль разговора Айоги с матерью соответствующей пословицей.

(Лентяй готов за дело взяться смело, когда другой давно исполнил дело.)

Рассказчик: (Со слов: «...рассердилась Айога». До слов: «шея у нее вытянулась — длинная стала»).

Учитель музыки: Лида, ты исполнишь песню девочки-соседки.

— Какие главные интонации в ней?

— С каким настроением ты будешь исполнять песню?

(С обидой за Айогу, печально, робко, скромно, мягко.)

«Песня соседской девочки»

1. Зачем ты глядишь на меня, Айога,
Как смотрят на самого злого врага?

Припомни-ка лучше, как дружно мы жили,
Какими подружками верными были?
Не злись, Айога, не сердись, Айога.
Соседи жить в мире должны, Айога!

2. А если лепешка поссорила нас,
Так это с тобой мы уладим сейчас:
Возьмем и разделим ее пополам...
А хочешь, тебе ее всю я отдам.
Не злись, Айога, не сердись, Айога.
Соседи жить в мире должны, Айога.
Подойди, Айога, и возьми лепешку,
Мне не жалко!

Рассказчик: (Со слов: «...разозлилась Айога на девочку...» до слов: «что руки в крылья превратились»).

Да, да, эти гусиные крики появились у Айоги во второй песне.

Вопрос классу:

— Люда Якимова, сыграй мелодию Айоги.

— Какой здесь ритм? Скажите слогоритмом (ти-ти та).

— Мелодия состоит из скольких нот? (4-х).

— Как движется мелодия? (Сверху вниз).

— Как одним словом можно назвать последовательность, которая перемещается так? (Секвенция).

— Итак, угловатая ритмическая пульсация, что передает? Какими эпитетами вы охарактеризуете эту мелодию?

(Упрямство, злость, ненависть; резкая, гневная, грубая, нетерпеливая, возмущенная.)

«Песня 2-я Айоги»

Ничего га-га-га
Не хочу га-га-га,
Потому га-га-га,
Что горда Айога!
Потому что нигде
На земле га-га-га
Никого нет красивей,
Чем я — Айога!

Учитель: Какими художественными средствами автор показал гнев, зависть Айоги?

а) передается душевное состояние: побелела от злости;

б) усиливается действие употреблением целого ряда глаголов: замахала руками, пальцы растопырила, побелела;

в) в результате — руки превратились в крылья.

— Подтвердите ваш вывод словами пословицы (Во гневе, что юнец, что аксакал... как только вспыхнул гнев, так ум пропал).

Рассказчик: (Со слов: «не удержалась на берегу...» до слов: «и обратилась в гуся»).

Учитель музыки: Кто хочет исполнить 3-ю песню Айоги? Там ведь почти нет слов, а только гусиные крики.

«3-я песня Айоги»

Да-да-да
Га-га-га.
Да-да-да
Га-га-га.
Никого нет красивей,
Чем я, Айога!

Наша главная героиня Айога в сказке из самовлюбленной девочки превращается в гуся. И мы услышали, как меняется музыкальный образ Айоги.

Заключительная часть (исполняется на фортепьяно).

— Что вы почувствовали, слушая этот фрагмент?

(Настроение, характер, движение.)

А если движение — значит, музыка живая. А у живой всегда пульсирует сердце (наш ритм). Значит, музыка живая, с сердцем, и она может, как человек, расти, развиваться, изменяться.

Если музыка живая, с сердцем, как надо относиться к ней?

(Как к другу, уметь слушать бережно, внимательно.)

Вот мы и посмотрим, какие вы друзья. Попробуйте отгадать, что за музыкальный фрагмент звучит?

Песня соседской девочки.
Песня матери.
1-я песня Айоги.

— Как вы отгадали? (по мелодии).

По яркой интонации, характерной этому образу.

Интонация — это основа музыки. Итак, основой музыки является интонация и развитие.

Вопросы классу:

— Можно ли отнести эту сказку к волшебным? Почему?

— За что была наказана Айога?

— Почему наказание было таким строгим?

— Мы убедились, что нанайский народ не любит упрямых, самолюбивых, хвастливых людей. А как русские люди

относятся к ним? (В ответе обязательно использовать сюжеты русских народных сказок.)

— В сказке девочка превращается в гуся. А в жизни что может случиться с таким человеком?

— Какую красоту ценит в человеке любой народ, в том числе и нанайский?

* * *

Содержание нанайской народной сказки «Айога» усваивается легко. Не вызывает затруднений и основная мысль сказки. Все это служит хорошей основой для того, чтобы до детей донести особенности музыкального произведения, помочь понять его «музыкальный язык».

Деятельность на уроке становится более разнообразной, что повышало интерес, делало ее более эмоциональной. Самое главное — прививался «вкус» к музыке.

Интеграция чтения нанайской сказки с музыкальным сопровождением усиливает эмоциональное восприятие детей, образное представление героев сказки. Речевые упражнения осуществлялись одновременно с эстетическим развитием детей.

Дымова Людмила Михайловна
Егорова Зинаида Викторовна

11 КЛАСС

ТЕМА: *«Власть гена и ее реализация»*

Идея объединить изучаемый материал по биологии и произведение М. Булгакова «Собачье сердце» возникла из необходимости активизации учебно-познавательной деятельности учащихся, в процессе которой происходит интенсивное развитие. Это соединение позволяет «вычерпать» скрытый смысл литературного текста, а учителю биологии — закрепить сложные биологические понятия на конкретном литературном материале. Кроме того, учащиеся убеждаются в необходимости комплексного использования знаний.

На решение этой задачи направлено содержание и методика урока.

— *Интеграция:*

Литература. «Повесть М. Булгакова «Собачье сердце». Изображение глубинных течений действительности».

Биология. «Власть гена и ее реализация».

— *Развитие мыслительных операций.*

На уроке особое внимание уделялось развитию логического мышления: на протяжении всего урока выполнялись задания, где необходимо показать взаимосвязь... объяснить смысл... систематизировать и т.д.

Кроме того, осуществлялась наиболее сложная мыслительная операция — перенос: проблема, созданная на литературном материале, решается средствами биологии.

— *Формирование психических процессов:*

а) речь (обсуждение в группах, где каждый имеет возможность высказаться);

б) внимание (развивается произвольное внимание логикой урока, особую роль играют проблемные вопросы);

в) память («извлечение» из памяти необходимых знаний);

г) мышление (через развитие мыслительных операций).

— *Индивидуальный подход* осуществлялся через деятельность учащихся в группах: в них раскрепощены даже слабые учащиеся, имеют возможность высказать свое мнение.

— Использованы *элементы развивающих технологий.* «Французская мастерская» — при решении биологических проблем: «Возможно ли биологическое превращение собаки в человека?» и «Как наследственная информация передалась Шарикову?».

ХОД УРОКА

Учитель биологии: Как бы человечество ни шло по пути прогресса, наш XX век навсегда останется в его памяти. Люди всегда будут помнить, что этот век был отмечен тремя важнейшими достижениями.

1. Научились использовать энергию атома.
2. Вышли в космос.
3. Стали направленно изменять наследственность.

(Обратим внимание на последний пункт.)

Власть гена. Когда она проявляется? Какова его роль в передаче наследственной информации?

Учитель литературы: Урок сегодня интегрированный. Литература и биология. Почему появилась такая идея? Мы считаем, что литературное произведение поможет сделать более «наглядной» проблему наследственности с точки зрения биологии, а биология — глубже проникнуть в суть изучаемого материала.

Когда в 1925 году была опубликована повесть «Роковые яйца», один из критиков заметил (то ли с удивлением, то ли с иронией): «Булгаков хочет стать сатириком нашей эпохи». Теперь, пожалуй, никто не станет отрицать, что Булгаков стал сатириком эпохи, да еще и выдающимся. И при всем том, что он не хотел им стать. Сделала его сатириком сама эпоха.

К сатирическим произведениям относится и повесть «Собачье сердце».

В основе повести — рискованный медицинский эксперимент, в результате которого получилось некое «лабораторное существо», впоследствии названное Полиграфом Полиграфовичем Шариковым. (Произведение прочитано учащимися до урока.)

— Что представляет собой это «лабораторное существо»? (Идет обсуждение в группах, после чего один из учеников отвечает, другие имеют возможность дополнить или не согласиться со сказанным.)

В дневнике доктора Борменталя дано следующее описание внешности «нового человека», бывшего недавно собакой: «Вид его странен. Шерсть осталась только на голове, на подбородке и на груди. В остальном он лыс, с дряблой кожей. Череп увеличился значительно. Лоб спокоен и низок». Первая реакция его на замечания профессора — «отлезь, гнида». В его лексиконе множество бранных слов. К ругани добавляется курение, алкоголь, неопрятность и безвкусица в одежде. Своим хамством он терроризирует всех окружающих. Все дурное как бы собралось в этом двуногом существе. Его главный интерес — не производить, а делить, настаивать на своих правах и уклоняться от обязательств. Чего только стоит требование Шариковым белого билета: «На учет возьмусь, а воевать шиш с маслом!» Но зато он готов занять любую должность, пусть даже по ловле котов.

Учитель литературы: И профессору волей-неволей приходится приниматься за его воспитание. «Лаской, исключительно лаской» можно этого достигнуть, считает ученый. И разумеется, собственным примером (он человек высокой культуры и высоких нравственных правил). Результат известен. Профессор терпит поражение. И это поражение он объясняет так: «Ведь это же дурная наследственность!»

— Прав ли в своих выводах профессор Преображенский? Рассмотрите эту проблему с точки зрения биологии и литературы.

Учитель биологии: Результат — Шариков несет дурную наследственность. Итак, — автор показывает, что появляется человек с признаками донора (Чугункина), от которого были пересажены гипофиз и семенники (маленького роста, алкоголика).

Перед нами стоят следующие проблемы:

1. Возможно ли биологически превращение собаки в человека?

2. Как наследственная информация передалась Шарикову?

(Работа в группах по первому вопросу.)

Для информации учащимся предлагается таблица «Железы внутренней секреции», отрывок из диалога на симпозиуме врачей (см. приложение).

Ответы учеников: Да, была произведена пересадка гипофиза и семенников человека собаке. Собака превратилась в человека. При этом отмечается: 1) выпадение волос; 2) рост костей; 3) появление слов; 4) отваливается хвост; 5) в области половых органов — мужчина.

Но это вымысел, так как пересадка органов невозможна из-за невосприимчивости организма к чужеродным телам. Несовместимость антител, гормонов вызывает отторжение клеток, тканей, органов.

Это обусловлено наличием у каждого организма иммунитета — способности защищать свою биологическую индивидуальность.

Учитель биологии: Итак, первая проблема разрешилась. Разрешаем вторую проблему: «Возможна ли была передача наследственной информации?»

(Работа в группах, обсуждение.)

Для самокоррекции на доске — демонстрационный материал «Строение клетки»; таблица «Мейоз», «Митоз».

Позже раздаются отпечатанные таблицы: «Сравнение митоза и мейоза». (См. приложение).

Ответы учеников: Ген — участок ДНК, несущий наследственную информацию о признаке.

— Гены образуют структуры хромосом.

— Гены передаются из поколения в поколение при делении клеток.

Деление — это биологический процесс, лежащий в основе размножения и индивидуального развития.

Продолжается обсуждение в группах. Для подсказки даются опорные схемы «Сравнение мейоза и митоза».

Ответы учеников:

1. Митоз — деление клетки, при котором дочерняя клетка получает такие же хромосомы, как и материнская, т.е. диплоидный набор хромосом. Митоз обеспечивает точную передачу наследственной информации. В половых клетках митоз происходит в зоне размножения.

2. Мейоз — происходит при делении клеток в зоне созревания и сопровождается уменьшением числа хромосом вдвое, т.е. образуется гаплоидный набор хромосом.

При мейозе происходит обмен генетической информации. В зоне созревания половые клетки становятся яйцеклетками или сперматозоидами. В результате мейоза происходит образование сформированных половых клеток с половинным набором хромосом.

Значит, наследственная информация не полная, т.к. у человека должно быть 46 хромосом, а получается только 23 хромосомы.

Вопрос учителя: Что необходимо для передачи полной наследственной информации человека?

Ответы учеников: Необходим процесс слияния женской и мужской половых гамет, т.е. оплодотворение — в результате образуется зигота с полным (диплоидным) набором хромосом и с наследственной информацией от отца и матери.

Значит, передача наследственной информации в половой клетке реализуется в зиготе, следовательно, наследственная информация Шарикову не могла быть передана с помощью пересадки органов.

Итак, мнение «госпожи биологии» мы выяснили. А что говорит другая «высокая сторона», уважаемая литература?

После обсуждения в группах пришли к следующему выводу.

Рассказывая о развитии Шарикова, автор подчеркивает в нем оставшиеся собачьи черты: привязанность к кухне, ненависть к котам, любовь к сытой, праздной жизни. Человек зубами ловит блох, а в разговорах возмущенно лает и тявкает. Шариков взял и у человека (Клима Чугункина) все самое плохое. Сам профессор это утверждает: «Но кто он? Клим, Клим — вот что-с: две судимости, алкоголизм, «все поделить», шапка и два червонца пропали — хам и свинья».

Учитель литературы: С точки зрения биологии операция — фантастика, но даже и в том случае, если бы она оказалась реальностью, передача наследственных признаков была бы невозможна. Но у Булгакова, как мы только что видели, явно прослеживается собачья—уголовная натура Шарикова.

— Как объяснить это противоречие?

После обсуждения в группах даются следующие варианты ответов:

1. Булгаков написал свое произведение в 1925 году. Наука, особенно генетика, не достигла тех высот, которые помогли бы избежать подобных ошибок во взглядах.

2. Булгакову и не нужна была научность данного факта. Фантастика для него — художественный прием, позволяющий решать какие-то свои задачи.

Учитель литературы: Разумеется, история двух превращений Шарикова — в человека и затем обратно в собаку, со всем тем, что пережили виновники этих превращений, так и осталась бы фантастически-юмористической историей, не будь в повести второго плана. И «Собачье сердце»

вовсе не о том, что «эксперимент по очеловечиванию собаки оказывается провалом».

— Тогда о чем же? Обсуждение в группах. Дети испытывают затруднения. Дается подсказка в виде вопросов.

1. Кто из героев близок по своим взглядам автору?

2. Совпадают ли взгляды этого героя и авторская позиция?

Вывод, к которому пришли учащиеся: наиболее близок по своим взглядам автору профессор Преображенский. Это ученый с мировым именем, представитель старой интеллигенции. По мнению профессора, каждый должен заниматься своим делом: в театре петь, в больнице оперировать, и тогда не будет никакой разрухи. Он считает, что достичь материального благополучия можно только трудом, знаниями и умениями. Профессор не скрывает своей неприязни к новым порядкам. Он не принимает новых правил («все поделить», «кто был никем, тот станет всем»). Его больше всего тревожит крушение культуры, проявляющееся в быту, в труде и ведущее к разрухе. Такова действительность в оценке Преображенского.

Автор во многом разделяет взгляды профессора Преображенского. Но нельзя не заметить и авторскую иронию к своему герою. Думая об улучшении человеческой природы, профессор Преображенский пока лишь преображает развратных стариков и продлевает им возможность вести распутную жизнь. А вот реакция автора на монолог профессора о разрухе за роскошным обедом: «Набравшись сил после сытного обеда, гремел он, подобно древнему пророку, и голова его сверкала серебром».

Усиливает авторскую иронию и реакция Шарика: «Он бы прямо на митингах мог деньги зарабатывать... первоклассный деляга».

Учитель литературы: И все-таки главным для Булгакова было изобразить действительность через восприятие и оценку Преображенского. Эта действительность врывается в эксперимент профессора. Может быть, став Полиграфом Полиграфовичем, Шарик так и остался бы вполне довольным своим положением. Вспомните его рассуждения об ошейнике: «Нет, никуда, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать... Я барский пес, отведал лучшей доли».

Если бы не председатель домового комитета Швондер, который взял над Шариковым шефство и воспитывает его. Шарикова вполне устраивает программа Швондера: «Кто был ничем, тот станет всем». Именно Швондер делает Ша-

рикова «сознательным участником революционного процесса». Через 2 недели, как он стал ходить на двух ногах, он уже требует документ, удостоверяющий личность. А документ, по словам Швондера — «самая важная вещь на свете». Еще через неделю-другую Шариков — совслужащий. И не рядовой — заведующий отделом очистки города Москвы от бродячих животных. Влияние Швондера падает на благодатную почву: натура-то у Шарикова собачья — уголовная. Ведь не случайно же Преображенский восклицает: «Боже мой, я только теперь начинаю понимать, что может выйти из этого Шарикова!»

— Чего же испугался профессор? (Вопрос для обсуждения в группах). Учащиеся приходят к следующему выводу:

Преображенский — ученый-исследователь. Обобщив наблюдения, он, возможно, сумел заглянуть в будущее, когда всего через несколько лет тысячи реальных Шариковых точно так же «душили, душили» уже не котов, а людей, настоящих работников, ни в чем не провинившихся перед революцией. Шариков, расчищая себе место под солнцем, не останавливается ни перед доносом, ни перед физическим устранением «благодетелей».

Учитель литературы: Шариков — «лабораторное существо», результат эксперимента. А не встретили ли вы на страницах повести натуральных живых шариковых?

Ответы учеников: Они есть. Это и «повар столовой нормального питания служащих», и завхоз, который от каждого обеда «25 копеек уворовал», а стоимость обеда 40 копеек. А вот еще один из них заявляет: «Я теперь председатель, и сколько ни накраду — все на женское тело, на раковые шейки. Потому что наголодался я в молодости...» Кажется, что в грязной, холодной Москве живут озлобленные люди, которые стараются захватить побольше, а власть употребляют не на пользу окружающим, а во благо себе.

Учитель литературы: Таким образом, Шариков — уже не частный случай. Нечто более серьезное. Не система ли? Наголодался, наунижался вдоволь. И вдруг — на тебе! — должность, власть над людьми... Легко ли устоять перед соблазном? Итак, попробуем ответить на поставленный ранее вопрос: О чем же это произведение? (Если не просто о превращении собаки в Шарикова и обратно.)

После обсуждения в группах учащиеся отмечают: Булгакову нужно было правдиво рассказать о том, что происходило в жизни. Он видел, как революция втянула в себя раз-

ные силы, в том числе и плебейские низы, способные только разрушать и делить. Шариков и ему подобные способны погубить не только нравственные и материальные ценности, но и идеалы революции. Жанр фантастической повести позволял решить эту задачу полнее и выразительнее.

Дополнение учителя литературы: Тогда невольно возникает мысль: разве не эксперимент все то, что происходит в жизни. Только у медицинского эксперимента благополучный конец. А вот у другого (названного революцией) финала нет. Но о нем нетрудно догадаться.

— Где же выход? (по Булгакову). Чтобы ответить на данный вопрос, выполните следующее задание:

1. Повторить параграф 4 учебника «Общая биология». (Эту статью о движущихся силах эволюции нужно знать, чтобы выполнить анализ литературного отрывка).

2. Проанализировать отрывок из текста повести «Собачье сердце», глава 8 (Разговор об эволюционном развитии).

После обсуждения учащиеся приходят к выводу: Не революция с ее непредсказуемыми взрывами и поворотами, а великая неостановимая эволюция — вот что лежит в основе развития как природы, так и общества.

Добавление учителя: А все произведение в целом — непримиримое отрицание поверженной и исковерканной действительности.

* * *

Перед учителями стоит задача формирования творческой личности. Чтобы научить творить, есть только один путь — научить ученика творческим процедурам (структурам). Объединение материала по биологии и литературе на данном уроке позволило осуществить одну из главных мыслительных операций: перенос ранее усвоенных знаний и умений в новую ситуацию (объяснить возможность передачи наследственных признаков Шарикову).

Кроме того, интеграция помогла проанализировать глубинный смысл литературного текста, что само по себе уже является деятельностью творческой.

Значительную часть урока занимал частично-поисковый метод (форма его организации — решение проблемных задач с помощью учителя).

Отрабатывались на уроке элементы развивающих технологий: французской мастерской и КСО (коллективные способы обучения).

Сравнение митоза и мейоза

Фаза	Митоз	Мейоз	
		I деление	II деление
Интерфаза	Набор хромосом (2 л) Идет интенсивный синтез белков, АТФ и др. органических веществ Удваиваются хромосомы, каждая оказывается состоящей из 2 сестринских хроматид, скрепленных общей центромерой	Набор хромосом 2 п. Наблюдаются те же процессы, что и в митозе, но более продолжительна, особенно при образовании яйцеклеток	Набор хромосом гаплоидный (п). Синтез органических веществ отсутствует
Профаза	Непродолжительна, происходит спирализация хромосом, исчезают ядерная оболочка, ядрышко, образуется веретено давления	Более длительна В начале те же процессы, что в митозе. Кроме того, происходит конъюгация хромосом, при которой гомологичные хромосомы сближаются по всей длине и скручиваются. При этом может происходить обмен генетической информацией (перекрест хромосом). Затем хромосомы расходятся	Короткая, те же процессы, что и в митозе, но при n хромосом
Метафаза	Происходит дальнейшая спирализация хромосом, их центромеры располагаются по экватору	Происходят процессы, аналогичные тем, что в митозе	Происходит то же, что в митозе, но при n хромосом
Анафаза	Центромеры, скреплявшие сестринские хроматиды, делятся; каждая из них становится новой хромосомой и отходит к противоположным полюсам	Центромеры не делятся. К противоложным полюсам отходит одна из гомологичных хромосом, состоящая из 2-х хроматид, скрепленных общей центромерой	Происходит то же, что в митозе, но при n хромосом
Телофаза	Делится цитоплазма, образуются 2 клетки, каждая с диплоидным набором хромосом. Исчезает веретено деления, формируются ядрышки	Делится недолго. Гомологичные хромосомы попадают в разные клетки с гаплоидным набором. Цитоплазма делится не всегда	Делится цитоплазма. После двух мейтических делений образуются 4 клетки с гаплоидным набором хромосом

Железы внутренней секреции

Железы	Расположение	Гормоны	Воздействие на организм
Гипофиз	Ниже моста головного мозга	Ростовые	Регулируют рост организма
		Регуляторные	Регулируют деятельность половых желез, щитовидной и надпочечников
Семенники	В кожном мешочке — мошонке	Половые гормоны и сперматозоиды	Развитие вторичных половых признаков (борода, усы, развитый скелет и мускулатура, низкий голос)

Отрывок из диалога на симпозиуме врачей

Врач: Великое дело — пересадка органов от человека человеку, но по всемирной статистике — это 2—3% и пока — эксперимент. Пересадка проводится лишь тем больным, жизнь которых находится на грани смерти, для кого это — единственный шанс продлить жизнь. А пересадка органов от животных человеку исчисляется примерами только на уровне клеток и тканей.

— В чем причина?

Профессор: Иммунитет — вот в чем кроется секрет. Невосприимчивость организма к чужеродным телам. Иммунные клетки в крови содержат антитела белкового происхождения. По своему содержанию и строению эти белки специфичны и индивидуальны для каждого организма. Было замечено: даже пересаженный кусочек кожи, не состоящим в родстве людям, приживается по-разному. Все дело в общности белков, вырабатываемых антителами.

Несовместимость антител, гормонов вызывает отторжение клеток ткани, органов.

Вот почему пересадка органов сопряжена с такими трудностями, а во многих случаях и вообще невозможна.

Для справки:

Антитела — белки (иммуноглобулины), синтезируемые организмом в ответ на введение антигенов.

Антигены — вещества, воспринимаемые организмом как чужеродные и вызывающие иммунный ответ: соединение со специфическими белками — антителами или поглощение особыми клетками. Особенно антигены белки и высокомолекулярные полисахариды, образующие оболочки бактерий.

Забоева Анна Николаевна
Берестенькова Людмила Александровна

7 КЛАСС

ТЕМА: *«От счета на пальцах — к алгебре и геометрии»*

Идея урока, его содержания, структуры сложилась из намерения заинтересовать учащихся алгеброй и геометрией (они только приступают к изучению этих предметов) с использованием историко-страноведческого материала.

Форма занятия — урок-экспедиция в прошлое с помощью «машины времени».

— *Интеграция:*

а) иностранные языки (немецкий и английский) «Выдающиеся ученые Англии и Германии»;

б) математика: «Закрепление математических навыков»;

в) программа «Открытие мира» (раздел «Древняя Русь»).

Умственные операции:

а) прием создания образа (встреча с пещерным человеком);

б) перенос знаний (перевод стихов Гете помог решению магического квадрата);

в) обобщение (работа с пословицами и поговорками);

г) сравнение, анализ, синтез (работа с магическим квадратом).

— *Психические процессы:*

а) развивали мышление, смысловую память, аргументированную речь, доказательное воспроизведение в процессе деятельности на протяжении всего урока;

б) индивидуальный подход: предварительная работа с учащимися с учетом их индивидуальных особенностей и разного уровня подготовки (сообщения на русском, немецком и английском языках, работа с дополнительными источниками); разноуровневые задания на самоподготовку;

в) новые технологии (элементы): развитие коммуникативных навыков общения и умения слушать и слышать.

ХОД УРОКА

1. На этом уроке мы попытаемся разобраться, как зарождалась и развивалась математика, кто внес наибольший вклад в ее развитие. В списке трех великих математиков мировой истории стоят: Архимед, Ньютон, Гаусс. Маршрутом нашей экспедиции будут четыре великих периода развития математики: вавилонский, греческий, ньютоновский и современный, т.е. золотой век, век компьютеров, вычислительной техники. (Маршрут следования экспедиции оформлен на доске в виде схемы. *Первая остановка — город Пещерск*).

II. Вопросы учащимся:

— Почему мы здесь сделали остановку?

— Считали ли древние люди? Докажите.

— Как они считали?

(А вот один из жителей Пещерска. Выходит ученик, одетый в шкуру. Он рассказывает о жизни первобытных людей: «Мы в Древнем мире уже умели считать, а учила этому нас сама жизнь. Нужно было считать людей во время охоты, животных, делить добычу поровну. Мы использовали для счета пальцы рук и ног. А сейчас я хочу проверить, как вы умеете считать. Вчера в охоте участвовали 2 руки, 1 нога и 2 пальца. Сколько нас было? Не знаете? Да это же просто. 2 руки — это 10, 1 нога — это 5 и 2 пальца. Всего было 17 человек.

Ребята отгадывают. Машина времени перемещает нас в *город Пирамидин,* в Египте.

III. Возникает необходимость измерять, считать (развивается земледелие, скотоводство, торговля...). Много математических сведений оставлено в египетских папирусах и на вавилонских клинописных таблицах. Самые известные среди папирусов Московский и папирус Райнда. (Сообщение о папирусе Райнда делает ученик на английском языке: «Английский ученый Райнд приобрел папирус в Египте. Сейчас этот папирус находится в Британском музее города Лондона. В папирусе встречается равенство:

$$2/13=1/8+1/52+1/104.$$

Учащиеся доказывают равенство. Учитель математики делает вывод по этому периоду.

IV. Переносимся в город Пифагорию.

— Почему так называется город?

Выступают знатоки по данному периоду:

— Первый ученые-математики, сделавшие много открытий, из которых главное — введение в математику доказательств, жили в VI века до нашей эры. Это Фалес Милетцкий и его ученик — великий Пифагор. В 8 классе мы будем изучать знаменитую теорему Пифагора, которая очень широко используется в геометрии. Пифагор и его ученики стояли у истоков арифметики.

— Знаменитый ученый Евклид свел воедино все открытия греческих математиков в 13-ти книгах под общим названием «Начало». Два тысячелетия — это научное сочинение было энциклопедией и учебником по математике.

— Величайшим ученым древности был Архимед (287—212 г. до н.э.). Он открыл ряд важнейших законов природы, которые вы будете изучать на уроках физики. Первым вычислил число π. Чему оно равно? Также нашел площади и объемы многих важных геометрических фигур и тел.

Задача: Пифагор сказал: «Половина моих учеников изучает математику; четверть — музыку; седьмая часть пребывает в молчании, кроме того, есть три женщины». Сколько учеников было у Пифагора?

(Решают задачу.)

V. Перемещаемся во времени и пространстве. Оказываемся перед воротами *города Цифрограда.* Ворота закрыты. На них надписи:

1. «Ворота лишь тем открываются, кто с разными цифрами знается».

(Выполняются задания, связанные с цифрами.)

2. Надписи на английском и немецком языках: «The gates are for those who numerals knows». «Das Tor offenet sich fur Ziferfreunde».

Задания на иностранных языках на знание цифр:

— Назовите правильно цифры на английском и немецком языках: 24, 81, 185, 314, 2157, 300, 3, 99.

— Выполните арифметическое действие, комментируя на английском и немецком языках.

$50 + 42 =$	$90 : 10 =$
$48 - 14 =$	$30 \cdot 4 =$

Ворота открылись. Экскурсия в музей цифр (по диафильму).

VI. Машина времени несет нашу экспедицию дальше.

Остановку делаем на следующей станции, которая зашифрована; на схеме цифры 14, 5, 23, 20, 15, 14, 15, 22, 19, 11.

(Учащиеся расшифровывают названия с помощью алфавита.)

Название города — Ньютоновск.

Страноведы знакомят с зарубежными математиками, жившими в этот период:

— *К. Гаусс* (на немецком языке).

Крупнейший немецкий математик Карл Гаусс уже в раннем возрасте проявил необыкновенные способности к изучению математики. Способности в области счета всегда удивляли людей. При выполнении вычислений он всегда соблюдал образцовый порядок.

(Решают задачу, которую Гаусс мгновенно решил в 10 лет.)

Задача: Найти сумму натуральных чисел от 1 до 100.

— *Видманн* (на немецком языке). Первым употребил в печати для сложения и вычитания знаки (+) и (-) немецкий математик Ян Видманн.

— *Лейбниц* (на немецком языке). Современные знаки умножения в виде (•) и деления в виде (:) впервые использовал немецкий математик Лейбниц. Знак деления стал использоваться в 1684 г., а умножения — в 1698 г.

— *Рекорд* (на английском языке). Большой вклад в введении современных знаков внесли английские математики. Знак равенства ввел Рекорд в 1557 г.

— *Гарриот* (на английском языке). Знаки неравенства больше (>) и меньше (<) ввел Гарриот в 1631 г.

— *Ньютон* (на английском языке) (1642—1727) — великий английский ученый. Для открытия своих законов ему приходилось много заниматься математикой. С математическими открытиями Ньютона вы будете знакомиться в 10—11 классе, изучая предмет «Алгебра и начала анализа». Познакомитесь с законом всемирного тяготения, интегралом.

(Показывают математические знаки, которые ввели эти ученые. Учитель иностранных языков переводит.)

Предлагается стихотворение на немецком языке (Гете «Фауст»).

Читают самостоятельно, делают перевод; получается магический квадрат.

Задание. Самостоятельно получить магический квадрат (по алгоритму) с использованием переводов.

VII. На пути следования — город Мергород.

Сообщение ученика о метрической системе мер. Называют известные меры длины.

Задача-шутка на английском языке в форме диалога на самое длинное в мире слово (smiles — т.к. между первой и последней буквами целая миля — mile).

(С помощью поговорок вспоминаем старинные меры длины на Руси.)

— Меряй на свой аршин.
— Косая сажень в плечах.
— От горшка два вершка.
— Семь пядей во лбу.

(Выполняют задание; отвечают на вопросы.)

Последняя задача: превратить 1 милю в дюймы (за 0,5 минуты).

Затрудняются. Выполним это задание в другом городе.

VIII. *Город ЭВМск.*

— Чем отличается этот город от других?

Исторические справки о появлении первых вычислительных машин.

Сообщения учащихся:

— Банк по-немецки означает «скамья». Абак в форме скамьи был очень распространен в торговых кругах Германии в 15—16 веках. Каждая меняльная лавка или банковская контора прежде всего характеризовалась присутствием счетной скамьи. Естественно, что скамья стала синонимом банка.

— Более косвенное отношение к абаку имеет слово «чек». Оно английского происхождения и производится от глагола «чекер» — графить. Чекеред (графленый) называли разграфленную в форме абака кожаную салфетку, которую в 16—17 веках английские коммерсанты носили с собой в свернутом виде. В случае надобности произвести подсчет развертывали ее на столе.

— Чарльз Бебидж — английский математик 19 века. Он первый заговорил о вычислительных машинах. До него были уже машины, но они могли выполнять только арифметические действия.

— А. А. Байрон (дочь знаменитого английского поэта) была первым программистом в машинах Бебиджа. Она доказала, что вычислительная машина может гораздо больше, нежели человеческий ум.

(Решают задачу с помощью калькуляторов).

IX. Машина времени возвращает нас на землю. *Оказываемся на острове АОЗИС.* Предлагается самим сделать рас-

шифровку названия острова. Выполнить разноуровневые задания (задания прилагаются).

X. Вывод по экспедиции. Рефлексия.

* * *

Урок «От счета на пальцах — к алгебре и геометрии» рассчитан на опережающее и углубленное обучение учащихся среднего звена.

Содержание урока охватывает весь период развития математики и вклад зарубежных ученых в это развитие. Информационный историко-страноведческий материал, сопровождаемый практическими заданиями, обеспечивает системность знаний учащихся.

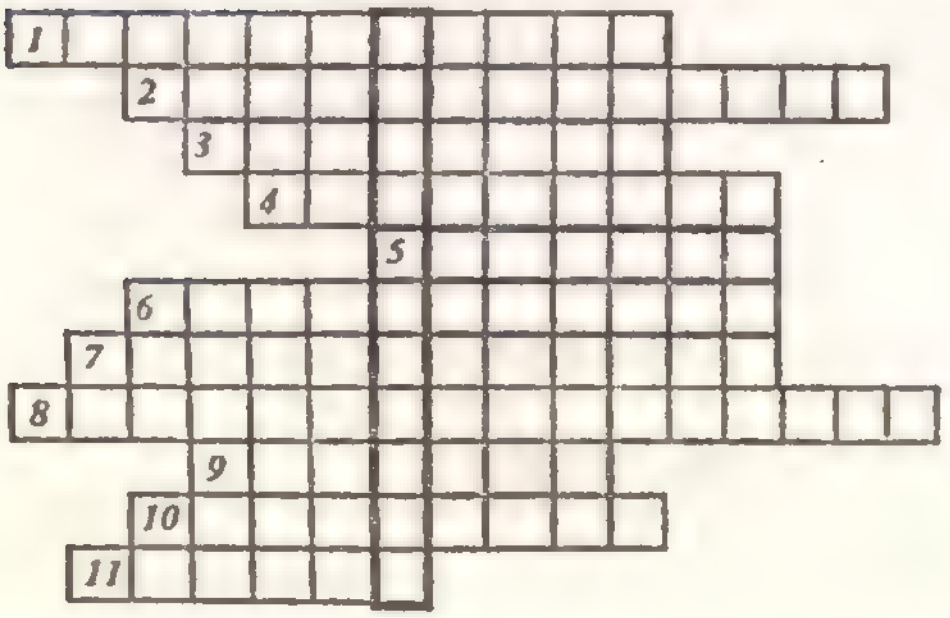
Учащиеся закрепляли математические навыки и умения на историческом материале: решали задачи с помощью уравнений; выполняли действия над числами, включая задания занимательного характера; совершенствовали языковые навыки, делая сообщения на английском и немецком языках.

Форма урока — экспедиция в прошлое с помощью «машины времени» в сочетании с элементами коммуникативных навыков общения вызвали интерес и эмоциональное восприятие через ощущение успеха и радости.

Продолжением данного урока будет занятие при изучении нового предмета «Алгебра и начала анализа». С помощью развивающих технологий учащиеся будут преодолевать трудности на проблемно-продуктивном уровне, используя знания данного урока.

Приложения

КРОССВОРД
Русский математик
(01.12.1792—24.01.1856),
творец неевклидовой геометрии



1. Числа, употребляемые при счете предметов. 2. Четырехугольник с прямыми углами. 3. Цифры 0; 1; 1; 3... 4. Наглядное представление разных числовых данных. 5. Результат деления. 6. Число, показывающее, на сколько равных частей разделено целое. 7. Сумма одинаковых слагаемых. 8. Закон сложения. 9. Площадь квадрата со стороной 100 м. 10. Отрезок, длина которого равна 1. 11. Угол, меньший прямого.

Задания

1. Получить магический квадрат.
2. Записать числа 136, 279 римскими цифрами.
3. Задачи:

а) Куча. Ее 2/3, ее 1/2, ее 1/7 и ее целое. Это 33. Найти кучу (из папируса Райнда).

б) Если от числа отнять его треть и его четверть, то получится 8. Найдите число. (Из книги Аль-Хорезми «Об индийском счете»).

Aa	Bb	Cc	Dd	Ec	Ff	Gg	Hh	Ii
①	②	③	④	⑤	⑥	⑦	⑧	⑨

Kk	Ll	Mm	Nn	Oo	Pp	Qq	Rr	Ss
⑪	⑫	⑬	⑭	⑮	⑯	⑰	⑱	⑲

Tt	Uu	Vv	Ww	Xx	Yy	Zz
⑳	㉑	㉒	㉓	㉔	㉕	㉖

Горбунова Анжелика Викторовна
Созина Марина Станиславовна

5 КЛАСС

ТЕМА: *«Морское путешествие в земли Датские по сказкам Андерсена»*

Авторство заключается в использовании этой формы урока (путешествие...) применительно к данному материалу. Предложены авторские приемы работы на уроке литературы: работа над сочинением сказки (в писательской мастерской), «включение внутреннего экрана», «рисуем словами», «разрисуй слово».

— *Интеграция:* Идея интеграции в том, что творчество писателя становится более понятным, если параллельно дети узнают о культуре, традициях, эстетических взглядах его народа.

— *Индивидуальный подход:* Дети С. Р., Ш. Д., В. Е., Т. И. — малый объем внимания, занижена самооценка. Для них задания упрощенные, учтены интересы, упражнения даны на сообразительность (в викторине, при сочинении сказки).

С. О. — неуверенность в себе — поощрить публичные выступления. Спросить сочиненную сказку. Побуждать к высказываниям, создание ситуации успеха.

— *Использовалась новая технология* развивающего обучения и воспитания (схема сложной коммуникации при обсуждении сочиненной сказки).

ХОД УРОКА

Учитель литературы:

Книга — это всегда путешествие. Только книга может перенести нас в далекое прошлое, дать возможность почув-

ствовать себя настоящим рыцарем, пережить сильную любовь и ощутить муки разлуки.

Чтение книги — это приобщение к волшебству. И сегодня мы отправляемся в путешествие по книгам, но не в простое, а в волшебное, в путешествие в нашем воображении по удивительным сказкам Г. Х. Андерсена и в интересную страну Данию.

Посмотрим на карту. Вот страна Дания и главный порт этой страны Копенгаген.

Ответьте на *вопрос*. Эта страна находится на материке или островах? Какой вид транспорта мы выберем?

— Корабль.

— Итак, мы плывем на корабле. Но, чтобы двинуться в путь, надо послушать условия путешествия.

Условия:

Разделимся на две команды. Придумаем название кораблю. Во время нашего путешествия в особо сложных ситуациях вы можете использовать карточки SOS. А сопровождать нас будет геосказитель.

(Звучит датская музыка.)

— Путешественники, прежде чем прибыть в какое-либо место, стараются как можно больше узнать о стране, о людях, о культуре. А что вы знаете о Дании?

(Выбегает геосказитель.)

— Стоп, стоп. Кажется, не опоздал! Корабль еще на месте, не успел отплыть. Здравствуйте. Надеюсь, вы меня ждали. Я геосказитель. Да, у меня немного необычная профессия. Гео — земля, сказитель — рассказчик. А дословно — рассказчик о земле Дании. Как я понимаю, вы здесь все путешественники? Когда путешественники отправляются в страну, они пытаются узнать как можно больше об этой стране, читают о ней, собирают сведения. Но прежде, чем я открою тайную завесу этой удивительной, полной добра, любви, красоты страны, я хотела бы знать, что вам уже известно о ней?

(Ответы учащихся.)

Геосказитель:

Дания — морская страна. Из любого места на суше до морского побережья не более 60 км. Датчане привыкли к влажному воздуху, туманам и дождям, прохладному лету и теплой зиме. Снег здесь выпадает редко и быстро тает.

Вы уже знаете, что Дания расположена на полуострове Ютландия, восточный берег которого изрезан заливами и

бухтами. Это удобные естественные гавани, привлекающие множество судов и суденышек.

Слайд (гавань).

— Кто является главой государства?

— Королева Виктория (показать фотографию).

— На доске написаны названия датских городов. Какой из этих городов является столицей Дании?

— Столица Дании — Копенгаген.

— Как переводится слово Копенгаген?

— Дословно «Торговая гавань».

— Почему она получила такое название?

— Это крупнейший порт Скандинавии.

Учитель литературы:

— Итак, мы выяснили, куда мы плывем. И пока мы будем находиться в пути, чтобы путешествие не казалось нам скучным и не мучила бы морская болезнь, проведем викторину. А темой нашей викторины будут сказки Г. Х. Андерсена. Почему именно эти сказки и этот писатель?

— Андерсен Г. Х. — один из самых знаменитых сказочников мира, родился в Дании (слайд).

Удивителен мир сказок Андерсена. Сказки и истории, одна лучше другой, возникают у него, как из рога изобилия. Подобно своему русскому современнику Пушкину, Андерсен сперва выслушивал сказки от простых людей, а после, волшебно преображая услышанное, пересказывал их друзьям. Сказки и истории Андерсена впитали народную мудрость, фольклор датчан. Вот почему так важно знать страну, народ, традиции, чтобы лучше понять творчество писателя. Обогащенные его чувством и фантазией, согретые юмором, они не потеряли достоинств, вложенных в них народом, но, пожалуй, даже резче проявили их. Персонажи иных его сказок стали стойкими фразеологическими понятиями во многих языках мира. И вот первый вопрос нашей викторины.

Задание 1. Объясните, как вы понимаете эти выражения? (Написано на доске):

«принцесса на горошине», «гадкий утенок», «голый король».

Задание 2. «Угадай, кто я?»

(Отгадывают литературных героев по инсценированным диалогам, по высказываниям, по иллюстрациям и т. д.).

Задание 3. Определить название сказки по основной мысли.

— Сказка о величии и совершенстве мира, о том, что надо иметь цель в жизни и стремиться вверх и вперед из колодца обыденности к интересной разнообразной жизни («Жаба»).

— Сказка о том, что счастье приходит к тебе, если ты даришь людям радость («Кто же были счастливее всех?»).

— Сказка о том, что настоящая дружба заключается в самопожертвовании, любви и вере, бескорыстной помощи своему другу («Снежная королева»).

Называю сказку — ученики дают обобщающую мысль.

— «Дюймовочка». (Сказка о том, что надо уметь ценить талант и красоту. Если ты обладаешь талантом, надо дарить его людям бескорыстно.)

Задание 4. Указать, из каких сказок эти предметы, что происходит с этими предметами в сказке?

Показываются предметы и читаются цитаты из сказок.

Подведение итогов, награждение команды победителей.

— Итак, мы в порту самого крупного города, который называется Копенгагеном. Дания действительно удивительная страна в том смысле, что каждый уголочек земли обработан с любовью, каждый цветочек окружен заботой. И, может быть, сказки Андерсена влияли на такое отношение к Родине, к земле, друг к другу. Ведь чему учит большинство сказок Андерсена? — Делать добро, любить своих близких, свою землю, стремиться стать лучше. Можно сказать одним предложением: жить в любви.

Я думаю, что во время экскурсии по Копенгагену вы найдете доказательства моим словам.

Экскурсия (проводит геосказитель).

Так как мы на время покинули палубу корабля и вступили на берег, а ходить пешком долго и неудобно, я предлагаю вам другой вид транспорта. Велосипеды. Сядем на них и в путь.

Почему велосипеды? (Слайд № 1).

Велосипедов на датских шоссе не меньше, чем автомобилей и автобусов. На велосипедах ездят все — от школьников до стариков. На велосипедах отправляются в гости и на работу, хозяйки объезжают магазины, туристы едут рассматривать достопримечательности страны.

— Итак, в путь!

(Слайд «Крыши — вид сверху»).

Копенгаген — один из старейших городов Европы, ему более 800 лет! Исторический центр столицы — островок Слотсхольд.

(Слайд «Улицы Копенгагена»).

Копенгаген действительно создает сказочное настроение. Вспомните, как часто в сказках Андерсена встречается описание цветов. Копенгаген — город-цветник.

(Слайд «Парк Триволе»).

В самом центре города находится еще один сказочный уголок — парк «Триволе». Это удивительное место, в котором вы можете увидеть и китайские пагоды (слайд «Китайские пагоды»), средневековые замки (слайд «Средневековые замки»). Можно попасть из одной эпохи в другую, из современности в древность.

В Дании очень любят природу и очень бережно к ней относятся. Здесь очень много ухоженных уголков природы, в которых можно угадать эпизоды сказок Г. Х. Андерсена. И во все здесь вложена огромная любовь к своей Земле. Вот так выражают свое признание и почитание Г. Х. Андерсену его земляки. И даже символом Копенгагена и всей страны стала известная Русалочка из одноименной сказки Г. Х. Андерсена.

(Слайд «Русалочки»).

— Почему Русалочка является символом города?

— Это воплощение добра, красоты, любви. Стремление к душевной красоте очень свойственно датскому народу.

А в центре города, напротив городской ратуши, установлен памятник великому Сказочнику (фотография).

— Что вы знаете из биографии писателя?

Родился он в 1805 году в городе Оденсе, который 70 лет спустя в полном составе во главе с королем Дании выйдет на улицу, чтобы проводить в последний путь гениального сказочника.

А родители Г. Х. Андерсена, при своем скромном происхождении (мать его в детстве даже нищенствовала), были незаурядными людьми. Анна Мария (так звали маму писателя) очень любила и никогда не обижала мальчика, рассказывала ему сказки и не мешала фантазировать, а раз в год, весной, когда распускались все цветы, она, несмотря на вечную свою занятость, непременно отправлялась с мужем и сыном в лес — и кто знает, не в те ли счастливые дни и часы родился в мальчике будущий сказочник?

— Какое общее впечатление осталось у вас после экскурсий? Что вы можете сказать о жителях Копенгагена?

— Они любят свой город. Помнят Г. Х. Андерсена. Город очень красивый, чистый. Все, что создается или делается в этом городе, делается с любовью, творчески.

— Часто туристы, побывавшие в Копенгагене (а вы знаете, что наши десятиклассники тоже были в этом городе), отмечают красоту, уют, чистоту. Что же заставляет этих людей так относиться к своей родной земле? Конечно же, трудолюбие и уважение друг к другу и к своему делу.

И сказки Г. Х. Андерсена, и непосредственный контакт с этой страной заставляют нас задуматься о жизни и о себе, вызывая в нас желание стать лучше, добрей. И все то лучшее, что у нас есть, нести людям, родной земле.

Берегите эту землю, эти воды,
Даже каждую былиночку любя.
Берегите всех зверей внутри природы,
Убивайте лишь зверей внутри себя.

А убить зверя в себе, понять, где добро и зло, по какому пути в жизни идти, поможет чтение высокохудожественной литературы. И не просто чтение, а вдумчивое чтение.

Замысел писателя лучше будет восприниматься, если мы сами попытаемся на время превратиться в писателя.

Это наши первые попытки, и посему пойдем по наименее сложному пути.

Я зачитываю вам отрывок из сказки, вы включаете внутренний экран и представляете эту картину. Что бы вы хотели дорисовать? Можете использовать иллюстрацию к данному эпизоду.

Этапы работы над сказкой (по группам):

I. 1. Составляем словарь писателя к данном эпизоду. Рассматриваем репродукцию, находим соответствующий отрывок. Выписываем художественно-выразительные средства, помогающие описать данного героя. После работы над словом пересказываем данный эпизод, дополняя своими художественно-выразительными средствами. Смотрим, как изменился характер данного героя.

— Какие слова повлияли на этот процесс? Почему? Дорисовываем данный эпизод, вводя изменившийся характер героя, и создаем ситуацию, соответствующую этому характеру.

2. Пересказываем эпизод, опираясь на репродукцию. Выделяем мораль.

3. Словесно дорисовываем данный эпизод так, чтобы получилась иная сказка. Сохраняем авторскую мораль или вводим свою.

II. 1. Чтение сочиненных сказок и обсуждение по следующей схеме:

— Похож ли созданный вами герой на героя из данного эпизода?

— Как зависит сюжет сказки от характеров героя и их поступков?

— На чем основан конфликт данного эпизода и вашего эпизода?

(Во время обсуждения учащиеся исправляют допущенные в речи ошибки, доказательно не соглашаются с теми или иными выводами, просят объяснить непонятное.)

Выводы по данному этапу работы:

— Легко ли сочинить интересную сказку? И что для этого надо?

— Надо быть очень интересным человеком, чтобы тебе было что рассказать, а для этого надо быть наблюдательным, добрым, уметь сопереживать.

Подводим итоги по уроку, листаем бортовой журнал, который велся по ходу урока.

Страница 1. Географическая

— Расскажите, что интересного и нового вы узнали о Дании?

— Почему мы путешествовали в Данию?

— Как нам могут помочь географические знания при изучении литературы? И конкретно, чем нам помогли географические знания о Дании в понимании творчества Г. Х. Андерсена?

Страница 2. Биографическая

— Как вы думаете, почему мы, приступая к изучению произведения или творчества писателя, всегда изучаем биографию? Нужно ли нам это? Помогает ли биография писателя понять произведение?

— Какой факт из биографии Андерсена вам понравился и запомнился больше всех? Как данный эпизод из жизни Андерсена воплотился в ваших сказках?

Страница 3. В мастерской писателя

— Понравилось ли вам сочинять сказку?

— В чем вы испытывали трудности?

— Думали ли вы, пока сочиняли сказку, чему она учит, какова мораль вашей сказки?

Денисова Ия Алексеевна
Кривошеина Валентина Александровна

5 КЛАСС СОВМЕСТНО С 1 КЛАССОМ

ТЕМА: *«В гостях у Коч Закара»*
(Из программы клуба «Коми край»)

Идея состояла в развитии у детей чувства уважения к традициям коми народа, расширении их познаний в фольклоре и блюдах коми национальной кухни. Мы стремились организовать различные виды деятельности (умственное, нравственное, эстетическое). Определили разумную долю самостоятельности детей при подготовке праздника, чтобы была создана ситуация успеха и радости для каждого ребенка.

Подбор материала, сценарий, изготовление необходимых костюмов и их элементов, блюд осуществлялись воспитателями совместно с детьми на доступном уровне трудности, соответствующем возрасту и степени развития учащихся 5 и 1 классов.

Поскольку данное мероприятие является лишь одним в общей системе подготовки и воспитания детей в интернациональных традициях уважения к человеку любой национальности, мы стремились пробудить интерес и желание ребят к саморазвитию и самопознанию в данной области.

В процессе урока развивали:

— *Мыслительные операции:* сравнение, обобщение, анализ, образование понятий, прием создания образов (при инсценировании традиционных для праздников сценок из коми легенд и сказок, заучивании материалов, сравнении традиций коми с другими народностями, формирование понятия «нация», «национальный», ответы на проблемные вопросы, оформление материалов на коми языке).

— *Психические процессы:* мышление (через мыслительные операции), развитие памяти, внимания, речи, восприятия, воображения, чувств (в проводимых народных играх,

— Похож ли созданный вами герой на героя из данного эпизода?

— Как зависит сюжет сказки от характеров героя и их поступков?

— На чем основан конфликт данного эпизода и вашего эпизода?

(Во время обсуждения учащиеся исправляют допущенные в речи ошибки, доказательно не соглашаются с теми или иными выводами, просят объяснить непонятное.)

Выводы по данному этапу работы:

— Легко ли сочинить интересную сказку? И что для этого надо?

— Надо быть очень интересным человеком, чтобы тебе было что рассказать, а для этого надо быть наблюдательным, добрым, уметь сопереживать.

Подводим итоги по уроку, листаем бортовой журнал, который велся по ходу урока.

Страница 1. Географическая

— Расскажите, что интересного и нового вы узнали о Дании?

— Почему мы путешествовали в Данию?

— Как нам могут помочь географические знания при изучении литературы? И конкретно, чем нам помогли географические знания о Дании в понимании творчества Г. Х. Андерсена?

Страница 2. Биографическая

— Как вы думаете, почему мы, приступая к изучению произведения или творчества писателя, всегда изучаем биографию? Нужно ли нам это? Помогает ли биография писателя понять произведение?

— Какой факт из биографии Андерсена вам понравился и запомнился больше всех? Как данный эпизод из жизни Андерсена воплотился в ваших сказках?

Страница 3. В мастерской писателя

— Понравилось ли вам сочинять сказку?

— В чем вы испытывали трудности?

— Думали ли вы, пока сочиняли сказку, чему она учит, какова мораль вашей сказки?

— Часто туристы, побывавшие в Копенгагене (а вы знаете, что наши десятиклассники тоже были в этом городе), отмечают красоту, уют, чистоту. Что же заставляет этих людей так относиться к своей родной земле? Конечно же, трудолюбие и уважение друг к другу и к своему делу.

И сказки Г. Х. Андерсена, и непосредственный контакт с этой страной заставляют нас задуматься о жизни и о себе, вызывая в нас желание стать лучше, добрей. И все то лучшее, что у нас есть, нести людям, родной земле.

Берегите эту землю, эти воды,
Даже каждую былиночку любя.
Берегите всех зверей внутри природы,
Убивайте лишь зверей внутри себя.

А убить зверя в себе, понять, где добро и зло, по какому пути в жизни идти, поможет чтение высокохудожественной литературы. И не просто чтение, а вдумчивое чтение.

Замысел писателя лучше будет восприниматься, если мы сами попытаемся на время превратиться в писателя.

Это наши первые попытки, и посему пойдем по наименее сложному пути.

Я зачитываю вам отрывок из сказки, вы включаете внутренний экран и представляете эту картину. Что бы вы хотели дорисовать? Можете использовать иллюстрацию к данному эпизоду.

Этапы работы над сказкой (по группам):

I. 1. Составляем словарь писателя к данном эпизоду. Рассматриваем репродукцию, находим соответствующий отрывок. Выписываем художественно-выразительные средства, помогающие описать данного героя. После работы над словом пересказываем данный эпизод, дополняя своими художественно-выразительными средствами. Смотрим, как изменился характер данного героя.

— Какие слова повлияли на этот процесс? Почему? Дорисовываем данный эпизод, вводя изменившийся характер героя, и создаем ситуацию, соответствующую этому характеру.

2. Пересказываем эпизод, опираясь на репродукцию. Выделяем мораль.

3. Словесно дорисовываем данный эпизод так, чтобы получилась иная сказка. Сохраняем авторскую мораль или вводим свою.

II. 1. Чтение сочиненных сказок и обсуждение по следующей схеме:

в соблюдении приемов гостеприимства, в выученных пословицах, стихах и песнях).

— *Индивидуальная работа.*

На занятии и при его подготовке мы учитывали индивидуальный подход при определении уровня сложности заданий, желания ребят, степени их самостоятельности и подготовленности.

— *Оформление:* — красочные пригласительные билеты; — визитные карточки на коми языке; — меню из национальных блюд и рецепты их приготовления; — традиционное для коми избы оформление гостевой комнаты (красный угол); —выставка картин и посуды из бересты и ивовых прутьев; — выставка книг об искусстве коми народа; — плакаты с коми пословицами, поговорками; — плакат-приглашение Коч Закара.

ХОД ЗАНЯТИЯ

В классе, который на время праздника превратился в парадную комнату деревенской избы, хозяева Огро Марпа (Вылегжанина Маша) и Коч Закар (Старцев Рома) — персонажи позаимствованы из одноименных стихотворений В. Савина и И. Куратова «Тутуруту Семо» — встречают гостей.

Соблюдая традицию, первыми в красный угол садятся почетные гости. За ними пятиклассники ведут за руки своих подшефных первоклассников. Затем садятся остальные гости.

Хозяева представляют гостей.

В национальном костюме выходит Ира Козлова. Она говорит о первом коми поэте И. Куратове и о том, что именно его стихи позволяют нам сегодня окунуться в атмосферу коми дома, где ждали гостей. Она читает стихи «У Закара».

Коч Закар, печник умелый,
Утром все покупки делал:
Сахар, чай, свечу купил
Да за пазуху сложил.
Ждет гостей наш Коч Закар:
Будет сам Отпи-Макар —
Медведей убил он тридцать,
Сам в кошачий мех рядится.

Лаптеплет Кась-Вась прибудет, —
С полуслова видят люди,
Как он мудр и деловит.
Будет Кельчипи — Париж,
Рыбьей чешуей осыпан,
Друг озерам и рекам,
Рыбой кормит всех,
Но сыт он не бывал ни разу сам.
...А за ним Руч Вань, Спиридон,
Петро — Ольош Герман,
Древний Еремей,
Сопрон здесь будет хилый,
Сборщик денег Власий,
Тощенький Гервасий,
Плотник наш Микаль унылый...
Люди лучшие придут.

Огро Марпа подхватывает Ирины слова и говорит: «Для наших дорогих гостей пятиклассники вместе с Александрой Михайловной и Ией Алексеевной приготовили коми национальные блюда.

Коч Закар представляет поваров — своих одноклассников. Начинается коми застолье, на которое, после предварительного ознакомления, выносят все новые и новые блюда.

1. «Шома капуста» — рецепт приготовления, оформление блюда, слова-приглашения — попробовать блюдо принадлежат Нисковской Елене.

2. «Пшаква» — грибной суп готовили Маша Вылегжанина, Ира Козлова.

3. «Сокъя тшак» — пюре с солеными грибами приготовил Булышев Андрей.

4. «Азя тыд» — кислая перловая каша с горохом — Валиулин Женя.

5. «Черинянь» (рыбник) — Пестова Алена, Козлова Ира.

6. «Сочон» — лепешки из картофеля — Кононенко Елена.

7. «Серкниа морс» — морс из репы — Власова Соня. (Рецепты блюд прилагаются).

Застолье в разгаре, но хозяева дома Огро Марпа и Коч Закар начинают развлекательную программу.

Огро Марпа: «Коми народ всегда славился своим гостеприимством, весельем, умением хорошо поесть и по достоинству оценить старание хозяев. Вспомните. А какие пословицы и поговорки, связанные с едой, вы знаете?

Ребята наперебой «сыплют» пословицы и поговорки на коми и русском языках. И тут же вместе ищут их правильный перевод. Вот некоторые из них:

«Тшыг синмыд лэчыд»
(Глаза голодного острые).
«Вытьюсь вывт он сёй»
(Сверх потребности не съешь).
«Шыд да рон — медбур вок»
(Суп до каша — пища наша).
«Кузь туй радейто сьокыд ноп»
(Длинная дорога любит тяжелую котомку).
«Гостылы сетан — кыйсьомон босьтан»
(На гостей израсходуешься — вернешь на охоте).
«Оз пась шонты, а нянь»
(Не шуба греет, а хлеб).

Воспитатель: Как вы думаете, почему коми готовили именно такие блюда?

Вариантов ответов много, но дети сами обобщили и дали самый верный: «Народ коми готовил блюда из овощей и злаков, выращенных на своем огороде. Из грибов и ягод, собранных в лесу своими руками. Из рыбы и дичи, зверья — добытых в парме.

Парма кормила, поила, одевала, давала витамины и лечила, поэтому они ее оберегали, заботились о восстановлении и чистоте».

Воспитатель: Посидели за столом, попробовали угощения, а теперь можно и повеселиться, посостязаться в уме и силе.

Пятиклассники и первоклассники встают в общий хоровод. Звучит коми песня «Паськыд гажа улича» с инсценировкой. Девушка — Таня Любимцева (1 кл.), парень — Игорь Антонов (1 кл.).

Воспитатель: Это коми народная песня. А о чем она? Кто поможет нам с переводом?

Сообща переводят.

Пока пели, воспитатель переоделась в сказочницу, затем предложила детям проследовать с ней в мир необычных загадочных сказок.

— Если вы отгадаете их, то поймете, чем же занимался трудолюбивый коми народ. Итак, слушайте, смекайте, отгадывайте.

1. Рубашка на рубашке, кофта на кофте, а иголка с ниткой не бывала. (Капуста).

2. Под землею птица гнездо свила, яиц нанесла. (Картофель).

3. Кругла, а не месяц, желта, а не масло, с хвостом, а не мышь. (Репа).

4. Алый сапог в земле горит. (Свекла).

— О чем говорят эти загадки? (Люди сажали овощи). Спросить Мишу Ч., Ваню Л. — умение обобщать.

5. Маленький, горбатенький, всю землю перерыл. (Плуг).

6. Клад положил, жемчуг снял. (Семена, урожай).

А еще чем занимались? (Пахали землю, сеяли хлеб).

7. Есть крылья, да не летает, нет ног, но не догонишь. (Рыба).

8. Свинина из-под елки. (Гриб).

А сказка ведет нас дальше, в мир детских игр и поведет нас туда девочка Настук, родная мать которой умерла, а жила она у тетки. Маленьких детей нянчила. А как играла с ними Настук (Соня Власова, 5 класс), сейчас покажет и расскажет.

Игра «Кеконач» на коми языке:

«Кеконач! Кеконач!
Видлам лжбны ми вот тадз!
Кеко лэбзис, лэбзис, лэбзис.
Сесся выло, выло лдбис,
Зари туглы юр вылас
Шлыв... пуксис».

Соня: На какую русскую игру похожа? («Ладушки»).

Воспитатель: Однажды тетя дала своей племяннице Настук большое лукошко — чуман и отправила ее в лес за ягодами (в роли Настук — Настя Цивилева, 1 кл.).

Воспитатель: Какие ягоды можно собирать в нашем лесу? (Бруснику, клюкву, чернику, морошку, землянику, голубику).

— А... ягоды-то вы любите и знаете, а отгадаете ли вы загадки про ягоды (загадывают дети 1 кл.).

1. Красная, сочная, растет в лесу на болоте (Клюква).

2. Была зеленой, маленькой,
Потом я стала аленькой.
На солнце покраснела я,
И вот теперь я спелая.

(Брусника).

Неожиданно появляется медведь (ош) и включается в игру «Ошкысь», которую проводит Алена Пестова (5 кл.).

В центр круга выходит Макаров Игорь (1 кл.) и читает считалку на коми языке:

«Отчыд мамо ньобис бот.
Кык лун видзи — с йо пот.
Модсо пачын сот».

Дети разбежались. Настук споткнулась и упала, ягоды рассыпались. Смотрите, как их много на поляне. А мальчик Фома (Сергей Болотов) стал помогать собирать, считая на коми языке до 10.

Из-за кочки, разминая уставшие ноги, появляется Ема-баба (Дима Шашков, 5 класс).

— А-а, Фома опять работает?
«Не взмахнешь топором
Ты ни вверх, ни вниз,
Был прилежным ты,
А теперь ленись,
Лежи на печи,
Обтирай кирпичи» —

эти слова как бы заколдовали Фому.

Воспитатель: Ой, кто это, из какой сказки? (Из сказки коми народа «Фома»).

Воспитатель: Неужели Емы-бабы все такие злые? Может, вспомните сказку, где Ема добрая?

(Сказка «Марпида-царевна». Ема дала Марпиде 3 пары котов, 3 яйца и тем самым помогла найти Пипилисто Сокола).

Ема-баба: Ладно, если кто-нибудь из гостей сумеет меня хорошо попросить, я, может, и расколдую Фому.

(Ема выбирает детей 1 класса, и они, придумывая слова и жесты, говорящие о добрых намерениях, проявляя чуткость к Еме-бабе, просят расколдовать Фому).

Ема-баба: Мне понравились ваши добрые жесты, слова, глаза, да вот беда, я забыла волшебные слова. Может, вы мне поможете?

«Эй, Фома, эй, лентяй — Ема-баба.
Быть ленивым кончай! — Дети хором.
Берись за топор — Ема-баба.
И ступай снова в бор» — Дети хором.

Фома встает и приводит Настук домой. Все обрадова-

лись, что девочка жива и здорова. Устроили праздник и начали веселиться.

Пляска с частушками. (Конкурс частушечников, на самого задорного и энергичного плясуна. Исполняются частушки на коми и на русском языках).

(Победителями стали дети из 1 и 5 класса).

Воспитатель: А теперь немножечко отдохнем.

Поиграем в скороговорки. (Шефы помогают первоклассникам сформулировать ответы).

1. Что возьмешь, ниточку или иголочку? Почему? (Маша Ч.)

2. Сахару кусочек или красненький платочек? Почему? (Игорь М.)

3. Что тебе дать, бобов или гороху? Почему? (Паша А.).

4. Гороху мешок или масла горшок? Почему? (Рома Т.).

5. Конь вороной или хомут золотой? Почему? (Настя Г.).

Воспитатель: Мый по бурлак зонъяс пукалоны чов. Кыскасьны хутам. (Перетягивание на палках). (Два шефа, два подшефных).

Ваня Л. 1 кл. — Рома Т. 1 кл.

Игорь С. 5 кл. — Олег С. 5 кл.

— В какой коми сказке герои, прежде чем биться, перетягивались на палках? (Пера-богатырь и Ворса).

Уна нин сернит м, он сьюлыштам (Много уже говорили, теперь споем).

1-й класс исполняет песню «Талун бара луныс лоо мича».

5-й класс поддерживает их в едином хороводе дружбы.

РЕЦЕПТЫ БЛЮД

Пшаква (суп грибной)

Сушеные грибы мелко нарезать ножницами, отварить, затем добавить мытую перловую крупу, картофель и жареный лук. Обычно подают со сметаной.

Черинянь (рыбник)

Обычный рыбник, только рыбы много. а тесто — по краям. Сверху кладут жареный лук.

Сочон (лепешки из картофеля)

Картофельное пюре размешивают с мукой. Делают форму лепешек, выпекают на противне в духовке (раньше — в русской печи).

Чужваа галат (брюква на солоде)

За неимением нужных продуктов мы сделали репу на клюквенном морсе. Репу нарезают на мелкие кусочки, тушат, а затем заправляют морсом.

Азя шыд
(перловая каша на кефире; чаще варят с горохом)

Перловую крупу и горох хорошо промыть; сварить до полуготовности на воде, затем налить кефир и доварить. Подают со сметаной.

Продукты: крупа перловая, горох, кефир, сметана, соль.

Сокъя тшак
(картофельное пюре с солеными грибами;
раньше заправляли соком конопляного семени)

Сварить картофельное пюре на воде или молоке. Соленые грибы мелко нарезать, положить в пюре и довести до кипения. Подавать с растительным маслом.

Продукты: картофель, соленые грибы, растительное масло.

* * *

Казалось бы, незамысловатое занятие оказалось значительным в воспитании детей коми.

Нельзя допустить вымирания коми культуры. Ее понятие и содержание необычайно широки. Выбор из нее проблем быта коми народа был сделан не случайно. Быстрее всего дети коми, оказавшись в русскоязычной среде, забывают элементы национального быта. Поэтому вполне правомерно занятие, включающее традиции гостеприимства, национальные блюда коми, застольные песни, пляски. Все это ввело детей в глубь быта коми народа, из которого они сами вышли и которого не должны забывать.

Совместное проведение занятия вместе с подшефными первоклассниками укрепило их дружеские связи.

Шамрикова Зоя Николаевна

2 КЛАСС

ТЕМА: *«Мир вашему дому» (Игра-путешествие по карте мира. «Дома в разных странах»)*

Проанализировав литературу и определив объем материала по теме, я обсудила с коллегами возможные варианты проведения занятия, затем выбрала оптимальный. Продумала задания конкретно для каждого ребенка с учетом его психических и умственных возможностей. Использовала желание и умение детей нашей группы конструировать, рисовать, лепить, делать модели костюмов. Открылась возможность попутешествовать по карте, по словарям, изучая неведомые слова и страны. Когда соединила все это воедино и выстроила сценарий, родилось и название «Мир вашему дому».

В процессе урока развиваются:

— *Мыслительные операции:*

а) сравнение (жилища в разных странах);

б) причинность (соответствие жилья и климата);

в) выбор (образ жизни и жилища);

г) перенос (вывод о нашем доме-интернате).

— *Психические процессы:*

а) мышление (при выполнении мыслительных операций);

б) развитие речи (рассказ о стране, образе жизни, доме);

в) воображение (в ходе всего занятия мы побывали в разных точках земного шара);

г) внимание (произвольное, непроизвольное по ходу занятия);

д) развитие добрых чувств к своему краю, дому.

— *Индивидуальный подход.*

Класс был разбит на творческие группы, они готовили макеты, костюмы, составляли рассказ и выбирали из своей группы, кто будет «защищать свой дом».

Следила, чтобы Ольга, Андрей, Вера, Петя принимали активное участие в работе своих групп.

Для развития памяти стихи учили и читали дети с плохой памятью.

— *Технология развивающего обучения.*

В ходе занятия ставились проблемные вопросы, ответ на которые рождался в процессе рассуждений.

Например:

Что такое теплый дом? (не в смысле физического тепла).

Какой дом можно назвать счастливым?

Нужно ли каждому человеку иметь свой дом? И почему?

Нужен ли дом животным?

— *Наглядное оформление.*

Макеты: дом на сваях, игла, домик-лодочка, яранга, дом на колесах.

Национальные костюмы, карта, плакаты с новыми словами.

ХОД ЗАНЯТИЯ

I ведущий: Мир твоему дому. Этими словами, перекрестясь на ворота, исстари на Руси благословляли жилище. Это был словесный оберег. Человек пытался уберечь свой дом и дом своих друзей от всех бед.

Воспитатель: Почему человек так дорожит своим домом? Зачем ему нужен дом?

Ответы детей. (Дом нужен, чтобы человек мог укрыться от холода и жары, от дождя и ветра).

II ведущий: А строить дома, точнее укрытия, для себя человек начал тысячи лет тому назад. Первобытные люди жили, вернее сказать спали, в неглубоких ямах в земле. Иногда под открытым небом, иногда укрываясь ветвями и хворостом. Устраивались на ночлег в густых кустарниках или лесных завалах, потом стали сооружать шалаши, хижины.

Вид жилища в древности зависел почти полностью от природных условий, в которых человек жил, от строительных материалов, что были доступны.

Устройство жилища зависело от опасностей, с которыми человеку приходилось сталкиваться. Например, люди, проживающие в теплом, влажном климате (в Африке), и по

сей день предпочитают жить в домах из травы и соломы, из бамбука и листьев вьющихся растений.

А жилище степей, где лесов мало, строили из глины. А кто жил в лесу, конечно, из бревен, проконопаченных мхом.

У каждого свой дом, свой угол... Но время шло... люди учились строить дома не только из того материала, что под рукой лежит, а придумывали новый строительный материал: крепкий, прочный, удерживающий тепло и не пропускающий жару и холод.

Например, в Египте открыли секрет кирпича (его даже глазурью покрывали).

Воспитатель: Ребята, сегодня мы проведем игру-путешествие по карте «Дома в разных странах».

«МИР ВАШЕМУ ДОМУ».

(Слышен шум ветра (у-у-у)

I ведущий: Прислушайтесь... воют холодные ветра. Мы с вами на Крайнем Севере (в Арктике). Все покрыто снегом и льдом. Здесь живут эскимосы. Как вы думаете, ребята, какой тут лучше построить дом? (Ответы детей). А почему? (обосновывают).

— Правильно, тут мы построим снежный ледяной дом (иглу).

II ведущий: Посмотрите, какая эскимосочка вышла.

Эскимосочка: Добрый день, проходите в мой снежный дом! Мой дом — из снежных кирпичей, с окнами из кусков речного льда. Чтобы было тепло, мы зажигаем плошки с тюленьим жиром, покрываем пол и стены звериными шкурами.

II ведущий: Спасибо! Но нас уже ждет следующий дом.

Все: Мир вашему дому!

I ведущий: Теперь мы в далекой тундре. Ледяной мир Чукотки. Пастухи, что со стадом оленей кочуют, и охотники живут в ярангах!

— Ребята, какой из наших домов называется ярангой? (Дети показывают, достраивают и описывают.)

(Ведущий ставит ярангу вместе с детьми на карту.)

Стихотворение «Как построить ярангу?»

1. Как построить ярангу?
Попробуйте — это не трудно!

Вот подсохнет на солнце
За лето холодная тундра,
Привезу я для Вас
Из тайги деревянные жерди —
Шалашом их поставьте
И сами на прочность проверьте.
2. Чем ярангу покрыть?
Тут железо совсем не годится.
Ни к чему и солома.
Холодна и тверда черепица.
Только шкуры оленьи,
Что сшиты надежно иглою,
Защитят вас в яранге
От снега и стужи зимою.
3. Где же, спросите, спать?
Спят в яранге
На нартах вдоль стенок,
Спят под шкурой оленьей.
4. Печка здесь не нужна.
Посередине костер разложите,
Да следите за ним,
Да дровами получше кормите.
5. Жить в яранге такой
Вам понравится, честное слово!
Заходите скорей:
Хлеб да соль Вам!
Яранга готова.

I ведущий: Спасибо за приглашение, но впереди у нас еще дальний путь.

Все: Мир вашему дому!

II ведущий: Видите, ребята, одному нужен крепкий дом из льда, надежно прикрепленный к земле, другому дом, который можно сложить и перевезти...

— Многие народы кочевали в поисках мест для охоты или пастбищ для скота.

В пустыне Сахара кочевники живут в шатрах, изготовленных из выделанных козьих шкур. Приподнимая в нужном месте шкуры, кочевники впускают в шатер свежий ветерок. Шатры — это дома на колесах.

II ведущий: А вы видите среди этих всех домов дом на колесах?

Дети: Да!!! Спасибо! Мир вашему дому!

I ведущий: Мы идем дальше по нашей карте. В Юго-Восточной Азии, где живет очень много народа и не хватает земли для построек, люди поселяются даже в лодках, кото-

рые называются джонками. В них живет вся семья. Даже на рыбную ловлю в море плывут все — и маленькие дети и старики.

Вы уже догадались, здесь мы поставим домик на лодочке. А сами отправимся в Новую Гвинею, узнаем, как выглядит дом у папуасов.

Здесь очень жарко... душно... бывают частые наводнения.

— Как вы думаете, какой им дом лучше подойдет?

Дети: Дом на сваях.

(Выходит папуас. Жестикулирует, говорит на непонятном языке.)

Переводчик: «Мы строим хижины из бамбука, покрываем пальмовыми листьями. Ставим высоко над землей, чтобы не бояться наводнений и хищников».

Воспитатель: Ребята, в наших местах встречаются дома на сваях?

— Да, поселок Заречье, что около парка на другом берегу. Весной в разлив дома заливает вода. Мостовые делают на высоких сваях. Передвигаются по поселку на лодках.

Дети: Мир вашему дому!

Повсюду в мире в наши дни, где есть большие города. существуют высотные здания.

Стихотворение о высотных домах

Так родились чудеса:
Дом — цветок лотоса,
Дом — раковина,
Дом — улей,
Дом — звезда
И фантастический город
Из этих домов.

(Эдуардас Межелайтис)

Чтобы построить большое количество помещений на небольших участках земли, стало необходимо строить высокие здания — их называют небоскребами.

II ведущий: Почему мы теперь можем построить такие высокие дома, как вы думаете?

(Ответы детей):

— Появились новые строительные материалы: железо, сталь, бетон. Теперь жилище человека стоит на крепком фундаменте.

Воспитатель: Фундамент? Вспомните, что это такое? (Мы с вами ходили на экскурсию на стройку. Что мы там видели?)

Строители начали строить дом, прежде чем строить дом, нужен фундамент.

— Фундамент — основа любого дома, т. е. основание, служащее опорой для стен здания.

I ведущий: Стены у такого дома прочные, хорошая крыша... Тем, кто живет в таком доме, не нужно бегать за водой к реке или к колодцу — есть водопровод, не нужно топить печи — есть газ.

Люди строят красивые города всюду, даже первые подводные дома уже опустили на морское дно; и каждый человек, где бы он ни жил, на Севере или в пустыне, в лодке или в коттедже, бережет свой дом, старается сделать его красивым, уютным, добротным.

— Дома, как люди, рождаются, живут, болеют, стареют...

Самыми долговечными оказались постройки из камня. До наших дней сохранились дома и храмы, построенные несколько тысячелетий назад. Они нам рассказали о нашей истории; о людях, которые жили давным-давно, то есть дома — это еще и наши учителя истории.

— Ребята, мы с вами ходили на экскурсию в 3-ю школу, где познакомились с убранством коми избы. Пройдем в нашу коми избу и вспомним, о чем нам рассказал этот дом?!

(Рассказы детей).

II ведущий: А еще говорят в народе, что каждый дом имеет свою душу, своего домового. И каков хозяин, таков и домовой. Добрый, щедрый хозяин — и домовой такой, если злой, скупой — то и дом пустой, без песен, сказок и загадок, без души и ласки, без веселья и сказки. (Выходит домовой Агроша).

— Добрые, милые гости! Теперь порадуем мы вас нашей песней. (Песня народная).

Джуджыд керосын
Гажа порысын
Отнас важ керка
Сулало дыр.
Юсянь зэв ылын,
Сиктсянь вель ылын,
Сомын тыдало вор
Дасьод мыр.
Одинокий дом

Виден издали.
И красуется он у реки.
Заросло все мхом
И дороги нет.
Не проехать к нему,
Не пройти.

Хозяин: «Вы любите отгадывать загадки?»

— Марья и Дарья смотрят друг на друга. (Пол и потолок).

— Четыре брата живут под одной крышей. (Стол).

— С четырьмя рогами, с двумя животами, а не живой. (Подушка).

— На день по разу ест. (Печь).

— В сенях ходит да в избу заходит. (Дверь).

Домовой Агроша: Мы побывали во многих домах. Везде нас встречали люди с добром и лаской. И в каждом доме свое тепло.

— А какой же дом для нас с вами, ребята, самый теплый, самый добрый, самый уютный, самый родной, самый-самый любимый? Может, дом, где живут папуасы, может, дом, который на колесах?

Дети рассказывают о своем доме.

(Из чего он построен (кирпич), год постройки 1956, дом красивый, уютный, теплый, его надо беречь, содержать в чистоте и порядке...)

Мир нашему дому!

* * *

Данное мероприятие эффективно с точки зрения развития детей и возможностей приобщения к его проведению каждого ребенка в зависимости от индивидуальных возможностей и способностей.

Подбор материала и форма его подачи, с элементами театрализации, создали ситуации успеха практически каждому участнику, позволили заострить внимание на развитии речи, памяти, воображения. Порадовало, что дети сумели сделать перенос на дом, в котором они живут, и нашли много теплых, добрых слов о нем, что важно для развития чувств и эмоциональной сферы ребенка, дефицит чего мы постоянно ощущаем в наших воспитанниках. И, конечно, расширение кругозора, особенно на этапе подготовки к занятию, развитие умственных способностей.

Гилева Раиса Александровна

СТАРШАЯ ГРУППА ДОШКОЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ТЕМА: *«Веселая ярмарка. Роспись дымковской игрушки»*

Уже много лет я работаю с глиной. Обучаю детей, как изготовить дымковскую игрушку, поэтому я решила провести авторское занятие по этой теме. Выбрала нетрадиционную форму занятия — ярмарка. Разработала дидактические игры по теме: «Составь игрушку», «Найди ошибку».

В занятии интегрировались развитие речи, музыкальное воспитание, ИЗО.

Развивались:

— *Мыслительные операции:*

а) сравнение и обобщение (дидактическая игра);

б) умозаключение (определили, для чего мы делаем игрушки);

в) классификация (определение типа игрушки);

г) создание образов (скоморохи, художники).

— *Психические процессы:*

а) память, внимание, речь (рассказ в стихах о веселой ярмарке);

б) мышление, восприятие (дидактическая игра);

в) воображение (роспись игрушки).

— *Индивидуальный подход:*

— на развитие речи;

— разный уровень сложности (сильные ребята расписали более детально и правильно);

— ситуация успеха.

— *Наглядность:* расписной домик, прилавки с игрушками. Стены украшены рисунками дымковской игрушки. На детских столиках игрушки без росписи.

(Входит воспитатель и дети, одетые в костюмы дымковских игрушек.)

— Дети, вы были когда-нибудь на ярмарке? Что такое ярмарка?

— На ярмарке продают овощи, фрукты, катаются на каруселях, покупают разные товары, смотрят представления веселых скоморохов. Свое мастерство показывают народные умельцы.

— А вы хотите на ней побывать?

— Хотим!

— Для этого надо посчитать до 10. Закроем глазки (считать вместе).

— Вот мы с вами и попали на удивительную, красивую, праздничную ярмарку.

Открывают ярмарку «ложкари». (Выступают дети из школьного ансамбля «Радуга»). Звучит мелодия «Камаринская».

Воспитатель вместе с детьми обходит прилавки: «А товару-то здесь сколько! И ложки хохломские, и подносы, балалайки, дымковские игрушки, веселые матрешки. Красота-то какая!»

Звучит русская народная мелодия.

— А где же наши веселые скоморохи?

Выходят 3 скомороха.

1-й скоморох Ваня Паршуков начинает кувыркаться, а затем «играет» на баяне, потом скачет на козле и читает:

Грох, грох, грох!
На козле скоморох.
Надо спешить,
Чтоб народ смешить!

2-й скоморох Юра Амосов «играет» на балалайке, а потом «плавает» на рыбке и поет:

Балалаечник на рыбе,
Он играет трень да брень.
На нем шапка набекрень,
Балалайка трень да брень!

3-й скоморох Витя Чувьюров «играет» на дудочке, танцует:

Яша-дружок играет в рожок
Сидит на спинке у свинки.

Воспитатель: Веселая ярмарка!
1 ребенок: Чудесная ярмарка!

2 ребенок: И товар продадите.
3 ребенок: И себя повеселите.
4 ребенок:

Собирайся, народ,
Вас веселая ярмарка ждет.
Много песен, много шуток
И веселых прибауток.

Дети хором:

Вы товар свой предложите
И о нем все расскажите:
Кем он сделан, из чего?

5 ребенок:

Ай да кукла,
Ай да Маняша,
Невиданное чудо,
Невиданное диво.

6 ребенок:

Есть ниточки!
Есть катушечки!
Приходите покупать,
Девки-душечки!

7 ребенок:

Ай да птичка,
Сама летит,
Сама свищет,
Сама покупателя ищет.

Воспитатель: На ярмарке в расписном домике работает чудесная мастерская «Дымка», в нем художники-мастера. А среди вас есть художники?

— Да!

— Но, чтобы попасть в эту мастерскую, надо выполнить 2 задания.

1 задание: «Собери игрушки из отдельных частей без образца» (по группам).

ОЛЕНЬ

Стоит олень
На стройных ногах,

Вся краса
У оленя в рогах!

НЯНЯ

В кокошнике няня,
На руках Ваня,
И хорош,
И пригож.
Скоро, Ваня, подрастешь?

ХОЗЯЮШКА

Хозяюшка-молодушка,
Что за работница!
Обо всем заботится,
На всякое дело годится,
Что за молодица!

Ярмарка закрывается. Дети уходят.

* * *

Занятие можно назвать праздником для детей. Яркое оформление, нарядные костюмы на детях и воспитателе, ансамбль ложкарей, красочное оформление комнаты, звучание народной музыки, стихотворные тексты — все это создавало ощущение праздничности. Детям было весело, интересно. Интеллектуальные задания оказались вполне доступны детям, хотя не были лишены элементов трудности. Раскраска игрушек кончиком кисти явилась средством развития руки ребенка. Самостоятельность в подборе цветов красок содействовала становлению эстетического вкуса у детей. Чувство успеха испытали все дети.

Верижникова Валентина Семеновна

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ГРУППА ДОШКОЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ТЕМА: *«В лесу и на огороде», «Град выв пуктасъяс», «Ворса сотосъяс»*

После изучения темы «овощи» решила, что интересно будет провести это занятие на коми языке, чтобы дети запомнили, какие овощи растут на северной земле, чем богаты леса, что дают они людям. С этой целью составила сценарий (содержание, оформление, выбор и изготовление национальных костюмов).

— *Комплексность:* объединение развития речи на коми и русском языках, ручной труд с берестой, музыкальное занятие.

— *Мыслительные операции:* сравнение — дети сравнивали и делали обобщения по растениям, которые растут на грядках и в лесу. Выявляли общее и различное. Классифицировали растения по соответствующим группам. Читали (названия растений) и делали выводы. Выбор присутствовал на протяжении всего занятия: ребята должны были выбрать самый оптимальный вариант и объяснить, почему они считают его самым удачным. Таким образом создавались предпосылки перехода к рефлексии.

— *Психические процессы:*

а) память (воспроизведение выученных загадок на коми языке);

б) речь (загадки, пословицы, поговорки, ответы на поставленные вопросы);

в) мышление (нахождение правильного решения);

г) воображение (при решении задач по сказкам, отгадывание загадок).

— *Индивидуальный подход:*

Сильным детям были даны задания усложненного типа.

Детям с ослабленной моторикой рук и вновь прибывшим оказывалась помощь во время самостоятельной работы.

С детьми с ослабленной памятью и речью проводились занятия опережающего характера.

— *Новая технология развивающего обучения:*

Создавались проблемные ситуации, когда дети больше думают и рассуждают. Пытались использовать элементы модуля сложной коммуникации. Создавались предпосылки перехода к рефлексии.

ХОД ЗАНЯТИЯ

(Ваня Королев играет роль деда.)

— Зонъяс, нывъяс петой татчо, чомор он лоас! Чомор! Чомор!

Воспитатель:

— Тэ, дед, пуксьы да видзод нывкаяс да зонкаяс выло, гажа од чоморыд кыло.

(Выходят дети и играют на коми народных инструментах.)

Ваня М.

— Мый тэ косьян -сійо эм!
Со картупель, со морков,
Со капуста, со свекла.

Катя К.

— Со лук, чоскыд лук
Кабачок — паськыд бок.

Воспитатель:
— Челядь, а ті тоданныд нодкывъяс?

Ваня М.

— Сійо быдмо шоныдінын,
Кодзыдысь поло, турунвиж,
А толын - сола. Мый тайо? (Огуреч)

Юра Г.

— Град вылын быдмо, юмов, горд.

Мый тайо? (Морков)

Андрей Ш.

— Сійо нянькодь жо коланатор,
супо пуктоны, и салато,
и шаньгаяс пожалоны
Мый тайо? (Картупель)

Отто П.

— Витаминыс сыын уна,
Курчан — синва пычкас друг.
Уна вологао муно, тайо дерт жо
град выв пуктас. Мый тайо? (Лук)

Руслан Х.

— Се паськом да ставыс кизьтом.
Мый тайо? (Капуста)

Воспитатель:
— Челядь, вай капустато пуктам пуны пач выло.

Инсценировка песни «Урожайной»

1. Кутшом челядь молодечьяс,
Чукортоны огуречьяс.
Чоскыд серкни, капуста,
Морков быттьо невеста.
Ой-да, ойда-да — морков быттьо невеста.

2. Кыз кынома кабачок
Эн дышодчы, вай жо лок
Куйломыд тэ ена дыр
Коризинао вай жо пыр.

3. Мунам, мунам горто вай,
Ыджыд машинао кай
Воротато восьталой
Чоморны паныд петой.

Воспитатель: — А коді тіян пиысь пословичато тодо?

Женя П. — Арся лун во чож вердо.

Воспитатель: — Кто из вас переведет пословицу на русский язык?

— Осенний день весь год кормит.

Воспитатель: — Объясните, почему в народе так говорят?

(Ответы детей).

Воспитатель: — Посмотрите внимательно на нашу выставку. Что вы видите?

(Это овощи).

Воспитатель: — А что общего между ними?

(Растут на грядках. Выращивает их человек).

Воспитатель: — А чем они отличаются?

(Цветом, формой, вкусом).

Оля А.

— Чоскыд, небыд колач!

Пирогыс, быттьо мач!

А сочоныс пось!

А чериняньыс чоскыд, чоскыд!

Сергей А.

— Ставныд локтой!

Сергей П.

— Паньто босьтой.

Вилной чоскыд сеянтор!

(Важно ходит дед, в руках держит корзину).

Воспитатель: — Дед просто оз ов. Мыйко вузало со. Мый но сэтшом тшап? Корзинаад абу-о тшак?

Дед: — Тшак, тшак!

Дети: — Татшом ворад тшакыд эм?

Дед: — Татшом ворад тшакыд тшэм.

Дети: — Донаысь-о вузалан?

Дед: — Лыдьысьныто кужанныд?

Дети: — Кужам! Кужам! Ласьой поль, 1 — оти, 2 — кык, 3 — куим, 4 — нель, 5 — вит, 6 — квайт, 7 — сизим, 8 — кокъямыс, 9 — окмыс, 10 — дас, пес чипас!

Дед (смеется): — Тырмас! Босьтой ставнас корзинанас!

Дети: — Ыджыд аттьо!

Отто П. — Ньоби гынком да молот! (отдает деду валенки. Дед надевает валенки).

Дед: — Аттьо челядь! Оні толысь ог пов.

Кывбуръяс: — Коко, коко которт, ыджыд айыс ордо, ыджыд мамыс ордо, вежайыс ордо.

Дед: — Ньоби молот, оз ло шог, киыд ко уджало. Отчыд оз артмы, модысь оз артмы, а коймодысьыс артмас.

Работа с поговорками

Оля К. — Удж мортто потосто, а дышлун — портито.

Воспитатель: — Как вы понимаете пословицу? Переведите на русский язык.

— Труд человека кормит, а лень портит.

Катя Х. — Делоыд мастеровойсьыд поло.

— Дело мастера боится.

Воспитатель: — А оні челядь видзодламо, коді оло пемыд ворын. Кодко со локто.

Нодкыв: — Ветло тапикасьо вород, сійос быдон оз на вород. (Медведь, — ош).

(Выходит из «лесу» «медведь» — шеф из 4 класса Владик).

Владик: — О-о-о! (Ылын кыло ошлон шы. Пето тапикасьо ош, зэв скор, дзебсьо мыр сайо).

Воспитатель: — Очень сердитый медведь, давайте, дети, споем ему песню, может, он станет добрее.

Сьыланкыв:

1. Пемыд ворын, сьод вор шорын
Ветло шойто ош.
Муна вород, ачым дзора —
Мед эсько ог кош.

Ок и ена пола-а-а!
Весиг ог и лолав-а-а!
Ворад коді поло
Ошкыд паныд воло (2 раза).

Воспитатель: — Ну как? Понравилась тебе песня, Мишутка? Лицо довольное стало, повеселел, подобрел. (Мишутка уходит).

Воспитатель: — А оні видзодлам, мый быдмо миян гажа ворад. Хотите вы попасть в этот волшебный лес?

Дети: — Да!

Воспитатель: — Если решите сказочные задачи, то обязательно попадете. Давно мы знаем эти сказки. А задание такое: помогите героям сказок остаться целыми и невредимыми.

(Вопросы по сказкам «Курочка ряба» и «Колобок» с опорой на наглядность).

Воспитатель: — Как сделать, чтобы яичко не разбилось? Хотя мышка все равно пробежит и хвостиком махнет по яичку.

Дети:

1. Положить его на тарелочку.
2. Накрыть яичко чашкой.
3. Выдолбить в столе ямку и туда положить яичко.

4. Сделать стол вогнутым — оптимальный вариант-реконструкция.

5. Кошки.

Воспитатель: — Действительно, трудно придется мышке в такой ситуации. Все вы молодцы! Золотое яичко не разбилось. Дед и баба довольны. Аналогично идет работа по сказке «Колобок» (Как его спасти).

Воспитатель: — В лес попасть не так уж просто. Много рек и болот впереди. Слева — река, она потемнела, но еще не совсем замерзла. Справа — болото. Очень необычное наше болото. Сыро, холодно, поэтому ходить надо по кочкам. Если встретится клюква, то нужно собрать по пути. Выберите дорогу, по которой вы пойдете в лес — по реке или по болоту. Найдите необходимый вам материал для перехода. Посоветуйтесь, как лучше перейти. Предлагайте свои варианты.

— Найдите самый подходящий переход по реке.

(Размышления детей)

1. Переплыть. — Уже вода холодная.
2. Построить мост. — Долго, река довольно широкая.
3. Мастерить быстро плот?
4. Может, лучше у кого-то попросить лодку?

Воспитатель: — Что нам больше подойдет?

Дети: — Переплыть на лодке.

Воспитатель: — Наконец-то попали в лес! Что вы увидели в лесу?

Дети: — Разные ягоды растут, грибы растут.

Чтение столбиков слов на коми языке:
«Ворса вотосъяс».

1. Чод — черника,
2. Пув — брусника,
3. Турипув — клюква,
4. Сэтор — смородина,
5. Мырпом — морошка,
6. Тшак — грибы.

Поговорки:

Воспитатель: — Вор вердо и шонто мортто. (Лес кормит человека и обогрест. Почему так говорят?)

Дети: — В лесу можно собрать ягоды, грибы. Из деревьев можно заготовить дрова на зиму. Будет тепло в доме.

Воспитатель: — Обратите внимание, какое слово не подходит? (тшак).

Воспитатель: — Сравните овощи и растения, которые растут в лесу. Что общего между ними? В чем различие? Попробуйте сделать выводы.

Дети: — Это растения. Для их роста нужны: солнце, тепло, воздух и вода. Только овощи выращивает человек на грядках, а лесные ягоды и грибы растут сами. Им помогает природа. Одни растения культурные, а другие дикорастущие.

Воспитатель: — Молодцы! Сколько нового увидели и узнали в «лесу». Обратно пойдем домой и прихватим с собой бересту (кырсь по-коми). Она нам пригодится в нашей лесной мастерской для изготовления различных изделий. Посмотрите на вторую выставку. Это изделия из бересты. Среди коми было много народных умельцев, которые с давних пор изготавливали разные изделия: народные инструменты, украшения, посуду. Я вас приглашаю в лесную мастерскую. Выберите себе изделие, которое бы вы хотели самостоятельно сделать. Берите соответствующие заготовки и работайте.

(Каждый выбирает ту работу, которая ему по душе.)

В конце занятия обыгрываем народные инструменты: шуршар, чипсан, в хороводе «Зиль-зель».

Заканчивается занятие и начинается чаепитие с блинами. По коми обычаю приглашают обязательно и всех гостей, которые присутствовали на занятии.

* * *

Занятие было построено на базе коми фольклора. Загадки, пословицы, поговорки, песни, хороводы — все это было взято из творчества и обычаев коми народа. Кроме того, дети познакомились с нравственными аспектами коми национальной культуры. Это и традиции уважения к старшим, друг к другу, и забота о малышах, и радость от проявленной доброты к ближним.

Ощущению истоков коми национального быта помогло оформление занятия: уголок коми избы — пач, зыбка, акань, вольос, печкан, сулок, рос, мыссяндоз и др. Кроме того, с детьми были подготовлены две выставки: коми выпечки, ягод и изделий из бересты.

Дети были радостны, ощущали успех и удовлетворение от занятия и от своих знаний родного языка.

ПАМЯТИ КАТОЛИКОВА

О нем помнят не потому, что он ушел от нас недавно.

О нем вспоминают не потому, что иные люди, вспоминая о личном знакомстве с крупным человеком, сами тешат себя тщеславной надеждой стать крупнее.

О нем помнят и вспоминают люди, для которых незнакомство с Александром Александровичем Католиковым было бы огромной личной потерей.

Все воспоминания — посмертные.

Кроме статьи профессора Сталя Анатольевича Шмакова. Она написана при жизни Александра Александровича Католикова. Но прочитать ее он уже не успел — жизнь оборвалась.

Но все-таки именно этой статьей, вопреки хронологии, мы завершаем подборку воспоминаний: конечно время биологическое, времени духовному — нет конца.

«ЖИЗНЬ КОРОТКА. СПЕШИТЕ БЫТЬ ДОБРЫМИ»

Именно эти слова А.А. Католикова — на стене школы его имени.

Он всегда спешил. Он очень спешил делать добро.

Я увидела его впервые 19 мая 1972 года — была тогда студенткой выпускного курса педучилища. Мне поручили поздравить с юбилеем пионерской организации директора Дворца пионеров А.А. Католикова. Но предупредили: человек он необычайно строгий, так что смотри...

Влетаю я в кабинет, салютую, вручаю приветственный адрес. И вдруг встает огромный человек, он показался мне дедушкой, потому что встал, опираясь на палочку, и говорит: «Постой, пигалица!» И вручает мне букет тюльпанов. Прибегаю в педучилище: вы знаете, какой это дедушка! У него такие молодые, озорные глаза! «Дедушке» было всего 30 лет...

В школе-интернате каждый четверг мы ждали, как праздника, потому что знали: Александр Александрович обязательно придет на наш вожатский семинар, и обязательно будет что-то необычайно интересное, что-то такое, что всех нас не только развеселит, но даст на следующую неделю путеводную звезду для работы с пионерами. Поражало его всевидящее око. Помню такой случай: мы пришли на конкурс знаменных групп, у нас прекрасная знаменная группа, форма хорошая — мы в порядке! И вдруг Католиков подходит к моему знаменосцу Сергею Керамову и говорит: «Что же ты, мужик, в разных шнурках пришел?» Стыдно было до ужаса. Но Александр Александрович сам дал Сергею шнурки, посмотрел и говорит: теперь порядок.

С первых встреч родилось чувство восторга, восхищения этой неординарной личностью. И какова же была моя радость, когда 10 июня 1973 года Александр Александрович приехал в интернат и сказал: я буду у вас директором.

А интернат тогда был совсем другой. Это были огромные, на двадцать человек, спальни, как казармы, на этаж одна игровая, общая для двух больших классов: в классах было по 38 человек. Один телевизор на всех воспитанников, за который была драка постоянная. Были побеги, пьянство старшеклассников, курение. Атмосфера жуткая! В окнах вместо стекол фанера — настолько был бедным интернат! В лагере всего три здания, без пристроек, маленькая столовая — дети питались в две смены.

Александр Александрович сразу сказал: не могу смотреть на вторую смену, не могу видеть голодных детей. С этого и начал — с пристройки к столовой. Для него было очень важно, чтобы дети чувствовали себя комфортно, чтобы были всегда сыты.

И еще: тогда в лагере был столб, который служил единственным аттракционом по метанию колец. Александр Александрович водил меня по лагерю и говорил, очерчивая своей палкой: здесь будет дендрарий, здесь линейка, не хуже, чем в «Орленке», здесь поставим беседку и будем петь песни, а тут построим эстраду с хорошей акустикой, чтобы оркестр хорошо был слышен.

Не было у нас тогда никакого оркестра, все было в мечтах Католикова.

Он собрал ребят и сказал: хотите жить лучше? Конечно, те сначала молчали. Но когда он нарисовал такую яркую перспективу радостной, лучшей жизни, ребята загорелись. И загорелись не просто так, а потому что он сказал: есть одно условие, чтобы жизнь нашу сделать лучше — надо, чтобы мы все работали вместе.

Я считаю, что это самое высшее чувство доброты Александра Александровича. Не мог он допустить, чтобы дети продолжали жить в бараках, чтобы питались в две смены. Он бурно вошел в нашу жизнь и всех взбудоражил. Начали формировать бригады. Мы даже не знали, что такое настоящая бригада. Были пионерские звенья. А он сказал, что нужны трудовые производственные бригады: столяров, строителей, цветоводов и т.д. Параллельно шла работа на нескольких объектах. И, конечно, главным объектом была работа по капитальному ремонту интерната, он ни одного дня не мог терпеть, чтобы дети продолжали так жить. Шла работа по закладке новой линейки, красивой линейки, такую линейку можно было видеть только в центральных лагерях. Шла работа по строительству пристройки к столовой, нового клуба, и все это было одновременно. Мы не заметили, как пролетело первое лето, трудовое лето. И за это лето мы даже удивились, что смогли сделать руки детей вместе со взрослыми. Мы закончили линейку, и последнее закрытие лагеря было на нашей праздничной линейке. Мы дерн привозили со всех полей, самые лучшие цветы собирали при участии Лии Васильевны Плаксиной и самого Александра Александровича. Он был зажигателем всех-всех наших дел, он постоянно был рядом. И мы удивлялись: как он успевает — и в городе, и в лагере. Жизнь закипела ключом, не стало скучных глаз.

Кончилось лето, начался учебный год. Корпус не завершен. Решался вопрос: куда деть младших детей? Расформировали младших детей по всем интернатским учреждениям, а старшим была поставлена задача: закончить строительство. И когда отправляли шестиклассников в другие интернатские учреждения, они плакали, хотели тоже помогать строить.

И видите — построили. И это останется с нами и в нас.

Лидия Камелина, старший воспитатель школы имени А. А. Католикова

Запись Тамары Горелик

ОН НЕ ЛЮБИЛ ВЫСОКИХ СЛОВ, НО О НЕМ МОЖНО ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО ВЫСОКИМИ СЛОВАМИ

Когда я пришла в интернат, об Александре Александровиче не знала ничего. У меня дочка работала в пионерлагере на педпрактике, я приехала ее навестить, увидела этот лагерь, весь в цветах, и сказала себе: всё, я приду сюда работать.

А до этого была воспитателем детдома. Пришла к Католикову, он проницательно на меня поглядел, говорит: в сентябре начинаем. Первый мой рабочий день был без детей: я ходила по интернату и было впечатление, что здесь какая-то одна семья. Для меня это очень важно: я выросла в огромной семье, на селе, очень дружной семье, нас было десятеро детей. Между прочим, о нашей семье Александру Александровичу рассказывали, и ему было очень интересно. Он вообще считал, что большая семья — это счастье. И сам все время руководил большой семьей...

Меня он сразу поставил в большой класс — 34 человека, восьмиклассники. И спустя какой-то месяц чем-то там ребята провинились. А мне захотелось их защитить, я пришла к нему в кабинет и очень храбро сказала: зря вы на них говорите, они хорошие. Он был очень удивлен. И обрадован. Он больше всего любил, когда защищают детей, вообще он любил детей и стариков и всегда им помогал.

Я сегодня шла мимо интерната, и было такое состояние опустошенности! Его там нет, он не придет, он не встретит детей. И такое состояние в лагере. Я только вчера вернулась со смены, была целый месяц. Такое же состояние опустошенности и у детей. Они хотели все время находиться около него. Этот человек обладал не просто энергией, огромной положительной энергией, он обладал удивительным свойством неравнодушия. Около него все крутилось, вертелось, заводилось, если он смеялся — смеялись все, если он мрачнел — мрачнели все.

Утром, когда дети шли в школу, он садился при входе, там, где переход из интерната в школу, и они невольно подтягивались, поправляли галстуки или мчались обратно, если что-то было не в порядке, — неудобно перед Сан Санычем! Малыши льнули к нему, старшие проходили как мимо своего Бати. И мне кажется, особенно тяжело переживают потерю выпускники. С его именем связано так много в интернате, даже такие мелочи, как создание денег, обыкновенных денег, наших внутренних. Знаете, как их называли дети? «Александрийки». Значок агрошколы — им казалось, что это «клюшка Сан Саныча», смотрите, вот же клюшка Сан Саныча... В общем, все вертелось около него. С ним было трудно, да, часто бывало трудно, но с ним всегда было интересно.

Мне вообще в интернате было всегда интересно, интересно работать с детьми, хотя трудная это работа, неблагодарная. Их корни, нездоровые корни отражались на будущем ребят. Да и Сан Саныч, вкладывая такой невероятный труд, невероятные силы, можно сказать, сверхсилы, наверное, мучался от того, что результат получался порой не тот, что хотелось. Но с другой стороны... как много значит, когда дети ждут тебя, надеются на тебя, и особенно на него, когда пишут такие трогательные письма. Хотелось работать и работать. С Католиковым хотелось работать всегда. Сильный человек рядом, да еще такого масштаба — это всегда очень обязывает. Как-то невольно подрастаешь возле него. Он не терпел равнодушия, ненавидел равнодушие. Что угодно, только не равнодушное отношение к детям.

Не все могли работать в таком ритме, в таком темпе и с такой самоотдачей. И уходили. Может быть, с обидой уходили. Но мне кажется, потом, взвесив, ему прощали. Иногда казалось, что его требования — перебор. А потом подумаешь: перебор из-за чего? Перебор только из-за того, чтобы детям отдать всё. Нельзя от человека требовать, чтобы он отдавал всё: у каждого своя семья, свои проблемы. Александр Александрович семье не посвящал, можно сказать, ни дня, был без выходных годами, и ему казалось, что все могут так, и все должны так. Потому что ты пришел к детям.

К нам дети попадают уже испытав несправедливость обстоятельств и боль сиротства. Мы пытаемся лечить боль, кое-что изменяем, но жизнь снова калечит. Жизнь так тяжела для них, что эти нездоровые корни вновь проявляются в будущем. Не у всех интернатских детей благополучно складывается будущее, но теми, кто преодолел все трудности жизни, Александр Александрович особенно гордился. Он гордился, что они поступают в вузы, что хорошую семью создают. И вот сейчас, когда его нет, продолжается тот же ритм. И дети говорят: Сан Саныч это хотел, значит, мы должны сделать. Особенно выпускники, выпускники старые, более ранимые. Их много. Есть прекрасные ребята, любимцы его, и эти любимцы как раз и делают дело. Коля Дуркин, не имея педагогического образования, — воспитатель 10 класса, Саша Шабалин, братья Хайрулины, Юра Коснырев, Марина Шулепова... Они остались ради его памяти, мне кажется.

Даже уходя, возвращались. Летом, если он бросал клич помочь на сенокосе, по двадцать—тридцать выпускников приезжали в лагерь. Они называли его только Батей. А малыши вообще папой звали: где наш папочка? Он всегда был внимателен, в любой мелочи он мог отметить что-то такое, чего другой не заметил был. У него был пронзительно-проницательный взгляд на всё. Он мог заметить даже прическу... Если ты едешь куда-то в отпуск, он знал, куда ты едешь, он знал какие-то твои беды. Если личная трагедия,

он всегда помогал. Как бы мимоходом. А к себе яркого внимания не терпел, не любил, когда его поздравляют, говорят красивые слова. Просто не хотел, и всё.

Теперь он оставил невероятно трудную задачу для всех. Он прямо уставал от мысли, что не всё успевает, что не хватает средств, что дети не могут так жить. В такое трудное время он нас оставил, как сохранить всё то, что он создал? В это лето мы убирали сено и заготовили 115 тонн. Дожди, дожди, дожди, а дети работали, считая, что так надо, и это как раз в память о нем.

Мы должны сохранить детство наших детей. Он именно так говорил: сохранить детям детство и создать им будущее. Всё это нам он оставил. Он не любил высоких слов, но о нем можно говорить только высокими словами. Очень яркий человек. Очень красивый человек. Я рада, что он в моей жизни был. И пусть останется.

Ольга Филина, воспитатель школы имени А.А. Католикова

Запись Тамары Горелик

БЕЛЫЙ КОНЬ НА ЗЕЛЕНОЙ ТРАВЕ

Сан Саныч всегда был занят — и в интернате, и в лагере. А мне посчастливилось увидеть совершенно другим нашего директора, увидеть его в поездках, в походах.

Я вначале не очень любила эти походы: палатки, лодки, комары, костры, готовка. А тут волей-неволей пришлось идти в поход. Да еще вместе с директором. И сплавлялись мы на лодках. И вот первый привал. Костер, рядом сидит твой директор, и вроде бы не твой, и в глазах его огоньки горят, и поет, и сказки может сочинять, и шутки отвешивает ребятам, и всё-всё умеет.

Коронным номером у Католикова была манная каша со сгущенкой. Он варил необыкновенно эту кашу. И кто бы ни варил другой, по тому же самому рецепту, она не получалась такой вкусной.

Он часто нам рассказывал о том, как, сплавляясь на лодке, он видел гору, на ней белую церковь, а по зеленой траве ходит белый конь.

И немного позже мы, действительно, увидели, что это не выдумка, не его фантазия. Но как он был горд, что мы восхищались его рассказом, оказавшимся невыдуманным, что он принес нам правду и зажег в наших сердцах любовь к тому чудесному, что видел он и увидели мы.

А еще в походах он нас учил дисциплине. Однажды, после отбоя, мы ушли в палатки спать. Молодые вожатые — ребята с гитарой выползли к костру и начали потихонечку петь. Из палатки Католикова вылетела палка и крик: «А ну, марш все по местам!» Мы

его просили: Сан Саныч, оставьте ребят, пусть они попоют, молодые! Он нам жестко ответил: молодые, да, но завтра на моторках сплавляться надо, а под их присмотром дети. Вот так он нас учил не только отдыхать, но и болеть за завтрашний день, за тех, кто был под нашим началом, на наших руках.

Интересная очень у нас была поездка по Карелии. Это красивейшие места. И всегда Сан Саныч был в восхищении от этой красоты. В автобусе он начинал петь частушки, придумывая их на ходу, каждая частушка была посвящена какому-то одному ребенку. Хохот! Действительно, мы никогда в интернате не видели вот такого Католикова — раскрепощенного, интересного, любящего и в то же время практичного. Сразу после очередной частушки он заявляет: гляньте-ка, ребята, водоем какой, вот бы гусей развести и уток, ну что ж они ничего не делают! И, когда мы приехали в лагерь, в тот же год мы взяли маленьких гусят, и теперь у нас стая гусей, которая пасется на реке.

Нина Сидорова, воспитатель школы имени А.А. Католикова
Запись Тамары Горелик

НАМ ГОВОРИЛИ: «ВСЁ ЭТО ПРАВДА, НО ТАК БЫТЬ НЕ МОЖЕТ...»

Наш интернат необычный. Он необычный потому, что там работают самые-самые хорошие воспитатели, самые-самые хорошие учителя. Это так говорил Католиков о коллективе, когда встречал гостей. Казалось, что лучше быть людей и не может, хотя работать с Католиковым приходилось очень трудно. Он всегда хотел, чтобы его дети, любимые дети, получили как можно больше, чтобы развитие их шло по возрастающей. Ведь этим детям очень многого не досталось в семье. И поэтому наш интернат старался все новые методики, которые только появлялись в учебном процессе, внедрять, пробовать в нашем доме. И когда к нам приезжали гости, а гостей было всегда много, то они восхищались работой коллектива, они видели необычных детей: дети никогда не могли сказать, что их как-то зажимают, обижают. И бывало, пытались спрашивать: почему вы не наказываете детей, почему ваши дети вас слушают, почему они такие спокойные, не слышно ни крика, ни шума? Да потому, что они заняты, заняты с утра до вечера, заняты интересным делом.

У нас работает в интернате очень много кружков, интересные мероприятия проводят воспитатели, учителя. Я когда попала в этот интернат, мне показалось, что я попала во дворец. Сейчас не-

множко привыкла. Но когда приезжают гости, они ходят и не могут найти слов, чтобы сказать спасибо именно Александру Александровичу.

Трудно работать в интернате, но очень интересно — и нам, и детям. Вот почему никаких побегов, никаких ЧП в интернате уже много лет не происходило. Ребята любят свой дом, и когда они едут из Межадора, всегда говорят: домой, домой, быстрее домой. А когда едут в Межадор — то же самое: домой. У них везде дом, теплый, хороший, и он создан руками Католикова.

Интернат знают по всей стране, сейчас он распространяет свой опыт по всей России. Недавно собирался всероссийский семинар всех директоров и зам. директоров интернатов. Приехало человек семьдесят. Все, что они увидели, вызвало восторг. Но когда мы ночью перед отъездом гуляли с ними по лагерю, они сказали: когда мы ехали сюда, считали, что это все неправда, но когда мы увидели ваших воспитателей и учителей, то поняли, что все это правда. Но так же невозможно жить, вы живете, полностью сгорая. А мы говорим: мы не можем жить по-другому, потому что так живет наш Александр Александрович.

Галина Шевелева, методист школы имени А.А. Католикова

Запись Тамары Горелик

«ИЩИ ХОТЬ ТЫСЯЧУ ЛЕТ — НИКОГДА И НИГДЕ НЕ НАЙДЕШЬ ТАКОГО ОТЦА»

Набрав ягоды, мы ехали веселые к себе домой и пели любимые песни Сан Саныча. Но, как говорил Александр Александрович, мы их не пели, а читали как стихи. Наконец ему надоело это мычание, он встал и громко запел на весь салон автобуса, на ходу сочиняя слова песни. Все сразу замерли, стали слушать его замечательный голос. Через несколько минут пел весь автобус. Я помню этот голос и сейчас, хотя нет Сан Саныча рядом с нами.

Благодаря его стараниям, мы побывали в Ухте, Кирове, Ленинграде, Москве... даже за рубежом — в Финляндии, Дании, Франции.

Заботы о интернате не прерывались даже в поездках. Надо купить электрические печи для сауны, а в Финляндии они малогабаритные и красиво оформленные, надо обновить оранжерею экзотическими цветами, фонтанчики для бассейнов и топоры с пластиковой ручкой нужны для хозяйства. Все нужно... нужно... и никогда Александр Александрович об этом не забывал.

* * *

Менее всего мне хотелось бы канонизировать его, и прежде всего потому, что он не святой, а, напротив, очень живой, в чем-то меняющийся, в чем-то стабильно надежный. Был он очень серьезным человеком, который гордился всегда своими детьми.

Главное в Александре Александровиче — личность добродетельного спасителя. А интернат Католикова — надежная пристань для всех его детей.

Я воспитываюсь в интернате со 2-го класса. Интернат стал для меня родным домом, а Сан Саныч родным отцом. Я постоянно восхищался и продолжаю восхищаться им. Как бы ему ни было тяжело, он, увидев тебя, скажет что-то доброе, улыбнется, шепнет на ушко что-то очень личное.

А каким же он был добрым и простым в обращении, с открытой душой человек!

Вот, помоешься с ним в бане, а он посмотрит, вся ли одежда твоя в порядке, что-то посоветует, скажет шутку. Получилось так, что у меня носки оказались дырявыми, да и тонкими они были. А на улице мороз тридцатиградусный.

Сан Саныч заметил это, отдал мне свои шерстяные носки, сказав: «Береги свое здоровье». Мне было стыдно, и в то же время я не знал, куда деваться от счастья. Ведь эти носки носил сам Сан Саныч, и этой чести удостоился я.

Я рад тому, что воспитываюсь именно в этом интернате, что у нас был папа — Сан Саныч.

* * *

Александр Александрович был с нами всегда и везде и даже тогда, когда мы работали. Он не заставлял нас работать, а приучал к труду. Работы у нас разные, но всегда Сан Саныч умел дать совет, как рациональнее сделать ту или иную работу. Бывали случаи, когда Александр Александрович сам работал с нами. На сенокосе возил сено на тракторе, садился вместе с нами порезать морковь, редьку, свеклу, турнепс.

Иной человек, увидев это, не сказал бы, что это директор. Иногда я сравниваю Сан Саныча с Петром I, который был главой государства, но в то же время сам строил с мужиками корабли, с ними ел, дрался, спорил. И не ставил себя выше других.

Таким же был и Александр Александрович.

Помню, как однажды в лагере мы провинились перед Сан Санычем тем, что сбежали во время работы на конюшню. Он на нас тогда крепко разозлился, и хотя прошло уже около месяца, всё продолжал на нас косо смотреть. В конце мая на итоговом собрании он вручал премии лучшим учащимся. И вот подошла моя очередь... Сан Саныч посмотрел мне в глаза, глаза у него удивительно

добрые, и, пожав мне руку, сказал: «Ну, давай мы с тобой помиримся».

Он умел прощать обиды, делал всё для того, чтобы мы выросли настоящими людьми, ценили и уважали труд. Жаль, что его не стало. Как будто что-то большое ушло навсегда, без возврата.

* * *

Я не буду говорить много хороших слов о нем, так как все знают, каким он был человеком. Я остановлюсь вот на таком случае.

Как-то мы подвыпили под Новый год и уже решили, что наступил конец света. Но наутро, когда нужно было бежать в лес за подарками, он позвал нас и сказал: «Ну что, алкаши, голова не болит, бегать сможете?» Мы ответили: «Можем!»

— Ну, тогда живей за подарками!

* * *

Я хорошо помню, как мы вошли во двор, который был чистый, убранный, и дорожки были посыпаны песком, чтобы никто не поскользнулся. В фойе было множество зеркал, и над дверью, ведущей в галерею, был плакат: «Доброе утро, дети! И пусть в вашей жизни будет много добрых дней» (*М. Горький*).

В кабинете директора было красиво, но не роскошно, мебель была простенькой: стоял стол, по бокам стояли стулья, другой стол занимал директор, который писал что-то на бумаге. Когда он поднял голову, я увидела его добрые глаза.

Александр Александрович заботился всегда о детях, он любил проводить собрания с детьми, слушать истории детей, рассказывать свои. Он всегда заботился о том, чтобы дети были обуты-одеты, напоены-накормлены.

Наташа Васильева, 8 кл.

Все, что там есть, напоминает об Александре Александровиче: каждый уголок лагеря, каждый дом или ферма, каждая лужайка с цветами, но особенно о нем напоминает наше поле, на котором мы выращиваем урожай.

Почти круглый год у нас есть мясо, молоко. Теплицы летом дают нам огурцы, помидоры. Александр Александрович Католиков очень любил шутить, подбадривая тех, кто не хочет работать, или бывал огорчен чем-то.

Я желаю интернату процветать и не дать опозориться, чтобы в нем всем было уютно, весело.

* * *

Мне часто доставалось от Александра Александровича, но я никогда не обижался, так как знал, что виноват.

Мне очень хотелось работать с лошадьми, Александр Александрович подозвал меня к себе и сказал: «Иди конюхом».

Мы любили поздние вечерние субботники, нравилось работать со старшими, а потом посидеть в столовой, вкусно поесть и после 11 вечера пойти в баньку. Никто нас не торопит, нам хорошо после выполненной работы.

Ионас Лукошайтис

Когда мы с сестрой в первый раз вошли в интернат, мы поразились чистоте, уюту, зеркалам, и сразу захотелось здесь жить.

Александр Александрович показался нам огромным — до потолка, с добрыми глазами.

При встрече он мог обнять своими большими руками, прижать к себе, и сразу становилось легко, уютно, и казалось, что ничего страшного не может быть.

Сильный, добрый, строгий, Сан Саныч любил подтрунивать над всеми, присочинить и подшутить.

Любил щедро угощать. Даже собака Дона после прогулки каждый раз заходила к нему в кабинет и ждала угощения...

Саша Костромин, 8 кл.

Жил среди нас прекрасный человек, и чувствовали мы полную защищенность, жили как за каменной стеной: ничего не страшно!

И вдруг рухнула эта стена... И голый пустырь. Как страшно: разрушенная стена, и я одна на пустыре.

А как хотелось скорей подрасти и поехать впервые на Новый год в лагерь вместе с Александром Александровичем.

Не успели... не подросли...

Я очень любила каникулы в лагере, там Александр Александрович был совершенно иной, с ним никогда не было скучно. Игры, которые он затевал, были непохожи ни на что.

С одной стороны, Сан Саныч казался очень занятым, строгим, с другой — простым, задиристым, мы любили его шутки, порой грубоватые.

Он часто задирал меня: «Эй ты, дочка Кащея!», или: «Отойди от «Волги», а то проткнешь костями», зато в день рождения при всех мог объявить: «Интеллектуалка, я надеюсь на тебя, твои мозги нужны интернату».

Я очень благодарна Александру Александровичу за его доверие, когда он поручил мне приветствовать в Кыптовском монастыре патриарха Алексия. Как я была счастлива!

Александр Александрович брался за любое дело и все доводил до конца, приучал нас к мысли, что мы работаем для себя. И пото-

Александр Католиков и его дети

ЗЕНИТ

Президент МАДФ А. А. Лиханов вручает А. А. Католикову
Международную золотую медаль Льва Толстого

С Роланом Быковым

Глава Республики Коми Ю. А. Спиридонов поздравляет А. А. Католикова

Штаб бережливых

му никогда не было обид. Он сам очень много работал, не зная выходных и отпуска.

Лена Ибрагимова, 8 кл.

Я шел в интернат из городской школы и в страхе думал увидеть серые стены, серые лица, хмурого директора (когда-то я видел кино об интернате). А вошел в очень светлое, яркое фойе, сверкающее зеркалами, и очень обрадовался.

Встретил меня директор, и по его лицу я сразу увидел, что это очень добрый человек, который заговорил со мной, как с родным. И мой страх сразу пропал.

Здесь, в интернате, директор знает каждого ребенка, и учителя здесь ближе к ребятам, чем в школе.

И, выходя из стен интерната, мы уже очень многое умеем делать своими руками.

Сергей Щуплецов, 8 кл.

Мы, мальчишки, самое большое уважение испытывали к Александру Александровичу. Мы побаивались его и его гнева, когда умудрялись в чем-то провиниться, старались не попадаться ему на глаза. Но он все равно видел всех.

А когда кто-то отличался в работе, Сан Саныч награждал щедро, с размахом, весело, и хотелось выполнить задание так, чтобы он заметил, похвалил.

Последнее задание он дал мне и Андрею В. в июне 96: сделать загон. Нам так хотелось сделать в срок, что работали под проливным дождем, и Сан Саныч, подъехав к нам, сказал: «Молодцы, ребята!»

Костя Перевалов, 8 кл.

Больше всего мы любили бывать с Александром Александровичем в лагере, особенно в зимние каникулы.

Какие интересные игры он устраивал в вечернее время. С каким азартом шли мы стенка на стенку. Ах, «попка на попку».

Александр Александрович дает очередную команду: «На поле боя выходят бойцы самого легкого веса: Игорь К. и Толя Л.» И начинается поединок «не на жизнь, а на смерть»: и победитель, и побежденный получают призы.

Затем на поле выходят тяжеловесы: Саша Гилев и с довеском на плечах.

Сколько смеха, криков, веселья, а потом — всем по шоколадке из рук Александра Александровича.

Хорошие были времена.

Игорь Козлов, 8 кл .

Я хочу, чтобы в интернате было так же, как при Александре Александровиче: весело, хорошо, уютно, чисто.

Настя Черная

В интернате не бывает скучно, потому что в этом доме всегда есть чем заняться.

Костя Матюшев

Нас никогда не покидало чувство защищенности. Если мы ехали в лагерь, а впереди черная «Волга», значит, всё в порядке, там наш директор и, значит, ничего не может произойти, для нас «горит» зеленый свет.

Андрей Вертков, 7 кл.

Ищи хоть тысячу лет — никогда и нигде не найдешь такого отца.

Дима Чисталев, 7 кл.

Мне очень повезло, что я попал в этот удивительный и красивый дом. И Сан Саныч очень был добр ко всем нам, и любил нас как сыновей и дочерей, а мы к нему относились как к отцу. Он был строгий, но справедливый.

Был такой случай. Это было на субботнике в лагере, когда мы работали в поле, убирали коряги. Приехал трактор с телегой, и Александр Александрович сказал, чтобы я помог трактористу. А я не послушался и пошел вместе со всеми убирать коряги. После работы Сан Саныч приехал на «Волге» и раздавал шоколадки. Я думал, что он мне не даст. Но он уже давно меня простил и все забыл.

Рома Ямаев, 7 кл.

Мы сидели за столом в лагере и обедали. Ели и смеялись с Настей. Настя толкнула стул, на котором я сидела, и я стала падать. Я протянула Насте руку, чтобы она меня поддержала, но она не заметила. Я с грохотом упала в полной тишине. Все засмеялись. Александр Александрович повернулся и сказал:

— Юля, хватит представление показывать.

Этот случай мне почему-то очень запомнился.

Юля Гребнева, 7 кл.

Сан Саныч отправлял меня в санаторий целых три раза: в Сочи, в Анапу, в Евпаторию. Там я подлечилась. И хотя я не хотела ехать, Александр Александрович настоял. Он очень хотел, чтобы

здоровье у всех у нас было в порядке. И вообще — чтобы все у нас было в порядке. Он всегда думал о нас.

Катя Толстых, 7 кл.

Такой человек рождается только раз в сто лет. Он был любим всеми и сам всех любил. Нам его очень не хватает.

Костромина Настя, 7 кл.

Александра Александровича я уважал больше всех в интернате. Он был моим вторым отцом. Строгим, но добрым и справедливым. Иногда он нас ругал, но проходило время и он нас прощал. Видно было, что он нас жалеет.

Ульянов Саша, 7 кл.

В интернате я воспитываюсь с шести лет. В детстве был хулиганистым, озорным мальчишкой. Бывает, нашкодничаешь, а воспитатели поведут к Сан Санычу. Первая такая серьезная встреча у нас с Сан Санычем состоялась в 6 классе. До этой встречи я както боялся его, а оказалось напрасно. После доверительного общения, выпитой чашки чая, мы с ним стали большими друзьями.

Многое ему пришлось пережить... Но несмотря ни на что, он всегда находил силу и энергию творить, творить чудеса.

И бывало, идешь с утра на уроки, а Александр Александрович обязательно спросит тебя: как здоровье, как дела? А это значит, что твоя судьба в надежных руках.

* * *

Александр Александрович был необычайно веселым, жизнерадостным. За 10 лет, что прожила я в интернате, так к нему привыкла, что он для меня стал родным отцом. Сан Саныч был удивительно добрым, а все добрые люди любят животных. С детства у меня была любовь к собакам. С 6-го класса я стала убегать в город, вылавливать бездомных собак и гуляла с ними. Безумно хотела иметь свою собаку. И вот однажды — я веду одну из бездомных собак в интернат, а навстречу выходит Сан Саныч. Я испугалась: «Что же будет?» А он подошел ко мне, приласкал собачку и сказал: «Анжела, я для твоей собачки куплю ошейник, поводок, и ты будешь гулять с ней. А когда подрастешь, я тебе подарю породистую собаку, и она будет жить у тебя в корпусе».

Да, Сан Саныч сдержал свое слово. У меня сейчас дрессированная собака.

Александр Александрович удивительно талантливый человек. Его талант — это бесконечная любовь к нам, к своим детям.

* * *

У этом человеке было много хорошего, светлого. И не столько это хорошее он впитывал в себя, сколько отдавал его другим людям. Сан Саныч был добрым и чутким человеком, тонким психологом. Он буквально умел «читать человека», очень ценил способности людей и делал все возможное, чтобы человек развивал, а не хоронил свой талант. Да и сам Александр Александрович был талантлив. Невозможно было предугадать, что он предложит завтра. Может, что-то введет новое в экономическую систему школы, может, у него возникла какая-то новая идея по улучшению жизни детей.

Человек светлого ума, с большим сердцем и с открытой доброй душой... Он всегда останется в нашей памяти таким. Ведь память не знает смерти, а значит, в каждом из нас будет жить Сан Саныч таким, каким мы его знали, помним и будем помнить.

* * *

Однажды захожу я к Александру Александровичу и говорю ему:

— Здравствуйте, Александр Александрович, у меня сегодня день рождения.

А он мне говорит:

— Это у тебя-то, такой козявочки, день рождения?

— Да, день рождения, — говорю я.

— И сколько же лет тебе исполнилось?

— 10 лет.

— Это тебе, такой козявочке, 10 лет!

— Да.

Потом Александр Александрович нашел пупсика, подарил его мне и сказал:

— Этот подарок только для козявочек.

Наташа Лохновская, 4 кл.

Это моя квартира. Она мне очень нравится. Здесь тепло, уютно, красиво. Возле каждой кроватки постелены коврики. Недавно нам поставили новую стенку и дали новую посуду. Принесли новые красивые кресла. В спальнях у нас много цветов. Мы сами их сажали и ухаживаем за ними. Мы стараемся не ломать мебель, а беречь. Мне нравится жить в нашем интернате.

Оля Попова, 4 кл.

НЕ ДАДИМ ПОГАСНУТЬ КОСТРУ

Я стоял у широкой торжественной лестницы — маленький второклассник, переступивший порог новой школы, а наверху или, точнее сказать, на вершине ее — огромный, в пимах, с палкой Сан Саныч Католиков. Мужчина-преподаватель! Тогда это вызывало у нас скептические ухмылки, мол, не мужское это дело — школьный учитель. Потом выяснилось, что палка его — не средство воспитания, а помощница в недуге. Помню, мы специально выскакивали на улицу, чтобы посмотреть, как этот учитель физики садится в свою машину, кажется, «Запорожец». Никакой жалости это не вызывало, тем более, у нас — дырносских; мы родились и учились проживать в таком районе, где скорее помогут сломать ногу, чем подставят плечо сломавшему.

Не знаю, сколько пробыл в школе Сан Саныч, слава богу, недолго, ибо, честное слово, трудно представить, что получилось бы из целого поколения сыктывкарцев (50-х годов рождения), если бы Католиков не стал директором Дворца пионеров и школьников.

Я смутно помню школу № 1, где учился со второго по седьмой классы, но я никогда не забываю и не забуду наш Дворец. Что это было за заведение, если мы, дырносские, пройдя скопом все «мордобойные» секции, в итоге оказались костяком духового оркестра! Мы нашли себе занятие по душе, а не по судьбе, так уж был устроен этот замечательный волшебный Дом, где души верховодили, а судьбы подчинялись. Дом, который построил Католиков. Наш Сан Саныч. Это потом была школа-интернат, а сначала был Дворец пионеров и школьников. Не забывайте об этом! Хотя бы потому, что нет в нашем поколении ни одного сыктывкарца, который обошел бы Дворец стороной. И вот тогда только я понял, что педагогика — это мужское занятие. Независимо от принадлежности полу, педагог должен быть мужского склада характера, а что до сердечности, так это мужчинам и по жизни не занимать.

Тогда Сан Саныч был нам еще просто Католиковым, хозяином, «бугром», если хотите. Как панически боялись его руководители кружков! Не мы — дети, а взрослые! Мы знали, почему они трепещут: он им «вламывал» за нас! И было за что. Тогда мы многого не понимали, и для нас пьяный дядька-наставник был так же естественен, как палка в руках Сан Саныча. И мы даже поднимали бунты в защиту педагога. Нам-то что с того, что он пил (и не такое видели!), был бы человек хороший. Это теперь, когда знаешь ответ на сложение судеб тех, с кем жил в том Доме, понимаешь: прав был Сан Саныч, яблоко может родить только яблоня, а педагог-пьяница вряд ли воспитает хорошего человека, но пьяницу выпестует непременно. Это отдельный разговор, и не об этом сейчас речь.

Путаюсь в годах, не помню точно, но знаю наверняка, что однажды свершилось педагогическое чудо! Католиков придумал плавучий детский пионерский лагерь! Нашелся пароход (настоящий, колесный!), имя ему было «Иван Каляев», впоследствии — «Коми пионер». Я был в самой первой смене, потом выскулил у родителей право на «самую» вторую и в итоге ездил пять раз в течение трех лет. Попасть на пароход тогда было непросто, и рекорд «скорострельности» мне удалось поставить потому, что ходил в два кружка, а они были разведены по двум сменам. Во второй год, надо признаться, я вляпался, потому как оба моих кружка попали в одну смену, и мне пришлось метаться меж двух огней.

Думаю, было это в 1972 году. Тогда «Коми пионер», прервав маршрут, в невероятном для речного старикашки-парохода темпе рванул вместе с нами на празднование 50-летия Коми АССР. Мощный был праздник! Это вам не нынешние заезды любителей рубить капусту в дензнаках, называющих себя певцами и поэтами (это я так, к слову. Бог с ними). К празднику на пароходе тоже, естественно, готовились и вместе, и поврозь. Случайно я что-то там написал в боевой листок одного из моих кружков. Помню, вышел я на палубу, в очередной раз влюбленный, и оказался рядом с Лией Васильевной Плаксиной. Замечательная женщина! С собачкой! Конечно, мы, на правах членов огромного семейства Сан Саныча, обсуждали тему выбора «папы». Вывод: другой жены у Сан Саныча и быть не могло. Так вот, Лия Васильевна, отвечавшая на пароходе за стенную печать, предложила мне написать заметку в общелагерную газету. Ого! Я потом перед своей возлюбленной долго выкаблучивался на предмет столь лестной оценки моих способностей, не помню — как, но помню — довыкаблучивался.

Любовь в начале второго десятка лет, сами понимаете, дело первостепенной важности, потому и не написал я тогда ничего в газету, избегая все оставшиеся дни Лию Васильевну, но успев-таки получить от нее словесный подзатыльник, сходя по трапу на берег по окончании смены.

Помните ли Вы меня, Лия Васильевна? Вряд ли. А я помнил Вас всегда, но так мне было стыдно за тот скверный проступок, что долгие годы я боялся показаться Вам на глаза!

Снова я увидел Вас в Шошке, у могилы Сан Саныча. А Вы не изменились! Такая же красивая и строгая. Дорогая Лия Васильевна, здоровья Вам и спокойствия! И еще: я выполнил ту Вашу просьбу написать статью. Вот она, перед Вами. Я не профессионал-журналист, но и тогда Вы обратились не к профессионалу, так что, как бы и не было двадцати пяти прошедших лет...

Да нет, конечно, были они, эти четверть с лишним века, и никуда от этого не деться. И Сан Саныча нашего люди воспринимали уже только как директора школы-интерната. Я как раз был в

той смене на «Коми пионере», когда впервые с детьми Дворца поехали и воспитанники интерната. Выделялись они, конечно, и одеждой своей, и манерами, и, главное, взглядами. Мне кажется, они были лучше нас, во всяком случае, сложнее и потому интереснее, но мы их невзлюбили, когда узнали, что Католиков переходит к ним насовсем. Нелюбовь эта была короткой и неубедительной. Потому что было интересно! Мы ходили пешком, несколько километров, до села, где родился Ломоносов. Помнится, хохмили по поводу того, что большой человек повел нас на родину большого. Видели, как делают знаменитые архангельские умельцы изделия из моржовой кости. Ходили за десять километров в Яренск. Опытные «лагерники», типа меня, с удовольствием шли туда и обратно для того, чтобы купить в Яренске банку «сгущенки», проткнуть ее гвоздем (почему-то обязательно гвоздем!) и вылакать продукт с батоном, валяясь где-нибудь в траве. А «первопроходцы» узнавали, что Коми АССР, оказывается, образовалась только лишь при советской власти, а раньше ее территория относилась к Вологодчине, и уездным центром как раз и являлся захолустный Яренск. Именно на «Коми пионере» многие из нас научились правильно выговаривать слово «Сыктывкар». Именно там в спортивных и интеллектуальных баталиях с местными жителями Сыктывкар из обыкновенного названия местности становился для нас символом Родины.

Во многих вещах я оказывался первопроходцем, вот и из лагеря меня выгнали первым. Правда, не одного, а с другом Лешей из Лесозавода. За что? Как за что?! За любовь! Я влюбился в пионервожатую, а Сан Саныч решил ее списать на берег, имея в виду легкомысленность ее поведения. Я подбил на бунт весь оркестр. Заступаться пошли мы с Лешей вдвоем. Вы себе и представить не можете, в каком бешенстве был Сан Саныч, когда после убедительной мужской беседы «На троих» мы с Лешей, спустя день, опять заявились с требованием оставить нам пионервожатую. Вообще-то, все уже отступились от затеи «спасти» ее, кроме меня, а Леша так ходил, за компанию. Мудрый Сан Саныч нашел блестящий выход нашему упрямому «благородству», он сказал: «Ладно! Вы отправляетесь домой (кстати, происходило все это в Яренске) на «Заре», а я, восхищенный вашим мужским поступком, поверю в вашу правоту и оставлю вашу вожатую на пароходе». Вот так! Вы себе представить не можете, как Сан Саныч одним махом научил нас с Лехой соображать! Мы, конечно же, отправились домой, Наташа осталась. Правда, мы потом вернулись в лагерь и... Но это тема для другого жанра.

Невероятный человек Сан Саныч! В нем сошлось все: умение придумать, умение осуществить задуманное и дать всему этому не только жизнь, но и умение жить! И ведь именно сегодня нашу те-

кущую жизнь поддерживают на своих плечах и тянут лямку повседневных забот как раз те, кто родился в 40-х и 50-х. Вы можете сказать, мол, не такая уж и замечательная эта наша жизнь... Нет, она замечательная! И замечательна она не только тем, что от Бога, но и тем, что — с Католиковым. Он в нас — детях духа его и души... Всю свою жизнь трудился Сан Саныч на благо детства, потрудимся же и мы, его выкормыши. Кого выкормим, кого поддержим, кого научим, кого пригреем, все — на благо Родины! А Родина у нас одна и адрес ее: Сыктывкар, Республика Коми, Север, Россия.

Должен гореть неугасимый костер памяти о Сан Саныче. Наша забота — не дать угаснуть делу «кострового». Когда-то еще придут к нам новые Католиковы.

Вячеслав Кушнир

НЕ РЯДОМ, А ВМЕСТЕ

Общаясь с такими выдающимися педагогами, как Католиков, всегда задумываешься о тайне педагогического мастерства, пытаешься постичь секреты искусства работы с детьми.

Но секретов не было. Была высокая, хотя порой и резкая честность в общении с детьми, искренняя заинтересованность не только в их судьбе, но и в повседневных делах, готовность жить не рядом, а вместе с ними, жить их большими и самыми малыми, сиюминутными делами, и выполнять вместе с ними самую тяжелую работу.

Все, кто приезжал к нам, спрашивали: как вам удается заставить детей так много работать? Заставить действительно было бы очень тяжело. Или невозможно. Но, во-первых, сама система воспитания в интернате формирует в детях с малых лет истинно крестьянское трудолюбие, во-вторых, и это еще важнее — всегда на самых трудных участках, в самые трудные моменты рядом с детьми на равных трудятся взрослые — учителя, воспитатели и первый из них — директор.

Опишу только два эпизода из тех, что мне довелось наблюдать, работая в интернате.

Обычный рабочий день в Межадоре. Утренняя линейка. Уже распределена на Совете бригадиров работа на весь день, директор комментирует. Достается девочкам из 9 класса: «До сих пор не перебрали прошлогоднюю картошку! Стыдно! Сегодня не выходить из хранилища, пока не закончите!» Все расходятся по рабочим местам. Захожу в картофелехранилище. Холодновато, но главное — ужасный запах. Заглядываю в закрома и вижу, что сверху картошка превратилась в жидкое месиво. Похоже, что из такой картошки уже ничего не приготовишь. Обидно, но в любом хозяй-

стве может случиться такое, недоглядели в посевную, не было времени.

Девочки пытаются что-то выбрать из этой кучи, но явно озлоблены, ворчат, считают себя незаслуженно обиженными. Выхожу из хранилища, нахожу Александра Александровича, объясняю ситуацию, говорю, что ему следует вмешаться и прекратить эту бесполезную работу, так как картошка, скорее всего, уже полностью пропала. Приходится выслушать от него саркастические замечания: это сельское хозяйство, где всегда что-то плохо пахнет и т.д. Продолжаю настаивать. «Хорошо, загляну» — соглашается он.

Продолжаю обход хозяйства. Проходит час, второй — машина директора стоит у хранилища. Его уже ищут. «Так он же с девочками картошку перебирает» — вдруг говорит кто-то из взрослых. Я потрясена. Что же произошло?

Войдя в хранилище, Александр Александрович мгновенно оценил ситуацию. И как же он отреагировал на нее? Нет, он не пошел искать виновных среди взрослых работников, распекать и отдавать приказы. Поняв, что совершена ошибка, что дети наказаны этой работой не за свою вину и «нагоняй» на линейке получили ни за что, он просто сел рядом с девочками и включился в работу. Верхний слой сняли лопатами, под ним оказалась нормальная картошка, которую он и перебирал вместе с детьми три часа, и при этом пел песни, рассказывал анекдоты. И работа была выполнена! На вечерней линейке директор объявил: «Сегодня 9-й класс совершил трудовой подвиг. Виновных среди взрослых мы найдем и накажем, но девочкам всем — премия, по «Сникерсу». Справедливость восстановлена, и у детей уже нет обиды.

Трудно оценить педагогический эффект этого «воспитательного мероприятия». В ненавязчивой, естественной форме дети получили сразу несколько уроков: урок справедливости, умения признать свои ошибки и, не чванясь, их исправить, урок терпения и бережливости, рачительности. Урок экономики крестьянского хозяйства, в котором даже самый мелкий недосмотр приводит иногда к большим потерям.

Александр Александрович к этому эпизоду в разговорах со мной возвращался много раз. «Как вы думаете, сколько картошки набрали мы в том хранилище? Две тонны! Дети все могут, надо их только правильно организовать». На что я отвечала: именно поэтому вы и есть знаменитый Католиков.

Второй эпизод, тоже из межадоровской жизни. Идет сенокос. До обеда хорошо поработали, сено досыхает в валках, после обеда будем стоговать. Все направляются на обед. Усталые, тянемся с сенокосов из-за реки в лагерь, потом обед — все вместе занимает почти два часа. А тут — вот уж ненадежное северное лето — проливной дождь. И конец сенокосу как минимум до завтра.

Наутро на линейке директор предлагает ребятам поработать без обеда — перекусить прямо в поле, но до вечера обязательно поставить стога. Все соглашаются, но как пойдет работа? И Александр Александрович сам садится за руль трактора и не встает из-за него до темноты, пока полностью не поставлены стога. Он в центре всего — по рации отдает указания, шутит с ребятами, немножко подгоняет. И это человек, которому каждый шаг по земле давался с таким трудом, что даже по территории лагеря он вынужден был передвигаться на машине! А вечером — хороший ужин, баня. Все устали, но обиженных нет. И дело, важнейшее крестьянское дело — сенокос — успешно завершено.

Мне довелось работать с Александром Александровичем всего три с половиной года. Наверное, люди, которые были рядом с ним более двадцати лет, могли бы описать десятки подобных эпизодов, в которых проявлялся педагогический дар Католикова. Мне не хочется называть это педагогическим мастерством — ибо любое мастерство вырабатывается тренировками, а то, чем обладал Александр Александрович, было органически присуще его личности. Хочется назвать это «педагогической мудростью».

Наверное, время будет высвечивать в памяти новые эпизоды, новые черты этого удивительнейшего человека. Прошло еще слишком мало времени после его ухода. Но уже сейчас всем ясно, как велика потеря, какой большой личной жизненной удачей была для каждого из нас возможность работать вместе с ним.

Достигая зрелого возраста, человек помимо своей воли начинает подводить итоги — что удалось сделать в жизни, чем ты стал богат? Среди моих друзей и коллег — научных работников — почти никто не разбогател в прямом смысле этого слова. Богатство, накопленное нами, — это общение с людьми, которые оставили след в нашей жизни. И когда я начинаю встряхивать свою «копилку», я слышу, как в ней звенит драгоценная монетка из золота высочайшей пробы — встреча с Католиковым.

Галина Пичугина, ведущий научный сотрудник Института общего среднего образования РАО

ОН БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ САШЕЙ

Наши судьбы не раз перекликались, и я стала свидетелем его героической жизни. А узнала я Александра Александровича Католикова на совещании учителей города. Он, учитель физики школы № 1, выступал и внес много интересных предложений по воспитанию детей. По предложению гороно мы утвердили его директором Дворца пионеров и школьников.

Много было до него директоров — хороших и случайных. Он сразу же навел порядок, освободил Дворец от ненужных людей, создал хороший сплоченный коллектив, большинство и сегодня работают там.

Дворец пионеров стал центром воспитательной работы не только города, но и республики. Дети шли туда как в родной дом. А сколько праздников проводили тогда на Юбилейной (ныне Стефановской) площади! Был создан большой оркестр барабанщиков. Нашли красивые костюмы. А как они маршировали! Торжественно принимали в пионеры. Сколько встречалось с детьми ветеранов революции, войны, труда. Они шли рука об руку с пионерами. Дети помнят имена Харапова, Мальцевой, Рудаковой, Макаровой, Рочевой, Ракина, Лобанова и многих других. И всегда вместе с ними был тогда молодой, красивый, как звали его ребята, Сан Саныч.

А история с пароходом «Иван Каляев»? На нем плавали моряки Вычегодского судостроительного завода. Потом он был списан и стоял в Архангельске. Сколько мытарств надо было пройти, чтобы его передали в ведение гороно. И вот пароход в Сыктывкаре. Дети дали ему имя «Коми пионер». Все лето выезжали то в Яренск, то в Архангельск, а когда вода падала — до Котласа. Кружковцы ездили на этом пароходе. Было полное самообслуживание. Уже тогда зрело у Католикова желание приобщить детей к труду. В этом отношении многое сделала Лия Васильевна Плаксина, тогда заведующая кафедрой педагогики и психологии Коми пединститута, верная подруга и жена Александра Александровича.

Дворец расширял свои действия. Городские власти добивались создания в каждом микрорайоне клубов по интересам. Их стало более сорока. И везде помощниками были работники Дворца.

Как-то мы решили провести смотр всех кружков города. Католикову было предложено отобрать лучших кружковцев и показать их работу в музыкальном театре. Когда мы пришли на репетицию, то увидели, что весь театр — и зал, и фойе — заняты работами кружковцев Дворца, игрушками-моделями самолетов. Католиков объяснил, что это самые лучшие. А самих участников художественной самодеятельности и всех видов творчества было более тысячи.

Я уже не помню, откуда он раздобыл картинги, но помню, что помогал ему бывший воспитанник Дворца Валентин Балашов, такой же неугомонный любитель техники. Был создан кружок картингистов и оборудован для этого двор Дворца. Пошли соревнования, стали прививаться картинги во всех городах республики, даже мне довелось покататься на картинге.

Проходил первый республиканский съезд женщин. Делегаты подробно изучали в городе все, что было связано с детьми. Они пришли и в школу-интернат. Потом была большая статья о вопиющем состоянии дел в интернате: город менял одного директора

другим, но дело не налаживалось. И тогда мы пришли к убеждению: поставить директором Католикова. Вначале он отказался, но когда увидел интернат... обстановка так на него подействовала, что он сразу же стал вносить свои предложения, как исправить дело.

И он согласился, но с условием, что будет оказана помощь. Появились шефы. Первым шефом назначили объединение «Сельхозтехника». Сколько добра сделал его директор И.А. Триандафилов. Его уже нет в живых, но дети помнят о нем. Затем подобрали новых шефов — «Производственно-техническое управление связи» и его организации города «Почтамт», «Телеграфно-телефонная станция». Их руководители А.В. Клаузер, Г.Э. Шик, В.Р. Кокоянин. Католиков и сам искал шефов. Ими стали фабрика «Комсомолка» (Медведовский О.Я.), строительные организации — Домостроительный комбинат, Комитяжстрой и другие. Руководители шли ему навстречу. В его словах «Интернат — мой дом, моя семья» выражалось все, он никогда не был праздным, всегда в делах, всегда в заботах. И это находило отклик. Шефы не могли ему отказывать. Они помогли создать Межадорское учебно-опытное хозяйство.

Расширялся, хорошел и сам интернат. Сначала построили электрощит и насосную станцию, затем спальные корпуса и другие постройки. С трудом отвоевывали территорию за территорией, переселяли людей из частных домов в хорошие квартиры. Интернат стал известным далеко за пределами Республики.

В мою жизнь за 48 лет работы вошли судьбы многих людей, но такого таланта организатора и воспитателя одновременно не припомню.

Он ушел от нас, предварительно широко одарив всех своей блистательной жизнью. Он нес в душе добро к людям, всегда верил в духовность и добивался ее от всех окружающих. Он все считал обычным делом. Он сумел дать счастье многим тысячам детей, поставил их на истинный путь жизни, был родным отцом для них.

Он тяжело болел и часто звонил моей дочери, их болезнь была одинакова. Он очень нежно относился ко мне после смерти моей дочери, делился своими трудностями, дорожил моими советами. Мне часто хотелось называть его просто Сашей, у меня было чувство материнства к нему, и он отвечал сыновней любовью. Он не забывал никогда поздравить с праздниками, в день рождения, оказать даже в чем-то помощь. И сегодня у меня ощущение, что он жив, что он рядом с нами.

Нет в жизни ничего вечного и незыблемого, но у Католикова остались поколения воспитанников, чьи личности формировались его делами.

Екатерина Леканова, бывший секретарь
Сыктывкарского горкома КПСС

Мы редко виделись. Я стеснялась побеспокоить звонком, разговором, боялась отнимать у него время и силы. Особенно — когда он стал всенародно известным человеком, и хозяйство его росло (капитально строилась межадоровская дача, новый спальный корпус в Сыктывкаре...) Но если все же звонила, и, смущаясь, просила о встрече, интервью, он сразу назначал время: немедленно, жду.

...Когда в конце семидесятых я приехала сюда и начала работать в республиканской газете «Молодежь Севера», довольно быстро поняла: в Сыктывкаре есть такая школа-интернат для детей-сирот и возглавляет ее такой директор, что писать о ней наспех, для темы, в рубрику, невозможно. Должен быть обязательно умный и сердечный очерк.

Через несколько месяцев на практику в мой отдел приехали Володя и Нина Булычевы — муж и жена, студенты факультета журналистики Московского университета, где училась и я. Очерк о Католикове поручила Володе. И Володя, отправившись в школу, расположенную в том же городе, что и редакция, исчез, словно газета командировала его в далекую Воркуту. Появился только через неделю и, счастливый, выложил пухлый исписанный блокнот.

Он сумел написать о человеке и его деле так, что я даже оробела: без всяких преувеличений Александр Александрович Католиков встал в ряд блистательнейших педагогических имен страны. Каждый факт был за гранью обыденности.

Позднее очерк Володи Булычева опубликовал журнал «Смена», главным редактором которого был Альберт Лиханов.

Я поблагодарила Католикова по телефону за помощь моему практиканту и услышала в ответ:

— А сама-то что же не заходишь?

Мне казалось: приду, успею.

Аудитория молодежной газеты постоянно меняется, и я подумала: через несколько лет на страницах «Молодежи Севера» должен появиться большой, обстоятельный очерк о Католикове. Так что, — встретимся еще.

Командировки по республике (а пространства ее невероятны) были тогда очень частыми, долгими. Времени не хватало. Интересные люди становились близкими. Познакомилась со студентами Ухтинского индустриального института. С благословения его ректора Геннадия Васильевича Рассохина, возила им недоступные тогда фильмы Андрея Васильевича Тарковского, потом мы встречались еще и еще, и студенты мне рассказали: они хотят создать коммунистический отряд безвозмездного труда «Товарищ», объединиться в него, чтобы строить новую очередь главного пионерского лагеря страны — «Артека»...

Но «Артек» не состоялся. Студенческая мечта рушилась. И тогда их взял к себе Александр Александрович, пригласил строить Межадор.

Осенью в Ухту возвращались счастливые люди. Это и другие возвращения начинались в моей маленькой квартире. Рассказывали, почти кричали, размахивая руками от восторга, пили чай. В аэропорт уезжали постепенно, группами — рейсы у всех разные, а самолеты из Сыктывкара в Ухту тогда летали чуть ли не с частотой трамваев.

Время следующей публикации об Александре Александровиче приближалось. Журналистское задание «Очерк о А.А. Католикове и его школе» я дала новой сотруднице нашего отдела Ирине Шальмэ — она уже написала к тому времени несколько таких умных и нежных вещей, что сомнений не было — напишет, и гораздо лучше меня.

Она жаловалась только на одно: как уместить все это в одном очерке! Здесь — книга! Решили: пусть пишет, сколько получится. Опубликуем в нескольких номерах, с продолжением.

Ира написала очень хорошо. Не так, как Володя Булычев, но замечательно по-своему. У Володи уважение, преклонение перед человеком, мужчиной, который принял на себя боль всех своих воспитанников, стал их защитником в жизни. Для Иры была важна сама система Католикова. И мы с ней подолгу сидели, рассуждая о разных педагогических мирах. Я рассказывала о жене Александра Александровича — Лие Васильевне Плаксиной (она заведовала кафедрой педагогики и психологии Коми государственного педагогического института). Тема ее кандидатской диссертации — «Методика косвенного педагогического воздействия». Александру Александровичу не до диссертаций, но это ему близко, это практика его работы. Вспоминаю один из восторгов Ирины:

— Мы стояли с ним в Межадоре, и вдруг подбегает мальчишка: я сделал то-то и то-то, трактор поставил, ключи там-то... То есть не Католиков и его воспитатели контролируют, спрашивают, а ребята просто сообщают, что сделано!

Его дети действительно как будто сами воспитывались. Накануне очередного первого сентября я попросила Александра Александровича по телефону об интервью, услышала то, что он говорил обычно:

— Да вот прямо сейчас и приезжай!

У интервью было название «Что такое хорошая школа?». Я не видела у нас другого директора, который бы имел больше права говорить на эту тему.

Мы сидели с ним по разные стороны его рабочего стола, и разговор был пиршеством интеллекта, сердечности, умной, доброй его педагогики.

Был август, как и везде, здесь готовились к новому учебному году, в директорский кабинет входили дети (мальчишки, в основном): один брал ключи (без объяснений и просьб), другой приносил свой ключ и говорил коротко:

— Все в порядке, Сан Саныч!

Действительно, как будто сами воспитывались. Как в хорошей семье — обычным течением жизни. Нашей беседе это нисколько не мешало. За все время в кабинет не вошел ни один из сотрудников, ни разу не зазвонил телефон (телефон был выключен или переключен на приемную). И это тоже для меня было непривычно: я столько раз сидела с диктофоном и блокнотом в кабинетах, хозяева которых постоянно и даже демонстративно (вот, дескать, сами видите — вздохнуть не дают!) отвлекались, а потом небрежно спрашивали:

— Так на чем я там остановился?

А в Межадоре уже закончилось главное строительство, и студенты из Ухты, из отряда «Товарищ», продолжали ездить туда просто так. Сан Саныч приглашал их на каждый Новый год, в баню. Для них, как и для воспитанников, была елка с подарками. И они, занятые сверх меры сессией, экзаменами, вырывались из Ухты на один-два дня и не пересказать, как дорожили этим. Я все помню, как сейчас, потому что возвращение через Сыктывкар происходило опять же через мой дом. «Сан Саныч», «Межадор», «Интернат» — это произносилось с любовью, с гордым чувством сопричастности и в конце концов стало общим «кодом» для молодых людей, которые поняли цену бескорыстию и вот такой жизни. Став взрослыми, почти все они и сейчас живут по этим нравственным принципам. И детей своих такими растят. Школа Католикова...

Потом началось время, когда я совсем не встречалась с Александром Александровичем — жизнь изменилась резко, я очень тяжело заболела и уже не работала в газете. Не знала, что пройдет время и меня пригласят к участию в работе в Москве. Живя подолгу в тогдашней гостинице «Юность», видела, с чего начинался Советский детский фонд, — всего один кабинет на первом этаже «Юности». Потом стало известно, что Александр Александрович стал одним из руководителей Детского фонда, и получалось, что наша работа снова пересеклась. Во всяком случае, когда к осени 1990 года, к последнему, X Слету пионеров в «Артеке» (после которого перестала существовать Всесоюзная пионерская организация, а появилась Федерация детских организаций — это тема иного разговора, но многие об этом не знают, потому что журналисты увлечены теперь другим), так вот, когда к осени 1990 года вышла в свет наша книга «Программы сотрудничества», несколько новых программ будущей Федерации были учреждены совместно с Советским детским фондом.

И еще были незримые пересечения, просто удивительные. Вот обсуждается артековский слет, на трибуну поднимается профессор Сталь Анатольевич Шмаков, а он когда-то был старшим пионерским вожатым в той новосибирской школе № 10, где учился Католиков. Они встретились затем, кажется, только во время Всесоюзного съезда учителей, когда Александр Александрович, опираясь на две трости, постучался к нему в номер гостиницы «Россия».

Я училась у Сталя Анатольевича в Липецком педагогическом институте (первый курс, потом поступила в МГУ), и еще в школе мне повезло не меньше, чем Сан Санычу, — жизнь нашего класса была осенена веселой, изящной педагогикой, выдумками и розыгрышами Сталя — он был дружен с нашей классной руководительницей.

А перед Католиковым я по-прежнему робела, боялась отнять его время, откладывала встречу: успею.

Не успела. Вернулась в Сыктывкар в июне и первое, что услышала на перроне:

— Сегодня Католикова похоронили.

Пошли какие-то мутные, тяжелые дни. Люди, с которыми я встречалась, плакали, рассказывали:

— Вся улица была устлана цветами.

Я не осмелилась позвонить жене Александра Александровича. Ну вот возьму телефонную трубку, наберу номер: что ей сказать?

А в смерть Александра Александровича, несмотря на до сих пор не проходящий комок в горле, я не верила и не верю. Как можно считать мертвыми людей, если мы с ними разговариваем, думаем, общаемся, читая их, если они учат нас, помогают нам... Они живые!

Робко пришла на празднование 40-летия Агрошколы-интерната (Лия Васильевна пригласила!). Боялась всего, и еще боялась: не увидеть бы начало разрухи... Студенткой я ездила в Павлышскую среднюю школу на первую годовщину смерти Василия Александровича Сухомлинского. Еще сохранялись чистыми дорожки к маленькому корпусу начальных классов. Еще не тронули школьную библиотеку, с таким тщанием собранную великим педагогом. Но уже звучали в зале, задрапированном красным и синим плюшем (знамена и занавеси), речи, бесконечно далекие от нежной любви Сухомлинского к детям, произносились страшные слова о «необходимости повсеместного распространения передового опыта»...

В школе имени А.А. Католикова оказалось совсем по-другому. Играл мальчишечий духовой оркестр. Хорошо играл. Пригласили в холл второго этажа — в центре, на полу постланы ковры, на них усадили малышей, чтобы все видели.

Старший воспитатель Лидия Ивановна Камелина заговорила об Александре Александровиче, и у многих людей оказались в руках церковные свечи. И горели эти свечи, и плакали мы все и не было ни одного казенного слова.

И был «Танец огородных пугал с межадорских полей», «Танец матрешек» — традиционные, любимые всеми номера, придуманные еще при Сан Саныче. А некоторые моменты праздника были совсем скромными: стихи, песни. Дети делали это, как умели. Вот так же все устраивалось и при Сан Саныче. А ведь уж он-то всегда мог привезти, привести, пригласить в свою школу для постановки праздников хоть лучших режиссеров страны! И сейчас бы они тоже приехали, пришли бы. Но это не было бы детским праздником. И он никогда так не делал. Не зрителями должны быть дети — создателями своего собственного огонечка.

В конце вечера Лидия Ивановна сказала:

— Мы четыре месяца без Александра Александровича и каждый день боимся прожить не так, как было при нем. Мы так боимся... Но если Вы все пришли к нам, если получился у нас этот праздник... Я сейчас думаю: ну, наверное, не сделали мы за эти четыре месяца ничего осудительного, что было бы не так, как он бы хотел и сделал.

Последние годы его жизни сверх всякой меры осложнились переменами, происходящими в стране. Он понимал, что, благодаря перестройке, стало возможным создание Детского фонда. Но одновременно он видел: рушится слишком многое, недопустимо многое. До сердечной боли переживал засилье дешевых американских фильмов и то, что часть граждан, насмотревшись их, стала «смекать»: это и есть «настоящая жизнь», можно жить «красиво», не трудясь. В своих детях он воспитывал понимание: потребности удовлетворяются трудом. А как тяжела была для него девальвация таких понятий, как студенческие строительные отряды, трудовые лагеря старшеклассников! Как больно было ему видеть сменяющих один другого говорливых политиков! С каким тяжелым чувством он, народный депутат СССР, возвращался из Москвы со съездов, транслировавшихся на весь мир!

В те годы, кажется, в программе «Время», по первому телевизионному каналу, однажды пошла запись: Александр Александрович Католиков вместе со своими воспитанниками в студии телевидения Коми. Он говорил, что в его школе — дети восемнадцати национальностей. Он, член президиума Советского детского фонда, умолял народы Азербайджана и Армении ради будущего, детей ради прекратить войну в Карабахе! Это было какое-то невиданное телевизионное обращение!

Он ушел из жизни так же внезапно, как обычно уходят лучшие люди... 54 года. Очень долго жить и работать так, как Католиков,

вероятно, невозможно. Груз, который он взвалил на себя, не рассчитан на долголетие. Да он никогда ничего и не рассчитывал для себя.

...За несколько минут до начала круглого стола памяти Александра Александровича (отмечали его 55-летие) ко мне подошла женщина:

— Он еще весной советовал мне обратиться к Вам: Оля Клековкина, сказал, редактирует журнал, который Вам поможет...

Господи, он всё знал, а я к нему так и не приехала!

Многие говорят:

— Не покидает чувство вины перед Католиковым.

Меня оно тоже не покидает.

Ольга Клековкина, редактор журнала «Время колокольчиков»

МОЙ НЕПОВТОРИМЫЙ ДРУГ

Он запомнился с первого взгляда и ни с кем уже его нельзя было спутать. Большой, круглоголовый, крупный во всем — и в мыслях и в поступках, и во внешнем, таком скупом, но монументальном проявлении. Мы познакомились вскоре после его приезда в Сыктывкар, когда он преподавал физику в первой школе. Познакомились летом. Он тогда ведал пионерским лагерем школы, находившимся почти в черте города.

Я рассказывал детям о театре. После беседы Католиков предложил мне, было жарко, испить кваску, который он сам приготовил. Квас оказался отменным.

С тех пор мы стали друг друга называть просто по имени и были на ты. Он был моложе меня на двадцать лет, но это ничего не значило. Он как-то сразу так привлек к себе, вызвал такое доброе уважение, что мы остались навсегда друзьями. Без излишних сантиментов. Он не был сентиментален. Но за его сдержанностью всегда ощущались сила воли, духовная наполненность и глубина мысли. Пусть простят мне эти «громкие» выражения. Но все они подходят к Александру Александровичу.

Вскоре его назначили директором Республиканского дворца пионеров.

Вероятно, о деятельности его на этом посту лучше расскажут другие. Коснусь лишь пионерского народного театра.

Тогда им руководила бывшая артистка, очень образованная женщина, энтузиастка своего дела Зинаида Михайловна Скарская. Ей было уже далеко за шестьдесят, и, как я понял, первое ее знакомство с новым директором не произвело на последнего должного впечатления, тем более, что находились люди, преду-

преждавшие его об устарелости методов работы Зинаиды Михайловны. У нас всегда имеется много «советников со стороны», знающих как сделать лучше, но делающих все еще хуже.

Зинаида Михайловна почувствовала холодок недоверия и, как бывает в таких случаях, замкнулась в свою скорлупу, ушла в свой театр, который хотели у нее отнять, и не пыталась по-настоящему объясниться с директором.

Когда у нее была сдача очередного спектакля, он предложил мне просмотреть его и высказать свое мнение о работе театра. Просмотрев спектакль и ознакомившись с работой народного театра, я сказал Саше, что ни в коем случае не надо вмешиваться в его деятельность, а надо просто помогать чем можно.

Католиков всегда считался с мнением специалистов, а здесь было мнение и специалиста, и человека, которому он доверял. Александр Александрович сумел сразу же изменить не только свое отношение к Скарской, но и ее отношение к нему. Благодаря его помощи театру удалось расширить сферу своей деятельности, а сама Скарская до кѳнца дней своих пользовалась во всех начинаниях и в своей одинокой жизни поддержкой Католикова. Напомню, что из пионерского театра Зинаиды Михайловны вышли на большую профессиональную сцену народные и заслуженные артисты республики Коми, начинавшие свой путь ученицами Скарской.

И вот новое назначение — школа-интернат № 1. Еще до прихода туда Католикова мне довелось несколько раз выступать там с литературными программами художественного чтения. Помню бледные личики слушателей, с потолка беспрерывно сыпалась штукатурка. С тяжелым сердцем я покидал стены этого заведения...

Во главе его поставили Католикова...

Вероятно, я повторяю то, что уже написано другими. Но нельзя, вспоминая Католикова, не назвать тех, кто сразу поверил в него и на всем протяжении его жизни и деятельности помогал в его всегда благородных и широких начинаниях.

Тамара Павловна Ручина, замечательный педагог и человек, широко образованная, добрая, умная, полная искристого юмора и жизнелюбия, сперва занимала должность заведующей городским отделом народного образования, затем заведовала идеологическим отделом горкома партии (пусть это никого не смутит: не должность красит человека, а человек должность). Тамара Павловна была опытным педагогом, человековедом. Она и занявшая ее место в народном образовании Анна Афанасьевна Елькина, честнейший и благожелательный человек (как эти качества нужны руководителю!), сразу же увидели в Католикове незаурядную личность и старались во всем поддерживать его начинания. То же можно сказать о заместителе председателя горисполкома Раисе

Михайловне Люшиной и о втором секретаре горкома партии Екатерине Дмитриевне Лекановой, о первом коми народном поэте Серафиме Алексеевиче Попове, частом госте сирот, безвозмездно писавшем для интерната тексты песен и стихотворения.

Вспоминаю такой эпизод. Готовилась женская республиканская конференция, подведомственные Саше дети должны были ее приветствовать. Католиков попросил меня написать несколько приветственных четверостиший, как полагалось в таких случаях, а заодно что-либо подсказать в создании сценария маленького приветствия на несколько минут.

Конференция проходила на третьем или четвертом этаже здания в большом зале. Вслух раздумывая с Сашей о характере приветствия, я заметил, что, конечно, было бы интересно устроить «въезд» ребятишек в зал. Но, тут же добавил, что нужны трехколесные велосипеды и вообще это надо хорошо отрепетировать.

Но Саша ухватился за эту мысль. Буквально через день он уже пригласил меня на месте руководить репетицией.

Въезд на конференцию «моторизованной» ватаги детей вызвал бурный восторг присутствующих, и само приветствие прошло отлично.

Саша знал, что я «бывший», хотя и реабилитированный. Но на Севере (а тем, кто плохо знает географию, напомню, что Сыктывкар, столица Республики Коми, это Север) — высокий процент людей, оценивающих человека по делам, а не по анкете. Иных я уже назвал. Назову еще. Бывшего секретаря горкома Антонину Александровну Протопопову, фронтовичку, защитницу Ленинграда, или секретаря обкома КПСС Николая Никитича Рочева. Эти замечательные люди во многом помогали мне. Они помогали и Александру Александровичу. Ему — это значит делу, которому он служил. Ибо никогда для себя Католиков ничего не просил. Он добивался, ссорился нередко с сильными мира сего, защищая своих питомцев, осиротевших детей.

Саша не был, как я уже заметил, сентиментальным. Но очень часто, когда он мне рассказывал о судьбах сирот, голос его менялся. Я понимал, что он сглатывает слезы.

Не по мановению волшебной палочки, а своим трудом, своим отношением к делу он изменил и облик, и внутреннюю сущность школы-интерната. Помню, как уже в первые месяцы он говорил о своих лучших учителях-помощниках, о Зинаиде Викторовне Егоровой, в частности. Как затем он высоко ценил скромного преподавателя истории Иду Ручину...

Говорят справедливо, что у Католикова было много друзей. Но причина в том, что он сам умел быть другом. Настоящим, не навязчивым, не другом по застолью, а другом в беде, другом бескорыстным и чутким.

Трудно привыкнуть к тому, что не раздастся телефонный звонок и знакомый спокойный голос Саши не спросит: «Ты почему так давно не звонил?» И начнет рассказывать о своих новых планах. Это когда у него бывали редкие минуты отдыха после нелегкого трудового дня. Он не забывал звонить, поздравляя с Новым годом, с Днем Победы. Обычно я звонил накануне этих дней ему сам. Но его уже дома не было, и милая Лиля, жена его, со вздохом отвечала: «Где же он? Конечно, в Межадоре».

К своему здоровью относился безобразно. Помню, как Лиля с болью рассказывала мне, что пошел насмарку его отдых на юге в Сочи. Какой у него был отпуск? Разве он пользовался им как надо?

Звоню ему: «Что это ты опять заболел?» А он отвечает: «Это пустяк. Утром был в интернате, сейчас просто прилег. Отдохну часок — и поеду: надо в горисполком, добиваться того-то и того-то».

Все уговоры подождать бесполезны. Он всю жизнь прожил для других. Подвигом является и жизнь его жены, Лии Васильевны, выхаживавшей его, принимавшей к сердцу все его боли и неприятности. Но все усилия ее и близких друзей были напрасными: он не щадил себя. Никогда.

Вскоре я написал большой очерк о Саше в Москву, где готовился сборник «Учитель в моей жизни». К сожалению, тогда, а шел уже 1977-й год, Католикова не сочли таким замечательным человеком, чтобы помещать о нем очерковые воспоминания и просто в послесловии к книге ограничились фразой, что его «бывшая ученица Тамара Федоровна Глазова рассказывает о своем учителе Александре Александровиче Католикове, преобразовавшем трудный класс, в котором занималась она, наладившем работу Дворца пионеров и школьников, выведшем из прорыва школу-интернат». Сухо и казенно.

Сам такой строгий (на вид), он любил доставлять радость другим. Были мы с женой на банкетах по случаю его сорокалетия и пятидесятилетия. Он сидел с Лией Васильевной, женой и другом, в центре стола, провозглашал здравицы, шутил, смотрел, как танцевали другие. А сам не мог танцевать, не мог пить, не мог есть (у него был сахарный диабет); он пил минеральную воду или чай без сахара и ел капусту или диетические капустные котлеты.

Простите, но говоря о Католикове, нельзя не сказать о Лие Васильевне Плаксиной, его подруге жизни. Она неустанно с первого шага помогала ему преобразовывать школу-интернат. Лия Васильевна, которую я, простите, тоже называю просто Лиля — образованнейшая женщина, замечательный педагог, любительница и знаток прекрасного, делала все, чтобы не просто скрасить, но и украсить жизнь осиротевших детей. Это она была создательницей цветников внутри интерната, украшения интернатского хозяйства в Межадоре. Лия Васильевна, можно сказать, посвятила свою

жизнь делу, которому отдавал все силы Католиков, заботилась о нем и напрасно пыталась уберечь его от перегрузок. Увы, Саша не слушался в этом отношении никого. Не выздоровев толком от простуды, он мчался в Межадор. Он зачастую и сам работал, несмотря на страшное физическое недомогание, работал и опять ломал руки, получал разные травмы, так как из-за предыдущих травм и раздробленного таза, был затруднен в движениях. Лия Васильевна, по ее признанию, уставала его предостерегать, тогда ругал я. Предупреждал, настаивал. Но все напрасно. Он жил в своей работе.

Наши встречи с Сашей, как правило, были короткими, но добрыми. Бывало, просто я приходил повидать его. От него исходил какой-то заряд благожелательной мудрой энергии, которая заражала меня, годившегося ему в отцы. Тогда между делами, которых у него всегда была тьма, проходили наши отрывочные беседы.

Когда был жив Александр Александрович, я и сам чувствовал себя в жизни как-то увереннее. Я был спокоен, что он будет хоронить меня, и знал, что не оставит беззащитной мою семью, не такой он был человек. И вдруг...

Что теперь? Отдаляясь от нас, он становится все больше, крупнее, в чем-то... живее. Очевидно, это живое, самое цельное в его скупой на выражение чувств, но такой доброй натуре надо сохранить. Надо служить делу, которому служил он, незаменимый труженик, умница, мой друг Саша.

Александр Клейн,
кандидат искусствоведения

ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ

Появление этого плаката-буклета во всех отношениях необычно.

Во-первых, таковые плакаты — уже как бы далекое «застойное» прошлое из рубрики «передовой опыт». Во-вторых, выпустить плакат о таком социальном бедствии, как сиротство, на меловой бумаге с цветными фотографиями — нонсенс. В-третьих, пропагандистско-методический плакат о локальном опыте сыктывкарской агрошколы № 1, да на всю страну, есть нечто неординарное. Говорят, это было одним из последних меценатских деяний небезызвестного Егора Кузьмича Лигачёва.

Я встречал этот плакат неоднократно в официальных кабинетах руководителей образования, в методических комнатах ИУУ, в школьных учительских. Лицевая часть плаката необычна. На большой фотографии лик мальчонки-сироты, его плечи обнимают крупные мужские руки. Главный образ фотографии — руки педагога. Руки Александра Александровича Католикова, директора агрошколы-интерната, народного учителя СССР, заслуженного

учителя Коми и России, кавалера ряда высших правительственных наград, члена-корреспондента РАО. Его многочисленные общественные должности перечислять можно долго: член президиума Детского фонда России, народный депутат и т.д. и т.п. Вообще-то учительство страны много лет знает его как директора детского дома — дома «призрения», дома милосердия и сострадания, дома детской беды.

Именно его, педагога, занимающегося судьбами оставшихся без родителей детей, брошенных, недолюбленных, отпавших от семьи и общества, совсем недавно президент России наградил орденом «За заслуги перед Отечеством».

Отче — Отечество — отец. В нашем случае президент наградил Гражданина и Педагога, профессиональная функция которого — быть отцом нескольких сотен детей, оставшихся без родителей. Не умаляя заслуг и достоинств иных крупных педагогов современности, а Россия, к счастью, таковых имеет немало, стоит солидаризироваться с президентской службой поощрения, с иными инстанциями, выбравшими в сложное время именно эту фигуру. Виват, Россия!

Совершенно справедливо выбран человек, которого знают и уважают повсеместно, педагог с сознанием подлинного гуманиста, удивительный педагогический талант, личность с твердой, принципиальной позицией, со своеобразным взглядом на любые события, с огромной любовью к детям.

Награжден педагог из числа редких подвижников, которые «нужны как солнце» (А.П. Чехов). Педагог-борец. Интеллигент-учитель, борющийся за права ребенка.

В уголке того плаката-буклета мой герой оставил свой автограф: «Все дети — наши, и я отвечаю за каждого ребенка! Александр Католиков».

Истоки

Истин на свете предостаточно, необходимо идти к познанию каждой, значимой, чтобы приблизиться к одной, главной. Тут я должен открыть один свой секрет: я работал в той школе, где учился будущий народный учитель Католиков. Старшим вожатым, преподавателем спецдисциплин в педагогических классах, первым в стране организатором внеклассной, внешкольной работы. Было это в конце 50-х, я только защитил кандидатскую диссертацию и был направлен известным ученым Ю.В. Шаровым «на укрепление связи» в базовую школу № 10 Новосибирского педвуза. Именно в этой школе вижу истоки многих добрых деяний Александра Александровича, Сан Саныча, тогда Саши, Сани Католикова. У этой школы было три знаменитых лидера — дирек-

тор, его заместитель по производственному обучению и преподаватель физкультуры (В. Михайлин, Е. Варшицкий, Я. Розенфельд). Школа одной из первых в Новосибирске перешла на профильность обучения старшеклассников, на очень действенное самоуправление (А. Католиков был авторитетнейшим комсоргом школы). При школе был создан прибыльный детский завод, где ученики делали сверлильные станки, клетки и вольеры для нужд Сибирского отделения Академии наук, девочки шили спортивную форму, фартуки и т.п. В спортивном плане не было равных этой школе (гимнастика, футбол, бокс, туризм и т.д.). Действовали «малый театр», театр теней, агитбригада, детский цирк и др.

Но особая слава школы — ее учителя. Назову только Эльвиру Николаевну Горюхину, литератора. Для А. А. Католикова она — образец учительницы-новатора, которая не только влюбляла «мужиков-девятиклассников» в изумительный мир отечественной литературы, но щедро знакомила с искусством — музыкой, живописью, театром.

Эльвира Горюхина — явление отечественной педагогики, еще требующее своего особого исследования. Это благодаря ее фантастической энергии познал Александр природу диалога, дискуссии, роскошь человеческого общения, пространство педагогической культуры — музеи, театры, выставки. Я назвал только одного учителя. Их было в той школе пятьдесят. Так что профессию педагога он выбрал осмысленно, воодушевленно.

Вспоминаю, что когда он учился не то в 7-м, не то в 8-м классе, проводил я игровой сбор «Профессии конца XX столетия». Могу ошибаться, но он присутствовал как отрядный вожатый.

— А я кем буду? — спросил баском долговязый худющий Саня Католиков.

— Ты будешь учить детей на планете Земля, — ответил я ему, — причем, учить очень хорошо!

Он засмеялся и сказал шутливо:

— В учителя — ни за что! Я пойду работать в цирк!

Было это сорок лет тому назад. В 1988 году, в дни последнего Всесоюзного съезда работников народного образования, ко мне в номер гостиницы «Россия» позвонил некто и попросил его принять. Через 10 минут в номер постучал и вошел мужчина высокого роста, сильно хромающий, опирающийся на две трости. И сразу с порога стал опускаться на колено. Я опешил, а он очень знакомым басовитым голосом начал:

— Учитель, перед именем твоим позволь...

Это был Александр Католиков, с которым мы не виделись более трех десятков лет.

Человек не выбирает время, в которое живет. Но всегда выбирает себя в этом времени. А выбор — это судьба. Он не идеализиру-

ет свое детство, оно было голодным, полусиротским, его отец погиб на той, Великой Отечественной. Он не идеализирует отрочество и юность, не вздыхает о них банально. Но свою 10-ю школу ценит. Ездил даже на ее столетие и был принимаем и чтим в качестве высокого именитого гостя. Где-то в тот же год прошел его замечательный «бенефис» на Центральном телевидении, в Останкино. И вся страна рукоплескала Мастеру и Детскому Волшебнику.

Виват, десятая новосибирская!

Биография и подтекст

Автобус с детьми застрял на переезде. Заглох мотор. А на автобус катился поезд. Александр Александрович выбил дверь, вытолкнул всех детей, последней — директрису интинского Дома пионеров. Сам не успел. Его накрыло автобусом, потащило между шпалами. В больницу Католикова увезли без особой надежды на спасение. Были перебиты ноги, поломаны руки, ребра. Опытные хирурги буквально его «собрали», сохранили жизнь. Но в итоге — инвалидность. Католиков, по существу, обрел вторую жизнь, нашел силы подняться, выстоять. И, более того, взвалить на свои переломанные плечи школу-интернат детдомовского типа. Перестроить себя и школу и вывести ее на уровень мировой известности. А ведь это была школа милосердия для детей, обиженных судьбой, — огромный семейный дом. Дом, в котором живут и учатся, выходят в жизнь дети, собранные по задворкам общества.

С чего начинается Педагог, Воспитатель? Наверное, все-таки с сострадания чужой судьбе, чужой боли, чужому незнанию и даже чужому нежеланию знать и уметь. Начинается с того, что он испытывает попрание личности ребенка, несправедливость, ущемление достоинства, ущербную неполноту и боль бытия. Педагог-мудрец всегда делает так, что ребенок прав и его любую вину берет на себя. Большой педагог начинается с осознания: чужих детей не бывает, старики и дети — всем родня, все дети — наши.

Но для того, чтобы стать большим педагогом, нужны риск, состояние выстраданной правды, сострадание и души высокая свобода.

«...Я пришел дать вам волю, дело и труд!»

Я не описываю «систему Католикова». Не имею права: я был в его агрошколе всего одну неделю. Но с огромным удовольствием прочитал его книгу, ряд его статей в журналах и газетах. Мои «информаторы» — студенты Липецкого педагогического института — проходили у него летнюю практику ряд лет и даже оставались работать после выпуска. Его питомцы и учителя приезжали на кани-

кулы в Липецк. Вот из чего я черпаю свое понимание Александра Католикова. Наверное, еще из его писем...

Искусство воспитания — всегда искус.

Он, как и многие известные школьные лидеры, прошел через искус «преуспевания» в школьно-кабинетной системе, новаторства в обучении, наличия комнаты психологической разгрузки, детского телевидения в своей школе, экзотического вестибюля, пока не вышел на самое простое и самое сложное — ЛИЧНОСТЬ, судьбу каждого ребенка, пока не понял, что в воспитании главное не система, а человек. *Мера всего — сам ребенок.*

Однажды в учительской я прочитал на стенде мысль А.И. Герцена: «Только труд дает душевное здоровье». Опорный сигнал Католикова — слово «труд». В нем секреты всех его успехов. Приняв в 1973 году разрушенный, разбазаренный интернат с традициями иждивенчества, Сан Саныч, засучив рукава, вместе с ребятами стал делать Дом — домашний теплый очаг так, как делал его неизменный кумир — Макаренко. Вот в этом Католиков, как, скажем, Сухомлинский или Караковский, — «ретроград» в хорошем смысле этого слова. Александр Александрович — глава огромной семьи. Для дома и семьи вместе с ее гиперактивными и даже ленивыми членами он за несколько лет капитально отремонтировал, перестроил, достроил дом для детей, с теплицей, спортивными залами для всех и стесняющихся, зоопарком, поликлиникой на трех врачей и двенадцать медсестер (90% детей в его интернате со сложными заболеваниями, в том числе 80% — с поражениями нервной системы), оранжереей. Построил «дачу» Межадор на речке Малая Визинга со своим МТС, конюшней, коровником, свинарниками, птичниками, с колхозом для самых юных — «Малышок», с баней, столовой, спальными корпусами. У семьи Католикова при «дачке» — 750 гектаров земли заказника (лес, покосы, грибы, ягоды и т.п.), 30 га пропашных земель, 30 га центральной усадьбы.

Педагогические победы даются великим изумляющим терпением.

Делать из «сырого» человеческого материала тружеников, это, я вам скажу, задача не для слабонервных. Это не полированные стенки в школе лепить. Это души лепить, хозяев жизни формировать, наращивать репутацию каждого воспитанника конкретными делами. Здесь вопрос не только в том, чтобы дети реализовались, но чтобы адаптировались *в своей семье*, в своем родном «Нашем общем доме». Свидетельствую: у Александра Католикова большинство детей — трудяги, «пахари», многоумельцы, а не белоручки и не юные люмпены. Его интернат называется агрошколой, значит, дети осваивают разные крестьянские профессии: овощеводов, цветоводов, косарей, механизаторов, животноводов. Сло-

вом, не на асфальте вырастают дети — на земле. Католиков справедливо считает: у ребенка всегда и во всем должен быть личный поиск, личный интерес, аппетит к жизни и он, ребенок, обязан многое уметь.

Спрашиваю Католикова:

— Саша, как это тебе удается держать стекла окон во всех домах необычайно чистыми?

А он отвечает с хитрецой:

— Если наши люди не моют окна, значит, у них опустились руки.

Воспитание, дорогой мой учитель, больше не может оставаться педагогической демагогией. Давно пора ему стать конкретным делом, деятельностью. Я заметил: чем больше ребенок умеет, тем активнее у него пробуждается тяга к образованию. Да здравствует многоумение и рукотворчество... Признаюсь, я не сразу принял к сердцу «драконовские» законы этой огромной семьи: трудиться всем, от мала до велика, начиная с весны и по позднюю осень, с зари и до зари. У Католикова раздвоенное хозяйство: городская часть (швейный цех, столярный цех, теплицы и др.) и загородная, в Межадоре, с парком тракторов, дойным стадом, кроликами, козами, птицефермой, полями картошки, покосными лугами и т.д. Республика Коми — это все-таки север, а дети Католикова выращивают гладиолусы, помидоры и даже дыни с арбузами. И все время помогают наемным взрослым что-то строить.

Народная мудрость гласит: если ты хочешь накормить человека на день, поделись с ним своим уловом рыбы. Если ты хочешь его накормить навсегда, обучи рыбной ловле. Что и делает Католиков много лет с усердием, достойным уважения.

Виват культу труда, которым лечат и лепят человека — труженика в доме, коим управляет беспощадно конкретный педагог Александр Католиков, то ли старый, то ли новый русский!

Милицейская мигалка на «Волге» красного цвета

Он встречал и провожал меня в аэропорт на своей личной «Волге» красного цвета с мигалкой на кузове. Вот уж поистине метафора — сплошной сигнал опасности. Александр Александрович не только в автобусных путешествиях едет впереди интернатского «Икаруса», он и на летней даче проложил дороги, чтобы можно было на машине объезжать свои владения. Это единственная привилегия для человека, приговоренного врачами к вечной инвалидности.

Я не рискну слагать некую воспитательную систему Католикова, для которого сиротство — огромная личная боль. Но вот что

запомнил как его принципиальную позицию из его выступления перед директорами детских домов с Украины, которые приехали к Католикову одновременно со мной:

— Я бы хотел пожелать вам, коллеги, овладеть искусством просто жить вместе с детьми, как живут родители в нормальных семьях. Не жить *просто*, а просто *жить*, радуясь и радуя всем, чем одаряет детей каждый день — как будто это целая жизнь. Жить успехами в труде, общением, красками природы, творчеством, фантазией, познанием. Именно для этого нужны зоркое сердце, ум и мужество.

Как ни называй школу Католикова, агрошколой, интернатом, все равно — это дом детства, в особом, а не общепринятом смысле *детский дом*. Дети меньше всего ищут смысла в жизни, они чаще всего заменяют этот смысл поиском новых радостных ощущений. Именно ощущения дают воспитанникам особую степень новой свободы, новую систему координат. В самом интернате я провел всего полдня. Но «засек» уютный вестибюль, школьный музей, большую библиотеку, игротеки, великолепную территорию детства. Александр Католиков ее постоянно расширяет поездками и путешествиями (его ребята объездили пол-России), общением с достойными, интересными людьми. В интернате зимой и летом студенты-практиканты, стажеры, именитые гости — артисты, ученые, музыканты. В интернате немало своих особенных праздников, вроде праздника первой морковки. Он понимает, что унылая каждодневная прорва учебных дел порою способна приучить ребят не обращать внимания на «пустяки» — книги, спорт, искусство, тем более на чей-то день рождения, успех в конкурсе. Отсюда сразу плата — изнаночное, зазеркальное восприятие жизни. Католиков и его верные соратники ищут повода пополнить духовный резервуар детей.

В кабинете Католикова лежат стопки детских Библий и другой христианской литературы — подарки воронежского священника, их вручают детям в день крещения.

— Саша, — спрашиваю я его, — нынешнее повальное увлечение церковью — не фарисейство ли?

— Не думаю, — отвечает он. — Мы прошли через такие великие страдания, что наше возвращение в лоно веры абсолютно объяснимо духовной потребностью. Этому надо радоваться... — Помолчал, потом добавил: — Профессия педагога может быть истинным счастьем лишь для человека, нелицемерно ищущего нравственную Истину, и даже проклятием, если закваска фарисейская. Не поняв и не полюбив Бога, нельзя полюбить человека...

Пока А.А. Католиков беседовал со священником, я ходил по деревянному храму и, стоя перед ликом Божьей Матери в необычной тишине, вспомнил блоковское:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность Божьего лица...

Вот такая философия у Католикова: отдай детям все, что можешь, а дети выберут и возьмут максимум того, что смогут взять.

Дети обычно озлобляются и тупеют от хронических неудач, страданий, вызванных часто чем-то никчемным, которые и калечат их психику. По субботам и воскресеньям зимой питомцы агрошколы рвутся на свою загородную «фазенду» — на электросанях покататься, после бани в снегу покувыркаться. Наверное, это и есть баловство детей. Здесь-то и необходимо согласование, а не подчинение интересов, необходимо милосердие, которое должно быть выше требований и справедливости.

Католиков как-то несуетно уводит детей от борьбы со своей несчастливостью, которая обычно не оставляет сил на личный рост. Он не поучает, он *сострадает* даже в довольно жесткой позиции. Не ребенку, а его поступкам. Католиков понимает, он мне часто об этом говорил, что если не дать детям себя реализовать в школе, то они уйдут в иную, мнимую, пустую или опасную жизнь. Но для этого необходимо расширять пространство труда, досуга, творчества, необходимо просто очень много работать. Пробовать, ошибаться и опять работать, засучив рукава, чтобы каждый ребенок осознал территорию своей личности, осознал себя гражданином России.

Александр Александрович предан многим педагогическим идеалам прошлого — идее коллективизма, идее самоуправления, идее роли игры.

— Чтобы не протухнуть сегодня, надо двигаться, — сказал он. — Да, человеку свойственны перемены. Не меняющийся останавливается, стареет.

Виват педагогам, чье профессиональное пространство огромно!

Послесловие и последействие

Александр Католиков родился в труднейшем 41-м. Значит, пока ему только 55 лет. Он, как и многие из нас, прошел через драму ошибочно выбранных ориентиров. Но не изменил идеалам. Я вот думаю, что помогло ему выстоять в детстве, в юности, в зрелости? Ведь он, как большой педагог, весьма не совпадает с ближайшим временем. На его сердце замыкаются десятки страшно болевых проблем строя, отвернувшегося от детей. Конечно, такой строй

должен погибнуть, в нем истоки миллионного сиротства. Сироты затеряны в обществе и запуганы им. Как же умудряется человек один за все государство держать семью из сотен обездоленных детей? В наше-то время.

Думаю, за счет аскетичной беспощадности к себе и ко всем, от кого зависит благополучие детей. За счет конструктивного необозримого милосердия к детям — основы педагогической профессии. За счет любви, отчаянной любви к детям, которые «все наши, и мы все за них в ответе» (А. Католиков). Не отсюда ли та пронзительно высокая нота воспитания, которая свойственна широким русским натурам, талантливым педагогам. Не сомневаюсь: выживет, поднимется Россия, когда есть такие люди.

Сталь Шмаков,
профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Альберт Лиханов.
СПАСАТЕЛЬ 3

Александр Католиков.
ДОМ МОИХ ДЕТЕЙ

Перед книгой... 10
Наш общий дом 13
День как день 24
Учебный процесс 41
Межадор: труд, творчество, радость 84
Отношения с детьми 112
Чувство семьи 140
Проблемы выпускников 164
Письма, письма... 192

ШКОЛА КАТОЛИКОВА

Александр Католиков.
КАК МЫ НАЧИНАЛИ 206

Дымова Людмила Михайловна,
Быкова Елена Леонидовна.
6 КЛАСС. ТЕМА: «Система современной классификации в живой и неживой природе» 212

Иванова Августа Ивановна,
Усачева Нина Федоровна.
3 КЛАСС. ТЕМА: «Нанайская народная сказка «Айога» и одноименная сказка на музыку Голикова» 220

Дымова Людмила Михайловна,
Егорова Зинаида Викторовна.
11 КЛАСС. ТЕМА: «Власть гена и ее реализация» 227

Забоева Анна Николаевна,
Берестенькова Людмила Александровна.
7 КЛАСС. ТЕМА: «От счета на пальцах — к алгебре и геометрии» 237

Горбунова Анжелика Викторовна,
Созина Марина Станиславовна.
5 КЛАСС. ТЕМА: «Морское путешествие в земли Датские по сказкам Андерсена» 244

Денисова Ия Алексеевна,
Кривошеина Валентина Александровна.
5 КЛАСС СОВМЕСТНО С 1 КЛАССОМ.
ТЕМА: «В гостях у Коч Закара»
(Из программы клуба «Коми край») 251

Шамрикова Зоя Николаевна.
2 КЛАСС. ТЕМА: «Мир вашему дому»
(Игра-путешествие по карте мира.
«Дома в разных странах») 259
Гилева Раиса Александровна.
СТАРШАЯ ГРУППА ДОШКОЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ.
ТЕМА: «Веселая ярмарка. Роспись дымковской игрушки» 266
Верижникова Валентина Семеновна.
ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ГРУППА ДОШКОЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ.
ТЕМА: «В лесу и на огороде»,
«Град выв пуктасьяс», «Ворса сотосъяс» 270

ПАМЯТИ КАТОЛИКОВА
Лидия Камелина. «Жизнь коротка. Спешите быть добрыми» .. 279
Ольга Филина. Он не любил высоких слов, но о нем можно говорить только высокими словами 281
Нина Сидорова. Белый конь на зеленой траве 283
Галина Шевелева. Нам говорили: «Все это правда, но так быть не может...» 284
«Ищи хоть тысячу лет — никогда и нигде не найдешь такого отца» 285
Вячеслав Кушнир. Не дадим погаснуть костру 293
Галина Пичугина. Не рядом, а вместе 296
Екатерина Леканова. Он был для меня Сашей 298
Ольга Клековкина. Вина 301
Александр Клейн. Мой неповторимый друг 306
Сталь Шмаков. За заслуги перед Отечеством 310

Редактор *М. Л. Катаева*
Корректоры *И. Н. Мокина, И. Л. Панкратьева*
В книге использованы фотографии
Ю. Осетрова, С. Сухорукова, В. Шульгина

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством

ЛР № 030077 от 16.08.96. Подписано в печать 3.03.97. Бумага офсетная. Формат 84x108/32.
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 23,2. Тираж 8000 экз. Заказ 375.

Издательство «Дом» Российского детского фонда.
101000, г. Москва, Мясницкая ул., 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Государственного Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

9
66
0
9
1
3
4
5
3
6
8
1
6
0